АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. П. ШАСТИНА

Е. В. ЧИСТЯКОВА

«СКИФСКАЯ ИСТОРИЯ» А. И. ЛЫЗЛОВА И ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В конце XVII в. стольник Андрей Иванович Лызлов написал книгу «Скифская история». Скифами автор называл монголов, татар и турок. «Скифская история» освещает историю борьбы России и ее соседей (западных и южных славян, румын, венгров) с татаро-турецким нашествием с XIII по XVI в. включительно. Особое место в книге отводится борьбе славянских народов и венгров с турецким игом. Автор касается взаимоотношений славянских стран между собой и подчеркивает роль России в славянском мире.

Впервые в русской историографии Лызлов подробно рассматривает проблемы истории народов Востока: татаро-монголов и турок.

Хотя «Скифская история» отражает уровень развития востоковедения, историографии и источниковедения в конце XVII в., до сих пор этот труд не подвергся исследованию.

Появление «Скифской истории» А. И. Лызлова не было случайным явлением. Оно объяснялось тем, что в последней четверти XVII в. вновь приобретает остроту проблема борьбы с Турцией и Крымом. Экономические успехи России в XVII в., возникновение мануфактур и формирование всероссийского рынка, а также рост централизации государства и укрепление армии позволили ей решать важнейшие внешнеполитические задачи.

Воссоединение Украины с Россией, окончание войны с Польшей и затишье на Балтике создали благоприятную обстановку для борьбы с частыми набегами крымских татар, поощряемых турецким султаном. Народы юго-восточной Европы страдали от внезапных и жестоких грабительских налетов с юга и были заинтересованы в их прекращении. Как показали исследования историков, на рубеже XVII и XVIII вв. военный потенциал разноплеменной Османской им-

перии несколько понизился. Когда-то воинственные янычары теперь имели семьи и стали обзаводиться хозяйством. Собственно Анатолию потрясали крупнейшие антифеодальные восстания (Кара Языджи и Дели Хасана) [1]. Военно-ленная система землевладения в XVI в., и особенно в XVII в., видоизменилась. Служебные лены (сипахов и тимаров) захватывали на откупа представители дворцовой аристократии и ростовщики, стремившиеся превратить их в наследственные [2].

В то время как на некоторых окраинах Османской империи начали складываться новые, капиталистические отношения, метрополия оставалась на низком уровне развития. Правящий класс Турции продолжал жить за счет грабительских походов. Но почва горела под ногами завоевателей. Южнославянские народы предпринимали героические усилия, чтобы сохранить свою независимость и культуру [3].

Но в конце XVII в. Турция все же сохраняла свое видимое могущество. Теперь ее агрессия была направлена в сторону Юго-Восточной Европы. Как установил Н. А. Смирнов, она велась в трех направлениях: «...через Молдавию и Валахию на украинскую землю, через Крым в лице крымского хана на центральные районы государства и, наконец, через Черное море, устье Дона и Азов на Поволжье и юго-восточные окраины государства» [4].

Заключение вечного мира России с Польшей в 1686 г. и создание антитурецкой священной лиги (Россия, Австрия, Польша, Венеция) усилили позиции держав в борьбе с Крымом и Турцией. Последовавшие за этим Крымские походы 1687 и 1689 гг. имели большое международное значение и показали, с одной стороны, уязвимость турецкого вассального государства — Крымского ханства, а с другой — решимость России переходить от обороны к наступлению [5].

---

[1] А. С. Тверитинова, *Восстание Кара Языджи—Дели Хасана в Турции*, М. — Л., 1946.

[2] У. Х. Наджарян, *Упадок Турции в XVII в. и его причины*, — «Научные труды Ереванского государственного университета», т. 47, 1955; Б. А. Цветкова (София), *Аграрные отношения в Оттоманской империи в XVI—XVIII вв. с учетом болгарских земель*. Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов в 1960 г. в Москве; сб. «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.)», М., 1962.

[3] И. Снегаров, *Турското владичество пречка за културното развитие на българския народ и другите балкански народи*, София, 1958; Б. Цветкова, *Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт*, София, 1958.

[4] Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, т. I, — «Ученые записки МГУ», вып. 94, М., 1946, стр. 4.

[5] Г. К. Бабушкина, *Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг.*, — «Исторические записки», № 33, 1950.

Накануне борьбы за Азов в России появился особый интерес к общественному устройству и истории Казанского ханства, Крыма и Турции. Не удивительно, что десятками списков был распространен «Казанский летописец», пользовалась популярностью «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера. В хронографах освещались отдельные вехи борьбы с татарами и турками, получило распространение множество переводных сочинений.

В 70-х годах в России появилось описание Турецкой империи, в котором имелись военно-географические, топографические и статистические сведения о Порте. Издатель этого описания П. А. Сырку полагает, что его автором был сын боярский из Ельца Ф. Ф. Дорохин, пробывший в турецком плену с 1662 по 1674 г.[6].

В ряду этих книг важное место занимает «Скифская история». В ней автор не только рассказал о противнике, но и горячо призывал к единению сил европейских народов для борьбы с татаро-турецкой агрессией.

Биография А. И. Лызлова

Несмотря на то что биография автора «Скифской истории» туманна, все же попытаемся установить основные вехи его жизни.

Лызловы составляли род служилых дворян. Младшая ветвь этого рода, к которой принадлежал Андрей Иванович, ведет свое начало от дворянина Софония Меньшого (XVI в.). Его младший сын Елизарий был прадедом Андрея. Дед Андрея Аввакум-Федор служил воеводой в Старой Руссе (1631), Муроме (1635), Можайске (1640), был составителем переписных книг в Арзамасском уезде (1646). Остальные потомки Софония Меньшого являлись также служилыми людьми; они были воеводами в Калуге, Смоленске, на Устюге Великом, на дозорных засеках.

Отец Андрея Иван Федорович Лызлов в 1662 г. служил на крымских «засеках» полковым воеводой и получил чин стряпчего, был воеводой в Юрьево-Польском. В 1673—1675 гг. он занимался межеванием земель Троицко-Сергиевского монастыря в Серпейском уезде. Некоторое время был полковым и осадным воеводой в Нижнем и Верхнем Ломовых. 1679 год застает его в Путивле. В 1680 г. он — судья в Казанском и Поместном приказах, а в 1683 г. получает чин

---

[6] «Православный палестинский сборник», т. X, вып. 3 (30), СПб., 1890, стр. X, XI, XXV.

думного дворянина и назначается патриаршим боярином. Об этом мы узнали из его родословной, поданной в связи с ликвидацией местничества в Посольский приказ [7].

Лызловы имели земельные владения на Перемышльской засеке (часть села Озерск, Озерского стана), а также дома в Путивле и Москве. И. Лызлов дал хорошее образование своему сыну Андрею. Последний изучил польский, латинский и другие языки, владел строительным искусством.

Из отрывочных сведений, которые нам удалось почерпнуть в боярских книгах, мы узнаём, что в 1676 г. Андрей Иванович был переведен из стряпчих в стольники [8]. В 1678 г. вместо отца он был назначен полковым и осадным воеводой в Верхнем и Нижнем Ломовых [9]. А. И. Лызлов участвовал в Крымских походах. Таким образом, мы пришли к выводу, что Лызлов происходил из среды дворянства.

22 октября 1687 г., во время Крымских походов, Лызлов был послан из Москвы в Киев к воеводе Голицына И. В. Бутурлину с заданием вручить шесть золотых — жалованье Бутурлину «с товарищи», вернув расписку в Разряд [10].

После возвращения из Крымского похода Лызлов подает в Малороссийский приказ жалобу на своих крестьян Сныткиных, которые, «разоря дом его и пограбя многие пожитки», сбежали и пытались через Разрядный приказ оформить отпускную грамоту [11]. Лызлов возмущен, что крестьяне пытались доказать, «будто они ему не крепки», т. е. не являются его крепостными. Эта деталь еще раз свидетельствует о социальной принадлежности историка.

Важная страница биографии Лызлова была связана с Воронежом. С самого начала Азовских походов он был их участником.

Как известно, базой подготовки кампании был район Дона. В 1695 г. Лызлова назначают в Коротояк принимать хлеб,

---

[7] Родословная Лызловых и их послужной список установлены на основании следующих материалов: Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Герольдмейстерская контора, д. 241, лл. 358, 359; ф. Разряд, Севский стол, д. 311, л. 597; ф. Дополнительный отдел Разряда, д. 150, л. 7; «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», М., 1869, т. 1 (кн. 15 467, лл. 21—45, 75—85); т. II (кн. 1062, лл. 74—76); «Дворцовые разряды», т. III, СПб., 1850, стр. 1053, 1106, 1122, 1149, 1285; «Дополнения к тому III Дворцовых разрядов», СПб., 1854, стр. 305.

[8] ЦГАДА, ф. Разряд, Боярские книги, д. 7, ч. I, лл. 212, 269 об., 270 об., 614.

[9] ЦГАДА, ф. Герольдмейстерская контора, д. 241, л. 359.

[10] ЦГАДА, ф. Разряд, Московский стол, д. 702, лл. 70, 90.

[11] ЦГАДА, ф. Разряд, Безгласный стол, д. 150, л. 8. Впоследствии Сныткины жили гулящими людьми в Путивле.

поступающий для армии[12]. Лызлову предстояло собрать с 24 городов и отправить на судах к Азову: муки — около 6 тыс. четей, сухарей — 18 тыс., круп овсяных — 3 тыс., толокна — 3 тыс. Уберечь все это от огня, воды и вообще порчи было делом трудным. Но еще сложнее было получить эти запасы с нерадивых воевод. Лызлов вел специальные тетради «нетчиков», не доставивших хлеба, чем возбуждал против себя недовольство.

Вскоре после первого Азовского похода (1696 г.) Лызлова переводят в Воронеж, где он должен был принимать хлеб и другие «запасы», прибывающие из пограничных городов юга[13]. На Лызлова сыпались доносы, что он якобы ложно обвиняет брянского, трубчевского и других воевод в недоставке хлеба[14].

Кто-то через влиятельных лиц добивался отзыва Лызлова из Воронежа. Его вызвали в Посольский приказ к думному дьяку (тогда начальнику Посольского приказа) Е. И. Украинцеву, с тем чтобы «быть ему у строения и починки соборныя церкви, что в Звенигороде»[15]. Но в Разряде ответили, что по указу царей он должен быть «у сбора доимочного хлеба» с городов Белгородского полка в Воронеже до окончания кампании.

Вызов Лызлова для строительства собора во время войны с Турцией был простым предлогом для устранения его от приема хлеба. Вместе с тем этот факт свидетельствует о том, что Лызлов был знаком со строительными работами.

Когда Азовские походы успешно закончились, Лызлов прибыл в Москву. 4 мая 1696 г. он сам доложил боярину Т. Н. Стрешневу о завершении своей службы на юге[16]. Служебная деятельность Лызлова пробудила в нем интерес к истории борьбы народов с татаро-турецкими завоевателями.

Сначала А. И. Лызлов занялся переводами исторических сочинений с польского языка. Об этом свидетельствует приписка, внесенная в исторический сборник, в который были включены отрывки из сочинений А. М. Курбского, Посланий к нему Ивана IV, отдельные главы из «Сарматии Европейской» А. Гваньини и из первой книги «Хроники» М. Стрыйковского.

В приписке, сделанной после заголовка к «Хронике» М. Стрыйковского, говорится: «Ныне же переведено от славе-

---

[12] ЦГАДА, ф. Разряд, Белгородский стол, д. 1407, л. 7.
[13] Там же, д. 1429, лл. 272, 298.
[14] Там же, лл. 486—493.
[15] Там же, лл. 579—581.
[16] Там же, д. 1465, л. 35.

нопольского языка во славенороссийский язык труды и тщанием Андрея Лызлова, *стольника* его царского пресветлого величества (курсив наш. — *Е. Ч.*), лета от сотворения мира 7190, от воплощения же слова божия 1682, месяца марта»[17].

Трудно сказать, принадлежала ли Лызлову вся подборка документов в указанных сборниках, во всяком случае перевод фрагментов из «Хроники» Стрыйковского был сделан им еще в 1682 г. Таким образом, подбор материала для будущей книги Лызлов начал в 1682 г., т. е. за десять лет до ее завершения. Кроме того, данная приписка важна тем, что она еще раз подтверждает, что Лызлов был стольником при царе Федоре Алексеевиче, а не священником, как ошибочно указано в словарях и справочниках XIX и XX вв. с «легкой» руки смоленского историка, члена кружка Н. П. Румянцева, Н. А. Мурзакевича[18].

На последнем листе списка из собрания Уварова есть приписка: «Сия Скифская история сочинения господина стольника Андрея Лызлова»[19]. В одном из списков начала XVIII в. на первом листе написано: «Дворянина Лызлова „Скифская история"»[20].

Таким образом, подтверждается факт светского, а не духовного происхождения автора «Скифской истории».

По-видимому, подготовка к Крымским походам содействовала дальнейшей работе Лызлова над вопросами борьбы с Крымом и Турцией. В 1686 г., будучи в Москве, Лызлов перевел с польского языка книгу Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого», напечатанную в 1646 г. в Кракове на польском языке. Лызлов записал в конце ее: «Переложено от словенопольского языка во словенороссийский язык Андреем Лызловым, лета мироздания ҂зрче года (7195—1686), месяца ноемирия» (т. е. ноября)[21].

После Крымских походов Лызлов вновь вернулся к своему труду и к 1692 г. окончил «Скифскую историю». Во всех дошедших до нас экземплярах совершенно четко проставлена

[17] Государственный исторический музей (далее — ГИМ), ф. Уваровское собрание, д. 242/1585, в 1°, л. 182.

[18] Е. В. Чистякова, *Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлове*, — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского», М., 1961, стр. 285, 286. К сожалению, неверная версия о том, что Лызлов был смоленским священником, проникла и в недавно вышедшую книгу И. У. Будовница «Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы», М., 1962, стр. 161, 302.

[19] ГИМ, ф. Уваровское собрание, д. 145, л. 752.

[20] Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), ф. 310 Ундольского, д. 784.

[21] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, л. 376.

дата: «...от Андрея Лызлова прилежными труды сложена, написана лета от сотворения света ҂з҃с (7200), от Рождества Христова ҂аҳчк (1692 года)[22]. Никаких разночтений здесь быть не может.

То, что Лызлов закончил свой труд в период двоецарствия Петра I и Ивана V (умершего в 1695 г.), подтверждает и выписка из его книги: «...Дабы такожде преславнейшие и пресветлейшие и державнейшие государи наши (Иван и Петр. — *Е. Ч.*), обладатели преславныя Московския монархии, наследовали преславных дел прародителей своих, прежних великих государей самодержцев Московского царствия... яко наискорее бы могли до конца оных нечестивых варваров победити...» (I, 205)[23], далее, говоря о сокрушении турецкого господства над славянами, автор восклицает: «...Дабы время то прийти могло во время благополучного царствования пресветлейших и державнейших благочестивых наших государей...» (III, 80). Таким образом, нет никаких оснований ставить под сомнение 1692 г. как дату написания книги.

Рукописные списки и издания «Скифской истории»

В настоящее время известно 32 списка «Скифской истории». Из них 19 обнаружено в Москве, 7 в Ленинграде, по одному в Калинине, Ярославле, Куйбышеве, Новгороде и Вильнюсе, один находится в Национальной библиотеке в Париже[24]. Не исключена возможность нахождения новых списков, особенно в собраниях краеведческих музеев.

Списки «Скифской истории» можно разделить на полные и неполные. Полные списки включают: развернутый заголовок с указанием даты составления книги и фамилии автора, подробное оглавление «Скифской истории», перечень источников, использованных в книге, и ее текст со сносками на полях, приписку об издании книги «Двор цесаря турецкого» С. Старовольского и ее текст, состоящий из 24 глав, а также заключительные строки о времени ее перевода Лызловым.

Неполные списки «Скифской истории», как правило, либо

---

[22] ЦГАДА, ф. 181, Рукописный отдел библиотеки Министерства иностранных дел, д. 56, 57.

[23] Здесь и далее ссылки на книгу А. И. Лызлова «Скифская история» даются по второму изданию Н. И. Новикова (М., 1787). Римская цифра означает часть, арабская — страницу.

[24] ГБЛ, микрофильм 27 235, 1960. Указан Л. В. Черепниным. Список сделан с более древнего экземпляра, судя по поздней скорописи, — во второй половине XVIII в. Текст обрывается на л. 263 об. (это соответствует в печатном издании ч. II, стр. 79). Аналогично: ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 1044.

совсем не содержат текста книги С. Старовольского, либо включают лишь часть ее. В некоторых неполных списках отсутствуют приписки об источниках и авторстве, начальные главы, или глава 7 («О пространстве обладательства турецкого») IV части.

Встречаются выписки из «Скифской истории», фрагменты ее текста, на латинском и немецком языках, очевидно принадлежащие перу Г. Миллера[25].

Из просмотренных нами списков старшими следует считать три экземпляра: Государственного исторического музея (ГИМ) (Синодальное собрание, д. 460), Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (собрание Ундольского, д. 783) и Библиотеки Академии наук в Ленинграде (д. 32.4.27).

Наиболее ранним и четко написанным списком полной редакции является список Синодального собрания ГИМа. Он представляет собой компактную книгу в 4°, содержащую 376 листов, переплет сделан из досок, обтянутых коричневой кожей с застежками. Водяной знак состоит из филиграни: голова шута с семью бубенцами и литер CDG, принадлежащих голландской бумаге 80-х годов XVII в.[26]. В печатную рамку вписаны киноварью название книги, заголовки и инициалы. Буквенная нумерация листов и почерк — беглый полуустав — подтверждают, что это был один из старших списков, составленных, очевидно, в 90-е годы XVII в.

В заглавии указана дата составления книги (1692), которая повторяется во всех других полных списках. Не остается сомнения, что книга была написана А. И. Лызловым в 1692 г.

Примером позднего полного списка является список из Уваровского собрания ГИМа[27], на корешке коричневого кожаного переплета которого вытиснено: «Коллежского асессора Петра Хлебникова». Поскольку Н. И. Новиков посвятил Хлебникову первое издание «Скифской истории», В. С. Иконников предположил, что издатель пользовался книгой из библиотеки Хлебникова: следовательно, данным списком[28].

---

[25] Н. В. Голицын, *Портфели Г. Ф. Миллера,* М., 1899, № 15, 81. Неполный список на немецком языке имеется в архиве АН СССР в Ленинграде (Р IV, оп. 1, № 216, ящ. 14).

[26] С. А. Клепиков, *Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века,* М., 1959, № 940, 945.

[27] ГИМ, ф. Уваровское собрание, д. 145, 1762 г.; С. А. Клепиков, *Филиграни...,* № 1135; Леонид, *Описание рукописей графа А. С. Уварова,* ч. III, М., 1894, стр. 21, 22 (под № 1322 автор указывает, что Лызлов был не священником, как пишет Филарет, а стольником).

[28] В. С. Иконников, *Опыт русской историографии,* Киев, 1892, т. I, кн. 2, стр. 1152. П. К. Хлебникову посвящено первое издание «Скифской истории», ч. 1, в 8°, М., 1776.

На стр. 752 списка Уваровского собрания читаем следующее:

«Сия Скифская история, сочинения господина стольника Андрея Лызлова. Списана из библиотеки господина коллежского советника императорской Академии наук профессора и историографа Миллера 3 сентября 1770 г. Списана же отставным ревизион-коллегии канцеляристом Алексеем Михайловым сыном Нефелевым»[29]. В этом списке даны тематические подзаголовки, на полях выписаны имена и географические названия, даты, а также сделаны различные замечания. Например: л. 73 о Улу-Мухаммеде — «гость опасный», л. 497 «турки побеждены», «погрешность в знании древности», л. 28 «погрешность в истории» (лл. 30, 408), «погрешность в географии» (лл. 33, 383), «здесь повторяется» (л. 50) и т. д.

Подобные пометы имеются и в другом списке, хранящемся в ЦГАДА в фонде «Рукописного отдела библиотеки МИД»[30]. Список имеет надпись: «„Скифская история" в пяти частях, с польского языка Андреем Лызловым переведенная 1692 года»[31].

Правка, сделанная коричневыми чернилами, относится, по-видимому, к 70-м годам. Даты переведены правщиком на новое летосчисление, на полях более четко написаны некоторые слова из текста (л. 4), сноски проставлены также на полях, а с л. 47 внизу страницы, обозначены первыми (a, b, c, d) или последними (x, y, z) буквами латинского алфавита. Очевидно, данный список сопоставлялся с другим; быть может, с подлинником.

Интересно отметить характер правки: не только технической, но и по содержанию. На полях сделаны следующие ремарки: «погрешности в знании древности» (л. 19), «погрешности в истории» (лл. 22, 153), «погрешности о принятии закона Махометова» (л. 30), «погрешности о рязанских [князьях]» (л. 31) и т. д. Большая правка проведена тем же почерком и в самом тексте: так, вместо слов царь и царица написано хан и ханша (л. 55), взамен слова «царство» поставлено «власть» (л. 71), слова «московскому государю» заменены на «российскому» (л. 95). Правщик отрицательно относился к вставкам церковного содержания: так, на л. 161 он воскли-

---

[29] ГИМ, ф. Уваровское собрание, д. 145, в 1°, стр. 752.

[30] ЦГАДА, ф. 181, д. 56.

[31] Там же (датируется 50—60-ми годами XVIII в.). На л. 1 указано: «История Скифская, перевод Лызловым с польского языка». Переплет из плотной бумаги чешуйчатой раскраски свидетельствует об архивной обработке, во время которой, очевидно, и была сделана неверная надпись о переводе.

цает: «суеверие о волхвах!», а текст о «чудесах» вымарывает из книги Лызлова[32].

Таким образом, перед нами список, над которым тщательно работал человек, сведущий в истории. Он не только провел сверку текста, но и критически воспринял написанное, оставляя на полях и в тексте свои замечания. Трудно сказать, в чьих руках побывал данный экземпляр, возможно у Г. Миллера.

Некоторые списки книги поражают своими цветными роскошными заставками и заглавными буквами. Особенно красив список из Музейного собрания ГИМа[33]. Этот список, по-видимому, был выполнен по заказу какого-нибудь высокопоставленного лица.

Близки к нему также расписанные киноварью полные списки Государственного исторического музея: из Востряковского собрания (в нем перечислено 14 имен султанов турецких)[34] и из Уваровского[35]; к 1706 г. относится список из библиотеки А. И. Хлудова[36].

Список из Чертковского собрания (д. 25) обрывается на главе 13 книги С. Старовольского. В картотеке ГИМа ошибочно помечено, что он сделан с первого печатного издания. Но в первом издании опубликована лишь первая часть «Скифской истории», здесь же имеются все четыре. В рукописи сноски отсутствуют, в печатном издании они есть. Таким образом, этот поздний список составлен до опубликования книги Новиковым в 1776 г.

Образцом для переписки текста «Скифской истории» служил экземпляр, имеющийся в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина[37].

Составление рукописи в конце XVII в. подтверждается качеством переплета, буквенной нумерацией глав и листов, графикой письма. На л. 335, там, где киноварью выделены

---

[32] Там же, лл. 255—258.

[33] ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 2368, в 1°, полуустав; судя по водяному знаку: герб Амстердама — AG, датируется 1702—1722 гг. (С. А. Клепиков, *Филиграни...*, № 885).

[34] ГИМ, ф. Вострякова, д. 868, в 1°, полуустав; водяной знак: герб Амстердама — DI, датируется 1722г. (С. А. Клепиков, *Филиграни...*, № 973).

[35] ГИМ, ф. Уваровское собрание, в 1°, д. 538. По «Описанию...» Леонида, № 1323.

[36] ГИМ, ф. Хлудова, д. 227. По «Описанию...» Леонида, № 1307.

[37] «Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского», М., 1870, стр. 20; ГБЛ, ф. Ундольского, д. 783, в 1°. Книга заключена в коричневый кожаный тисненый переплет со следами застежек. Судя по водяным знакам (герб Амстердама, а также щит со львом в двойном круге), датируется 90-ми годами.

слова «в трех частях света, то есть **во асиі европиі, африге** на полях есть приписка другим почерком (скорописью) и другими чернилами: «оставливать и приписывать не надобно для того, что одной главы в истории». Помета свидетельствует о том, что данный экземпляр служил текстом, который копировали переписчики. Это подтверждает и составление рукописи (до реставрации): она сильно истрепана, некоторые листы отделены от переплета, л. 101 имеет двойной текст, наклеенный лист оторван. На л. 340 помечено «Двор турецкий», дальше идут записи об авторстве и времени напечатания.

Текст кончается главой 22 (отсутствует последняя глава «О торжествовании нарочитых праздников» книги С. Старовольского).

В одном случае неполный текст «Скифской истории» был помещен в сборник вместе с «Историей казанской» и отказной грамотой турецкого султана польскому королю от 5 марта 1637 г.[38]. Этот список аналогичен парижскому.

Изучение владельческих надписей на рукописях книги показывает, что «Скифскую историю» читали и во дворце и в каморке слуги.

На свои личные деньги приобрел книгу слуга Я. А. Татищева Иван Иванович Карцев в первые годы XIX в. Этот экземпляр затем попал к ученику артиллерийской школы В. И. Секерину, находившемуся в Иркутске[39].

Список, оказавшийся в архиве из библиотеки Волынского (очевидно, Артемия Петровича — государственного деятеля при Анне Иоанновне, казненного за участие в антибироновском заговоре), на обложке имеет надпись: «„История Скифская", переведенная Андреем Лызловым в 1692 г., с приложением повести о поведении и жительстве константинопольских султанов, в четырех частях»[40].

В рукописном отделе научной библиотеки им. Горького при МГУ хранится экземпляр «Скифской истории», который

---

[38] ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 1044. Писан поздней скорописью второй половины XVIII в., обрывается на л. 263 об., гл. 4, ч. IV (по печатному изданию ч. II, стр. 79), как в Парижском списке

[39] ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 3408, в 4⁰, водяной знак (три лилии — герб Франции — и литеры УМ), относится к 1711 г. (Ch.-M. Briquet, *Les filigranes...*, vol. I, № 1734; С. А. Клепиков, *Филиграни...*, № 1417).

[40] ЦГАДА, ф. 181, д. 57, в 1⁰, на обложке надпись архивиста, возможно К. М. Оболенского. Такие же списки имеются: в собрании Воронцова (ф. 34, ЛОИИ) [дата перевода Лызловым книги Старовольского указана неверно (не 1647, а 1686 г.)] и в отделе рукописей Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника (№ 11 213), куда список попал из библиотеки В. С. Передольского.

принадлежал частной библиотеке Муравьевых[41]. После смерти декабриста, капитана гвардейского генерального штаба Никиты Михайловича Муравьева (1796—1843), библиотека, включавшая большое количество рукописных книг на разных языках, была передана его матерью Екатериной Федоровной в Московский университет, книжные фонды которого сильно пострадали от пожара в 1812 г.[42]. К Муравьевым список попал, по-видимому, после 1806 г. (на лл. 11—23 есть надпись: «Книга сия принадлежит живущему в Санкт-Петербурге надворному советнику Василию Иванову сыну Устинову 1806 года»). В этом списке почти отсутствуют сноски.

Одним из наиболее интересных оказался список из архива БАН[43]. На л. 1 на полях другими чернилами написано: «Татищева». Это один из старших списков; он датируется 90-ми годами. Текст трех частей татищевского списка (с л. 8 до л. 114) сильно правлен красными чернилами. Создается впечатление, что рукопись готовили к изданию или переписке: тщательно проставлены знаки препинания и ударения. В окончаниях слов (черниговские, переяславские и др.) вместо «е» поставлено «я» (л. 11). В словах «Ефрат» «ѳ» переделана на «ф» (л. 10), написание буквы «о» всюду переправлено на более древнее ѡ (л. 8). В некоторых местах вставлены пропущенные слова: «о (втором) походе» (ч. III, гл. 5, л. 69 об.), «дерзновением (отвещаша)» (л. 70 об.), «прародителей (мужество)» (л. 70 об.), «большею (башнею)» (л. 77), «Дмитрия Ивановича (Донского) и поганым (Мамаем)» (л. 92), «у султана именем (Саладина)» (л. 160).

Исходя из этого можно полагать, что этот список был сверен с подлинником. На л. 20 была сделана вставка двух строк, пропущенных переписчиком (в печатном экземпляре, ч. II, гл. I, стр. 33).

Несколько иная правка была сделана черными чернилами, тем же почерком, что и надпись «Татищева». Во фразе «Иные историки...» (л. 5; в печатном, стр. 6) зачеркнуто слово «Москва», «россиане» переправлено на «Руссиа», перед словом «Литва» вставлено «Польша». На полях сделаны уточнения некоторых слов, преимущественно собственных имен (Хингис, Ункам — л. 10, комета — л. 10 об., Мстислав — л. 11 об.).

[41] Научная библиотека им. А. М. Горького при МГУ (далее — НБГ), 5. Gh. 27, в 4°, скоропись, герб Амстердама — FOUMA; С. А. Клепиков, *Филиграни...*, № 1002 (датируется 1720—1724 гг.).

[42] Шевырев, *История императорского Московского университета*, М., 1855; У. Г. Иваск, *Описание русских книжных знаков*, М., 1905.

[43] «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. 1, М.—Л., 1956, стр. 186; Библиотека Академии наук СССР (далее — БАН), д. 32. 4. 27, в 4°, скоропись конца XVII в.

На пустом листе 4 есть надпись разными чернилами и почерками: «Велико има... [неразборчиво]. Сия книга, государю моему, то есть великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу». Эта надпись заставляет сделать предположение о том, что книга предназначалась для преподнесения царю.

Очевидно, с этого экземпляра по просьбе В. Н. Татищева в 1745—1746 гг. еще раз списали «Лызлову оригинальную татарскую историю, именуемую Скифия»[44]. Так возник еще один список, хранящийся в данном собрании[45].

В этом списке после текста «Скифской истории» (на лл. 241 об.—243) приложена статья «О козарех»[46]. В статье говорится о скифском происхождении хазар, их расселении, занятиях, обычаях, а также о покорении их половцами и татарами. По стилю текст этого приложения сходен со «Скифской историей» — то же стремление проследить историю народа.

Неполный экземпляр из коллекции рукописей Государственного архива Калининской области имеет помету: «Сия Скифская история досталась мне, Григорию Долгополову, ото вдовы Евдокии Сафроновны Сарафанниковой ноября 20-го 18.. (дальше заклеено. — *Е. Ч.*). Пользовался Петр Симонов». На оборотах переплета есть также пометы: 1812 г., 1894 г., «Книга Ржевского купца» и т. д.[47]. Кадашевцу Панкрату Антипову сыну Врукину принадлежала «История о скифах и турках, и татарах», подписанная им 5 марта 1712 г. «своей рукой»[48]. Список «Скифской истории» из собрания Саровской пустыни в конце оглавления имеет владельческую надпись: «Стяжатель сея книги троицкой иерей Наум Феофатов, что в Верхних Садовниках, за 6 рублев купил»[49]. Таким образом, «Скифскую историю» читали представители ку-

[44] «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. 1, стр. 186.

[45] БАН, д. 32. 13. 6, скоропись; водяной знак: Pro patria — HS. Имеются киноварные инициалы и заставка в старопечатном стиле.

[46] БАН, д. 32. 13. 6; ГИМ, ф. Музейное собрание, д. 627. Текст статьи «О козарех» опубликован в примечании к книге «Никифор Адрианович Мурзакевич, историк города Смоленска», СПб., 1877, стр. 100, 101.

[47] Текст неполный, отсутствует гл. 7 части IV; датируется 1719—1726 гг. Список описан неверно И. Ф. Голубевым (см. его «Коллекция рукописей», Калинин, 1960, стр. 30, 31, № 187).

[48] В. В. Лукьянов. *Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного музея,* — «Краеведческие записки», вып. III, Ярославль, 1958, стр. 29, № 64/291, полуустав.

[49] ЦГАДА, ф. 1361, д. 279, полуустав, второе десятилетие XVIII в. (указан В. Н. Шумиловым).

печества и духовенства. Из собрания протоиерея Д. Левицкого рукопись «Скифской истории» попала в Виленскую публичную библиотеку [50].

В конце рукописи имеется фраза: «Конец книги сея», очевидно написанная переписчиком.

Списки составлялись начиная с 90-х годов XVII в. и по 70-е годы XVIII в., т. е. до первой публикации «Скифской истории» в 1776 г. Однако рукописные тексты имели хождение и позже, в XIX в.: их покупали, передавали по наследству, дарили, вели из-за них тяжбы.

Так, в марте 1700 г. некий А. Коробовский продал митрополиту Сибирскому и Тобольскому Игнатию Корсакову две книги — «Хрисмологион» и «Историю Скифскую» — за 11 руб., причем последняя стоила 9 р. 50 коп. Книга в переплете из белой кожи была написана в лист. Вскоре покупатель И. Корсаков из-за ссоры с патриархом Арсением был отправлен в Чудов, а затем в Симонов монастырь и объявлен сумасшедшим. Общение с ним прекратилось, его имущество было описано и попало частично к митрополиту Филофею, частично в Сибирский приказ.

Просьбы Коробовского, не получившего денег, о возвращении книги окончились неудачей. По мнению Н. Оглоблина, кто-то прельстился «дорогой и редкой книгой, возможно всесильный думный дьяк» Сибирского приказа А. А. Виниус, и, по-видимому, подменил ее другой, стоившей 1 руб.... [51].

Стоимость «Скифской истории» в различное время помогает установить список из Самарского городского музея, к сожалению утраченный; на нем была проставлена покупная цена: в 1745 г. он был куплен за 3 руб., в 1895 г. — за 25 руб. [52].

Книга А. И. Лызлова была издана почти через сто лет после ее написания. В 1776 г. в Санкт-Петербурге появилось первое издание «Скифской истории», подготовленное Н. И. Новиковым. Он напечатал лишь первую часть в 8° с названием всех глав [53].

---

[50] Центральная библиотека АН Литовской ССР, д. RKF 286. Подробное описание рукописи содержится в кн.: Ф. Добрянский, *Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских*, Вильна, 1882, стр. 469—474. У Ф. Добрянского приведена дата составления Лызловым перевода книги С. Старовольского: ноябрь ЗРЧЕ, означающая 7195, т. е. 1686 г.; в скобках эта дата переведена ошибочно: 1683 г.

[51] Н. Оглоблин, *Бытовые черты начала XVIII в.:* XIV. *Дело об «Истории Скифской»*,— «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1904, ч. III, «Смесь», стр. 11 и сл.

[52] «Самарский городской публичный музей и зал императора Александра II. Отчет за 1902—1903 гг.», Самара, 1905, стр. 9, 23.

[53] ГБЛ, ф. 233 (Полторацкого, 161), д. 39.

Через 11 лет, в 1787 г., в Москве вышло второе издание «Скифской истории». На этот раз Н. И. Новиков опубликовал всю книгу «в типографии Компании типографической» в 4°. Книга была заключена в хороший кожаный коричневый переплет, на корешке сделано золотое тиснение.

В обращении «К читателю» Н. И. Новиков указывает, что из текстов, имеющихся в его распоряжении, он предпочел взять за образец один список «Скифской истории» из Патриаршего книгохранилища, на котором есть надпись о том, что «оный самим сочинителем отдан в Патриаршее книгохранилище». В фонде Патриаршего, или Синодлаьного, собрания имеется экземпляр, но написан он не в лист, а в 4°, и на нем нет дарственной подписи автора[54]. Но поскольку он является полным и наиболее ранним списком, примем его за основу.

Издавая древнерусские письменные памятники, Н. И. Новиков, как до него В. Н. Татищев, ставил как научные, так и просветительные цели. К этому времени были выработаны некоторые правила издания документов, сформулированные в одной из статей «Санкт-Петербургских ученых ведомостей» (27 января 1777 г.), а именно: наличие алфавитных указателей к сборникам документов, необходимость комментариев к текстам, перевод старого летосчисления на новое, сохранение всех особенностей стиля, составление легенды о месте хранения и внешнем виде памятника[55].

Таким образом, появилось теоретическое обоснование археографической работы над документами. Однако практически выполнить эти правила издателю не всегда удавалось. Публикование книги в более 600 страниц текста ставило перед издателем известные трудности.

Н. И. Новиков как археограф допустил в «Скифской истории» некоторые неточности в копировании текста, вольно передал структуру книги и не сверил сделанный Лызловым перевод «Двора цесаря турецкого» С. Старовольского с его польским оригиналом или более полным переводом 1678 г.[56].

Сравнение печатного текста и рукописи начнем с заголовка:

---

[54] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460; Савва, *Указатель для обозрения Московской патриаршей библиотеки,* М., 1858, стр. 199.

[55] П. Г. Софинов, *Из истории русской дореволюционной археографии,* М., 1957, стр. 54, 55.

[56] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 539 (изд. в «Памятниках древней письменности», т. XLII, СПб., 1883).

2 Заказ 260

Рукопись	Печатное издание
История Скифийская, содержащая в себе о названии Скифии и границах ея, и о народех скифийских монгаилах и прочих, и омазонах, мужественных женах их, и коих времен и якаковаго ради случая татаре прозвашася, и от отеческих своих мест в наши страны приидоша, и яковыя народы во оных странах быша и де же ныне татаровя обитают.	Скифийская история, содержащая в себе: о названии Скифии и границах ея; о народех Скифских,
И о начале и умножении Золотыя орды и о царех, бывших тамо, о Казанской орде и царех их; о Махомете, прелестнике Агарянском, и о прелести, вымышленной от него, о начале турков и о султанах их.	о начале и умножении Золотыя орды и о царех, бывших тамо; о Казанской орде и царех их, и о взятии города Казани; о Перекопской орде или Крымской, и о царех их; о Махомете, прелестнике Агарянском, и о прелести вымышленной от него; о начале турков и о султанах их, с приложением повести о поведении и жительстве турецких султанов в Константинополе [58]. (Далее совпадает. — *Е. Ч.*).
От разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета от сотворения света ҂зс-го (7200), а от Рождества Христова ҂ахчв (1692) [57].	

Сопоставление показывает, что Н. И. Новиков вольно передал заголовок рукописи Лызлова, опустил из него целые фразы. Оглавление книги по своей структуре и тексту также не совсем соответствует подлиннику. Издатель произвольно разделил текст на части, книги и главы: причем «книги» в основном соответствуют «частям», на которые делил рукопись автор. В последнюю, пятую книгу Новиков включил перевод «Двора цесаря турецкого», который в рукописи значится как 8-я глава IV части и в свою очередь состоит из 24 глав. Деление же на части, введенное издателем, не совпадает с делением, сделанным автором, и не является логичным: в I часть включены 3 книги (части по Лызлову), II часть соот-

---

[57] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460.

[58] А. Лызлов, *Скифская история,* М., 1787, тит. л.

ветствует IV части текста Лызлова. Но совершенно неожиданно в середине раздела о султанах, с описания правления Сулеймана, Новиковым выделена III часть с пометой «продолжение IV книги» (последняя глава — 7-я).

Таким образом, структура, данная издателем, не облегчает, а затрудняет пользование книгой, тем более, что в издании нет единой нумерации страниц: книги I—3 (ч. I): стр. 1—206; кн. 4 (ч. II): стр. 1—223; продолжение кн. 4 (ч. III): стр. 1—81; кн. 5: стр. 82—196. Издатель не пояснил, почему в переводе «Двора цесаря турецкого» после главы 4 идет сразу глава 6.

В рукописном экземпляре «Скифской истории» после главы 7 есть вставка («Двор турецкий. Свидетельство» и т. д.) об обстоятельствах опубликования книги С. Старовольского.

Все эти пояснения, вставки и приписки автора были опущены Новиковым, и, таким образом, при издании текст «Скифской истории» оказался слитым с переводным сочинением «Двор султана турецкого», приложенным в конце рукописи. Кроме того, опущены данные, объясняющие историю польского издания книги С. Старовольского и дата перевода ее Лызловым[59].

Помимо указанных приписок, Н. И. Новиков опустил перечень использованных автором источников.

Следует отметить также неточную простановку издателем ссылок на источники. Дело в том, что сноски, поясняющие отдельные географические названия или имена, а также ссылки на источники и литературу даны у Лызлова на полях соответственно поясняемому тексту. Н. И. Новиков дал ссылки в конце каждой страницы (как и в современных изданиях), поставив их номера по своему усмотрению. Такой порядок привел к тому, что ряд сносок перескочил на не соответствующие им места.

По сравнению с подлинником в печатном тексте очень много ошибок при переводе дат на общеевропейское летосчисление: великий князь Симеон и митрополит Феогност ходили в Орду не в 6808 г., а в 6850 г. (1342 г.), Киев был взят в 6748 г. (1240 г., а не 1242 г.), Тамерлан напал на Русь не в 1295 г., а в 6903 г. (1395 г.), вместо 6579 г. (1071 г.) напечатано 971 г., вместо 1071 г.—1701 г. и т. д.

Таким образом, изучение рукописных текстов «Скифской истории» показывает единообразие их состава; они отличаются лишь степенью полноты текста. Следы правки оставил не автор, а, видимо, лица, работавшие над текстом.

---

[59] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, лл. 304, 332.

Рукописный текст отличается от печатного по структурному делению, по заголовкам; при публикации в него попали ошибки в именах и неточности в датах.

Владельческие надписи на рукописных экземплярах книги свидетельствуют о том, что автор не ошибся, апеллируя к широкому кругу читателей. Немногие труды по истории могли соперничать в этом отношении с книгой А. И. Лызлова. Высшей оценкой произведения по истории является степень его распространенности и глубина воздействия на современников.

Источники «Скифской истории»

Приписка Лызлова к оглавлению составляет своеобразную, хотя и очень неполную библиографию вопроса: «Книги историй, от них же сия история сочинися и написася... Степенная, Хронограф, Синопсис, Летописец, История, Жития святых, Бароний, Плиний, Курций Квинт, Длугош, Меховский, Кромер, Стрийковский, Бельский, Гвагнин, Ботер»[60]. Она позволяет судить о значении, которое автор придавал изучению исторических материалов.

Об этом же свидетельствуют и многочисленные сноски на полях, в которых Лызлов лаконично указывает фамилию автора, название книги, номера томов, листов и другие данные об использованных материалах.

Обширной группой исторических документов, нашедших отражение в книге А. И. Лызлова, являются отечественные источники. Не случайно и сам автор указал, что «Скифская история» «паче же из российских верных историй и повестей» сложена.

Поскольку русские летописи представляют собой своды очень разнообразного исторического материала, их использование в книге Лызлова обогатило изложение вопросов, непосредственно относящихся к истории России.

Пользуясь летописями как кладезем всевозможных исторических сведений и источников, Лызлов все время стремится проверить факты, дополнить их и выразить к ним свое отношение. Так, интересно его рассуждение о местоположении г. Козельска, оказавшего длительное сопротивление полчищам Батыя: «О котором убо Козельцу старые летописцы Московские пишут, не вемы — о том ли, иже обретается от града Калуги в пятидесяти верстах, его же ныне, мало отменивши слово, Козельским называют, или о том, иже в Малой

[60] НБГ, 5. Gh. 27, л. 2.

России от Киева в шестидесяти верстах, его же и ныне Козельцом называют» (I, 36). Автор, по-видимому, знакомился с Никоновской, Воскресенской, Архангелогородской летописями, Новым летописцем, Московским летописным сводом и др. В тексте часто встречаются ссылки на «русских летописцев» (см. ниже разбор содержания книги).

Из летописей и хронографов Лызлов брал не только различные исторические факты, но и переводные повести и сказания. Так, из хронографа первой редакции заимствована «Повесть о Махмете, о начале учения его и кончине», «Повесть о турках» и др. «Повесть о турках» начинается так: «Туркия или Тракия или Сарацинея — новый сей люд в те страны пришед ис татарского народу»[61].

Лызлов широко ссылается на «Степенную книгу»[62].

По «Степенной книге» даются даты княжений, освещаются отдельные факты взаимоотношений Руси с Ордой и т. д. Лишь в одном случае Лызлов дал неверную ссылку на степень 10, главу 6, где нет сведений о принятии мусульманства ханом Узбеком.

Лызлов широко использовал повести и сказания. Так, бой с крымским ханом в 1572 г. описан им по «Повести о бою воевод московских с неверным ханом», текст которой приведен у Н. М. Карамзина и которая явилась основой для составления «Песни об отбитом наезде». Возможно, и в «Скифскую историю» повесть попала из Разрядных книг[63].

Лызлов же пересказывает возникшую в Венгрии (в г. Варадине) «Повесть об убиении Батыя», обработанную неким сербом и включенную в XV в. в русские летописи[64]. Сличение текста повести, полностью изданной С. П. Розановым, с соответствующими строками «Скифской истории» показывает, что Лызлов привел ее сюжет в сильно сокращенном виде (I, 42—44): опущенными оказались все цитаты из священного писания, текст о св. Савве, обращения Владислава к богу и др.[65]. Лызлов взял из повести материал о смерти Батыя, хотя, как известно, Батый умер в 1253 г. в Золотой Орде, через 12—13 лет после своего похода на Русь. Вслед за этим из труда

---

[61] ГБЛ, ф. Румянцева, д. 457, лл. 496—506.

[62] «Книга Степенная царского родословия, содержащая историю Российскую с начала оныя», ч. 1, М., 1775.

[63] Н. М. Карамзин, *История государства Российского,* т. IX, СПб., 1892, Примечания, стр. 78, 79. Десять новых списков этой повести в Разрядных книгах обнаружил В. И. Буганов (*Разрядные книги как памятник русской культуры,* — «Вестник мировой культуры», 1959, № 6, стр. 109).

[64] «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 139—141.

[65] С. П. Розанов, *Повесть об убиении Батыя,* Пг., 1916.

Гваньини Лызлов заимствовал текст о поражении и бегстве Белы IV, действительно правившего в Венгрии в момент нашествия Батыя.

Лызлов включил в «Скифскую историю» фрагменты из сказаний о Тамерлане (I, 57—59), в которых образно рисуется жестокость этого азиатского завоевателя [66].

На «Скифскую историю» оказала большое влияние «Казанская история», особенно в той части, которая касалась присоединения Казани [67]. Вначале это были отдельные вставки текста: о границах Казанского ханства, о довольстве, о землях и т. д. [68]. Из этого источника попало противопоставление «христиан» и «поганых», заботливое перечисление подвигов русских бояр и воевод. По мере приближения к описанию завоевания Казани Иваном Грозным наблюдается сплошной пересказ Лызловым «Казанской истории». Целиком вошла в текст «Скифской истории» глава «О первом взятии Казани», о походе русских воевод под Казань и т. д.

Из «Казанской истории» взят рассказ о посылке Иваном III в 1480 г. в Орду войск Нур-Даулета Городецкого (у Лызлова—Уродовлета) и воеводы Гвоздева-Звенигородского, обеспечивших поспешное бегство полчищ Ахмата с Угры. Хотя в руских летописях нет сведений об их действиях, К. В. Базилевич склонен видеть в этом истинный исторический факт (I, 71—72) [69].

Передавая чужой текст, Лызлов в то же время вступает в полемику с автором «Казанской истории». Приведем пример.

«Казанская история» (стр. 67):	«Скифская история» (I, 101, 102):
И токмо воеводы московския на краях земля стояще, по градом, стрежаху прихода казанцев, *боязнию одержимии и* не смеюще на них выходити из градов. Тогда был князь великий недосу-	...Токмо в некоторых пограничных градех имяше воинство сохранения ради прилежащих к ним стран. Зане велик *страх объят все страны оныя от* насилия сих поганых. Ратей же не посыла-

[66] «Автобиография Тимура. Богатырские сказания о хане Аксак-Темире», пер. В. А. Панова, М., 1934.

[67] «Казанская история», М.—Л., 1954, комм. Г. Н. Моисеевой.

[68] Лызлов (I, 81) — «Казанская история», стр. 44; Лызлов (I, 82) — «Казанская история», стр. 47; Лызлов (I, 84) — «Казанская история», стр. 48, 49; Лызлов (I, 104) — «Казанская история», стр. 69.

[69] ПСРЛ, т. XIX, стр. 202, 203; К. В. Базилевич, *Внешняя политика русского централизованного государства*, М., 1952, стр. 101, 102.

жен воеватися с казанцы, брань бо имеяше с полским королем велику, з Жигиминтом, и воевашеся с ним сряду не почивая 20 лет.

ше тогда на Казань *не боязни ради некия,* но брани имяше с королем польским через двадесять лет непрестанно.

Он считал, что причина временного затишья на востоке объяснялась не страхом воевод, а необходимостью борьбы с Польшей[70].

При всей зависимости текста «Скифской истории» от «Казанской истории» Лызлов исправляет некоторые даты, встречающиеся в ней (I, 85—87), переставляет и опускает отдельные отрывки (например, послания, которыми обменивались митрополит и царь, молитвы)[71].

Потерявший политическую остроту в конце XVII в. вопрос об участниках осады Казани, впоследствии опальных, был разрешен Лызловым в соответствии с «Историей...» князя А. М. Курбского, а не в трактовке «Казанской истории»; это сказалось в упоминании им дважды князя М. И. Воротынского (казненного в 1573 г.).

«Казанский летописец[72]»:

О возвещении царю и великому князю, яко град Казань взят бысть и царь их ухващен.

И в тои час возвестиша православному царю и великому князю, глаголюще: «Радуйся, благоверный державный царю!»

«Скифская история» (I, 182):

Потом и из града храбрый стратилат князь Михаил Иванович Воротынский (ему же вручено бяше под правление все воинство, отделенное на приступ ко граду, и подвизавыйся во брани той с начала приступа, даже до взятия совершенного) присла к государю с ведомостию, извещающи глаголя сице: «Радуйся благочестивый самодержче...»

Насколько Румянцевский список «Казанского летописца», который в некоторых случаях использует Лызлов, отличался

---

[70] Лызлов (I, 93—95) — «Казанская история», стр. 58—60; Лызлов (I, 97) — «Казанская история», стр. 61; Лызлов (I, 98) — «Казанская история», стр. 62; Лызлов (I, 99) — «Казанская история», стр. 63.

[71] Здесь и далее сравнение ведем по Румянцевскому списку Казанского летописца, текст которого отличается от «Казанской истории», изданной Г. Н. Моисеевой (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стр. 414, 436 и след.).

[72] ПСРЛ, т. XIX, стр. 462.

от изданной Г. Н. Моисеевой «Казанской истории», показывает следующее сравнение:

«Скифская история» (I, 132—133):

А сам православный царь пойде от Мурома трудным путем, чрез частые леса, и, прешед леса, изыде в чистые поля. В пути же том бог провождаше благочестивого царя со христианским воинством не инако, яко Моисея со израильтяны чрез пустыню [73]. Ибо всюду всякие неудобства безбедно прохождаху, и пищу, богом посланную, довольно приимаху. Ибо множество бяше в полях тех зверей, ко ядению удобных, яко лосей, еленей, коз, кабанов и прочих; такожде от воздуха птиц премножество, и в водах рыб преизобильно бяше; и воистинну рещи: богом посланная пища бяше воинству. Ибо сами зверие прибегаху и птицы прилетаху и обретахуся в полцех между воинствы, яко сами

«Казанский летописец[74]»:

О богом посланной пищи воинским людем. И посем от града Мурома поиде частым лесом и чистым полем. И таковое многое воинство всюду, яко богом уготованную пищу обретаху: на поле убо всяким овощием довольна, от животных же лоси, яко самозвани, на заколение прихождаху; в реках же множество рыб ловяху; от воздуха же множество птиц прилетаху, и во всех полцех на землю припадаху, яко сами вдающеся в руце на пищу человеком.

«Казанская история[75]»:

Царь же князь великий преиде часть поля того... и тяжек ему явися путь той и всему воинству его: от конских бо ног взимаему на высоту песку и не бе видети солнца и небеси и всего воинеска идущего, и тоска велика все воинство обдержаще; мнози же человецы изомроша от солнечного жара и от жажда водныя, иссохша бо вся дебри и блата, и малыя реки полския не тецаху путем своим, но мало разве воды в великих реках обреташеся и во глубоких омутех, но тои сосудами, и корцы, и котлы и пригорщами в час един досуха исчерпаху, друг друга биющи и угнетающи и задавляющи; ни отец сына пощажающи, ни сын отца, ни брат брата, инии же росу лиза-

---

[73] Сравнение взято из Патриаршей летописи (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, 1904, стр. 182).

[74] ПСРЛ, т. XIX, стр. 406, 407.

[75] «Казанская история», стр. 125.

вдающеся на пищу христианскому воинству: ими же все воинство довольно изобиловашеся. Егда же приспе пост пресвятыя богородицы, тогда никако обретахуся к ядению дивия звери, ниже птицы: точию рыбы в водах преизобильно наипаче умножахуся.	Когда же приспе пост святыя богородицы, и в тыя дни никако же не видахом ни птиц, ни лосей	ху и тако жажду свою с нуждею утоляху.

Из двух списков «Казанской истории» Лызлова привлек тот, в котором вопреки фактам о трудностях похода изображена библейская картина слетающихся птиц и сбегающихся диких зверей для прокормления войска, идущего на восток.

Особенно часто попадаются ссылки на Засекин летописец[76]. Как правило, все известия, взятые из этого источника, относятся к правлению в Казани Улу-Мухаммеда. Причем рассказ о появлении хана под Белевом находится в противоречии с официальной трактовкой этих фактов в других русских летописях. В данном источнике говорится, что Улу-Мухаммед послал «с молением к великому князю Василию: да повелит ему жити в странах своих». Василий якобы разрешил ему кочевать в белевских местах на берегу р. Оки.

Из этого источника взяты сведения о сыне Улу-Мухаммеда Мамотеке, зарезавшем своего отца и младшего брата, после чего два других сына Улу-Мухаммеда перешли к Василию Темному[77]. Некоторые сведения сообщаются здесь о казанской ханше Суюнбеки, являвшейся дочерью ногайского князя (I, 107, 113). Возможно, Засекиным летописцем Лызлов называет список «Казанской истории».

---

[76] Список первой редакции Софийской первой летописи был известен Н. М. Карамзину под названием Засецкого списка (А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов*, М.—Л., 1938, стр. 208, 209). Возможно, Засекин был владельцем рукописи. На одном из списков хронографа третьей редакции есть надпись: «Сия книга, глаголемая гранограф, стольника Ивана Ивановича Засецкого, а подписал сию книгу своею рукою лета 7201—1693 году, феврения в 5 день» «см. «Описание рукописной библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине», М., 1860, № 39, стр. 85).

[77] Ссылки на Засекин летописец имеются в ч. 1 на стр. 62, 65, 70, 88.

Рассказ о столкновениях России с Крымом в первой половине 50-х годов XVI в. приведен Лызловым по сочинению А. М. Курбского «История о великом князе Московском». Сравним «Скифскую историю» с рассказом А. М.Курбского

А. И. Лызлов (II, 49)[78]:

По сей лета (7063—1555) прииде весть к государю к Москве, яко хан Девлет-Гирей с воинством многим, прешед заливы морския близко Астрахани, пошел воевати земли пятигорских черкас; государь же, видев благополучно время отомстити поганым обиды своя, посла на Крым воинство свое, над ними же постави воевод Ивана Большого Васильевича Шереметева, Льва Андреевича Салтыкова, Алексея Даниловича Басманова и прочих и тии идоша с воинством путем на Юзюм Курган.

А. М. Курбский[79]:

И потом, того же лета, прииде весть ко царю нашему, иже царь Перекопский со всеми силами своими, перепроводясь через проливы морские, пошел воевати землю черкасов пятигорских; и сего ради послал царь наш войска на Перекоп аки тринадесять тысящей, над ними же поставил гетманом Иоанна Шереметова и других с ним стратилатов. Егда же наши поидоша через поле великое к Перекопы дорогою лежащею, глаголемую на Изюмкурган.

Следуя Курбскому, Лызлов дополняет его рассказ, но в то же время не включает многих подробностей, имеющихся в летописях, например в Никоновской[80].

Лызлов включил в свой текст такое крупное произведение, как «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера. Анализ М. Н. Сперанского показал, что Лызлов дополнял текст хронографической «Повести...» из «Степенной книги» и делал свои пояснения (ч. II, гл. 4)[81]: так, «Повести...» предпослан рас-

[78] ГБЛ, ф. 310 Ундольского, д. 783, л. 166 об., 167.

[79] «Сочинения князя Курбского», т. I, СПб., 1914, стр. 220.

[80] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 256; ср. Г. Д. Бурдей, *Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50-х гг. XVIв.*, — «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. XLVII, 1956, выпуск исторический, стр. 199—201.

[81] М. Н. Сперанский, *Историко-литературный обзор повестей и сказаний о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв.*, — Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ), ф. 439, оп. 2, д. 35, л. 59 и сл. Статья частично опубликована в кн.: М. Н. Сперанский, *Из истории русско-славянских литературных связей*, М., 1960, стр. 211—224.

сказ, взятый, по-видимому, из польских источников о подготовке взятия Константинополя турками при Мехмеде II, о роли флота и артиллерии, о низкой боеспособности византийского войска и т. д.; сделана вставка о судьбе царицы и двух племянниц царя (у Лызлова ошибочно дочерей; II, 191). Назиданиями дополнен рассказ из хроник Стрыйковского и Кромера о казни туркофила Гертука (Луки Нотары) [82]. Из книги Гваньини автором делается вставка «о сокровищах».

Как видно из ссылок в книге А. И. Лызлова, особенно много дополнений фактического характера к «Повести о Царьграде...» сделано автором из «Степенной книги». М. Н. Сперанский насчитал семь таких вставок [83]. Кроме того, Лызлов усиливал эмоциональную направленность описания, приводил наиболее драматические эпизоды осады столицы Византии турками.

По наблюдениям М. Н. Сперанского, Лызлов «последовательно исключает все благочестивые размышления составителя „Повести" по поводу свыше предрешенной неминуемости гибели Царьграда, исключает все молитвы, влагаемые „Повестью" в уста царя и патриарха» [84]. И, хотя Лызлов приводит знамения и восклицания о «грехах», все же здесь чувствуется отход от прежнего провиденциализма.

Лишь один раз в книге Лызлова встречается ссылка на жития святых.

Лызлов использовал (в «Скифской истории») фольклор. Помимо южнославянских песен о турецкой неволе, он включил в текст изречения и пословицы. Так, в разделе о хищнической политике турецкого султана он приводит следующие поговорки: «Что собирать и готовить, еже ин ясти имать» или «Чего ради имать то сеять, еже ин собирати будет» (III, 61). В другом месте Лызлов пишет: «...турки обыкоша глаголати, яко идеже конь великого султана заступит ногою, тамо уже не зарастает травою» (III, 64) или «ибо множеству велико доволен бе един противитися». Некоторые мысли он облекает в форму афоризмов: «Не может кроткое овча между свирепыми волки питатися, сице и отрочато от оного волка утешитися» (III, 17) или «Яко слово верное кому бы ни дано было, подобает его крепко держатися» (III, 19) и т. д. Так научный рассказ оживляется приемами устной речи.

---

[82] Рассказ этот приведен и в Густынской летописи (ПСРЛ, т. II, 1843, стр. 357); М. Стрыйковский, *Хроника...* (ГБЛ, ф. 228 Пискарева, д. 171, лл. 885, 886 об.).

[83] М. Н. Сперанский, *Из истории русско-славянских литературных связей*, стр. 217—220.

[84] Там же, стр. 219.

Лызлов привлек документальные материалы приказного делопроизводства. Из книг посольского двора или из Разрядных книг им взяты сведения о переговорах Турции и России при царях Федоре и Борисе Годунове, об основании городов на юге России, постройке укреплений, линий обороны и т. д.

Как видим, Лызлов пользовался весьма разнообразными источниками: летописно-историческими, литературными, поэтическими и отчасти делами приказного делопроизводства.

Конечно, автор далеко не исчерпал всех русских материалов, имевшихся в его распоряжении. Он недостаточно использовал собственно летописные записи, оставил без внимания такие произведения, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», цикл «Сказаний о Мамаевом побоище», не заглянул в сибирские летописи, в очень слабой степени изучил актовые документы.

А. И. Лызлов был знаком с украинскими историческими трудами, получившими затем общероссийское значение. Он неоднократно ссылается на «Синопсис печатный Киево-Печерский», составленный под наблюдением архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля в начале 70-х годов XVII в. и тогда же напечатанный на русском языке[85]. По «Синопсису» Лызлов излагает битву на р. Калке, рисует взятие татарами Киева в 1240 г., Куликовскую битву 1380 г. и т. д.[66] (I, 22, 37, 54—55).

Система изложения и оформление ссылок очень сходны у Лызлова с «Густынской летописью», список которой в 1670 г. был сделан иеромонахом М. П. Лосицким[87].

Близка к «Скифской истории» по содержанию глав, касающихся Турции, хроника игумена Михайловского монастыря Феодосия Сафоновича, составленная в 1681 г.[88].

В разделе «Енеалогия турецкая, откуль взяли свой поча-

---

[85] С. Л. Пештич, *«Синопсис» как историческое произведение,* — «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XV, М.—Л., 1958.

[86] «Синопсис», СПб., 1810, стр. 129—188.

[87] ПСРЛ, т. II.

[88] «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа А. Ф. Толстова», 1825, отд. 1, № 236 (ГПБ, ф. 550, д. F. XVII. 19, лл. 30—125, под названием «Кроника з летописцев стародавных святаго Нестора Печерского и инших, также с кроник польских о Руси, Отколь Русь почалася и о первых князех русских, и по них далших наступуючих князех и о их делах. Собранная працою иеромонаха Феодосия Сафоновича, игумена монастыря Михайловского злотоверхого Киевского, року от сотворения света 7180, от Рождества Христова 1672»).

ток» Сафонович пишет: «Хочем ли обачити, откуль турки пошли — не иначей едино с татар початок их выводити мусим. Албо вем наперед, Отоман, продок их, розбоем жил, як и татарове. Указует то единакая мова (язык), единакий строй, единакие обычаи, едина вера, единакий способ военной стрельбы лучной». И далее следует мысль, неоднократно подчеркнутая Лызловым: «Хочеся мало мовою не згожают, единак так их розный язык от татарского, як польский от русского, албо ческаго, албо влоский от гишпанского»[89]. Вслед за Сафоновичем Лызлов перечисляет завоевания турок во всех частях света, интересуется военным строем турок (ср. у Сафоновича «Порядок о рыцарстве цесаря турецкого») и т. д.[90].

В указанных трудах украинских историков и в «Скифской истории» использованы одинаковые польские и латинские источники. Поскольку упомянутые исторические труды возникли раньше «Скифской истории», есть основание полагать, что через них автор знакомился с произведениями западноевропейской, в частности польской, историографии.

Лызлов с огорчением отмечает гибель многих книг отечественной историографии: некоторых фактов «не обретается в летописцах скудости ради их, браней ради и пленений непрестанных от татар даже до сего времени» (I, 83).

Ограниченность источниковедческой базы побуждала автора расширить круг источников за счет привлечения зарубежных, в основном польских, материалов, а также произведений латино-итальянских и других авторов.

Лызлов подчеркивает вспомогательное значение для своего труда этих источников, которые «зде на свидетельство и подтверждение летописцам российским привести потщуся» (I, 80). Автор не склонен преувеличивать значение используемых им трудов. Так, он отмечает, что некоторые народы «потаени и незнаеми греком и латинником».

Лызлов приводит сведения из работ Геродота («История греко-персидских войн»), Квинта Курция («История Александра Великого»), заимствует строки из «Илиады» Гомера и «Энеиды» Вергилия, цитирует многие стихи Овидия Назона, очевидно в передаче польских авторов.

Из переведенных на польский язык трудов латинских пи-

---

89 ГПБ, ф. 550, собрание Д. М. Голицына, F. IV, 215, л. 228 (227). Ср. Лызлов, II, 107.

90 ГПБ, F. IV. 215, 231 и об. Интересно, как Сафонович оценивал свой труд: «Каждому, вем, потребная есть речь — о своей отчизне знати и иншим пытаючим сказати, бо своего роду не знаючих людей за глупых почитают». И далее снова сходно с Лызловым: «Що тады из розных летописцов руских и кроник польских вычитаем, тое пишу».

сателей Лызлов неоднократно ссылается на «Театрум света всего...» Иоанна Ботера и «Годовые дела церковные» Цезаря Барония[91]. Лызлов был знаком с трудами польских хронистов XV—XVI вв.: Яна Длугоша (1415—1480) «История Польши», Мартина Бельского (1495—1575) «Хроника всего мира», Матвея Меховского (1457—1523) «Трактат о двух Сарматиях», Матвея Стрыйковского (1547—1582) «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси»[92], Мартина Кромера (1512—1589) «О начатии поляков и о делах, от оных соделанных», Александра Гваньини (вторая половина XVI в.) «История Сарматии Европской», Бернарда Ваповского (1480—1535) «Хроника» и прочих.

Как упоминалось выше, Лызлов полностью перевел книгу С. Старовольского. После 7-й главы, IV части в рукописи имеется приписка, которая поясняет историю польского издания «Двора цесаря турецкого». В ней говорится: «Двор турецкий. Свидетельство: ксионз Яков Устенский, святого писания и уставов обоих учитель, рассмотритель книг, в типографию относимых, просмотрев книжку под именем «Двор цесаря турецкого», от велебного ксионза Симона Старовольского, кантора Тарновского, собранную от повестей и книг италийских, яко согласна есть со знаменитыми повестьми и историами свидетельствованными. Юже (многу ради мужей ученых на уничижение безумия поганского) соизволяю, дабы была напечатана». И далее: «Печатана в Кракове в типографии Францишка Цесаря лета 1649»[93].

Книга «Двор цесаря турецкого» в течение XVII в. была напечатана пять раз (первое издание в Кракове, 1646), два раза в XVIII в. и два раза в XIX в. (последнее издание: Краков, 1858)[94].

---

[91] Ц. Бароний, *Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 г.*, М., 1913 (этим изданием мы пользовались).

[92] Укажем польское издание этого труда: Kronika polska, litewska, żmódzka i wszysckiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego», t. I—II, Warszawa, 1846 (далее М. Стрыйковский, *Хроника...*).

[93] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, л. 304; см. также БАН, д. 32.4.27, л. 256; Государственный архив Калининской области, д. 649, л. 223 и др. Симон Старовольский родился в Староволи на Волыни во второй половине XVI в. В 1612 г. он поступил в Краковскую академию наук, где в 1618 г. получил звание бакалавра. Будучи учителем А. Конецпольского, он много путешествовал. Во время пребывания в Италии в 1624—1631 гг. Старовольский воспользовался местными материалами для составления книги «Двор цесаря турецкого». В 1638 г. он стал ксендзом, был кантором Тарновским, каноником Краковским, казначеем Краковской кафедры. Старовольский скончался в 1656 г., оставив около 70 работ, написанных на польском и латинском языках.

[94] «Dwór cesarza tureckiego i rezydencya jego w Konstantynopolu pisany Szymona Starowolskiego», Kraków, 1858.

Во всех полных списках «Скифской истории» в заголовке помечено: «Разделяется же в четыре части, к тому приложена повесть о поведении и жительстве в Константинополе султанов турецких, еже переведено от славено-польского языка во славено-российский язык им же Андреем Лызловым». В конце книги есть точная дата перевода: «Переложено от славенопольского языка во славено-российский язык Андреем Лызловым лета мироздания 7195-го, месяца ноемирия»[95]; следовательно, перевод был сделан Лызловым в ноябре 1686 г., а не в 1683 г., как полагает Е. М. Исcерлин[96].

Изучение текста «Двора цесаря турецкого», имеющегося в «Скифской истории», и сравнение его с переводом, выполненным для Федора Алексеевича в 1678 г.[97], показывает, что Лызлов делал вставки и давал пояснения к тексту Старовольского специально для читателей. Так, в первой фразе он добавляет: «С ним [султаном] же мы, россияне и поляки, ближнее соседство имеем» (гл. I). Имеется вставка о стрельбе из лука и др.

Интересна концовка перевода: у Лызлова «славному же нашему славенскому народу, иже близ его обитаем, изволил дати мудрость, мужество и единовольное согласие со всеми христианы...» и «одержати... благосчастныя победы»; в переводе 1678 г.: «а православному самодержцу нашему...» (л. 153 об.).

Отмечается один существенный пропуск в тексте Лызлова (3 листа главы 5 и начало главы 6). По-видимому, этим можно объяснить путаницу в нумерации глав (в рукописи после четвертой сразу идет шестая)[98].

Лызлов переводит слова русскими терминами, больше приближающимися к бытовым выражениям той эпохи[99].

---

[95] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, л. 376 об.

[96] Е. М. Иссерлин, *Лексика русского литературного языка второй половины XVII в.* (Автореферат), Л., 1961, стр. 8. Автор не упомянула, что князь М. Кропоткин, находясь в 1690 г. в Белграде, сделал перевод книги Старовольского с краковского издания 1689 г. Об этом см.: А. Е. Викторов, *Каталог славяно-русских рукописей... Д. В. Пискарева,* М., 1871, стр. 45; ГБЛ, ф. Музейное собрание, д. 608 (Пискарева, д. 173), л. 35.

[97] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 539. Неточный перевод опубликован Леонидом в «Памятниках древней письменности», т. XLII, СПб., 1883.

[98] ГИМ, ф. Синодальное собрание, д. 460, л. 308 об.; ср. с д. 439, лл. 26—29.

[99] Исходя из этого, нам трудно согласиться с выводом Е. М. Иссерлин о том, что Лызлов в соответствии с традицией церковнокнижной письменности искал слова с более общим значением (Е. М. Иссерлин, *Лексика русского литературного языка XVII в.,* М., 1961, стр. 16—18, 38, 72).

«Двор цесаря турецкого» (перевод 1678):	«Двор султана турецкого» (перевод Лызлова):
гл. 5. О пошлинах и податех градцких	гл. 6. О пошлинах и доходех градских
гл. 7. О судех и справедливости турецкой	гл. 7. О судех и праве турецком
гл. 12. О столе...	гл. 12. О трапезе...
гл. 13. О стаини...	гл. 13. О конюшне...
гл. 17. О упражнении цесаря в Шарою	гл. 17. О утехах султанских в Сарае

Проведенное выборочное сличение показывает, что Лызлов не следовал переводу книги Старовольского, сделанному до него, а переводил текст сам, субъективно трактовал отдельные места, вставлял или опускал значительные отрывки, делал пояснения от себя, иначе переводил отдельные фразы заголовков, толковал термины и т. д.

Наиболее основательно, как указывалось выше, Лызлов использовал «Хронику...» Стрыйковского [100]. Труд этот до сих пор не подвергнут основательному источниковедческому анализу, между тем значение его определяется не только разработкой истории Литвы и Польши, но и тем влиянием, которое он имел на историографию России и Украины. В «Хронике...» Стрыйковского синхронно изложены события по истории славянских стран, включая Россию, в период средневековья. Стрыйковский, написавший свой труд в 1582 г., основывался на произведениях греко-римских писателей, а также в занимательной форме пересказывал то, что было сделано до него в польской историографии: «Хронику...» Яна Длугоша, «Хронику света» Мартина Бельского, «Трактат» и «Хронику» Матвея Меховского, труд Мартина Кромера «О начале поляков», «Хронику» Бернарда Ваповского и др. [101].

Как указывалось выше, Лызлов еще в 1682 г. перевел отдельные фрагменты из «Хроники...» Стрыйковского на русский язык. В предисловии к своему переводу «Истории о начале исшествия народов, обитающих на земли... размноженных по потопе от трех сынов Ноевых» Лызлов пишет: «И по них бывших наследников их, где который народ прежде селе-

[100] ГБЛ, ф. 228 Собрание Пискарева, д. 171 (606), перевод 1688 г. Для сравнения с оригиналом мы пользовались также польским изданием.

[101] Следует отметить, что Стрыйковский в своей «Хронике...» уделяет большое место войнам между Россией, Литвой и Польшей, тщательно подчеркивая случаи поражения первой и ратные подвиги литовских феодалов. Это надо иметь в виду при изучении степени влияния «Хроники...» на русскую и украинскую историографию.

ния своя имели и ныне имеют и откуды различными прозвании именовавшися. Паче же истинныя и свидетельством многим летописцов утвержденный вывод и начаток славенских многочисленных народов российских, московских, польских, чешских, болгарских, сербских, босенских, карвацких, рацких, далмацких, иллирицких, молдавских и протчих славенский язык естественне имеющих». И далее Лызлов замечает: «Еже из многомрачных пропастей неведения обретено бысть ко умножению славы народов славенских, труды и тщанием кроникаря польского Матфея Стрыйковского и напечатано своим его именем во граде Кралевце (ныне Калининград. — *Е. Ч.*), области кралевства Польского в типографии Георгия Остербергера, лета от воплощения слова божия 1582»[102]. Так высоко Лызлов оценивал труд своего предшественника.

Сравнение «Скифской истории» с «Хроникой...» Стрыйковского показывает большое текстуальное сходство труда Лызлова с «Хроникой...». Целые страницы текста Стрыйковского, иногда вместе с ссылками на труды других авторов и пояснениями географических терминов на полях, включены Лызловым в его «Скифскую историю». Так, дословно совпадают в 1-й книге: рассказ о комете, предшествовавшей битве на р. Калка, о болгарах-волгарах, об археологических памятниках на полях «Можарских», о правлении татарских ханов (Джанибека, Бердибека и др.), о событиях в Восточной Европе в XIV в., об Ольгерде и т. д.

Однако, широко пользуясь материалами «Хроники...» Стрыйковского, Лызлов не ограничивается простым копированием или приведением отдельных цитат. Об одном и том же событии он нередко приводит высказывания из работ двух-трех авторов, присоединяясь к мнению одного из них.

В первых строках своей истории он дословно цитирует текст Стрыйковского, который пересказывает слова Диодора Сицилийского о происхождении скифов[103]. Но при этом замечает, что другие историки (например, А. Гваньини) «мнят повесть ту быти лживую или басни в себе содержащую». И далее уже пересказывает «Историю Сарматии Европской»[104]: «Границы же скифские с запада от реки Дону (а Ботер, описатель всего света, полагает от Волги, еже и приличнее имать быти)». Таким образом, передавая сведения, по-

---

[102] ГИМ, ф. Уваровское собрание, д. 242/1582, в 1°, л. 181.

[103] М. Стрыйковский, *Хроника...*, ч. 1, стр. 231.

[104] «О Еуропской Сармации в границах и околичностях ея и стран, которые в себе содержит, и живущего в ней народа описание сицево» (ГПБ, ф. 550, д. Q IV 56, л. 31). С началом «Скифской истории» дословно совпадает текст на лл. 219 об., 220.

черпнутые в «Хронике...» Стрыйковского, Лызлов проверяет и сравнивает их с данными из других произведений и вносит свои поправки.

На стр. 27—30 Лызлов приводит текст из «Хроники...» Стрыйковского вместе со ссылками последнего на польские источники о пребывании болгар и половцев в Причерноморье. Далее автор считает необходимым сделать следующее пояснение: «Зде может быть читателю усумнение, яко един историк во единых местех изъявляет двоих народов жителей, Болгаров и Половцев... еже может тако разуметися: яко той болгарский народ, или прежде сих в тех странах жили, а по них на те места половцы и печенези из-за Днепра... приидоша; или яко пространны суть страны те, оба народы, един в полях, то есть половцы и печенези, а другие, то есть болгары, ближше подле моря жительствовали» (I, 299). Так, комментируя, сопоставляя сведения из польских хроник, автор старается уточнить факты.

Рассказывая о нашествии трех армий Батыя, Лызлов вслед за Стрыйковским ссылается на «летописцев польских Кромера, Длугоша, Меховского», причем ссылка на Кромера Лызловым уточняется (I, 38)[105]. Дальше он сверяет сведения по труду Гваньини и замечает: «яко о том пишет летописец польский Александр Гвагнин в кронице польской: глаголет бо, во время государствования в Польше Болеслава Пудика, то есть Стыдливого (его же кралевства начало, пишет он, лета от Христа 1243 и по сему его свидетельству прибыло два лета приходу татарскому. Обаче не довлеет един он в свидетельство против трех верных выше именованых старых летописцов)» (I, 39)[106]. Так, сравнивая данные разных историков, Лызлов в некоторых случаях стремится поправлять неточности в датах, встречающиеся у польских хронистов.

Пересказывая сведения Стрыйковского о борьбе татар с с войсками литовского князя Ольгерда, Лызлов пишет: «Того ради лета от Христа 1333 (имать быти 1361: ибо Стрыйковский пишет, сего князя Олгерда имуща брань с великим князем Московским Дмитрием Ивановичем лета 1332, его же государствование началося, по известным российским лето-

---

[105] М. Стрыйковский, *Хроника...*, ч. 1, стр. 234.

[106] Полное название труда итальянца Александра Гваньини из Вероны на русском языке следующее: «История Сарматии Европской, в ней же заключается королевство Польское со всеми... княжениями и державами своими, такожды великое княжение Литовское, Русское, Пруское, Жмудское, Инфлянское, Московское и частъ татаров». Польский перевод с латинского напечатан в Кракове в 1611 г. (ГПБ, ф. 550, д. Q XVII, 28).

писцам, лета 6870, а от Рождества Христова 1362)» (I, 52). Из этой фразы видно, что автор отдает предпочтение датировке русских летописей.

Автор стремится проверить не только даты и факты, но и генеалогию татарских ханов. Например, он не соглашается с мнениями Стрыйковского и Гваньини по поводу родственных отношений Узбека и Батыя: «Сего Азбека Стрыйковский называет сыном Батыевым, такожде и Гвагнин о татарех пишучи. Но несть тако, ибо по смерти Батыеви до 6815 (1307) лета, в не же начат владети Азбяк, имать сочестися 59 лет. И по сему свидетельству несть той сын Батыев» (I, 48). В действительности Узбек начал править в 1312 г. и был праправнуком Батыя [107].

Приводя рассказ Стрыйковского о набегах Сеид-Ахмета (Садахмата) на Подолию, а также о его бегстве с девятью сыновьями и мурзами в Литву, Лызлов пишет: «Зде сумнительно... Еже сице разумеется» (I, 68) и приводит сведения из «Степенной книги» (степень 15, глава 2).

Иногда он сравнивает текст Стрыйковского не с одним, а с несколькими источниками. Так, устанавливая дату гибели Ахмата в сражении с ногайским ханом Иваком при возвращении с Руси, он пишет, что «Казанская история» датирует это событие 1480 г., так же как «Степенная книга», а Стрыйковский считает, что Ахмат (или Шахмат) был убит в 1477 г., т. е. «треми леты токмо прежде летописцов российских». Лызлов приходит к следующему выводу: «Но или сице, или тако, обаче от сего времени прииде Орда в конечное запустение» (I, 72).

Приведенные примеры показывают, что Лызлов не только переписывал текст «Хроники...» Стрыйковского, но и пытался проводить сопоставление его с другими источниками.

Хотя рассказ А. И. Лызлова о борьбе западных и южных славян с турецкими захватчиками в значительной степени основан на польских материалах, по построению и общей направленности он перекликается также с работой сербского историка «Турска историа или Кроника, верно и истините списана од неког србина или бошнака, званог Михаило Константинов из Острвице» [108]. Автор пишет о мусульманской религии, о генеалогии султанов, истории борьбы славян, преиму-

[107] М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, — «Мордовский государственный университет», вып. XI, Саранск, 1960, таблица «Родословие ханов Золотой Орды».

[108] «Михаила Константиновича, сербина из Острвице, „История или летописи турские", списаны около 1490 г.», — «Гласник србсог ученог друштва», кн. 18, Белград, 1865, стр. 45 и сл.

щественно сербов, с османами, об устройстве турецкого войска и его борьбе со славянами: «Како се има постројити против тога христиаіанска војска»[109]. Эти же вопросы нашли отражение и в «Скифской истории».

Как указывалось выше, в разделе о турках Лызлов использовал также повесть «Турция или Тракия или Сарацинея — новый сей люд в те страны пришед ис татарского народу», которая попала в отдельные редакции хронографа, по предположению А. И. Соболевского, из польской литературы.

В «Повести о Мехмете» говорится об учении Мухаммеда, общественном устройстве Турции, дается родословие турецких султанов. О том, что Лызлов пользовался польским вариантом «Повести о Мехмете...», свидетельствуют включенные в нее славянские песни о турецкой неволе.

В хронографе текст повести заканчивается песней о турецкой неволе. Лызлов также приводит этот текст, но в более широком варианте (на две страницы печатного листа). Так, он начинает песню со слов:

Сие несогласие христиан принесе,
Яко поганых на главы своя вознесе;
Государство бо стоящие немалый век
Взяша, и днесь у них в неволи всяк человек...

(III, 75—76)

В хронографе же текст песни начинается через 37 строк со слов:

Что прежде Христа имели в свободе,
То ныне дорого купят в поганском народе...

(III, 78)

Таким образом, Лызлов использовал славянские песни о турецкой неволе шире, чем хронограф[110].

Использование Лызловым польских источников иногда давало ему возможность привести дополнительные факты. Так, сражение русской рати под командованием князя П. Серебряного с турецкими войсками, посланными Селимом II под Астрахань, в 1569 г. он излагает по рассказу польского посла в Турции (в 1574 г.) А. Тарановского Белины «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань»[111]. Русские

[109] Там же, стр. 163.

[110] ГБЛ, ф. Румянцева, д. 457, лл. 496—503.

[111] Этот рассказ был включен в «Хронику...» Стрыйковского, который был в посольстве. (П. Броневский, *О Стрыйковском и его хронике,* — «Финский вестник», СПб., т. XVIII, 1847, № 6, стр. 7).

источники замалчивают победу князя Серебряного, впоследствии казненного[112].

Нам представляется знаменательным обращение русского историка к польской исторической литературе XVI—XVII вв., так как в ней очень остро ставились общеславянские проблемы. Не случайно родоначальник польских хронистов XV в. Ян Длугош, изучая историю Польши во взаимодействии с другими народами, писал: «Поэтому и я, имея уже седую голову, стал учиться русскому письму, чтобы наша история была более верною»[113].

Несмотря на свою приверженность католицизму, и Матвей Меховский тревожился за судьбы русских, которых «ежегодно татары и турки мучат, полонят и продают в рабство»[114].

В «Хронике света» М. Бельского, изложившего «Хронику» Б. Ваповского и труд М. Кромера, приводятся мнения о единстве происхождения и судеб славян[115]. Лызлов широко использовал «Хронику света» М. Бельского в главах, посвященных истории Турции, особенно статьи: «Зачало о турских царех, как зачались турские цари, и о войне турския земли», «О делах турецких и о житии их», «Роспись царствам, сколько под турским царем царств...», «О вере и о молитве турецкой» и т. д.[116].

Работа над широким кругом источников помогала Лызлову правильно оценить место Руси в истории европейских народов, ее роль в борьбе славян против татаро-турецких агрессоров, разобраться в событиях в соседних славянских странах.

Привлечение украинской и польской историографии дало возможность Лызлову до некоторой степени преодолеть богословско-догматический провиденционализм и объяснить причины происходивших событий реальными фактами.

Интересны высказывания Лызлова в отношении отдельных авторов и их книг. Так, Ботера он называет «итальянин, всего света описатель». Приводя сведения из труда Ботера о взятии Казани Василием III Ивановичем, а Астрахани — Иваном IV, Лызлов замечает: «знать, в то время писал Ботер книгу свою, егда была Казань под Московскою державою, ибо многажды отступоваху и одолеваемы бываху» (I, 78).

---

112 «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», М.—Л., 1954, стр. 372. Ср. также «Послания Ивана Грозного», под ред. В. П. Андриановой-Перетц, М.—Л., 1951, стр. 550—552 (комментарий Я. С. Лурье).

113 И. Первольф, *Славяне. Их взаимные отношения и связи*, т. II, Варшава, 1888, стр. 101.

114 Там же, стр. 102.

115 Там же, стр. 112—116.

116 ГПБ, ф. 550, Основное собрание рукописной книги, F. IV, 162, лл. 639 об., 686 об., 688, 689.

Отмечая международное значение Куликовской битвы, Лызлов вслед за Стрыйковским, «кроникарем польским», не ограничивается простой ссылкой на Герберштейна, а дает следующие пояснения: «Яко свидетельствует Жигмунт Герберштейн (муж земли Цесарския, бывый не единою послом великим в Москве от цесаря Римского Максимилиана); в книге своей пишучи о Московском государстве...» (I, 55) [117].

Автор поясняет географические названия. Он приводит разные названия города Килии, «иже от древних греков Лифостротон назван мнят неции быти»; или: «Монкаструм — иже и Белград Волосский называется, стоящий на устиях Днепра реки» (II, 212). Лызлов поясняет, что название страны «Георгиана» произошло от веры грузин в христианского мученика Георгия. Или в другом месте: «Нецыи утверждают, яко то была страна Колхийская, яже ныне зовется Мингрелия», и в сноске: «Мингрелия — страна у Хвалисского моря, близко Персии» (I, 15); или «Белгиана (Бенгалия) — область близко Индии»; «Калка — не далеко Дону», «Торговица — на устье реки Буга, за Уманью 25 верст» (I, 23, см. сноски).

В этих лаконичных пояснениях проявляются элементы исторической географии.

В одном месте Лызлов указывает на важность изучения древних сооружений, «иже близко реки Волги, иде же обретаются палаты многия обветшавшия и до ныне явным того свидетельством» (I, 45).

«Скифская история» представляет интерес и с точки зрения развития этнографических знаний в России XVII в.

Лызлов добросовестно выписывал из трудов Гваньини и Стрыйковского легенды о происхождении народов, о названии скифов, о делении Скифии на Европейскую и Азиатскую. Автор делает вывод о собирательном значении этого названия.

Лызлов считает русских славянами, которые лишь граничили со скифскими племенами. Он пишет: «В соседстве и в прилеглости с ними (скифами. — *Е. Ч.*) всегда жили славяне, прародители наши, Москва, россиане и прочии, их же древние историки для общих границ единако и обще скифами и сарматами называли» (I, 9). Говоря о происхождении татар, он приводит легендарные сведения Гваньини (от Скифа, сына Геркулеса), Ботера (от древних иудеев) и других авторов. Поскольку Геродот связывает со скифами происхождение женского племени — амазонок, Лызлов включил популярную легенду об амазонках в свой раздел о происхождении народов. Он изложил версию о татарском происхождении амазо-

---

[117] М. Стрыйковский, *Хроника...*, ч. II, стр. 10, 11.

нок, живших якобы у р. Фермодонта, пересказал, следуя Диодору Сицилийскому, сведения об их участии в Троянской войне, а также об их переговорах с Александром Македонским и привел четверостишие о них из «Энеиды» Вергилия.

Голштинец А. Олеарий, посетивший Россию в XVII в., включил в свой рассказ легенду об амазонках, ее принимал за истину и живший в первой половине XVIII в. Б. К. Тредьяковский. Нет ничего удивительного, что рассказ о воинственных женщинах, создавших свое государство, попал на страницы «Скифской истории». При этом следует принять во внимание всемирное распространение легенды, ее многовековую живучесть, а также, как установил М. О. Косвен, отсутствие даже в современной науке ее сколько-нибудь удовлетворительной трактовки [118].

Лызлов, полемизируя с М. Бельским, пишет: «Название турком за много сот лет перед сим явно было... паче же и сам той историк противится сему, приводящи на свидетельство инаго историка» (II, 121) [119]. И далее: «Начало народа турецкаго вышеписанными и иными многими свидетельствы утверждается быти от скифийского, то есть татарского народа, еже показует единако наречие, единакий обычай, единакий порядок военный». Таким образом, Лызлов ищет корни происхождения народов, исходя из этнографических признаков. При этом он замечает: «Аще в наречии и разнство имеют, но невеликое, яко московское от польскаго» (II, 107), которым он владел до тонкостей.

Внимание к лингвистическим данным проявляется в книге и в других случаях. Так, приведя путаные объяснения польских хронистов о происхождении половцев и готов, от которых якобы идут литва (ятвяги) и пруссы, он вполне реалистически пытается объяснить название половцев: живших в полях, занимавшихся ловлей зверя, «полеванием» и «полоном» — грабежом (I, 30).

Таким образом, в лингвистических наблюдениях проскальзывает понимание Лызловым роли языка как одного из элементов этнической классификации. Лызлов интересовался происхождением имен политических деятелей. Так, говоря о Темир-Аксаке, он отмечает, что русские «летописцы называли Темир-Кутлуем, а татарове Темир-Кутлу, то есть щастливое железо, латинские же списатели называли его лютым Тамер-

---

[118] М. О. Косвен, *Амазонки. История легенды,* — «Советская этнография», 1947, № 2—3. Автор склоняется к мысли о появлении этой легенды у разных народов в период матриархата.

[119] Бельский считал, что турками стали называть племена, пришедшие в Малую Азию после завоевания ими Фракии.

ланом» (I, 58). Однако здесь Лызлов вслед за источниками путает имя золотоордынского хана Тимура Кутлука (1397—1399) с завоевателем Средней Азии Тамерланом.

В каждом разделе своей книги Лызлов описывает быт, нравы, верования, военный строй народов; например, говоря о религии татар в древности, он замечает, что они «солнце, месяц, огонь в великом почтении имели» (I, 9).

Черты русской этнографической мысли, отмеченные М. О. Косвеном для XVIII в.[120], а именно: ее практическая направленность, реализм описаний, свобода от религиозной нетерпимости, понимание роли языка в этногенезе народов, в равной степени присущи и автору «Скифской истории». Элементы этнографических сведений, имеющиеся в книге, позволяют считать Лызлова ближайшим предшественником Татищева, создателя исторической этнографии в России.

А. И. Лызлов о борьбе народов с татаро-монгольскими завоевателями

Большое место в «Скифской истории» Лызлов отводит борьбе славян, венгров и других народов против татаро-монголов; при этом Лызлов подчеркивает ведущую роль русского народа, сумевшего сохранить свою государственность даже в тяжелых условиях иноземного ига. Лызлов, конечно, не мог в то время решить такой вопрос, как происхождение татаро-монголов и причины их экспансии. Но он задумывался над ним, изучал различные мнения историков.

Автор приводит легенды о происхождении монголов, ставит вопрос о различии монголов и татар[121]. В I-й главе он пытается выяснить, «коих времен и яковаго ради случая татарове от отеческих своих мест подъемшеся в Европу приидоша?» (I, 16). Автор очень кратко рассказывает об объединении монголов при Чингисхане, его борьбе сУнкамом[122] и начале завоеваний, от которых «трепета вся Европа» (I, 17).

---

[120] М. О. Косвен, *Материалы к истории ранней русской этнографии (XII—XVII вв.)*, — «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», М., 1956.

[121] Вопрос о происхождении татаро-монголов сложный и до конца не решен современной наукой. Исследователь этого вопроса М. Г. Сафаргалиев считает, что татарами (племенное название) назывались покоренные монголами тюркские народы (М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, стр. 30). В китайских источниках монголы и татары называются «да-да». В действительности татары одно из монгольских племен.

[122] Так Лызлов называет кереитского Ван-хана (Онг-хана монгольских летописей).

Лызлов сообщает некоторые сведения о народах, обитавших на Волге и в Причерноморье до прихода татаро-монголов. Он именует булгар волгарами (от названия р. Волги), часть которых ушла с князем Дербалом в Дакию и поселилась на Балканах.

Лызлов отмечает враждебное отношение половцев к русским, указывает на постоянные войны с ними и сетует по поводу их коварных действий в момент битвы на р. Калке.

Однако он стремится быть объективным: называет половцев народом «военным и мужественным», «язык же с российским и с польским, и с волжским смешан имели» (I, 30) Несмотря на то что они «жили под наметами, на возах вся своя имения превозяще, яко ныне татарове, наместницы их», т. е. были кочевниками, Лызлов вслед за М. Стрыйковским подчеркивает общение половцев с причерноморскими греками и итальянцами и отмечает их участие в освоении городов и селений в Крыму и Приазовье.

Историю татаро-монгольского государства Лызлов прослеживает от его зарождения до расцвета и распадения на отдельные орды.

Прежде всего автор определяет географическое положение Золотой (Заволжской) Орды — от Булгар до Ногайской Орды. По мнению Лызлова, Золотая Орда была прозвана так «московскими народами» за грабеж чужих сокровищ и сбор дани от многих стран. Роскошные палаты в г. Сарае на Волге, развалины которого автор видел еще в XVII в., «соделаны быти художники и работники, веемлемыми от российских стран» (I, 45).

От взгляда Лызлова не ускользнули симптомы распада Золотой Орды в XIV в.: «Она начат умалятися и к падению наклонятися». Он сообщает о смутах, начавшихся там в середине XIV в., когда в борьбе за власть Джанибек (1342—1357), Бердибек (1357—1359) и другие ханы убивали родных братьев. Лызлов рассказывает о правлении ханов в Орде или ее улусах после Бердибека. Говоря о битве у Синих Вод (1363), он указывает на то, что татары, кочевавшие в низовьях Буга, были «на трое разделенными» и возглавляли их три «салтана»: Кутлубек (или Кутлубуг), Качибирей (или Хаджибирей) и Диментр (Дмитрий).

Внутренние сумятицы в Золотой Орде, по мнению Лызлова, были правильно учтены московским князем Дмитрием Ивановичем, который «слыша о таковых несогласиях царей ординских и убийствах их между собою», не послал к темнику Мамаю «даров обыкновенных».

Одновременно автор отмечает образование Крымского ханства и других орд.

А. И. Лызлов освещает внутреннюю историю Орды, ее взаимоотношения с Русью, Польшей, Литвой, Валахией, Крымом и т. д.

Приводя сведения о вмешательстве литовских князей в династические распри в Золотой Орде, Лызлов сообщает, что сын Тохтамыша Зелени Салтан (Залед, Зеледин) оказал полякам и литовцам помощь против немецких «крыжаков» (католиков, крестоносцев) в момент Грюнвальдской битвы 1410 г., но сам погиб. Однако это не подтверждается другими источниками [123].

Особое внимание автор уделяет русско-татарским отношениям. В первых двух частях «Скифской истории» освещается начало завоеваний татаро-монголов, походы Батыя, описывается борьба русских городов в XIII в. и переход к планомерному наступлению против татаро-монголов в XIV — начале XV в. и, наконец, распадение Орды и окончательное сокрушение татаро-монгольского ига.

Кровавый путь полчищ Батыя в Восточной Европе Лызлов рисует хотя и эмоционально, но схематично. Он останавливается на битвах за Москву, Коломну и Владимир, перечисляет города, разоренные татарами, указывает, что в феврале 1238 г. было сожжено 14 городов в одной Владимирской земле. Подробно описана битва на р. Сити в 1238 г., решившая судьбу северо-восточной Руси.

Тонко подмечает автор разные цели противостоящих друг другу армий: Батыева рать стремилась к славе и богатству, русские воины — «хотяще оборонити любимое отечество». По его мнению, татары победили вследствие огромного численного превосходства — 100 : 1.

Борьба за Киев излагается автором по «Синопсису».

Не ограничиваясь рассказом о первых двух походах Батыя по русской земле, Лызлов прослеживает ход борьбы западных славян и венгров с нашествием татар.

Он останавливает внимание на битве в 1241 г. у Лигнице, причем описание хода сражения он заимствовал у Гваньини. Лызлов подчеркивает факт объединенных действий пруссов, поляков, силезцев и великополян под командованием Генриха Благочестивого.

Лызлов с сокрушением сообщает о разорении монголами Венгрии в результате поражения войск короля Белы IV.

---

123 В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. II, 1941, стр. 139 и сл.

Основываясь на «Степенной книге» и «Синопсисе», Лызлов сообщает о переписи населения, проведенной численниками, и останавливает внимание на многочисленных восстаниях русских городов против баскаков в 1262 г. В соответствии со своими социальными взглядами Лызлов считал, что в восстаниях проявлял инициативу не народ, а князья, договорившиеся истребить баскаков, за исключением принявших христианство.

Лызлов кратко сообщает по «Синопсису» о Куликовской битве, упоминает об измене Олега рязанского, но умалчивает об отношении Ягайло Литовского к Москве, игнорируя противоречия в Восточной Европе. Странно, что эта битва, о которой остались сведения не только в летописях, но и в поэтической и житийной литературе, описана Лызловым так скупо. Однако автор отметил ее большое международное значение, ссылаясь на отзыв Сигизмунда Герберштейна и «кроникаря польского Матвея Стрыйковского», по словам которых трупы татар лежали на много верст в округе. При этом Лызлов сообщает интересную подробность из литовских хроник: после отхода уцелевшей части орды Мамая на юг и его битвы с Тохтамышем (по-видимому, у р. Кальченки) он с четырьмя мурзами тайно бежал в Кафу (Керчь), где был узнан и убит генуэзцами (в действительности Мамай был выдан жителями Кафы его противнику Тохтамышу).

Говоря о трагических событиях 1382 г., когда Тохтамыш переправился с огромной ратью на ладьях через Волгу и с помощью Олега рязанского подошел к Москве и сжег ее, Лызлов упоминает об уходе Дмитрия в Кострому. Автор справедливо выделяет роль Владимира Андреевича Серпуховского в сражении за Москву, отряд которого бесстрашно уничтожал татар под Волоколамском (I, 56).

В рассказе о завоеваниях Темир Аксака Лызлов в обращении к читателю ссылается на «довольную повесть» многих летописцев, но преимущественно использует труды польских хронистов XVI в. Одной фразой Лызлов сообщает о вторжении Тимура на Русь. Дойдя до рязанских пределов, Тимур повернул обратно, овладел Персией, Дамаском, Вавилоном, Сирией, Мидией, завоевал Армению и всю Малую Азию.

Интересен материал, приведенный Лызловым, о завоевательных приемах Тимура: подходя к городу, Тимур ставил белый шатер («намет»), это означало предложение сдаться с сохранением жизни и имущества; на второй день раскидывался багряный шатер, означавший угрозу взять город силой; на третий день появлялся черный шатер, что означало решение полностью истребить жителей.

Лызлов излагает борьбу Руси с набегами Сеид-Ахмета (в 1451, 1455, 1459 гг.) и указывает, что в сражении у берегов Оки русской ратью руководил сын великого князя—Иван.

О набеге Сеид-Ахмета на Подолию Лызлов рассказывает по «Степенной книге». Сеид-Ахмет был разбит крымским ханом Хаджи-Гиреем в момент его прихода к р. Дону; когда в 1468 г. один из ханов осуществил большую диверсию против Литвы, Подолии и Валахии, татары были трижды разбиты, сын хана захвачен воеводой Стефаном в плен, послы посажены на кол. Лишь один посол был отпущен для того, чтобы рассказать хану о случившемся.

Ярко описывает Лызлов хорошо известный по русским источникам следующий факт: когда хан Ахмат прислал по обычаю послов просить дань, великий князь Иван Васильевич «Московский и всея Руси» велел перебить послов, плюнул на басму (печать с изображением хана) и растоптал ее ногами.

Лызлов приводит несколько версий, имеющихся в источниках, об обстоятельствах «стояния на реке Угре», но он доверяет больше не «Хронике...» М. Стрыйковского и не «Степенной книге», а Засекину летописцу, согласно которому несостоявшийся союз хана с Литвой ускорил отход Ахмата в степь.

Автор считает, что татаро-монгольское иго продолжалось 269 лет — с 1237 по 1506 г. (обычно принято считать 240 лет— с 1240 по 1480 г.).

Вскрывая сущность татаро-монгольского ига, Лызлов отмечает: «В тех странах баскаки или атаманы над россианы власть имели, иже дань с них собирали и по своей воле россиан, яко подданных, судили» (I, 52), и полагает, что «начат наипаче малитися большая орда от непрестанных своих междоусобных браней и нестроения, паче же от пленения воинства российскаго» (I, 78).

Это заключение основывалось на собранных историком фактах героической, самоотверженной борьбы Руси за свою независимость.

Лызлов сообщает не всегда верные сведения о датах правления ханов. Преемник Батыя Сартак умер не в 1262 г., а в 1257 г. Ногай называется ханом Золотой Орды, хотя он был старшим темником при ханах Туда-Менгу (1282—1287) и Тохте (Токтае, 1291—1312); о Туля-Буге (1287—1291) автор не упоминает совсем. В какой-то степени это объясняется тем, что Лызлов недостаточно использовал русские летописи, в которых подробнее и точнее изложены события XIII и XIV вв., чем в польских хрониках. Сопоставив факты, взятые из лето-

писи (о борьбе Юрия Даниловича с Михаилом тверским), Лызлов устанавливает конец правления Ногая в 1307 г.

Основываясь на работе А. Гваньини, он называет Батыя не внуком, а сыном Чингисхана. Целью походов Батыя автор считает распространение «проклятого Махометова учения», хотя известно, что Батый в момент завоеваний оставался шаманистом, а распространение ислама среди монголов началось при его преемнике Берке (1257—1266) [124].

Упомянув о походе Кавгадыя и Юрия Даниловича против Михаила тверского в 1317 г. (а не в 1315 г.), Лызлов опускает известия русских летописей об антитатарских выступлениях в северорусских городах в начале XIV в. (в Костроме, Нижнем Новгороде, Брянске, Ростове, Твери), совсем не упоминает о правлении Ивана Калиты и кратко сообщает о поездке в Орду Симеона Гордого и митрополита Феогноста (не в 1342 г., а в 1343 г.), заботившегося об освобождении церкви от дани. Как известно, духовенство добилось льгот в 1357 г. по ярлыку хана Бердибека.

Автор утверждает, что Улу-Мухаммед сначала был изгнан Эдигеем, в действительности Худайдатом в 1424 г. [125].

Излагая историю взаимоотношений Золотой Орды со славянскими странами, автор, чтобы подчеркнуть единство действий славянских государств против Орды, замалчивает внутренние распри в славянском мире, захват Литвой и Польшей западно- и южнорусских земель (Украины и Белоруссии).

Лызлов повествует лишь о вторжении татар в Литву и последующем их поражении: он восклицает, что отныне поля от Путивля до Киева, к устью Дона и до Очакова на Днепре «от татар свободишася!» (I, 53). Лызлов умалчивает о временном союзе Ахмата в 1472 г. с литовским князем Казимиром. Он перечисляет неудачные попытки Золотой Орды воспользоваться территориальными спорами Москвы с Литвой в XV в., указывает на возникновение недолговечных союзов Мамая с Ягайлой, Ахмата с Казимиром IV и др. Автор подчеркивает, что литовские князья хотя и вступали в союзы с татарами, но в решительный момент покидали их, что шло на пользу их славянскому соседу — Москве.

Свою основную тему — борьбу русского народа и его соседей с татаро-монгольскими завоевателями — Лызлов решает на широком историческом фоне. Особенно он внимателен к соседним с Русью странам — Венгрии, Моравии, Польше, Литве, Валахии.

[124] Б. Д. Греков и А. Я. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950, стр. 74.

[125] Лызлов ошибочно считает датой смерти Эдигея 1431 г. (I, 63).

Историографическое значение истории золотоордынского владычества в трактовке Лызлова состоит в следующем:

1) на конкретных фактах он показал пагубность татаро-монгольского ига не только для русского, но и для других народов;

2) сделал попытку выяснить причины начала и конца владычества татаро-монголов;

3) эмоционально и глубоко патриотично рассказал о многовековой борьбе русского и других народов с татаро-монгольскими захватчиками.

* * *

Следующий раздел «Скифской истории» посвящен истории Казанского ханства и борьбе Русского государства за присоединение Казани и Астрахани.

Автор ставит своей целью показать ущерб, причиненный Руси татарами, а также «подвиги и труды» русских воинов в борьбе за присоединение Казани. Он сознавал большие трудности освещения темы как из-за отдаленности описываемых событий, так и из-за скудости источников.

Для написания этой части книги Лызлов в большей степени пользовался источниками отечественного происхождения.

Пестрое по этническому составу Казанское ханство Лызлов ставит выше других татарских орд по уровню развития. Он пишет: «Царство Казанское славно и великоможно от давних времен бяше и знаемо не точию российским народом, но и иностранным многим» и приводит высказывания о ханстве Ботера и Гваньини. Автор рисует географическое положение Татарии, приводит легенды об основании городов (I, 83).

В самой постановке вопроса о начале Казанского ханства Лызлов совершенно отходит от традиции, по которой временем основания ханства считается правление Улу-Мухаммеда (вторая треть XV в.). Он ведет его начало с 1257 г., когда на южных границах древнего Булгарского царства Сартаком было основано Казанское ханство, подчинившее «болгарские грады со всеми людьми в них и в уездех живущими» (I, 83). (В советской историографии начало Казанского ханства некоторые историки связывают с походом Булат-Темира в 1361 г.)

Это утверждение расходится как с последующими утверждениями Лызлова о пребывании булгар на Волге в конце XIV в., так и с позднейшей историографией. Длитель-

ное существование булгарской традиции подтверждает такой источник, как «Изложение болгарских повествований» Хисамуддина, сына Шереф-эддина (1551) [126].

Политическую историю этого «Саинова юрта» более подробно Лызлов рассматривает лишь с конца XIV в., объясняя это отсутствием источников. При этом главным аспектом изложения оставалось взаимоотношение Казани с Москвою. Правление Улу-Мухаммеда, которого большинство историков считает родоначальником Казанского ханства, Лызлов склонен расценивать как «обновление» ханства, а не начало его.

Сведения об Улу-Мухаммеде до его прихода в Казань автор почерпнул из Засекина летописца. Они заключались в следующем: Улу-Мухаммед, изгнанный из Орды, бежал в Крым, а затем перекочевал в русские пределы, получив разрешение великого князя Василия жить в районе Белева. Большая часть русских летописей отрицает миролюбивые намерения Улу-Мухаммеда [127]. Затем якобы русский князь Василий Васильевич побоялся иметь такое опасное соседство и послал против татар 14-тысячное (или 40-тысячное) войско под командованием Дмитрия Шемяки, Дмитрия Красного, тверских и рязанских князей, которое 5 декабря 1437 г. было разбито. Хан с тремя тысячами татар окопался в Ледяном городке и будто бы умолял, чтобы его оставили в покое, но, не получив положительного ответа, сделал вылазку и в жестокой битве одолел русскую рать: в живых остались братья князя и пять воевод с немногими людьми. Очевидно, это поражение в какой-то степени объяснялось враждебной позицией воевод по отношению к Москве. О бесчинствах войска говорится и в русских летописях: «все награбиша у своего же православного христианства и мучаху людей...» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 260). После этого Улу-Мухаммед откочевал в Поволжье и обосновался в Казани, совершая оттуда грабительские набеги на русские земли.

О дальнейшей судьбе Улу-Мухаммеда и его сыновей Лызлов судит по летописям и приходит к мысли, что Касимовский удел, бывший во владении сына Улу-Мухаммеда Касима, уехавшего после смерти отца в Москву, стал подвластным

---

[126] М. Худяков, *Мусульманская культура в Среднем Поволжье*, Казань, 1922, стр. 16.

[127] В ходе династической борьбы Улу-Мухаммед неоднократно изгонялся из Орды. В последний раз в 1437 г. это осуществил хан Гыяс-эд-Дин, а не Эдигей (сторонник династии Темир-Кутлу), умерщвленный по приказу Улу-Мухаммеда. Лызлов эти события излагает неточно. (М. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань, 1923, стр. 16—17).

России. В действительности Касимов оставался автономным и одно время получал дань с некоторых русских князей[128].

В «Скифской истории» сообщается, что по воле Ивана III неугодный казанцам Мухаммед-Эмин, который «начат и прочим жителем казанским обиды и насилия чинити и женам их бесчестие», был сменен, и на престол вступил его брат Абул-Латых (Абдул-Латыф), который через пять лет был свергнут с престола за «неверность» Москве и сослан на Белоозеро. Он умер не в 1502 г., как пишет Лызлов, а в 1517 г. Эти факты не нашли отражения в современной литературе[129].

В этой части своего труда (ч. I, кн. III, гл. 3) Лызлов вынужден касаться взаимоотношений Казани с Крымом и Турцией. Перипетии династической борьбы в Казанском ханстве он склонен ставить в зависимость от взаимоотношений его с Россией. Лызлов насчитывает четыре группировки феодалов, враждующие за престол в Казани: турецкую, московскую, крымскую и ногайскую.

Причину падения хана Шигалея (Шах-Али, Шах-Гали) автор видит в его промосковской политике. К 1521 г. Лызлов относит выступление казанцев против живших в ханстве русских и татар, пришедших в Казань с московским ставленником Шигалеем. Лызлов вслед за «Казанским летописцем» описывает, как Шигалей и царский воевода были отправлены на Русь с двумя слугами, у Волги они повстречали рыболовов, которые проводили их к русским границам. На смену ему часть казанской знати тайно призвала из Крыма Саиб-Гирея (Лызлов ошибочно называет его Сафа-Гиреем), который прибыл в Казань в 1524 г.

Призыв на престол брата Шигалея Эналея (Джан-Али) автор относит к концу правления Василия III (1532—1533 гг., в действительности в 1535 г.). С Эналеем в Казань прибыл русский воевода князь В. Пенков, но вскоре они оба были убиты представителем крымской партии, и на престоле оказался бежавший ранее Сафа-Гирей.

От пристального взгляда историка не ускользнули умножившиеся «несогласия и развраты» внутри Казанского ханства.

Сравнение текста «Казанской истории» и «Скифской истории» показывает, как говорилось выше, незначительную раз-

---

[128] Ср. В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, ч. I, СПб., 1863, стр. 155.

[129] См., например, «Историю Татарской АССР», т. I, Казань, 1955, стр. 190 и сл. Наиболее подробно политическая история Казанского ханства изложена в книге М. Худякова, *Очерки по истории Казанского ханства.*

ницу в разделах, изображающих попытку бегства Кошака с царицей Суюнбеки (Сюмбека) в Крым и третье воцарение Шигалея.

Но, несмотря на наличие в «Скифской истории» сведений по политической истории Казанского ханства, они не имели самодовлеющего значения для Лызлова, главное внимание он уделял проблеме взаимоотношений Руси с Казанью.

Первое столкновение казанских татар с Русью Лызлов вслед за «Степенной книгой» относит к 1396 г., когда соперник московского князя Василия суздальско-нижегородский князь Симеон спровоцировал подход к Мурому казанской рати (во главе с Эктяком). В ответ на это великий князь Василий Дмитриевич послал рать на Казань и Булгары под командованием своего брата Юрия, которая захватила ряд городов и разгромила ханство, — уже с этого времени Лызлов склонен видеть ослабление его: «смирися Казань и в скудость прииде». Таким образом, вопреки установившимся суждениям о разгроме Булгарского царства в результате похода Булат-Тимура в 1361 г., Лызлов приписывает решающую роль походу Юрия Дмитриевича.

Второе наступление московских князей против Казани Лызлов относит к 1421 г., хотя значительно важнее был поход под командованием Федора Пестрого в 1432 г.

А. И. Лызлов придерживается спорной версии об измене воеводы Ивана Руно во время третьего похода 1469 г. под Казань, изложенной в Архангелогородском (Устюжском) и некоторых других летописных сводах. По мнению С. М. Соловьева, а также советского историка К. В. Базилевича обвинения Руно в измене не имеют под собой достаточных оснований [130].

Лызлов подробно описывает битву 1487 г. русских под командованием трех князей (Д. Холмянского, А. Оболенского и С. Ряполовского) с татарами, возглавляемыми Алеханом (Али-ханом); в результате этого сражения русские на время овладели Казанью, ханская семья была выслана в Вологду и на Белоозеро. Царевич Кудайлук (Худайкул) крестился, получил имя Петр и женился на Евдокии, сестре московского великого князя. Историк подчеркивает, что таким образом казанская династия породнилась с московской.

Лызлов с удовлетворением отмечает, что Иван III после «стояния на Угре» в 1480 г. стал распоряжаться казанским

---

[130] С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен,* кн. 1, стр. 1415; К. В. Базилевич, *Внешняя политика Русского централизованного государства,* М., 1952, стр. 69.

4 Зак. 260

престолом. Подводя итог восточной политике Ивана III, Лызлов заключает, что Казань 17 лет фактически находилась под контролем России. Год смерти Ивана III Новиковым переведен неточно: не 1506, а 1505 (I, 96).

Далее Лызлов рисует враждебные происки части казанских феодалов по отношению к Москве: 24 июня 1506 г., когда в Казани происходила многолюдная ярмарка, на которую съехалось множество богатых купцов с товарами, хан Мухаммед-Эмин устроил «варфоломеевскую ночь» и приказал перебить всех русских людей, проживавших в казанских пределах. Но это не осталось без ответа: к Мурому было выслано большое войско русских, которое подошло к Казани также во время ярмарки. Лызлов отмечает, что в тот момент легко было бы взять город, но вместо этого русское войско, и особенно воеводы, «побравши многое богатство и довольство, преисполненное брашен и питий, ослабеша в подвизех, и начаша ясти, и пити, и спати довольно, мняще поганых в конец побежденных» (I, 97). На протяжении всей книги автор не раз подчеркивает опасность подобного преждевременного упоения победой: воспользовавшись таким состоянием противника, хан на третий день сделал вылазку и разбил русских.

Приостановку действий России против Казани Лызлов объясняет 20-летней борьбой с Польшей. В 1524 г., когда при посредничестве императора Максимилиана Россия заключила перемирие с Польшей, Василий послал 150-тысячное войско под Казань, которое разбило на Свияге крупные силы казанцев. Но действия сухопутных сил не были поддержаны речным флотом, разгромленным татарами, и это помешало, по мнению автора, взять город. Лызлов проявляет объективность, отмечая мужественную смерть татарского богатыря-аталыка в сражении 16 июля 1530 г.

В период несовершеннолетия Ивана IV опустошительные набеги казанцев на пограничную русскую территорию привели ее «в конечное запустение», и это было, по мнению автора, причиной дальнейшей борьбы России за Казань.

Лызлов рассказывает о реформе русской армии при Грозном, о создании полков «пеших воинов со огненной стрельбою, не бывших прежде в России, их же именова стрельцы», о награждении воинов жалованьем «по достоинству» и т. д.

В «Скифской истории» подробно описываются события, предшествовавшие окончательному присоединению Казани, Москва «непрестанно посылаше многия воинства воевати Казань и областей ея» (I, 110) (поход князей С. Микулинского и В. Серебряного и др.).

Этапы борьбы за Казань в 1551—1552 гг. изложены Лызловым по тексту «Казанской истории», хотя ссылки на нее не даны.

Перед тем как описать знаменитый поход Ивана Грозного под Казань, Лызлов, отдавая дань традиции, вслед за «Казанской историей» рассказал о мучениках и о «знамениях», предшествовавших этому важному событию.

То, что в этих рассказах внимание Лызлова привлекают «мучения» воина Иоанна и купца Петра, а не только духовных лиц, лишний раз подчеркивает светское направление работы Лызлова.

Интересно замечание автора о месте похорон Петра: он «положен бысть на месте, *иде же ныне стоит храм* Воскресения Христова, *на житном торгу*» (курсив наш. — *Е. Ч.*). Эта фраза, как нам кажется, свидетельствует о том, что автор сам бывал в Казани и хорошо знал ее месторасположение.

Как в «Казанской истории», так и в книге Лызлова имеются сведения о созыве в Золотой палате боярской думы, «всех местных князей и всех благородных вельмож», а также митрополита Макария, архиереев «со всем освященным собором». По-видимому, это было совещание соборной формы[131]. Вся глава о присоединении Казани проникнута безмерной апологией Ивана Грозного. Лызлов подчеркивает «миролюбие» Ивана Грозного, пославшего татарам перед наступлением на Казань «милостивые грамоты». Он идеализирует царя-воина, который, выйдя из Казани, ночует прямо на песке.

Лызлов подробно останавливается на расположении войск около основной базы русских — Свияжска. Это звучало актуально в том отношении, что одной из причин неудачи современных автору Крымских походов В. В. Голицына была оторванность базы от войска и отсутствие укрепленных пунктов по пути следования его. Лызлов пишет, что русские имели в Свияжске прочную базу: «прииде воинство, яко во свои домы, от того долгого и нуждного пути»; водным путем сюда были отправлены провиант и артиллерия, а вслед за этим к Свияжску потянулись бесчисленные купеческие караваны.

Рассказ о переправе и походе войска к Казани с развернутым русским знаменем дословно совпадает с изложением «Казанской истории» (I, 136—137). Как человек служилый, Лызлов неоднократно обращает особое внимание на значение артиллерии и флота в борьбе за Казань.

[131] М. Н. Тихомиров, *Сословно-представительные учреждения (земские соборы в России XVI века)*, — «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 9; С. О. Шмидт, *Соборы середины XVI в.*, — «История СССР», 1960, № 4, стр. 88.

Послание митрополита Макария, переданное царю через И. С. Фомина-Плещеева, Лызлов не приводит полностью (как в ПСРЛ, т. XIX), а лишь коротко пересказывает, не преминув указать на то, что митрополит просит у царя прощения за то, что дерзнул уговаривать его возвратиться в Москву. Это единственная мысль, взятая Лызловым из пяти столбцов текста послания Макария. Излагая обращение Ивана Грозного к воинам, автор подчеркивает мысль об ответственности царя перед подданными, столь созвучную политическим идеям XVI в.: «Уже бо, рече, не могу слышати всегдашняго плача людей божиих, врученных мне...» (I, 126).

Как уже указывалось в обзоре источников, использованных автором для написания «Скифской истории», Лызлов не слепо следовал «Казанской истории», а сопоставлял ее текст с другими материалами. Так, фамилии воевод, участвовавших в казанском походе, взяты им, очевидно, из Воскресенской летописи (по Новоиерусалимскому списку) [132].

Как установила Г. Н. Моисеева, данные о воеводах под Казанью намеренно фальсифицированы в списке «Казанской истории». Лызлов же, следовавший в основном в рассказе о взятии Казани этому источнику, в данном случае привел о воеводах сведения, более соответствовавшие реальной расстановке сил в 1552 г. В частности, он упомянул имена А. М. Курбского, М. И. Воротынского и др., намеренно исключенные из «Казанской истории» (I, 182). Как указывалось выше, в рассказе о взятии Казани Лызлов использует также книгу А. М. Курбского. По книге Курбского «История о великом князе Московском» описана Лызловым Казань, ее стратегическое положение, укрепления (I, 138).

Подробно описанные в «Истории...» А. М. Курбского действия отрядов правого фланга («правой руки») воспроизведены и в книге Лызлова. Следуя этому источнику, автор сообщает о поддержке, оказанной русскому войску со стороны «черемисы горной», чувашей и мордвы, которые возводили мосты, устраивали гати на болотах и т. д. (I, 134).

В этой части своей работы Лызлов часто использует текст «Степенной книги». Однако он отошел от ее системы изложения истории строго по княжениям. О смене княжений он говорит мимоходом, лишь в связи с каким-нибудь событием. Например: «Великий же князь Василий Иоаннович, иже бысть преемник скиптра Российского царства по отце своем, восхоте отмстити измену ко отцу своему от казанскаго царя и Казань паки восприять...» (I, 96). Так же коротко, в одной фразе,

---

[132] ПСРЛ, т. VI, 1853, стр. 305.

упоминает он и о воцарении Ивана Грозного (I, 106). В данной главе для него путеводной нитью являлись вехи борьбы за Казань. Хотя этот раздел «Скифской истории» основан главным образом на источниках отечественного происхождения, в написании его Лызлов был наименее самостоятелен, резче проявился компилятивный характер его работы. Путано изложена взаимосвязь Булгарского царства и Казанского ханства, слабо показано стремление Турции оказывать влияние на его политику. Имеется множество ошибок в датах и фактах.

Итак, на страницах «Скифской истории» отразился двухсотлетний период взаимоотношений Руси и Казанского ханства. В отличие от последующих историков автор не связывает возникновение ханства с именем Улу-Мухаммеда, а ведет его начало со времени прихода татар в Среднее Поволжье (1257 г.). Лызлов пристально изучает успешные действия русских войск против Казанского ханства в княжение Василия Дмитриевича и особое внимание уделяет восточной политике Ивана III. Автор дает представление о борьбе четырех групп феодалов в Казани. Он ставит в зависимость внутренние события в ханстве от его взаимоотношений с Россией. Решающей причиной активности России в отношении казанских татар автор считает их непрерывные опустошительные набеги на русскую территорию.

* * *

Основание для борьбы русских войск за Астрахань Лызлов видит в том, что она, как и далекая Тмутаракань, была «древним российским достоянием» (I, 199). Лишь после смерти князя Всеволода, во время «браней и нестроения во князех российских» (т. е. в период феодальной раздробленности), Батый смог ее захватить.

Лызлов рассказывает о взятии Астрахани 2 июля 1556 г. более кратко, чем Никоновская летопись. Он выделяет при этом роль Ю. И. Шемякина-Пронского (участника покорения Казани) и царского постельничего Игнатия Вешнякова, «мужа храброго и искусного». Как в рассказе о наступлении на Казань, так и теперь Лызлов особенно тщательно описывает операции, проводимые при помощи флота: например, действия против изменившего царю Эмургея (Ямгурчея), который был вынужден бежать в Тюмень, к Сибирскому хану. Следуя за Никоновской летописью, Лызлов пишет о взятии русскими большого числа пленных мужчин и женщин и, с другой стороны, об освобождении «российских пленников, от древних лет заведенных тамо». Далее коротко рассказывается об ут-

верждении на астраханском престоле московского ставленника Дербыша (Алея).

Борьбу Руси за Поволжье Лызлов снова связывает с необходимостью противодействовать крымско-турецкой агрессии. В связи с этим, нарушая хронологическую последовательность, он рассказывает о печально знаменитом походе войск турецкого султана Селима II под Астрахань (1569). Лызлов отмечает, что в русских источниках этот факт не нашел достаточного отражения, поэтому он обратился к трудам польских авторов (А. Гваньини, М. Стрыйковского и др.), использовал «Историю о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань».

Лызлов передает, что во время этого похода турки совместно с крымскими татарами подошли к Переволоке, где Дон приближается к Волге, и здесь хотели «брег перекопати и проток (канал) учиня» пройти стругами к Астрахани. Однако смелые действия русского отряда под командованием князя П. С. Серебряного (казненного Грозным в 1570 г.) сорвали замыслы врагов, и, по мнению автора, именно «от онаго времени отречеся султан Турецкий в пустыни те, Астраханския поля, воинства посылати».

Подводя итог восточной политике Ивана Грозного, Лызлов констатирует, что в этот период были не только покорены селения по Волге до Каспийского моря, но и татарские орды по Яику, Каме и само Сибирское ханство.

Но историю покорения Кучумовой Орды отрядами Ермака, овеянную легендами, песнями и сказаниями, Лызлов не осветил в своей книге. Он ограничивается кратким резюме по этому вопросу. Быть может, автор не нашел нужным включать этот материал потому, что политические задачи конца XVII в. диктовали ему более подробное освещение борьбы славян на юго-западе с Крымом и Турцией, а не в далекой Сибири. Каковы бы ни были замыслы автора, это большой пробел в «Скифской истории».

* * *

Поскольку одной из основных задач внешней политики России в конце XVII в. было продолжение борьбы с Крымским ханством, «Скифская история» выделяет этот вопрос в специальный раздел: «О Таврике Херсонской, иде же ныне Крымская Орда за Перекопом обретается». Как и предыдущие, он начинается с описания географического положения Крыма: «Един приклепок земли отовсюду морями окружен» и поделен горами и лесом на две части (II, 1). Автор указы-

вает на большое стратегическое значение перешейка: «Перекоп, стоящий на среди валу землянаго, учиненного от моря до моря, а при конце стены тоя, из града идущи, на левой стороне у самаго моря стоит башня, учиненная ради хранения переходу того» (II, 3).

Лызлов не жалеет красок для описания благодатных природных условий Крыма, богатого рыбой, маслами, кожами. Побывавший сам в южных степях как участник Крымских походов, он пишет: «Тамо трава в высоту, яко тростие морское, и мягка зело» (II, 8). О греческих городах, находившихся в устьях рек, ему напоминают оставшиеся развалины: «...яко тамо бывал град некогда, еже познавается от стен оставшихся...» (II, 8).

Лызлов отмечает, что задолго до татар в Крыму жили генуэзцы, греки, евреи, армяне (II, 4).

Лызлов понимал паразитический характер экономики крымских татар: «Разбоем и граблением кормятся», — замечает он. Особое внимание он уделяет положению русских пленников, которые выполняют самые тяжелые работы, их перепродают в далекие восточные страны, а старых и больных отдают на поругание ребятам.

К сведениям о праве и нравах татар, взятым из труда И. Ботера, Лызлов делает комментарии, основанные на собственных наблюдениях: «царь живет... *ныне больши* в Бакшисарае и в полях под наметы» (II, 21—22), или «*ныне уже немало* сих грубых обычаев оставляющи, человечнейши обретаются...» (курсив наш. — *Е. Ч.*).

Татары пришли в Крым, по утверждению Лызлова, в середине XIII в., когда «все дикие поля от Волги до Днепра татарове обладаша». Однако при этом он замечает, что «сей тако, а ин инако писаша», имея в виду разноречивость источников по этому вопросу. По наблюдениям автора причерноморские татары в отличие от крымских жили оседло, руские научили их строить дома и заниматься земледелием.

Лызлов приводит много интересных сведений о быте крымцев, их вере и обычаях. Особое внимание автор уделил изучению военного строя татар («марсов танец»), так как это должно было иметь практическое значение для читателей «Скифской истории». Его интересуют и выносливость их лошадей, и способ переправы крымцев через водные преграды. Он отмечает силу наступления и слабость обороны у татар, предостерегает от хитростей и уловок врагов, которые иногда, притворившись мертвыми, пытаются «за собою неприятеля взять». По мнению автора, только внезапность нападения обеспечивала им успех: «безвестно лестию наезжати, нежели

явно воевати и битися, и больши чинят убытков, нежели опасения и страха» (II, 23).

Политическую историю Крыма Лызлов рассматривает со времени отделения ханства от Большой Орды, примерно со второй четверти XV в.

Нельзя упрекать автора, что он путано излагает начало политической истории Крымского ханства; в современной историографии этот период также освещен чрезвычайно скупо [133].

Генеалогию крымских ханов Лызлов ведет от эмира Эдигея [134]. Автор трактует вопрос о воцарении Хаджи-Гирея в духе польско-литовской историографии XVI в. Он пишет, что Хаджи-Гирея «пригласили» занять крымский престол [135].

В «Скифской истории» справедливо подчеркивается связь внутренней политики крымских ханов с планами польских королей середины XV в.

Лызлов уделил пристальное внимание вопросу о вмешательстве турецкого султана в дела обособившегося Крымского ханства. Начало вассальных отношений Крыма к Турции Лызлов относит к 1475 г. [136].

Удобным предлогом послужила борьба Хаджи-Гирея с генуэзцами, цепко державшимися за г. Кафу (Феодосия). Последовавший приход турецких войск под Кафу в 1475 г. Лызлов излагает по «Степенной книге». Падение древней Феодосии, повлекшее за собой захват турками Белграда, Очакова и Азова, стало возможным якобы из-за предательства [137]. С этого времени автор отмечает зависимость хана от турок, которые захватили земли в Крыму, основали крепости в Причерноморье и под Азовом, что было связано с наступлением Турции против «Московския православныя монархии» (II, 31).

---

[133] М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды,* гл. VIII.

[134] В действительности ветвь крымских ханов следует искать среди потомков Тукай-Тимура и Таш-Тимура (1395). Сын последнего Девлет-Берди в 1426 г. был крымским ханом, уступив затем свой трон Улу-Мухаммеду. Лызлов путает даты правлений, опускает описание борьбы за ханский престол Сеид-Ахмеда и Хаджи-Гирея, сына Гиас-ад-Дина, бежавшего в 1434 г. в Литву (там же, стр. 241, 242).

[135] На вторичное утверждение Хаджи-Гирея в Крыму с помощью Казимира литовского указывается и в западнорусской летописи Быховца (ПСРЛ, т. XVII, 1907, стр. 543).

[136] В современной литературе переговоры ханского посла с турецким командованием датируются 1454 г. (М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды,* стр. 263).

[137] Дореволюционный исследователь этого вопроса В. Д. Смирнов не склонен связывать судьбу генуэзских колоний с нашествием турок (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.,* СПб., 1887, стр. 272, 273).

Он указывает на то, что крымские татары обязаны были стеречь турецкие обозы, участвовать в их военных предприятиях, т. е. турки татар «подручных себе сотвори», а «хан султану послушен» стал. Таким образом, читатель «Скифской истории» подводится к выводу о том, что неокрепшее Крымское ханство попало в орбиту турецкой политики.

Но, как и в предыдущих главах, Лызлов не упускает из виду историю взаимоотношений Крыма с Москвой, особенно во второй половине XV в. Стремясь подчеркнуть, что еще до Крымских походов 1687—1689 гг. русские доходили до Перекопа, Лызлов приводит рассказ «Степенной книги» об отправке в 1491 г. русских войск на помощь Менгли-Гирею в Крым. Он упоминает о случаях совместных действий Москвы и Крыма против Литвы (1499) и золотоордынских ханов (1501).

Лызлов отмечает поворот во взаимоотношениях Руси с Крымом, происшедший при Василии III. Сигизмунд I польский подстрекает хана Мухаммед-Гирея к борьбе с Москвой и, пытаясь отомстить за взятие Смоленска, провоцирует его поход (1515) под Тулу. Русское войско под командованием воевод князей В. В. Одоевского и И. М. Воротынского нанесло сокрушительное поражение крымцам, так же как под Путивлем это сделал князь В. И. Шемятич-Северский. Но уже в 1519—1520 гг. ситуация изменилась и хану Мухаммед-Гирею пришлось вместе с Василием III выступить против Сигизмунда I.

К 20-м годам XVI в. Лызлов относит вмешательство Крыма во внутренние дела Казанского ханства: Мухаммед-Гирей даже сумел с помощью ногаев и своих ставленников возвести на казанский престол своего брата Саиб-Гирея (у Лызлова — Сафа-Гирея).

Таким образом, борьба Руси за Казань была осложнена вмешательством Крымского ханства. Эту мысль Лызлов подкрепляет рассказом о троекратных попытках крымцев подойти к Москве.

Большую роль в борьбе с Крымом играла позиция ногаев, которые «поддашася на государево имя». Очевидно, Лызлов имел в виду принесение шертной грамоты князем Исмаилом, когда царь пожаловал «ногайских мурз и атаманов с казаками» [138].

Лызлов подробно останавливается на совместной борьбе русских войск и запорожских казаков против татар Крыма. Лызлов поясняет, что «князь Димитрий Вишневецкий, живущи на Запорожье, всюду многих татар побеждаше, и страны

---

[138] А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в XVII в.*, М.—Л., 1948, стр. 14.

польския от нашествия их охраняше, яко о том довольно в польских историях» (II, 55) [139]. Казаки отразили натиск крымцев на о. Хортицу, а преданные Руси жители Пятигорска захватили Темрюк и Тамань.

Лызлов подчеркивает, что наряду с Д. Вишневецким и казаками против татар на юге успешно действовали отряды под командованием В. Бутурлина (у Пронска) и окольничего Д. Адашева, захватившего даже корабль у Очакова. Русские приблизились к Перекопу (на 15 верст). Обратно речная флотилия Адашева двигалась вверх по Днепру.

Столкновение России с Крымом в 1572 г. изложено Лызловым по «Повести о бою воевод московских с крымским ханом в 1572 г.».

Представляет интерес описание Лызловым военных столкновений Крыма с Россией в 50-х годах XVI в., действий речных десантов, не нашедших достаточно подробного отражения даже в советской историографии (сражения 1555, 1556 и 1559 гг.). Автор не мог, конечно, поставить в зависимость крымские набеги 60-х годов с ходом Ливонской войны. Историографический интерес представляет также освещение Лызловым взаимоотношений России с Крымом в 80—90-х годах XVI в.

Автор перечисляет наиболее крупные сражения с крымскими татарами в последней четверти XVI в.: набег на г. Крапивну в 1587 г. и набег в 1591 г. хана Гази (Казы-Гирея, 1588—1607) под Москву, о котором отсутствуют сведения в турецко-татарских источниках [140].

Автор упоминает о новой системе военной службы в России: наборах «даточных» людей, создании дворянских полков, присылаемых по выбору из городов, а также призывах стрельцов и т. д. Эти сведения взяты, очевидно, из Дворцовых разрядов. Кроме того, царь «повеле на путех и на переходех рек, иде же хождаху погани, поставити грады, и утвердити их многим оружием и жительми воинского чина». Помимо ранее построенных Ливен, Курска, Кром (упущен Воронеж), в 90-е годы были основаны крепости Белгород, Оскол, Валуйки.

Лызлов указывает, что с конца XVI в. благодаря принятым мерам (сооружению укреплений и новому порядку службы) набеги крымских татар уменьшились и дальше тульских пре-

---

[139] Об этом есть сведения и в русских источниках, например, в ПСРЛ, т. XIII, первая половина, 1904.

[140] В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.*, стр. 445.

делов не доходили. Любопытно заключение, которым автор завершает повествование: «даже до нынешних времен ин люботрудник да потшится написати (о крымских татарах) и в память будущим родом подати!» (II, 79).

Следует отметить, что как только Лызлов отходил от изложения событий по летописи и сочинению Курбского и начинал придерживаться «Хроники...» Стрыйковского, он впадал в ошибки. Так, он неверно датирует вступление Девлет-Гирея на ханство в 1572 г. (II, 61) [141], тогда как он правил с 1551 по 1577 г., путает имя митрополита (называет Макария вместо Варлаама). Ошибочно утверждение автора, что причиной войны России с Крымом в 1571—1572 гг. была казнь Иваном IV крымских послов (II, 62) и т. д.

Разделы о Крымском ханстве в «Скифской истории» имеют и политическое и историографическое значение, так как в конце XVII в. оно было наиболее реальным противником России. Кроме отрывочных летописных сведений, на русском языке до Лызлова не существовало обстоятельного рассказа о Крымском ханстве.

Автор предрек скорый конец последнего осколка Золотой Орды — Крымского (или Перекопского) ханства, которое «хоть и мало, но может много наказати».

В этой части книги сильнее, чем в других разделах «Скифской истории», проявляются публицистические мотивы: «яко наискорее бы могли до конца оных нечестивых варваров победити и безвестны сотворити». Автор твердо уверен, что это задача ближайшего будущего.

А. И. Лызлов о борьбе европейских народов с турецкими захватчиками

Центральной темой книги Лызлова явилась борьба европейских народов с турецкими захватчиками, которая получила наибольшее освещение в главах, касающихся Турции. В «Скифской истории» ей отводится значительное место — 121 л. из 268 л. рукописи, не считая перевода книги Старовольского «Двор султана турецкого» (64 л.). В этих главах Лызлов освещает следующие вопросы: о мусульманской вере (гл. 4), о расселении турок (гл. 5), о правлении 14 турецких султанов, их завоеваниях и о борьбе против них европейских народов (гл. 6), о государственном устройстве Турции (гл. 7).

В своем изложении тематики этого раздела мы не будем придерживаться указанной структуры.

---

[141] Там же.

Лызлов дает общие сведения о территориальных владениях Порты. Он очерчивает европейские, азиатские и африканские границы современной ему Турции, упоминает острова, подвластные султанам. Лызлов перечисляет четыре важнейших города Турции: Константинополь (он ни разу не назвал его Стамбулом или Царьградом), насчитывавший 7 млн. жителей («что может учинити два Парижа, иже во Франции»); Табриз — в 20 тыс. жителей, город бесчисленных богатств, по словам автора; Алеппо — центр мировой торговли на Средиземном море; Каир, откуда товары, прибывшие из Индии, с Черного моря, из Африки [142], развозятся караванами в другие страны.

Такие территориальные приобретения стали возможны, как неоднократно пишет Лызлов, не только «от несогласий государей христианских, которые причины умели они (т. е. турки. — *Е. Ч.*) ко прибытку своему употребляти» (III, 58), но и благодаря своеобразному военному строю, описанию которого автор уделяет большое внимание, ссылаясь при этом на книгу Я. Ботера. Основные положения военного строя Порты, дававшие ей преимущества перед другими народами, он суммирует следующим образом: 1) быть всегда готовыми к войне; 2) предупредить действия противника; 3) только наступать; 4) не вести одновременно разные войны; 5) не вести продолжительных войн; 6) не тратить средства и время на ненужные войны; 7) занимать города и места последовательно; 8) султаны сами должны возглавлять армию (III, 58).

Залог военных успехов турок Лызлов видит также в воздержании, беспрекословном подчинении своим командирам, которые отдавали распоряжения с помощью жестов, движений руки или лица, строго наказывали за мародерство. В турецкой армии нет страха перед смертью, каждый считает ее карой свыше, которой избежать невозможно. Частые войны тренируют войско. По мнению автора, три качества создают превосходство турецкой армии: многочисленность, грозная дисциплина («страх») и хорошее вооружение.

Рисуя по Ботеру и Гваньини формирование людских сил турецкой армии, Лызлов попутно раскрывает черты военноленной системы феодальной Порты. Он объясняет сущность тимаров: «села и деревни не вельми великие, данные туркам от султанов во обладание до смерти коегождо воина», т. е. они представляли собой земельную собственность наподобие русских поместий.

Во время турецко-персидской войны (в конце XVI в.)

---

[142] Лызлову известна Эфиопия.

было роздано 40 тыс. тимаров. Служилые люди, получавшие лены за службу, составляли основную часть армии.

Другую часть турецкого войска составляли, по наблюдениям Лызлова, янычары. Он приводит преуменьшенные цифры о их численности (12—14 тыс. человек).

Лызлов отмечает, что в течение XVII в. положение янычар подверглось изменению: в их состав допускались малоазиатские турки, им разрешали жениться, жить в столице, от этого они стали «своевольными и злодеями». Янычары выступали на войне, завершая победу, грабили дома христиан, платили за товар по своему усмотрению и т. д. Янычары были подсудны «аге». Султаны не карали их смертной казнью и сами часто зависели от них. Исходя из этого, Лызлов подвергает сомнению общепринятую точку зрения о янычарах: «общее есть мнение, якобы крепость сил турецких содержалась в том янычарском воинстве, но сие ложь есть, яко о том хотящий может дочестися во истории» (III, 70).

Завершается турецкая военная иерархия пашами, беклербегами и сенжаками, избираемыми из среды «жалованных воинств». Таким образом, Лызлов не рассматривает турецкую армию как аморфную массу, а различает отдельные группы воинов (хотя называет и не все).

Так как основой военной силы Лызлов считал флот и мощную артиллерию, то наличие этого и способствовало, по его мнению, военным успехам турок: «ибо и гигант без обороны и оружия, аще бы и лютейший и сильный был, побежден бывает от отрока, оружие имущего» (III, 74). Указания Лызлова на роль артиллерии и сильного морского флота у турок могли оказать определенное влияние на современных Лызлову правителей России, особенно в момент подготовки Азовских походов.

Огромное значение Лызлов придавал также организации войска. Он пишет, что султаны идут на войну имея все, что требуется к «воинскому промыслу». Это может понять всякий, «егда узрит падшие от них сокрушенные стены, такожде и обладания стран и государств пространных, островов великих и градов предивно крепких» (III, 74), приведенных под власть турок.

Военное могущество турок базировалось также на деньгах. Лызлов приводит общую цифру доходов, поступающих в казну в результате сборов с покоренного населения Порты, — 8 млн. скутов в год. Войско и флот обязаны были содержать жители.

Лызлов обращает внимание и на другие источники доходов: кроме прямых поступлений в казну, были и косвенные

доходы. Содержание войска, поставляемого владельцами тимаров, Лызлов оценивает в 14 млн. скутов. С тимаров, расположенных на территории, захваченной у Персии, султан получает более 1 млн. скутов в год, собираемых специально созданной «зборной палатой». Цифры эти ни в какой степени нельзя считать точными.

По убеждению автора колоссальную прибыль получают «султанские начальники» от ограбления покоренных стран, даже послы других государств не могут явиться к султану без богатых подарков, их подносят полководцы и правители областей, от величины подарка зависит порой положение правителей.

Анализируя этот вопрос, Лызлов резонно замечает, что доходов в казне султана могло бы быть больше, если бы турки не истощали войной и опустошениями подвластные страны и не приводили «ко убожеству... общенародство».

Перечислив греческие владения, отторгнутые султаном Орханом (Арханом, Урханом), Лызлов отмечает, что границы османского султаната сливались с очертаниями полуострова Малая Азия. В центр событий этого периода Лызлов правильно ставит взятие Адрианополя (не в 1363, а в 1360 г.) на континенте. Вслед за Галлиполи и Адрианополем турки вторглись в сербские земли. И хотя на сей раз на помощь сербам пришли войска из Византии, Македонии, но, как констатирует автор, было уже поздно.

В Боснии султан посадил своего ставленника и готовился к вторичному походу на Константинополь, который совершил в 1422 г. его наследник Амурат (Мурад II, 1421—1451). Лызлов прослеживает этапы борьбы за «второй Рим» и отмечает, что во время похода 1422 г. Константинополь оказался окруженным турецкими владениями.

Описывая проникновение турок в Хорватию, Австрию, Боснию и другие страны, Лызлов подчеркивает, что это сопровождалось убийствами, пленением и разграблением сел и городов. Автор не упускает случая сказать о зверствах завоевателей: «ножами и бритвами телеса их резали и ноги отсекали и в полы живых по улицам топтали». Особенно возмущают Лызлова страшные издевательства над детьми: «отрочат от десяти лет сущих за власы вешали, и по них из пищалей и из луков стреляли», и над женщинами: «женам сосцы отрезывали и самих на древеса втыкали, из чреватых детей вырезывали и об стены разбивали и прочее неизреченное мучительное ругательство творили, не тамо точию, но и в иных местех» (III, 38). Так, русский историк глубоко сочувствует страданиям народов соседних стран.

Центральной темой в рассказе Лызлова о турецких завоеваниях явилась борьба за Константинополь в 1453 г.

Лызлов подробно излагает ход полуторамесячной осады Константинополя, дополняя фактические сведения «Повести о Царьграде» своими пояснениями и ремарками. Лызлов описывает военные приготовления Мехмеда II ко взятию крепости: подход флота, отрезавшего столицу от моря, постройку стенобитных башен, возведение валов, шанцов и мостов через рвы.

Затем Лызлов приводит сведения о покорении Трапезундского царства (1461) и казни его правителя — грека Давида Комнена с 6 сыновьями (на нем прервалась византийская династия), о гибели Стефана — правителя Боснии, с которого султан приказал снять кожу (1463). В Боснии было взято в плен 30 тыс. юношей, превращенных турками в янычар.

Подчеркивая завоевательные устремления султанов, Лызлов замечает, что Мехмед II один хотел быть обладателем всего света, не терпя никого, кто бы мог быть ему равным.

Турки огнем и мечом прошли по венгерской земле, разорив ее вплоть до Варадина. Лызлов полон сочувствия к жителям сел и городов, страдавшим от опустошения: «и таково тогда зло постиже Венгерскую землю, яко не точию написати, но и изрещи едва кто может» (III, 7). Султан не удовольствовался взятием венгерских сокровищ и большого числа пленных, в 1476 г. он обратил свою силу против Валахии. Только продолжение египетской кампании, по словам Лызлова, предотвратило на некоторое время окончательное покорение Молдавии и Валахии.

Лызлов стремился разобраться в международных отношениях Турции, он уловил соперничество между Священной Римской империей германской нации и Османской Портой, их стремление к европейскому господству. Передавая рассказ Бельского о сражении за столицу Венгрии Буду, А. И. Лызлов пишет, что ядра долетали до королевских покоев, но венгры отвергли предложения немецкого командования о сдаче.

Лызлов осуждает неудачный поход императора Фердинанда под Пешт, так как это был поход не только против турок, но и против венгров. Кроме того, Фердинанд спровоцировал шестой (за 22 года) поход султана Сулеймана в Венгрию. В организации крестового похода против турок решающую роль Лызлов отводит папской курии. Он считает, что кардинал Юлиан (Чезарини) опасался наступления турок на итальянские владения и поэтому именем папы освободил («разре-

шил») короля Владислава III от сегединской клятвы (1442). Мурад якобы удивился клятвопреступлению европейцев и, вернувшись из Малой Азии, у г. Варны (древний Дионисполь) в 1444 г. дал им бой. Флот итальянских республик не оказал венграм помощи с моря, поэтому Лызлов склоняется к мысли о том, что здесь имел место подкуп или предательство.

Так Лызлов пытается разобраться в сложных противоречиях европейских стран.

Политическую историю Турции Лызлов заканчивает правлением Мехмеда III, т. е. концом XVI в.

Хотя Лызлов и не рассказывает о крупных антифеодальных движениях в Турции (Кара Языджи и Дели Хасана и др.) [143], все же внутренние волнения в Порте в XV—XVI вв. нашли отзвук в «Скифской истории». Лызлов пишет о «бунте великом» янычар накануне воцарения Мехмеда III, которые не ограничились дворцом, но «на жителей градских ринушася» и весь Константинополь «взмятоша».

Лызлов не упускает случая упомянуть о жестокости султана, приказавшего задушить пятерых родных братьев, которые и были затем положены в ногах отца. Таким образом, автор, хотя и очень коротко, все же касается внутренних событий в Порте.

Он тонко подмечает, что могущество Оттоманской Порты стало медленно клониться к закату именно с конца XVI в. На протяжении всего повествования автор вновь ставит вопрос о причинах успехов турецких завоевателей.

Говоря о возвышении турецкого султаната на рубеже XIV в., Лызлов указывает на отсутствие единой власти у славян («не бе бо князя, ни вождя, ни наставника в людех»), не раздробленность, которую переживала в это время Византия («иже бяше тогда расторжено на многия части» II, 121), что вело к ее внутреннему ослаблению.

Описав в общих чертах борьбу за византийский престол Иоанна Палеолога с Иоанном Кантакузином, автор повествует о начале европейских завоеваний турок.

Лызлов указывает, что успех турок был облегчен «несогласия ради и междоусобных настроений царей греческих, паче же всего того государства жителей» (II, 111—112).

Лызлов подчеркивает, что в Византии, с одной стороны, усилились междоусобия между царями, князьями и «синклитом», т. е. внутри феодального класса, а с другой стороны — «всенародных человек» оскорбляли богатства («щедроты бо-

---

[143] А. С. Тверитинова, *Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции.*

жие вельмож»)[144]. Мы не видим особого сочувствия автора положению «всенародных человек», но само указание на классовые распри в Византии представляется очень важным для историка.

Он ищет их во внутреннем положении Византии: «сами греки в конец объюродеша; изволиша с сокровищами вкупе погибнути, в землю их закопавающи, нежели истощити их на оборону свою и имети жен и детей и проче стяжание во всякой свободе» (II, 192).

Лызлов осуждает предательскую политику византийских вельмож и приводит следующий факт: когда в завоеванном Константинополе сложили в одном месте сокровища, султан удивился богатству города. Он велел казнить «мужей благородных и нарочитых», как «губителей сущих своего отечества». Лызлов приводит при этом слова Мехмеда, обращенные к последним: «Где ваш прежде бывший разум. Ибо сим сокровищем не точию мне, но и не вем кому, могли бы есте не токмо отпор учинити, но и одолети» (II, 192).

Господствующая верхушка Византии не уделяла внимания укреплению единства страны и ее границ: «Властели же и синклит греческого царства уклонишася к хищению и неправдам, и к несытному желанию сребролюбия, подручные народы грабяще и разоряюще» (II, 122). Таким образом, Лызлов правильно подходил к вопросу о внутренних причинах, способствовавших быстрому падению Византии.

Сама постановка вопроса о причинах успеха турок и рассуждения о жадности вельмож, предпочитавших закапывать свои богатства, чем употребить их на оборону государства, созвучны точке зрения на этот вопрос И. С. Пересветова, русского публициста XVI в.

Причиной падения Константинополя в 1453 г. автор считает также «междоусобные христианские развраты и нестроения». Он отмечает предательство правителей западных стран, которые сами пытались овладеть Константинополем и его богатствами (во время крестового похода 1204 г.), а затем равнодушно взирали на его неминуемую гибель.

Лызлов упрекает европейских правителей, допустивших взятие Константинополя турками из-за распрей с греками. Они «не восхотеша таковому злу прежде забежати и помощи подати» (II, 152). Вместо помощи Византии некоторые европейские правители способствовали турецким завоеваниям.

---

[144] См. постановку вопроса в современной историографии: A. Burmov, *Les problmes de la conquête be la péninsule bes Balkanes par les Turcs,*— «Etudes historiques à l'occasion de XIe congrès international des sciences historiques, Stokholm, août 1960», Sofia, 1960, p. 135.

Лызлова возмущает продажность генуэзских купцов, которые за плату помогли турецким войскам переправиться на континент и захватить Галлиполи (Каллиполь). Лызлов восклицает: «О злобы сребролюбия, яко сии малому приобретению образовашася, велие зло от них и сами пострадаша!» (II, 126).

По мнению Лызлова, если бы греческие императоры, сербские и другие правители объединились в момент смерти султана Мехмеда I и покончили с турецким игом, не было бы «зла велиего и бедства неподъятного». Прояви византийские и другие правители мудрость и мужество, «воистину могли все страны христианские в целости быти» (II, 139). Лызлов освещает факты, предшествовавшие падению Константинополя: Баязид (1389—1402) захватил Солунь, Афины, сжег предместья Царьграда и обрек его жителей на голод, царь Мануил послал с просьбой о помощи гонцов на Восток (в Россию) и на Запад (во Францию и к римскому папе), но последние не отозвались.

Лызлов утверждает, что разум, стремление к миру, объединение перед лицом завоевателя могли бы предотвратить последовавшие затем страшные события.

Автор становится на точку зрения хронографа, что «многи злые дела умножахуся во христианех, достойные еще и вящщему наказанию»; очевидно, имеются в виду феодальные войны, внутренние междоусобицы, флорентийская уния церквей и другие события, потрясавшие в тот период восточноевропейский мир [145]. Как справедливо отметил современный чешский историк И. Мацурек: «Христианский лагерь был разделен географически, экономически, культурно и политически» [146].

Автор указывает, что Венеция и другие европейские государства, ранее равнодушно смотревшие на гибель Константинополя, уже в 80-е годы XV в. ощутили на себе натиск турок: Каринтия, Штирия, Крайна, Апулия подверглись разграблению. Венеция дошла, по мысли Лызлова, до такого «безумия», что «уступила» туркам временно ей принадлежавший албанский город Скутари. Вслед за этим была опустошена Семиградская область Венгрии.

Вновь и вновь автор сетует на несогласие между правителями Европы: «И аще бы в то время окрестные христианские

---

[145] Лызлов не одобрял унии, говоря, что она ничего не дала, «кроме великия вражды и соблазна верным с римляны» (II, 141).

[146] И. Мацурек, *Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя*,— «Bizantino-Slavica», t. XIV. Prague, p. 144.

государи в соединении были и воедино совокупилися, то бы, конечно, Белград и Будин и прочие крепкие городы могли у турков взяти, но яко они не прилежали о том!» (III, 44—45).

Осуждая междоусобные распри среди венгерских феодалов, Лызлов пишет: «Крали и властели християнские изволяху между собою жестокия брани простирати, нежели противо поганых общим и сильным супостатом своим». По мнению Лызлова, политика венгерских феодалов и захватнические тенденции Габсбургов открыли туркам путь к дальнейшим завоеваниям.

Лызлов осуждает позицию польского короля Казимира, посредничавшего в переговорах Стефана Валашского с султаном. Первый просил помощи у польского короля, однако, замечает Лызлов, «ничто же обрете». Когда же турки взяли Хотин и вторглись в Подолию, входившую тогда в состав Польши, Казимир послал войско, но было уже поздно.

Таким образом, историк выступает за единство власти внутри отдельных стран. Залогом успеха в борьбе с завоевателями он считает объединение усилий в международном масштабе, вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности. Приспособленчество некоторой части европейских феодалов Лызлов расценивает как предательство общих интересов, часто не получавшее одобрения и самих завоевателей.

Лызлов пишет о казни султаном знатного грека Гертука, указавшего туркам на слабоукрепленные места Константинополя. Автор оправдывает это действие Мехмеда: «и тако прият нечестивый (Гертук) достойное возмездие измены своей»[147].

Рассказывая о европейских походах Мурада, Лызлов неодобрительно оценивает лавирующую политику сербского деспота Георгия Бранковича, отдавшего дочь (Мару) в гарем султана. Это приспособленчество не помогло Бранковичу, ибо именно в его правление вся Сербия со многими городами, в том числе Смедеревом (1439), была разорена турками, сын Бранковича пленен, а сам он с женой бежал в Венгрию. Автор с негодованием отмечает, что жена сербского князя Лазаря и его сын отдали дочь Оливеру в гарем Баязида и вообще пошли на соглашение с ним.

В настоящее время историками вскрыты глубокие социальные корни туркофильского течения среди византийской зна-

---

[147] Под именем Гертука ученые подразумевают великого дуку Луку Нотару. [См. Э. Франчес (Румыния), *Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания,*— «Византийский временник», т. XV, 1959, стр. 89].

ти[148]. На пагубность и вредность этого направления Лызлов указывал еще в XVII в.

Большое внимание Лызлов уделяет героической борьбе славянских народов Балкан против завоевателей.

Захваты турок в Европе Лызлов рисует как бедствие прежде всего для балканских народов.

Автор со скорбью пишет о том, что со времени битвы на берегу р. Марицы в 1371 г. турки рассыпались по полуострову, «яко птицы по воздуху», а прежде цветущие царства Сербское и Болгарское поразили голод и опустошение, земля оскудела не только людьми, но и плодами земными и скотом.

Лызлов с горечью отмечает, что стремления сербского князя собрать оставшиеся силы для борьбы с врагом ни к чему не привели и битва на Косовом поле была проиграна славянами.

Лызлов приводит в своей книге многочисленные примеры героизма братских славянских народов, ставших объектами турецких завоеваний. На протяжении всей книги он подчеркивает, что в результате упорного всенародного сопротивления турки периодически терпели поражения и их военные победы были преходящи.

Автор красочно рисует подвиг воина Милоша (Обилича, Кобиловича), который выдал себя за перебежчика и, войдя в шатер Мурада (Амурата), пронзил султана мечом в сердце. Описывая этот драматический эпизод, Лызлов называет Милоша «знаменитым и вечной славы достойным благородным воином». Автор рассказывает о жестоком сражении сербов с преемником Мурада Баязидом, во время которого пало много сербов и их князь Лазарь был обезглавлен на глазах умиравшего Мурада.

Лызлова восхищает отважное сопротивление сербов, семь месяцев державших войска султана под Белградом (1440). Подробно Лызлов описывает подвиг командира генуэзского отряда Джиованни Джустиниани (у Лызлова — Зустеней из Зиновий), пришедшего на помощь осажденным жителям Константинополя (1453)[149].

Так же внимателен автор и к действиям венгерского полководца Яна Гунеади (Яноша Хуньяди), наносившего чувст-

---

[148] З. В. Удальцова, *Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания,* — «Византийский временник», т. VII, 1953, стр. 120; З. В. Удальцова, *О внутренних причинах падения Византии в XV в.,* — «Вопросы истории», 1953, № 7.

[149] Н. А. Смирнов, *Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г.,* — «Византийский временник», т. VII, М. 1953, стр. 63.

вительные удары султану под Белградом, в Семиградье и в других пунктах[150].

Успешный поход объединенных европейских отрядов во главе с Гунеади против турок в 1443 г. (у Ниша на Мораве) подробно описан Лызловым: венгерская армия одержала победу над Турцией и прошла Македонию, Болгарию, и только отсутствие поддержки извне остановило, по мнению автора, поход у стен самого Адрианополя.

Впечатляющей для историка была битва за сербский Белград, блестяще выигранная Я. Гунеади в 1456 г. Лызлов сообщает, что венгры во главе с Гунеади сумели отвоевать 28 городов у турок. Этим он хотел подчеркнуть, что даже в период наибольших успехов и расцвета Порты султаны терпели поражения от европейских армий.

Лызлов пишет, что Мехмед II бежал из-под Яйце (Босния) в 1464 г., а во время битвы у Бырлад (1475 г.) войско валашского воеводы Стефана, состоявшее из 40 тыс. простых поселян, победило 120-тысячную турецкую армию.

Несмотря на то что в результате правления Мехмеда II к Турции отошло большое количество различных княжеств и 200 укрепленных пунктов, Лызлов спешит сообщить, что турецкая армия далеко не была непобедимой, нередко терпела поражения от своих соседей («возвращалась с великою тщетою и постыдением») и побеждала иногда не столько силой оружия, сколько нарушением элементарных норм международного права, — «клятвопреступлением во время обещанного покоя».

Лызлов утверждает, что даже в момент наивысших военных успехов Турция была уязвима и терпела поражения.

Так, на страницах «Скифской истории» мы находим рассказ о битве при Ангоре (Анкаре) в 1402 г. (у Лызлова: в 1398 г.) Баязида с Тамерланом, в которой погибло 200 тыс. турецких воинов, а сам могущественный Баязид попал в плен; Тамерлан заковал его золотыми цепями и возил в клетке по своим азиатским владениям. Приведение этого факта потребовалось Лызлову для того, чтобы еще раз развенчать миф о непобедимости турок.

Основав крепость на р. Саве и оставив в ней 5-тысячный гарнизон, турки пытались присоединить Венгрию. Но король Матвей (Корвин, 1458—1490) с 10-тысячным войском проти-

---

[150] См. библиографию в ст.: И. Мацурек, *Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя,* стр. 144—145 (о личности и роли Я. Гунеади в борьбе с турками в работе: L. Elekes, *Hunyadi hadserege,* Budapest, 1951).

востоял им и изгнал из крепости. По мнению Лызлова, он сделал ошибку, «не дерзнув за турки гнати» и вместо преследования врага возвратившись «в дальние страны венгерские». Ссылаясь на «Хронику» М. Бельского, Лызлов пишет о героическом сопротивлении туркам жителей греческого порта Медони (в 1500 г.): чтобы не попасть живыми в руки врага, они предпочитали сжигать себя или топиться. Турки захватили этот город, по мнению автора, только благодаря сильному артиллерийскому обстрелу.

Таким образом, Лызлов подчеркивает, что народы Европы, так же как и русские, «мужественно и крепко браняхуся» против захватчиков.

Почва горела под ногами захватчиков. На борьбу с турками поднимались порабощенные народы: четы, гайдуки, ускоки наносили чувствительные удары завоевателям. Лызлов подробно описывает кровопролитные бои за венгерские крепости по Дунаю, при этом он указывает на участие в борьбе «граждан», а не воинов (в г. Рабу). Он констатирует, что «бяху турки всюду частыми победами от христиан одолеваеми и толико множество бяше их побито». Особенно больших успехов достигло движение в Семиградском княжестве, в Тамешваре (Банате) и в других районах (III, 53—54).

Именно борьба народов за свою независимость и привела, по мнению Лызлова, к тому, что турки, «оставивши обыкновенную свою гордыню», стали просить мира у окрестных держав.

Автор отмечает, что к концу XVI в. становилось все ощутимее сопротивление, встречаемое завоевателями в Европе; австрийский император Рудольф II нанес чувствительное поражение туркам при р. Кульпе. Наступление австрийских войск вызвало подъем национально-освободительной борьбы в других районах: Лызлов сообщает о том, что 50 городов было отнято у турок «без кровопролития» (III, 44). Очевидно, имеются в виду восстания сербов в Банате (1594), в Хорватии (1593), антитурецкие действия Михаила Храброго в Валахии, восстание болгар в Тырново, движения в различных частях Балканского полуострова [151].

Свой рассказ о страданиях народов автор заканчивает славянской песней о турецкой неволе:

Воздыхают с плачем христианские народы,
Братия наша в плене, лишася свободы...
. . . .

---

[151] И. С. Достян, *Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало XIX вв.)*, М., 1958, стр. 63—68.

Вси сии плачут зело, потеряв свободу,
Ибо в своих отечествах купят и воду,
В домех си не имут, где главы приклонити,
Ни един час тогда могут без плача быти...
. . . .
К тому от коегождо главы по златому
И днесь рожденный должен дати султану злому.

(III, 76–77)

Хотя у Лызлова нет специальной главы о русско-турецких отношениях, в разделе о Турции он неоднократно касается этого вопроса.

Лызлов пишет, что из всех европейских правителей на призыв византийского императора Мануила против турок откликнулся только московский князь Василий Дмитриевич, приславший с монахом Ирадионом Ослебятей «многу казну» (конец XIV в.).

К концу XV в. Лызлов относит вторжение турецких армий в Подолию, в древности принадлежавшую Руси, здесь завоевателей постигает неудача: хотя поляки, владевшие Подолией, и не выступили против турок, 40 тыс. их погибло от морозов и снегов, некоторые из них пытались согреваться даже в чреве зарезанных коней, молдавский господарь Стефан, переодев своих воинов в польские костюмы, направил их против пришельцев, которые и были разгромлены.

Говоря о взаимоотношениях Турции и России в XVI в., Лызлов вновь возвращается к изложению обстоятельств неудачного похода турок в 1569 г. под Астрахань, используя рассказ польского посла А. Тарановского. Причины похода турок в Поволжье Лызлов склонен видеть в стремлении султана к реваншу за взятие Казани и Астрахани войсками Ивана Грозного. Автор сообщает, что Селим II послал посла-поляка Ибрагима Страта, принявшего мусульманство, к польскому королю Сигизмунду I с просьбой пропустить янычар через польские владения, но тот категорически отказал.

Лызлов упоминает о втором бесславном походе турок под Астрахань в 1588 г. и о двукратных посольствах из Турции в Москву: в 1589 и в 1594 гг. Очевидно, он использовал при этом материалы Дворцовых разрядов, так как в летописях об этих событиях сказано очень скупо[152]. Лызлов подчеркивает, что могущественный султан вынужден был считаться с Россией, оказавшей под Астраханью отпор завоевательным устремлениям Турции.

---

[152] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, 1910, стр. 48, 53. Лызлов ошибочно называет русского посла Даниила Исленьева Леонтием.

Говоря о столь далеких событиях, Лызлов не теряет связи с современностью: так, описание первых столкновений турок с Византией он сопровождает следующей сентенцией: «*яко и по сие время на сие зрим* (курсив наш. — *Е. Ч.*), егда Восточное Греческое царство тии нечестивии повоеваша» (II, 111—112).

Лызлов не упускает случая подчеркнуть необходимость единства действий европейских народов во главе с Россией против турок. Он учит современных ему правителей не вести своекорыстную политику, а быстро откликаться на призыв соседней страны о помощи. Лызлов предупреждает о стремлении турецких правителей «до конца имя христианское истребити». В то же время он неоднократно указывает, что турки часто «сами побеждаеми бываху» и что в их победах решающую роль играла не сила, а раздоры среди европейских правителей и нарушения соглашений между ними.

Несмотря на большое историографическое значение раздела «Скифской истории», посвященного Турции, необходимо отметить некоторые фактические ошибки, допущенные автором.

Описывая ход завоеваний Баязида на Балканах, Лызлов не пишет о захвате турками древней столицы Болгарии г. Тырнова в 1393 г. Болгарский князь Шишман не погиб на поле битвы, а был казнен по приказу султана (1389).

Лызлов приводит неверную дату битвы на Косовом поле — 1377 г. (в действительности она произошла в 1389 г.).

Лызлов неточно сообщает годы правления наследников Баязида, между которыми происходила борьба: младший сын султана Мехмед I правил не с 1405 г., как у Лызлова, а с 1413 по 1421 г.

Мы не встречаем у Лызлова описания борьбы Я. Гунеади против турок, после того как он стал воеводой Венгрии. Вопреки тому что первый султан Отоман (что значит «ломатель ног») был сыном вождя племени сельджуков Эртогрула[153], Лызлов повторил домыслы Стрыйковского, что он «от простых, убогих и незнатных родителей рожден» (II, 120).

Он приводит ошибочные даты правления первых султанов: Отоман (Осман) правил с 1288 по 1326 г., а не с 1300 по 1328 г.; Орхон — с 1326 по 1359 г., а не с 1328 по 1350 г. [в издании Н. И. Новикова: 1250 г. (II, 12)]. Лызлов не указал, что именно при Орхоне стали появляться янычары («новое войско»).

---

[153] А. Чемерзин, *Турция, ее могущество и распадение,* т. I, СПб., 1878, стр. 15 и сл.

Автор не упоминает о походах на континент старшего сына Орхона Сулеймана, о переносе столицы из Брусы в Адрианополь и т. д.

Несмотря на то что о многочисленных сражениях Скандербега с турками Лызлов читал во многих «историях воинских», он не остановился на описании его подвигов под тем предлогом, что о таком «знаменитом победотворце» лучше «совершенно молчати, нежели мало писати» (II, 150).

Лызлов почему-то не упоминает о поражении турок под Веной в 1529 г. Это тем более странно, что он был современником другой неудачи турок при осаде Вены в 1683 г. Сопоставления здесь были бы уместны. Лызлов не описал и неудачи австрийского похода турок в 1532 г.

Рассказывая о борьбе, вспыхнувшей в Молдавии и Валахии в середине 70-х годов, Лызлов, по нашему мнению, путает события и действующих лиц. Так, в период господства Богдана III в районах Венгрии появился некий Иован Ненада, организовавший борьбу с турками (в 1526—1527 гг.). В 70-е годы происходит новый взрыв антитурецких выступлений в Молдавии во главе с господарем Иоаном Водом. Лызлов же объединяет имена этих людей в одном Ивони.

Описывая турецкие вторжения в Центральную Европу и борьбу с ними, составитель «Скифской истории» не освещает завоеваний османов на арабском востоке (Багдад, Табриз), на Кавказе и в Африке (Триполи, Алжир, Тунис). Лишь один раз Лызлов отвлекся от основной темы и две страницы посвятил войне турок с персами. Да и то это было сделано для того, чтобы рассказать о хитрости персов, якобы выставивших против османов женский корпус, «ибо тии умеют творити брань, яко и мужи» (III, 15). При этом Лызлов поспешно делает оговорку: «Сице уже пишущи, мню, яко отлучихся нечто от описания дел Турецких, бывших тогда в Венгрех, к ним же паки приступаю» (III, 15).

Лызлов преувеличивает успех правителя персидского государства Ак-Коюнлу Узун Хасана, якобы опустошившего Малую Азию, тогда как известно, что в 1473 г. войска Узун Хасана потерпели поражение от турок.

По книге Ботера Лызлов бегло упоминает о сражении турок с персами в Закавказье, взятии Табриза, Дербента, Великой Армении, Азербайджана и Грузии.

Сношения России с Турцией, по-видимому, начались не в 1482 г., как пишет Лызлов, а еще в 1445 г., когда в Аккермане был задержан турецкими властями дьяк Федор Курицын. В 1486 г. переговоры России и Турции велись при посредничестве крымского хана Менгли-Гирея.

Султан Баязид (1481—1512) обменялся с великим князем Иваном III грамотами. В 1493 г. литовский князь Александр не пропустил турецкого посла в Россию. В 1497 г. с посольством в Царьград прибыл М. Плещеев, а в 1499 г. — А. Головостов. Лызлов об этих фактах не упоминает.

Раздел о правлении Сулеймана (1520—1566) заканчивается рассказом о вторичном взятии Белграда и о заключении ряда договоров с Фердинандом и персидским царем Тахмаспом I (1524—1576). Поскольку Лызлов не пользовался для написания этого раздела русскими источниками, он упустил факты, рисующие взаимоотношения Турции с Россией при Василии III и Иване IV. В «Скифской истории» не упоминается о посольствах Алексеева, Коробова (1515 г.); Д. Степанова, Т. Губина, И. С. Морозова-Брюхова (1523 г.) и об ответных приездах в Москву Кемаль-паши Мангуйского, Скиндерсака [154].

Несмотря на ошибки и пробелы, имеющиеся в книге и легко объяснимые уровнем науки в XVII в., следует отметить существенный вклад Лызлова в изучение истории Турции.

Впервые в русской историографии Лызлов сделал попытку осветить экономику, военный строй и политику Турции вплоть до конца XVI в. Он подметил военно-грабительский характер Османского государства, что, по его мнению, не создало условий для внутреннего развития хозяйства, особенно в присоединенных территориях.

Лызлов старательно подобрал факты поражения турецкой военной машины и тем самым разоблачил миф о ее непобедимости. На исторических примерах он доказал, что при всей своей силе турецкая армия имеет уязвимые места и может быть побеждена храбрым и хорошо вооруженным войском.

Автор донес до русских читателей имена бесстрашных полководцев средневековья, боровшихся с турецкими захватчиками: генуэзца Джустиниани, венгра Яноша Гунеади, серба Милоша Кобилича, албанца Скандербега, Стефана Боснийского.

Лызлову равно близки и судьба древнего Белграда, и болгарских сел, и боснийского города Яйце. В этом большое международное звучание «Скифской истории».

Лызлов уверен, что совместные действия европейских народов приведут к освобождению от турецкого ига: «Уже бо тамо нас убози христиане, братия наша, с радостью и с надеждою ожидают, готовы суще на своих и наших супостатов помощь подати!».

---

[154] Н. А. Смирнов, *Россия и Турция*, т. I, стр. 68, 69, 71, 72.

Это была патриотическая идея совместной борьбы всех порабощенных народов против общего врага: «и нам вскоре имать помощь послати». Лызлов призывает современников твердо верить, что освобождение наступит «во дни наша» (III, 81).

Общественно-политические взгляды А. И. Лызлова

Изучение экономических, общественно-политических и исторических воззрений Лызлова затруднительно для исследователя, во-первых, в силу компилятивности его книги и, во-вторых, тем, что автор в слабой степени касается внутреннего положения России.

Взгляды Лызлова по экономическим вопросам отражают прогрессивные тенденции развития дворянской экономической мысли той эпохи.

Государственное богатство Лызлов ставит в зависимость от благосостояния подданных. Рассматривая источники доходов турецкого султана, он пишет: «...основание бо доходов государственных — земледельство и труды около его». Это суждение показывает, что Лызлов понимал значение развития основы феодального производства — земледелия. «...Егда же земледельцев мало, тогда всего бывает недостаток», — писал он.

Земледелие, по его мнению, «подает основание художествам» (ремеслам), а художества — купечеству, торговле.

Мысль, что богатство государства зависит от «общенародства», которое приобретает его для страны «трудами и промыслами», была одновременно и передовой и утопичной, поскольку она касалась условий средневековой Турции.

Рассуждения о зависимости доходов центральной власти от благосостояния подданных встречались до Лызлова, например в трудах публициста XVI в. Ермолая-Еразма, в экономических проектах А. Л. Ордина-Нащокина, наконец в «Книге о скудости и богатстве» современника Лызлова идеолога купечества И. Т. Посошкова[155]. Представляют интерес наблюдения Лызлова над тем, что «паши и иные султанские начальники, яко пиявицы, высасывают кровь из подданных своих» (III, 62), разоряют население, «насыщая себя» и родственников султана богатством. Такая оценка турецких вель-

---

[155] Е. В. Чистякова, *Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина,* — «Труды Воронежского государственного университета», т. XX, 1950; Б. Б. Кафенгауз, *И. Т. Посошков,* М.—Л., 1950.

мож присуща также дворянскому публицисту XVI в. И. С. Пересветову[156].

Лызлов указывает на военно-грабительский характер султаната: «...турки не мыслят и не тщатся ни о чем ином, точию о бране и оружии военном» (III, 60). В этом крылась причина отсталости Порты по сравнению с европейскими странами. Лызлов указывает, что вместо заботы о развитии земледелия и градостроительства султаны все подчиняют нуждам армии. В покоренных ими областях «зело много пустынь безмерных и опустошенных стран, нещетно мало градов людных, но множае пустых стран» (III, 61). Лызлов отрицательно расценивает то, что в Османской империи торговля и судоходство передаются посредникам из других государств. На протяжении всей книги он подчеркивает важность флота как в военном, так и в торговом отношениях. Подобные рассуждения свидетельствуют о том, что автор был сторонником протекционизма. Лызлов обращает внимание на необходимость твердой финансовой политики: он указывает на факты падения стоимости денег в Турции, когда «серебро и злато так было испорчено», что «червонный золотой вдвое тогда был ценою, нежели прежде» (III, 63).

Лызлов порицает взяточничество, широко распространенное среди государственных служащих. Он считает это язвой общества.

Таким образом, хотя в «Скифской истории» имеются самые общие высказывания по экономическим вопросам, касающиеся преимущественно экономики Турции, можно сказать, что мысли автора созвучны передовым экономическим теориям его времени. В суждениях по социальным вопросам Лызлов оставался сыном своего класса — дворянства. Хотя он видел социальные различия в обществе (в татарских ханствах и в Турции), однако он осуждал «бунты» и «несогласия» между жителями Константинополя, среди янычар и пр. Изучая ход турецких завоеваний на Балканах, он прежде всего обеспокоен судьбой «благородных» людей, а не простого населения. Описывая зверства турок, автор скорбит о казнях «богатых и честных», хотя известно, что прежде всего от зверств янычар страдало население сел и городов (II, 222)[157].

---

[156] А. А. Зимин, *Пересветов и его современники*, М., 1958.

[157] Это подтверждают и статистические данные, опубликованные современным турецким историком О. Бархановым. Они свидетельствуют о том, что в XV в. в славянских городах местные жители иногда оставались в меньшинстве (А. Д. Новичев, *Население Османской империи в XV—XVI вв.*, — «Вестник ЛГУ», вып. 3, 1960, № 14, стр. 35); ср. Б. Цветкова, *Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт.*

Желая принизить некоторых деятелей, Лызлов вопреки истине приписывает им незнатное происхождение. Так, он указывает, будто родители Мухаммеда были «обои худого и убогого рода» (III, 80). В то время как известно, что он принадлежал к знатному роду Мекки Курейш. Правитель Средней Азии Тамерлан, по его мнению, «худородный и злодей» (I, 56—57) и т. д.

Лызлов был сторонник сильной, абсолютной монархии: через всю книгу красной нитью проходит апология неделимой наследственной законной власти. Автор сочувственно излагает притчу о князе Эдигее, завещавшем якобы своим 30 сыновьям, «дабы вси жили купно, не деляся царством и один бы единого не истребляли, но купно стерегли государство свое».

Эта притча звучала в России особенно актуально в тревожные годы двоецарствия, когда на троне сидели столь различные Петр I и Иван V, а в Новодевичьем монастыре не могла примириться с потерей власти их сестра Софья.

Лызлов не устает повторять, что внутренние династические распри ослабляют центральную власть.

Автор порицает князей, которые в пору тяжелого испытания думали лишь о собственном спасении. Так, он пишет, что князь Мстислав Мстиславович во время бегства после битвы на р. Калке (1223 г.) приказал сжечь ладьи на переправе и пешком пришел в Галич, а русские люди, бежавшие следом, погибали, и только немногие переправлялись через реку на таволожных снопах.

Другой князь Владимир Рюрикович также «здравие свое спасе бегством в Смоленск» (I, 22), а киевский князь Михаил Всеволодович «сам со всеми своими убеже в Венгры» от батыевой рати (I, 37).

Идеал сильной власти Лызлов видит в правлении Ивана IV. Пересказывая текст «Казанской истории», он неустанно подчеркивает мудрость царя, наделяя его эпитетами «бодроосмотрительный», «благочестивый» и т. д. Лызлов был сторонником наследственной монархии, он утверждал, что «власти, зле приобретенныя, недолго обыкоша пребывати» (I, 51). Таким образом, и в этом отношении он продолжает линию И. С. Пересветова — дворянского публициста XVI в.

Как отмечает советский исследователь взглядов И. С. Пересветова А. А. Зимин: «Борьба за укрепление самодержавной власти, деятельность Ивана Грозного, отношение к грекам и южным славянам, агрессия крымско-турецких феода-

лов — вот вопросы, на которые русский читатель XVII в. искал ответа в сочинениях И. С. Пересветова»[158].

Вместе с тем Лызлов присоединяется к проповедям А. М. Курбского о необходимости советов царя с «синклитом» — приближенными боярами, рисует доблесть таких одиозных для того времени фигур, как погибшие князья М. И. Воротынский, В. А. Старицкий, Юрий Васильевич (брат царя), П. С. Серебряный, и, тем самым, не одобряет казней этих лиц (I, 179, 183, 196).

Вопреки летописям, где проводится идея благословения всех дел царя митрополитом, Лызлов подчеркивает независимость действий Ивана IV от церкви. В этом сказалось некоторое освобождение историка от ее авторитарного влияния. Так, советам Макария Иван IV «не внят... ниже краем уха послуша: но в подвизе своем, яко тверд адамант пребываше и дерзновенно путь свой приял» (I, 131—132)[159].

В духе пересветовской традиции Лызлов проводит идею всемерного укрепления армии. Он иронизирует над поступком правителя г. Яйце Стефана, который отказался употребить свое золото и серебро на оборону «государству своему» (II, 196). Лызлов подчеркивает важность морального фактора в битвах: в решительные минуты царь сам должен возглавлять армию.

Он описывает распри и беспорядки, имевшие место в разноплеменных войсках: «Немецкое же воинство сущи различных стран и много начальников имущи, ничто же благо творяху, яко в таковом их нестроении едва не целое лето прейде...» (III, 20). Приведенная цитата свидетельствует, что Лызлов был сторонником единоначалия и строгой дисциплины в армии. В этом отношении любопытна речь Махмеда II, приведенная Лызловым. Обращаясь к армии, султан призывал янычар не бояться противников: «Сами есте нравы того народа, яко суть унылы, боязливы, ленивы, недобры, необыкновенны прохладству и покою привычны, без подушек (спать) не умеют, без утехи веселы быти не могут. Такожде кроме пианого пития и не упившися, советовати не смыслят. Словесы токмо воюют, а не делом. Воинского поведения не знают. Коней только ко псовой охоте имеют, аще бо кто от них восхощет ко брани коня имети, принуждается от нас добывати. Нетерпеливы гладу, мразу, зною, трудом и поручению,

---

[158] А. А. Зимин, *Пересветов и его сочинения,* — «Сочинения И. Пересветова», под редакцией члена-корр. АН СССР Д. С. Лихачева, М.—Л., 1956, стр. 27.

[159] Ср. ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 186, 187.

с женами на войнах бывают. Высоко садятся и ложатся, горяче едят, но студено воюют». Он противопоставляет этим изнеженным воинам неприхотливых турок: «Чего всего у вас, воинники мои, не обретается — живота не щадите, мало спите, ибо бес подушек в малом довольстве имеете; несчастие подъемлете; земля вам стол, и ложе, и лавка. Ничто же у вас противного, трудного и тяжкого, еже бы вам за легкое и приятное не мнилося бы» [160].

Лызлов осуждает порядки в наемнических армиях Запада. Так, например, неудачи крестовых походов он видит в отсутствии единоначалия: «яко от разных стран собрани суще и вождей каждой своих имуще, иже не соглашахуся между собою» (II, 118).

Религиозная принадлежность для Лызлова не была самодовлеющим признаком. Основным, что должно было объединять народы независимо от вероисповедания, по мнению автора, была борьба с татаро-турецкими захватчиками.

Лызлов был выше религиозно-национальной ограниченности. Язычников-половцев он характеризует как народ смелый и мужественный. Ему импонирует, что татары-мусульмане «хана великого царя своего... на свете веками почитали и вместо святого имели, и чтили, и величали» (I, 9). Он негодует на то, что Тамерлан захватил «искони вечную и славную персидскую монархию» (I, 57). Лызлов сочувственно относится к католической Литве, которую крымские татары подвергли разорению. Следуя за хронистом Стрыйковским, он пишет, что ханы «частыми приходами на литовские страны великие пакости чинили литовскому князю Ольгерду» (I, 52).

Об этом же свидетельствует и то, что он обращался к трудам историков независимо от вероисповедания последних. Лызлов подчеркивает, что султаны только и мечтают перессорить между собой европейцев, а после, когда «во изнеможение пришли, они бы могли тогда всех их истребити» (II, 118). Действительность показала, что распри между балканскими народами были выгодны врагу.

Лызлов страстно призывает к свержению многовекового турецкого ига, он уверен, что славяне — «братия наша, с радостию и с надеждою ожидают...» от России «помощи и свободы». Борьбу против турецкого ига должна возглавить Россия, «собрав многочисленные полки христианского воинства и имеющи согласие со окрестными христианскими государствы...» (III, 81). В этом отношении взгляды Лызлова близки

---

[160] НБГ, 5. Gh. 27., л. 212.

идеям его современника, приехавшего в Россию из Сербии, Юрия Крижанича[161].

Лызлов уверен, что высокая миссия России и русского народа в освобождении балканских народов от турецкого ига завершится успехом. Он мечтал, чтобы это совершилось «во дни наша».

Сама задача составления «Скифской истории» диктовалась патриотическим стремлением автора донести до «неленостного читателя» «о многом подвизе и мужестве предков своих сынов Российского царствия». Лызлов не жалеет красок для описания беззаветного служения русских воинов интересам своего отечества. При этом автор сетует на то, что для описания храбрости своих предков он не мог найти достаточно фактов: «... коликие тогда подвиги и труды в воинских делах показаша, о том исписати трудно, паче же по пришествии лет многих» (I, 107).

Наряду с мужеством воинов Лызлов показывает гуманность русских военачальников, которые «не желаше бо пролития крове не токмо христианския, но ниже поган самых» (I, 127).

Рассказывая о перипетиях многовековой борьбы славянских народов с татаро-турецкими завоевателями, Лызлов неустанно тянет нить к своей эпохе.

Автор часто обращается то к читателям, то к историкам-«люботрудникам», то к государям. Как в VII в., «*даже до ныне*, уже через тысящу лет и вящи (Турция) непрестанное пленение и пустошение творит государствам христианским». В «Скифской истории» часто встречаются такие выражения: «яко *по сие время на сие зрим*» или «всяк то познати может, *когда узрит падшие* от них сокрушенные стены» (курсив наш. — *Е. Ч.*) и т. д. Обращение к современности придает его труду публицистический оттенок.

Историческая концепция А. И. Лызлова отступала от теорий предшествующего летописного этапа, объяснявших явления с позиций провидения, действием воли божьей, наказанием за грехи и т. д.

Он пытается проследить логику исторических событий, во многих случаях рационалистически толкует причины исторических явлений. Например, упадок могущества Золотой Орды он объясняет, с одной стороны, развитием внутри ее «междоусобных браней и нестроения», с другой, победами русского оружия — «паче же от пленения воинства Российского».

По мнению Лызлова, Константинополь пал из-за внутрен-

[161] Крижанич Юрий, Собрание сочинений, вып. 1—3, М., 1891—1892.

ней междоусобной и классовой борьбы, недовольства «всего того государства жителей», своекорыстия вельмож, переходивших на сторону врага (имеются в виду туркофилы типа Гертука — Луки Нотары и др.), и из-за того, что они прятали в землю свои сокровища, вместо того чтобы укреплять оборону страны (III, 112). Эти течения изучаются в современном византиноведении [162].

Успех турецких завоевателей он объясняет отсутствием единства и согласованности действий правителей европейских государств; «несогласия ради и прохладного пребывания и лености начальников областей христианских» (III, 74).

Уже приведенные примеры позволяют утверждать, что в объяснении различных явлений Лызлов ищет причинную связь исторических событий.

Но полностью Лызлов не освободился от влияния богословской традиции. Несмотря на то что он опустил религиозно-нравоучительные рассуждения Нестора-Искандера из «Повести о Царьграде» и некоторые молитвы Иоанна Глазатого из «Казанской истории», все же он отдает дань традиции и приводит в ряде мест «чудеса» и «знамения», а также восклицания, обращенные к богу. Свои реалистические рассуждения он стремится подкрепить отвлеченным «моральным» фактором. Так, он выписывает у Стрыйковского строки о комете, обращенной хвостом на восток, пролетевшей якобы перед нашествием татар, присоединяется к словам хрониста о том, что «планета Сатурнус непостоянный, иже по принуждению творит люд мучительный, страшный и жестокий» (I, 30). «Попущением божиим» он объясняет мор в татарских улусах, землетрясение 1509 г. на территории Средиземноморья и т. д. Вслед за летописцем он склонен толковать набег Батыя «за многие грехи наша». А успех турецких завоевателей объясняет: «грехов ради и скверных дел народов христианских». Автор приводит предсказания древних мудрецов о падении Константинополя и о том, что со временем «российские народы турок имут победити...» (II, 193).

Но при этом автор сознает необоснованность некоторых толкований: так, рассказывая о сне Мурада III, он пишет, что гадатели, «яко прелестницы злые», истолковали сон султана так, чтобы обратить его гнев на христиан (III, 45). Отсюда явствует, что «гадатели» не владеют потусторонней силой, а в своих предсказаниях исходят из определенных политических интересов.

---

[162] Ср. Э. Франчес, *Классовая позиция византийских феодалов в период турецких завоеваний,* — «Византийский временник», т. XV, 1959.

С этой точки зрения характерен тон, которым автор говорит о мусульманской религии: он ищет ее социальные корни, подчеркивает первоначальный демократический характер ислама, имевшего успех между «невеждами» и простыми людьми. Ислам был религией феодального общества, поэтому не удивительно, что Мухаммед давал освобождение рабам, к нему шли простые люди разных народностей, но за это «господа вознегодаваша нань, невольников ради своих возмущенных от него и бегающих от них» (II, 90). Лызлов приводит биографические сведения о Мухаммеде, отмечает его природный ум и «остроту многую». Успех его проповедей он объясняет военными победами. Лызлов вскрывает практические меры, применяемые мусульманским духовенством к распространению ислама: составление Корана, закрытие философских академий на Ближнем Востоке, расселение мусульман в других областях и последовавшие вслед за этим смешанные браки, торжественность обряда обращения в мусульманство, запрещение содержать в порядке христианские церкви, носить оружие немусульманам, ездить им верхом и т. д.

Приведя сведения о человеке, имевшем якобы изображения пророка на своей груди, Лызлов иронически замечает: «Мню, яко некою водкою жестокою учинено» (II, 24). Он попытался представить течения в исламе в зависимости от конкретных условий принявшей веру страны и характера ее жителей. В этом еще раз проявился рационалистический элемент мировоззрения Лызлова. Таким образом, хотя речь шла о сугубо богословских вопросах, Лызлов весьма жизненно подходил к их освещению.

«Скифская история» — показатель противоречивой борьбы старых и новых тенденций: рационализм в ней торжествует, а провиденционализм отступает и проявляется на страницах «Скифской истории» как неминуемая дань традиции.

Историки-гуманисты в странах Западной Европы отражали идеологию нарождающейся буржуазии, отсюда их воинствующий атеизм, идеализация античности, республиканские идеи. В России выразителями новой, рационалистической мысли становились представители дворянства, поэтому они осуждали принцип выборности (султанов), восхваляли монархию, основывавшую свою политику на «разумных» началах, призывали к укреплению военного могущества своего феодально-крепостнического государства.

В социальной принадлежности носителей нового направления и была, по нашему мнению, особенность и противоречивость русской историографической мысли конца XVII — начала XVIII в.

Изучение «Скифской истории»

Научное использование сведений, собранных в «Скифской истории», наблюдалось еще в начале XVIII в., быть может при жизни автора. В «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии», составление которой приписывается Ф. Прокоповичу, имеются ссылки на «Скифскую историю»[163].

В 1713 г. была издана одна из редакций «Повести о Царьграде», заимствованная из «Скифской истории». Тем самым редактор этого издания принял «целиком исторические и религиозно-этические взгляды Лызлова»[164]. Незначительные добавления к «Повести...» были сделаны лишь из хронографа Дорофея Монемвасийского, переведенного в 1665 г. Кроме того, поскольку повесть вышла как раз после Прутского похода, был несколько смягчен непримиримый тон Лызлова в отношении Турции и политики западных держав, поощрявших ее агрессию.

Из «Скифской истории» «Повесть о Царьграде» попала в Болгарию, где и была опубликована в XVIII в. с некоторыми пропусками[165].

Как видно из трудов и переписки русских историков В. Н. Татищева и П. И. Рычкова в середине XVIII в., оба они были знакомы со «Скифской историей». Татищев считал, что «оная к татарской истории много потребна»[166]. На одном из ранних списков «Скифской истории» помечено: «Татищева»[167]. С этого экземпляра, правленного черными и красными чернилами, по заданию владельца в 1745—1746 гг. был сделан новый список[168]. Насколько Татищев ценил «Лызлову оригинальную татарскую историю, именуемую Скифия», го-

---

[163] «Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР», т. III, вып. I, стр. 400, 402, 405; БАН, д. Строгановский, 60, лл. 59, 60; д. 32. 13.1, л. 5.

[164] ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 2, д. 35, л. 67; М. Н. Сперанский, *Историко-литературный обзор повестей и сказаний о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв.* См. также в кн.: М. Н. Сперанский, *Из истории русско-славянских литературных связей* [глава «Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской истории» А. Лызлова (из истории русско-польско-болгарских связей на рубеже XVII—XVIII вв.)»], стр. 211—224.

[165] ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 2, д. 35, л. 67.

[166] П. Пекарский, *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова,* — «Отделение русского языка и словесности АН», т. II, СПб., 1867, № 1, стр. 20.

[167] БАН, д.32.4.27, л. 1.

[168] Там же, д. 32.13.6.

ворит тот факт, что он рекомендовал П. И. Рычкову ознакомиться с ней[169].

В своих работах о татарах, об истории Оренбургского и Астраханского краев и особенно в «Опыте казанской истории древних и средних времен»[170] П. И. Рычков использовал материалы «Скифской истории». В рецензии на «Опыт...», помещенной в «Göttingische Gelehrte Anzeigen» (1760, Bd 2, S 1340—1349), А. Шлёцер писал, что ее недостатки проистекают от того, что автор использовал труд Лызлова, а не западноевропейских историков. Рычков отвечал, что рецензия Шлёцера показывает «самовольство сочинителя ее», а «неуважение тех писателей, которых я, в некоторых местах, употреблял, не заслуживает возражения»[171].

Г. Миллер, не в пример своему соотечественнику Шлёцеру, высоко ценил «Скифскую историю» и переводил на немецкий язык отдельные ее фрагменты[172]. В конце XVIII в. интерес к сюжету «Скифской истории» возрос; это было вызвано политической ситуацией. В связи с русско-турецкими войнами и присоединением Крыма к России появились переводные сочинения о Турции. Так, в 1789 г. в Петербурге у Брейткопфа был напечатан перевод книги, изданной в 1788 г. в Берлине: «Новейшие известия о Турецкой империи для тех, кои желают иметь сведение о состоянии оной, особливо при случае нынешней ее с Российскою и Римскою империями войны, с генеральною картою всех Турецких земель». Это — краткий рассказ современника о состоянии Турецкой империи: «Историческое и географическое начертание, обряд богослужения и качество нравов, образ правления, военный порядок». Вслед за этим в 1789 г. были изданы «Цареградские письма о древних и нынешних турках» (СПб., в 8°); в них содержалось 14 коротких рассказов о Турции, разнообразных по содержанию: о законах, нравах, праздниках и т. д.

В этот период на «Скифскую историю» обратил внимание Н. И. Новиков и дважды (в 1776 и 1787 гг.) опубликовал ее[173]. В обращении «К читателю» издатель пометил дату составления книги, назвал Андрея Ивановича Лызлова столь-

---

[169] П. Пекарский, *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова*, стр. 20.

[170] П. И. Рычков, *Опыт...*, СПб., 1767, стр. 5, 6, 12, 25—27, 68—70.

[171] П. Пекарский, *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова*, стр. 79.

[172] Там же, стр. 74; ЦГАДА, ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера, д. 347, № 18, лл. 1—9 и № 15.

[173] Первое издание в Санкт-Петербурге, ч. 1, в 8°, второе издание в Москве в типографии Компании типографической (полностью, в 4°).

ником и упомянул о списке, с которого делалась копия. Издатель сообщает, что «труд Лызлова давно уже писателями Российской истории похвален и уважаем». Он включил имя историка в свой «Опыт исторического словаря о российских писателях»[174].

На рубеже XVIII и XIX вв. «Скифской историей» заинтересовался собиратель рукописей граф Н. П. Румянцев. О книге Лызлова он вел переписку с Н. А. Мурзакевичем — историком Смоленска. Последний подверг сомнению сведения Н. И. Новикова о Лызлове, приведенные издателем в предисловии к «Скифской истории»[175]. Воронежский историк Е. Болховитинов, также поддерживавший контакт с Н. П. Румянцевым, внес в литературу ошибочные утверждения Мурзакевича о том, что Лызлов был смоленским священником, и неверную дату составления книги (1698 г.). Эти ошибки повторили А. Старчевский, Г. Геннади и др.[176].

Во второй половине XIX — начале XX в. сочинение Лызлова упоминалось в библиографических указателях[177] и некоторых капитальных исследованиях[178], а также в краеведческой литературе.

Археолог-любитель полковник А. А. Мартынов в 1842—1847 гг. составил «Записки о местностях в Войске Донском и вещественностях, там открытых», в которых пытался толковать отдельные места «Скифской истории» в плане исторической географии[179].

Первым более подробным описанием одного из списков «Скифской истории» был обзор П. А. Преображенского, поме-

---

174 Н. И. Новиков, *Опыт...*, СПб., 1772, стр. 132.

175 «Никифор Адрианович Мурзакевич, историк города Смоленска», стр. 61—77; ГБЛ, ф. Н. А. Мурзакевича, д. 2583, лл. 20—106.

176 Митрополит Евгений, *Словарь русских светских писателей*, т. II, М., 1845, стр. 36, 37; А. Старчевский, *Очерк литературы русской истории до Карамзина*, СПб., 1845, стр. 84.

177 Я. Березин-Ширяев, *Материалы для библиографии*, СПб., 1868, стр. 28; В. С. Сопиков, *Опыт российской библиографии*, СПб., 1904, № 4912; В. П. Семенников, *Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова*, ч. II, 1921, № 43, 805; С. А. Венгеров, *Источники словаря русских писателей*, Пг., 1917, ч. 4 и др.

178 В. И. Иконников, *Опыт русской историографии*, т. II, кн. 2, Киев, 1908, стр. 1277, 1327; Г. З. Кунцевич, *История о Казанском царстве или Казанский летописец*, СПб., 1905, стр. 3, 233, 553; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, т. I, М., 1863.

179 [А. А. Мартынов] *Записки о местностях в Войске Донском и вещественностях, там открытых»*, — «Дон», Новочеркасск, 1887, № 7—9, 12. Об этой работе см.: П. Н. Черняев, *А. А. Мартынов и его археологические записки (1777—1865)*. — «Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии», Ростов-на-Дону, кн. 1, 1929—1930, вып. 5—6, стр. 44, 45.

щенный за подписью П. П. в «Приложении к Отчету Самарского городского публичного музея за 1902—1903 гг.»[180]. Автор сообщает о приобретении списка «Скифской истории», ссылается на упоминание о ней в библиографических справочниках и делает попытку оценить положительные и отрицательные стороны книги Лызлова. Он отмечает описание в ней стран, прилегающих к Азовскому и Черному морям, подчеркивает ценность этнографических сведений в «Скифской истории», приведение автором «живых и ярких» военных деталей.

Вместе с тем автор обзора упрекает Лызлова в излишней зависимости от источников, изложении мистических преданий о происхождении народов, приведении чудес и знамений и заключает, что «Скифская история» — образец «нашей первобытной, наивной и некритической историографии».

Дискуссия о материалах книги и ее авторе, разгоревшаяся на страницах журнала «Книжных магазинов товарищества М. О. Вольфа известия по литературе, наукам и библиографии», свидетельствует о том, что и в начале XX в. трудом Лызлова интересовались любители истории[181].

В советское время к книге Лызлова обращались туркологи и историографы. С. А. Семенов-Зусер считает, что это произведение, хотя и «пестрит неточностями, тем не менее представляет значительный интерес как первая попытка систематизировать материалы и источники о древнейшем периоде истории России»[182].

На роль «Скифской истории» в русской ориенталистике неоднократно указывал в своих исследованиях Н. А. Смирнов[183].

В чрезвычайно ценном и полезном «Словаре» И. У. Будовница, к сожалению, приведены ошибочные сведения о А. И. Лызлове и его произведении[184].

---

[180] «Самарский городской публичный музей и зал императора Александра II. Отчет за 1902 и 1903 гг.», стр. 23 и сл. Раскрытие инициалов автора обзора см. в кн.: В. Н. Перетц, *Рукописи библиотеки Московского университета, Самарских библиотек и музея и Минских собраний,* 1934, стр. 138

[181] «Книжных магазинов товарищества М. О. Вольфа известия по литературе, наукам и библиографии», СПб., 1902, № 12; 1903, № 1—7.

[182] С. А. Семенов-Зусер, *Скифская проблема в отечественной науке,* Харьков, 1947, стр. 11, 12.

[183] Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, стр. 47; Н. А. Смирнов, *Очерки по истории изучения ислама в СССР*, М., 1954; «Очерки по истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 505.

[184] И. У. Будовниц, *Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы,* стр. 161, 302.

* * *

«...Новый период русской истории», начавшийся примерно с XVII в.[185], имел своим следствием то, что светская рационалистическая идеология проникала не только в литературу и искусство, но нашла свое отражение и в историографии, хотя прежний провиденциалистский подход к фактам не сразу уступил свои позиции. В книге Лызлова мы наблюдаем борение нового со старым, где возгласы «за грехи» уступают место попыткам причинного объяснения событий и анализу фактов.

«Скифская история» имеет все атрибуты научной монографии: деление на части и главы, ссылки на исторические источники, автор делает первые шаги по пути их сравнения, своеобразно трактует исторические события. Археографический обзор списков «Скифской истории» позволил выявить их большое количество, что свидетельствует о широком распространении книги.

В русской историографии до Лызлова не было труда, подобного «Скифской истории» по своим хронологическим рамкам и тематическому профилю.

Лызлов стремится проследить борьбу с татаро-монгольскими завоевателями, взаимоотношения Руси с Золотой Ордой, присоединение Казани, Астрахани, историю Крымского ханства и, наконец, длительную борьбу европейских народов с Крымом и Турцией. Он подмечает начало, расцвет и упадок государственных образований, рассматривает как внешнеполитические события, так и внутреннее положение отдельных государств. Лызлов выступает сторонником абсолютной законной монархии, противником междоусобиц и бунтов, но сознает, что благо страны зависит от положения «общенародства».

Лызлов неоднократно высказывается о возможности мирного сосуществования христианских и мусульманских государств. Он стоит за соблюдение международных договоров, порицает их нарушителей и предателей. В этом отношении он продолжает и углубляет мысли о международном праве известного дипломата и государственного деятеля России XVII в. А. Л. Ордина-Нащокина, проводника идеи международного сотрудничества.

Успех Порты он объясняет несогласием христианских го-

---

[185] В. И. Ленин, *Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?* — Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 1, стр. 153.

сударей, отсутствием единства между европейскими странами перед лицом общей опасности.

Причины падения Византии Лызлов ищет во внутреннем строе Восточной Римской империи. Описывая ход турецких завоеваний и борьбу с ними европейских народов, Лызлов всей душой на стороне последних. Он считает турецкие захваты большим бедствием для народов.

Шаг за шагом автор «Скифской истории» рисует картину титанической борьбы России, Венгрии и южнославянских стран с Турцией. Иногда он неточно передает факты, иногда опускает важные события, но общая линия, цель повествования выдержана до конца.

Автор неоднократно говорит о поражениях турок, срывает с султанов ореол таинственности и непобедимости. Много внимания автор отводит военной истории; это проявляется при описании военных операций, анализе тактики противника, внимании к технической оснащенности армий и т. д. «Скифская история» заканчивается призывом выйти из неволи объединенными силами. Историк ставит свой труд на службу патриотической цели освобождения Причерноморья и соседних стран от «тяжкого ярма». «Скифская история» была первым трудом русского историка, посвященным народам Востока. Однако автор, используя многочисленные источники, не всегда критически подходит к ним; поэтому в «Скифской истории» встречается много фактических ошибок, противоречивых и путаных суждений. Лызлов не раскрывает тяжелых условий жизни самого турецкого народа в XIV—XVI вв. и его мужественной антифеодальной борьбы.

Книга Лызлова не была исключительным явлением в русской историографии конца XVII в. Она была близка к историческим сочинениям, появившимся в тот же период. Так, с автором «Летописца царя Федора» Лызлова объединяет понимание роли истории и использование ее в назидательных целях, с «Сибирскими летописями» С. У. Ремезова — разнообразие использованных источников, с «Созерцанием кратким» Сильвестра Медведева — публицистическая заостренность, с «Синопсисом» Иннокентия Гизеля — широта освещения исторических проблем.

Среди названных трудов «Скифская история» занимает видное место.

Н. А. КУЗНЕЦОВА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАБИЗМА И БЕХАИЗМА В РОССИИ

Русские ученые одними из первых обратили серьезное внимание на возникновение бабизма в Иране и постепенное его перерождение в бехаизм. Академик В. В. Бартольд считал, что «русские труды о бабизме остаются до сих пор одной из лучших страниц в истории русского востоковедения»[1].

Сложившиеся в середине XIX в. взаимоотношения между Россией и Ираном благоприятствовали детальному знакомству русских дипломатических чиновников, военнослужащих, представителей торгово-предпринимательских кругов и ученых с экономикой, социальными отношениями, политической жизнью, историей, культурой, религиозной борьбой и другими сторонами общественной жизни в Иране. И вполне естественно, что широкое народное движение, связанное с именем сейида Али Мохаммеда, называвшего себя Бабом (дверью, вратами к познанию бога), нашло отражение в официальных дипломатических бумагах, в частной корреспонденции, в научных работах, в популярных очерках и т. п.

Первые по времени сообщения о выступлении бабидов содержались в донесениях и депешах русских посланников и консулов в Иране. Посланники граф А. И. Медем и князь Д. И. Долгоруков писали о пропаганде Бабом нового учения, влиянии этой пропаганды на народ, выступлениях бабидов в различных городах Ирана, реакции иранского правительства на бабидские выступления и пр. Подобную информацию посланники получали от консулов из Табриза (Н. А. Аничкова), Решта (Л. А. Ивановского) и Астрабада (С. И. Черняева, В. В. Гусева и др.). Эти материалы хранятся в Архиве внеш-

---

[1] В. В. Бартольд [Рец. на кн.]: *H. Roemer, «Die Bābī-Behā'i, die jüngste muhammedanische Sekte»*, Verlag der Deutschen Oriental-Mission, Potsdam, 1912, XII, 192,— «Мир ислама», т. I, вып. 3, СПб., 1912, стр. 427.

ней политики России (ф. Канцелярия. Переписка с Тегераном, д. 177); они были использованы в работе М. С. Иванова «Бабидские восстания в Иране»[2]. Выдержки из 25 документов — депеш князя Долгорукова в Министерство иностранных дел о восстании бабидов в Иране — даны в приложениях к ней.

К бабидскому движению проявляла интерес не только Россия, но и Англия. Обе державы опасались, что восстание бабидов может повлечь за собой изменение политической ситуации в Иране и подорвать влияние Англии и России в этой стране. Именно поэтому английские и русские дипломаты побуждали шахское «правительство принять самые решительные меры для скорейшего подавления их (бабидов.—*Н. К.*)»[3]. Чиновники миссий и консульств начали собирать материалы о сути учения Баба и его последователей. Долгоруков потребовал от русских чиновников в Иране подробных сведений о вероучении бабидов, о чем свидетельствует черновик его письма к Н. А. Аничкову. «Учение Баба, приобретая со дня на день более последователей в Персии, должно обратить на себя исключительное внимание наше, и посему я покорнейше прошу Ваше Высокородие употребить зависящие от Вас средства к собиранию возможных сведений о догматах и ходе сего учения и сообщить оные мне для соображения с теми, которые я успел собрать в Тегеране. Присутствие самого Баба в Тавризе, может быть, доставит Вам, М[илостивый] Г[осударь], возможность получить достовернейшие и ближайшие сведения о сем крайне интересном предмете»[4].

Аничков ответил в Тегеран (13 июля 1850 г.), что он давно уже хлопочет о сборе сведений о догматах Баба, «но персияне, кажется с намерением, искажают учение это в рассказах о нем, а потому доселе нельзя было собрать еще ничего положительно известного по этому предмету. Теперь я надеюсь достать на несколько дней от Хамзе-Мирзы[5] подлинную рукопись Баба и постараюсь извлечь из нее главные пункты учения»[6]. Долгоруков также ознакомился с одним из бабидских сочинений, полученным от Мирзы Таги-хана[7], и намеревался переписанный экземпляр послать в Петербург. Собирались и другие сведения о бабидах — о их имущественном по-

---

[2] М. С. Иванов, *Бабидские восстания в Иране*, М.—Л., 1939.

[3] Там же, стр. 139, 140.

[4] Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Миссия в Персии, оп. 528а, д. 239б, л. 5.

[5] Хамзе-мирза — правитель Азербайджана.

[6] АВПР, ф. Миссия в Персии, оп. 528а, д. 239б, л. 7.

[7] Мирза Таги-хан — премьер-министр Ирана.

ложении, связях, отношениях с мусульманскими сектами и т. п.

После подавления бабидских восстаний русские, английские и французские дипломатические чиновники продолжали собирать материалы о последователях Баба, расколе в их рядах, борьбе сторонников Беха-Уллы с единомышленниками Собхе Азаля, о преследованиях бабидов в Иране. Однако эти материалы не выходили, как правило, за пределы Министерства иностранных дел и были известны очень ограниченному кругу лиц.

Русские дипломатические представители — управляющий генеральным консульством в Табризе известный ученый-востоковед Н. В. Ханыков, старший драгоман миссии в Тегеране В. И. Севрюгин, драгоман генерального консульства в Табризе А. Н. Мошнин, младший секретарь миссии в Тегеране, впоследствии русский чрезвычайный посланник и полномочный министр А. А. Мельников, консул в Астрабаде Ф. А. Бакулин, первый драгоман миссии И. Г. Григорович, секретари и драгоманы консульства в Астрабаде А. Д. Левитский и В. И. Игнатьев, дипломатический чиновник Г. Д. Батюшков, упомянутые выше посланники А. И. Медем и Д. И. Долгоруков, русский генеральный консул Н. А. Аничков, консулы в Астрабаде С. И. Черняев и В. В. Гусев и многие другие интересовались судьбой бабидов, учением бабидских проповедников. Движение бабидов привлекло внимание некоторых русских офицеров, командированных в Иран. Имя русского офицера А. Г. Туманского (1861—1920) стало известно всем, изучающим бабизм и бехаизм.

А. К. Мирза Казем-бек, первый русский исследователь бабизма, издавший в 1865 г. большой труд о бабидах «Баб и бабиды. Религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 годах», широко использовал материалы, собранные дипломатическими чиновниками.

В отличие от Д. И. Долгорукова, считавшего бабизм чисто религиозным движением, Мирза Казем-бек склонен был рассматривать его как политическое выступление против существующего строя, принявшее религиозную окраску. Подзаголовком к книге «Религиозно-политические смуты в Персии» Мирза Казем-бек хотел подчеркнуть именно политическую сущность бабизма[8].

[8] В этой книге очень отчетливо проявляется идеалистическое мировоззрение Мирзы Казем-бека. Об идеалистической концепции Казем-бека и значении его трудов о бабизме см.: Н. А. Смирнов, *Очерк изучения истории ислама в России и СССР,* М., 1954, стр. 70—72. Несмотря на принятие христианства, Мирза Казем-бек, как мы полагаем, в душе

Для сбора материалов о бабидах Мирза Казем-бек ездил в Табриз и Мазендеран; там он беседовал с очевидцами недавно отшумевших событий, познакомился с некоторыми бабидскими сочинениями. При написании книги он использовал записки своего ученика В. И. Севрюгина, полученные им от Н. В. Ханыкова, и А. Н. Мошнина, воспитанника Петербургского университета, а также рукопись о бабидах, взятую у акад. Б. А. Дорна. Эта рукопись на мазендеранском языке была написана одним из барфорушских мулл, приобретена Г. Мельгуновым во время поездки по южному побережью Каспийского моря и впоследствии передана в Библиотеку Академии наук в Петербурге[9]. Казем-бек нашел, что рукопись содержит неточные сведения о бабидах, неверно освещает некоторые события.

Основным же источником, откуда Мирза Казем-бек черпал фактические данные о движении, была «Насих ут-таварих»[10] Мирзы Таги Сипехра Лисан уль-Мулька, иранского придворного историка. Однако это не помешало ученому отметить имеющиеся у Лисан уль-Мулька ошибки и предвзятое отношение к бабидам (Лисан уль-Мульк, например, утверждал, что Баб помешан, а бабиды — сторонники общности жен, т. е. аморальные люди, и т. п.).

Мирза Казем-бек пытался установить биографию Баба, хронологическую последовательность бабидского движения. Для этого он приводит в книге весь собранный им материал, подчас противоречивый. Мирза Казем-бек симпатизировал идеям Баба. По его мнению, сам Баб не принимал никакого практического участия в движении и лишь оказал большое моральное воздействие на население. Казем-бек неодобрительно отнесся к эволюции учения бабидов. Он утверждал, что ученики и приверженцы Баба видоизменили учение сейида Али Мохаммеда, приписали Бабу божественное происхожде-

---

остался последователем «чистого» ислама. Вероятно, этим объясняются его утверждения, что ислам не может быть, как и христианство, преградою цивилизации, и доброжелательное изложение основ учения мусульманских проповедников, идеи которых, судя по всему, разделялись им самим.

[9] Г. Мельгунов, *О южном береге Каспийского моря,* СПб., 1863, стр. 136. В архиве Б. А. Дорна имеется рукопись, в ней 14 листов из обычной тетради, кое-где есть пометки Дорна на полях, некоторые слова переведены на немецкий язык, проставлена огласовка, карандашом исправлены отдельные слова. Акад. Дорн описал эту рукопись в «Mélanges Asiatique» (t. IV, p. 442, № 11). В настоящее время она хранится в Архиве Академии наук (ф. 776, оп. 1, № 18) под названием «Секта бабидов, получившая начало свое в Мазендеране».

[10] ناصخ التواريخ ميرزا تقى سپهر لسان الملك

ние, привлекали народ на свою сторону, действовали именем Баба против духовенства и правительства [11].

Казем-бек рассказал о секте шейхитов, из которой вышел Баб, об учениках Баба, о восстании в Мазендеране, мерах иранского правительства, предпринятых для борьбы с бабидами, выступлении бабидов в Зенджане и Нейризе. Казем-бек писал о том, что бабиды хотели провести реформы, ограничить произвол правительства, уничтожить самоуправство министров, губернаторов, добиться точного исполнения законов и пр. «Причины, породившие политический бабизм, все еще волнуют слои образованного общества в Персии», — заключал ученый. Казем-бек высоко оценивал деятельность Моллы Хосейна Бушруи, Моллы Мохаммед-Али Зенджанского и др. и был очень нелестного мнения о Яхье Дараби, руководителе нейризского восстания, человеке честолюбивом, не имевшем, по мнению Казем-бека, искренних убеждений, строившем все свои расчеты на обмане. Хронологически Мирза Казем-бек обрывает свое исследование на 1852 г. — выступлении бабидов в Тегеране и жестокой расправе с бабидами. Исследование заканчивается главой об учении Баба и его приверженцев.

Книга Мирзы Казем-бека была своего рода явлением в русском востоковедении. В ней освещались факты недавнего прошлого, говорилось о событиях, которые потрясли Иран и которые во многом оставались еще неясными ученым и практическим работникам. Она была хорошо принята русской общественностью и долгое время оставалась единственным обстоятельным исследованием на русском языке о бабидах. В России, стоявшей на пороге преобразований, идеи борьбы за реформы, в какой бы стране эта борьба ни шла, находили живой отклик.

Последующие работы русских ученых о бабизме не были столь обстоятельны. Востоковеды собирали и описывали главным образом бабидские рукописи. Например, академики Б. А. Дорн и В. Р. Розен изучали в основном бехаитские рукописи. Статьи же, имевшие публицистический характер, содержали очень мало дополнительных сведений о бабидах [12]. По-

---

[11] Точка зрения Казем-бека, что ученики Баба революционизировали его учение, подтверждена более поздними исследованиями. В частности, М. С. Иванов пишет, что последователи Баба внесли значительные изменения в его учение, более определенно высказав чаяния и стремления иранских крестьян, городской бедноты и ремесленников (М. С. Иванов, Бабидские восстания в Иране, стр. 76, 83—85).

[12] Список основных работ по бабизму см. в статье А. Е. Крымского («Древности восточные», т. IV, 1913, Протоколы, стр. 79—91).

этому, если судить только по опубликованным работам, создается впечатление, что русские не так уж много сделали для изучения бабизма и бехаизма (исключая труды В. Р. Розена и А. Г. Туманского).

Между тем во многих архивах хранятся богатые материалы о бабидах и бехаитах, которые до последнего времени были мало известны иранистам. Знакомство с ними поможет исследователям более полно представить историю бабидов, а также историю изучения их в России. Большой интерес представляет в этом отношении личный архив В. Р. Розена, крупнейшего знатока бабизма и бехаизма.

В. Р. Розен раньше английского исследователя бабизма Э. Броуна обратил внимание на бехаизм — новое течение в исламе — и уже в 1877 г. описал несколько бабидских рукописей, хранившихся в библиотеке Учебного отдела Министерства иностранных дел [13].

В период работы над рукописями Розен глубоко заинтересовался учением бабидов. После публикации небольшой заметки о новых бабидских рукописях [14] Розен начал подготовлять к печати отдельные послания Беха-Уллы. В 1893 г. он издал «Послание „Благие вести"» [15], полученное из Ашхабада, где нашли приют бежавшие из Ирана бабиды. Розен высказал предположение, что «Благие вести» рассчитаны не на бехаитов, а на англичан и русских. Причем вариант, переданный Розену из Ашхабада, предназначался явно для русских властей. В архиве Розена имеется текст этого послания, вступительная часть к нему, подписанная 17 декабря 1891 г. Розеном и его учеником В. И. Игнатьевым, секретарем и драгоманом русского консульства в Астрабаде: «с подлинным переводом верно». Текст перевода, вероятно, написан рукой Игнатьева [16]. Архивный материал говорит о том, что В. И. Игнатьев, о котором Розен не мог упоминать в статьях по полити-

[13] См. «Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales». I. Manuscrits arabes (SPb., 1877); III. Manuscrits persans (SPb., 1886); IV. Manuscrits Babys (SPb., 1891).

[14] «Записки Восточного отделения Русского Археологического общества» (далее — ЗВОРАО, т. IV, 1889).

[15] ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 183—192.

[16] В. И. Игнатьев дал материалы о казнях бабидов в Иезде В. А. Жуковскому, который в 1891 г. опубликовал заметку «Недавние казни бабидов в Иезде» (ЗВОРАО, т. VI, 1891, стр. 321—327; т. VII, стр. 327), о чем В. А. Жуковский написал позднее в статье о Бакулине. Игнатьев в письме от 23 апреля 1892 г. просил Розена не указывать его имени, что именно он доставил Розену ценные материалы о бабидах, а написать, что послания были адресованы бабидам, живущим в Ашхабаде (Архив Академии наук СССР, ф. 777, оп. 2, д. 188). Так Розен и сделал в статье «Послание „Благие вести"».

ческим соображениям, снабжал Розена сведениями о бабидах, помогал переводить и т. п.

Вскоре Розен получил корректуру статьи Броуна о бабидских рукописях, в которой упоминаются «Благие вести» Беха-Уллы, полученные Броуном от сына Беха-Уллы Мирзы Бади-Уллы. По просьбе Розена Броун прислал ему копию письма Мирзы Бади-Уллы и текст 15 благих вестей. Сравнивая материалы Броуна со своими, В. Р. Розен пришел к выводу: «С одной стороны бабидские заправилы в Акке считали неудобным послать в асхабадскую общину, добивающуюся разрешения перехода в русское подданство, документ, содержащий прославление республиканской или конституционной формы правления, а с другой стороны эти же самые заправилы считали небезполезным лишний раз засвидетельствовать перед англичанином свое уважение к парламентаризму!»[17]. Иначе говоря, Розену была очевидна приспособленческая сущность бехаизма, что проявилось в изменении текста «Благих вестей». Розен не согласился с мнением Броуна, который утверждал, что «Благие вести» были составлены специально для него. Розен доказал, что бехаитам незачем было так обще излагать суть своего учения для Броуна, являвшегося прекрасным знатоком бабизма и бехаизма. «Благие вести» написаны, как полагал Розен, для ответов иноверным властям, у которых нашли приют преследуемые в Иране бабиды и бехаиты. Копия письма Мирзы Бади-Уллы и «Благие вести», полученные от Броуна, хранятся в Архиве Академии наук[18].

В. Р. Розен собирал официальные донесения русских дипломатических представителей о бабидах. Этому способствовала тесная связь Розена с Министерством иностранных дел через Учебный отдел восточных языков, а также и то, что многие консулы, работники миссий и консульств были учениками Розена или — старшее поколение — учились с ним. Рукою Розена снята копия с донесения управляющего консульством в Табризе от 11 декабря 1866 г., присланного, вероятно, ему А. Г. Туманским[19].

В. Р. Розен скопировал полученные от А. Г. Туманского депеши русского чрезвычайного посланника и полномочного

---

[17] В. Р. Розен, *Еще о послании «Благие вести»*, — там же, стр. 314.

[18] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 1, д. 85, л. 8.

[19] Туманский снял копии с документов, относящихся к бабидскому движению, в российской миссии в Тегеране во время своей поездки в Иран в 1894 г. (см. «Китабе Акдес. «Священнейшая книга» современных бабидов», СПб., 1899, стр. XVII, XVIII). Копия находится в Архиве Академии наук СССР (ф. 777, оп. 1, д. 98, л. 1).

министра в Иране И. А. Зиновьева министру иностранных дел князю Горчакову (от 13 января 1867 г. и от 10 июля 1869 г.), донесение русского генерального консула в Азербайджане Безобразова (от 24 апреля 1876 г.) с копией воззвания, которое было повешено бабидами на дверях табризской мечети[20], часть депеш О. Шимановского (от 17 апреля 1879 г. и 15 февраля 1890 г.)[21].

Большой интерес представляет снятая В. Р. Розеном копия с донесения русского генерального консула в Табризе Н. А. Аничкова от 15 июня 1855 г., т. е. вскоре после жестокой расправы над бабидами в связи с покушением в 1852 г. на Насер эд-Дин-шаха. Аничков доносил: «Имел случай получить секретные сведения, что один из значительнейших духовных лиц в Азербайджане Ага Сеид Али, находящийся ныне в Кербеле, тайно обратился к тегеранским и здешним властям с предостережением их на счет чрезвычайного усиления и развития в Керманшахе новой духовной секты *Рукни раба*. Учение это во многом имеет сходство с бабизмом, и, что всего невыгоднее для правительства, оно также направлено противу власти шаха. Департаменту небезызвестно, что шииты полагают, что после Мухаммеда 12 имамов один за другим наследовали духовную власть пророка, что 13 имам Махди[22] скрылся от людских взоров, но доселе еще жив и что верховная власть во всем собственно принадлежит ему, что шах же и прочие светские власти только силою завладели этим преимуществом и, следовательно, перед духовным судом строгое подчинение им не обязательно. Четыре главные секты, развившиеся из этого учения, суть: муташарэи, шейхи, баби и рукнираби.

Первые полагают, что муджтехиды наследуют духовную власть имама только при применении закона и случаях частной жизни; вторые считают муджтехидов посредниками между народом и имамом и распространяют это посредничество не только на дела судебные, но и вообще на все относящееся до рода человеческого, так как по их верованиям имеют суть прямого посредника между богом и всем его созданием.

Бабиды признают тождество бога с тринадцатым имамом Махди и только ему одному считают повиновение обязательным. Рукни раби, т. е. четырехстолпники, утверждают, что первая (. . . . .)[23] веры есть пророк, вторая — Али,

---

[20] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 1, № 98, лл. 4, 8.

[21] Там же, лл. 9, 10.

[22] Здесь у Аничкова или в копии Розена ошибка. Шииты считают Махди двенадцатым имамом.

[23] Слово написано неразборчиво — «основа»?

третья — 13-й имам и четвертая — тот человек, которому живой, но скрытый от взоров имам Махди передал свои права на людей, и что, следовательно, только ему одному повиновение обязательно и он уже может назначать наибов в другие места, где он лично не присутствует. Теперь они веруют, что власть эта находится в руках ихнего [?] Керим-хана, сына Керим-хана Зенда, брата Джафар Кули-мирзы, Хосров-хана и Шахрух-хана, находящегося при бухарском эмире.

Керим-хан этот теперь находится в Керманшахе, сначала он слыл просто за суфи, то есть человека, имеющего более вольный взгляд на религию, но мало-помалу выработал свое учение и имеет теперь весьма многих и горячих приверженцев. Как говорят, он нашел даже средство распространить свое учение и в Индии, откуда ему нередко посылают значительные капиталы. Здесь наибом его считается некто Хаджи Мирза Шефи. Человек этот был сначала последователем Баба, но, испугавшись преследований лиц, принадлежащих к этой секте, после покушения их на жизнь шаха, удалился в деревню и оттуда подарками, посланными в Тегеран, выхлопотал себе охранный фирман, коим шах удостоверял, что Хаджи Мирза Шафи человек спокойный и считается его богомольцем. Ага Сейид Али представляет секту эту чрезвычайно опасною, но, принимая в соображение, что вместе с этим духовный этот ходатайствует и присылает ему денег, я уверен, что это было без влияния на оценку его важности этой секты [24]. Тем не менее мне известно и из других источников, что они есть и что может быть в скором времени действия лиц, принадлежащих к оной, будут причиною смут в Персии...» [25].

Эти донесения, выписанные Розеном, приводятся полностью здесь потому, что о религиозных сектах, связанных с бабизмом, и о лицах, отколовшихся от бабидов и примкнувших к близким им по духу, но вполне легально существующим проповедникам, в русской и европейской печати не имеется почти никаких сведений. Материалы из архива Розена говорят о продолжавшейся борьбе бабидов и их попытках найти новые пути изменения существующего положения в Иране, о возникновении сект, представляющих, по словам Аничкова, опасность для правительства, поскольку они направлены также «противу власти шаха».

Кроме донесений русских дипломатов, переданных Туманским, Розен имел возможность получать и другие интересующие его материалы о бабидах из Архива МИД'а. Он ознако-

---

[24] Так в тексте.

[25] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 1, д. 98, лл. 2, 3.

7 Заказ 260

мился с донесениями управляющего русским консульством в Адрианополе от 26 августа 1868 г. о пребывании бабидов в Адрианополе и действиях турецких властей (арест бабидов, продажа их имущества, переселение бабидов из Адрианополя) и послал дополнительный запрос в консульство: 1) есть ли в консульстве еще какие-либо сведения о бабидах за 1862—1868 гг.; 2) сохранился ли текст протеста бабидов против их арестов и переселения (накануне отъезда Беха-Улла разослал европейским консулам, находившимся в Адрианополе, письма, в которых просил довести до сведения европейских правительств о несправедливом отношении Порты к бабидам и испрашивал разрешения поселиться в каком-либо уголке Европы)[26]; 3) нельзя ли с точностью выяснить, когда прибыли бабиды в Адрианополь. «Всякие воспоминания лиц, знавших бабидов в Адрианополе в 1862—1868 гг. или имевших с ними сношения, были бы весьма интересны и важны»[27]. Судя по всему, В. Р. Розену удалось получить из Адрианополя довольно исчерпывающие сведения о Беха-Улле, Аббасе Эфенди, Мирзе Яхье Собхе Азале.

В. Р. Розена очень интересовали истинные причины, вызвавшие гонения бабидов в Турции. Об этом он также запрашивал русское консульство в Адрианополе и русское посольство в Константинополе. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев в препроводительном письме к донесению адрианопольского консула от 26 августа 1868 г. писал, что «настоящую причину гонений должно отнести к желанию персидского посланника доставить удовольствие шаху во время пребывания своего в Тегеране, где Мирза Хусейн-хан ныне находится»[28]. Из Адрианополя Розену ответили со ссылкой на сведения, доставленные Али-Агою[29] и турками, что австрийский консул, получив протест Беха-Уллы, обратился к великому везиру с вопросом о причине преследований бабидов, на что великий везир ответил, что «персидское правительство здесь ни при чем, бабиды не могут быть выданы Персии, так как они турецкие подданные, но их переселяют, чтобы не влияли на умы мусульман»[30]. Такова причина переселения бабидов из Адрианополя в Акру и на о. Кипр. Турецкие вла-

[26] Вольный перевод протеста Беха-Уллы, переданного в австрийское консульство, находится в архиве Розена (там же, л. 12).

[27] Там же, д. 99, лл. 1—4.

[28] Там же.

[29] Али Ага Шериф-Ага — перс, проживавший в Адрианополе, сообщил русскому консулу некоторые сведения о бабидских восстаниях в Иране, в частности о Куррат-уль-Айн. Может быть, ему же принадлежат и отрывочные сведения о Бабе, бехаитах и др. (там же, лл. 7, 14—18).

[30] Там же, л. 6.

сти боялись распространения учения бабидов и бехаитов. По требованию шейх-уль-ислама книги бабидов, признанные еретическими и вредными, были сожжены.

В архиве Розена находится также сообщение русского консула в Иране П. Е. Понафидина о пребывании некоторых бабидов в Каземейне, Кербеле и Неджефе. Они прибегали иногда к помощи персидского консула, чтобы избежать военной службы в турецкой армии, иногда к защите турецких властей, чтобы отклонить требования персидского консула. Жили эти бабиды тихо и скромно и занимались исключительно торговлей [31].

Розен собирал даже самые незначительные свидетельства, относящиеся к истории самого Баба, жизни бабидов в Иране и Турции, о распоряжениях иранских и турецких властей и др. Он пытался выяснить причины, обусловившие появление бабизма и перерождение его в бехаизм, не вызывавший у Розена особых симпатий.

В архиве В. Р. Розена хранится его переписка с А. Г. Туманским, Э. Броуном, его бывшим учеником Г. Д. Батюшковым, жившим в 1893—1899 гг. в Иране, и др.

Г. Д. Батюшков сообщил Розену в письме от 11 июля 1893 г. о причине своего назначения в Иран: «..вызван срочно из-за болезни Филипьева, и нужно, чтобы хоть одна была русская фамилия в составе (миссии. — *Н. К.*): Бюцов, Шпейер, Штриммер, Вольф, из которых трое, правда, почти не говорят по-немецки [32]. Вначале Батюшков не собирался писать работу о бабидах. (Это он сделал через несколько лет). «Не признавая за собой никаких ученых прав, — сообщал Батюшков Розену, — собранный материал отправлю в средоточие восточной науки — богоспасаемый град Питер» [33]. Но в первое время он не смог почти ничего разузнать о бабидах. 1 октября 1893 г. Г. Д. Батюшков писал: «О бабидах узнать многое не удалось: соблюдается осторожность.

М. т. [34] в городе есть представители этой секты гебров и бабидов, занимающих видное положение в персидской иерархии или состоятельных купцов, почему мне с ними удобнее иметь дело, и они, большею частью из руководителей своих единоверцев». По словам Батюшкова, Миллеру, который находился в Реште, также трудно найти материалы о бабидах, потому что в Гиляне бабидов очень мало, и членам консульст-

---

[31] Там же, л. 9.
[32] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 25.
[33] Там же.
[34] Так в тексте.

ва было еще труднее завязать с ними связи: члены консульства находились на виду, не то что в Тегеране, где много европейцев.

Наибольший интерес представляет письмо Батюшкова Розену от 18 января 1894 г., в котором Батюшков писал о литературе, посвященной бабидам, о некоторых лаухах и толковании отдельных слов из них.

«Как Вы легко догадаетесь, из остальных статей меня более всего заинтересовало письмо А. Туманского. Пришла книга как раз на 2-й неделе сознательного знакомства моего с одним из наиболее ученых и уважаемых бабидов в Тегеране, тем самым میرزا حسین ادیب [35], который составил присланную им через меня Валентину Алексеевичу [36] персидскую грамматику, участвовал в издании نامهٔ دانشوران [37] (прекратившемся на 1-м томе, ибо издание б[ыло] правительственное, а в Персии это равносильно погибели, так как дело, требующее расходов и не обещающее громадных доходов, не пользуется симпатией шаха, ни его М[ини]стров) и которому принадлежат другие произведения исторические وغیره [38].

Узнал я о принадлежности его к «ним» [39], آلطائفه [40], как мы из предосторожности говорим, вследствие крайне либеральных отзывов его о мусульманстве и готовности познакомить меня с одним из главных اهل حق [41] (который, впрочем, все еще уклоняется от свидания) и с бабидами. Кстати пришелся раздел наследства одного русскоподданного бабида (на Кавказе их масса), у которого хранилось довольно много бабидских рукописей и книг. Я, очевидно, постарался раздобыть эти бумаги, как ненужные при расчетах, и таким образом спас от огласки достаточно лиц, которые могли бы от этого существенно пострадать, ибо Пр[авительст]во и дух[овенст]во очень подозрительно смотрят на них, доказательством чему может служить бакинская история. Наследство это помогло мне вдвойне: прежде всего я знакомлюсь с содержанием الواح [42], к[ото]рые в большом количестве адресованы разным лицам и почти исключительно содержат наставления и советы, и узнал о существовании разных книг и молитвенников; кроме

---

[35] Мирзой Хасаном Адибом.

[36] Жуковскому.

[37] Наме-йе данешверан.

[38] «И другие».

[39] То есть бабидам.

[40] «Тому племени».

[41] Ахле хакк — одна из мусульманских сект.

[42] Лаухов — посланий Беха-Уллы.

того, за такое одолжение мне с большей охотой доставляют и обещают книги и списки. Так у меня уже есть: كتاب اقدس [43], нечто вроде нашего законника, ايقان и كتاب هيكل [44], заключающей в себе, кроме سوره الهيكل [45], письма к царям и много других — книга напечатана в Бомбее в 1308 г. (стоит, конечно, 19 кран), и мне обещаны списки с Аккского архива (в Акке сохраняются копии со всех писем и посланий).

К крайнему моему сожалению, я не только не имею «Catal. and descript. of 27 Bâbi Mss» [46] и не мог бы найти его здесь, но у меня даже нет VII тома З. В. О., в котором, верно, есть разбор этой статьи, и лишен, таким образом, возможности узнать, какие именно баб[идские] книги еще не явились достоянием библиотек, и в кредит заказал снимок с молитвенника, содержащего ежедневные (их 3 рода) молитвы с указанием положения и движений, коими должно сопровождаться чтение их. Для образчика прилагаю Вам при сем маленькую молитву, оказавшуюся в одной из приобретенных книг. От своего бабида я, м[ежду] пр[очим], узнал (м. б., это теперь уже для Вас и читавших (catal. الخ) [47] и VII том довольно старая новость) пополнение заглавий произведений بهاء по списку Броуна и Хюарта (?!) в Journ. As., а именно — لوح حكمت — جواهر الاسرار — كتاب هيكل — لوح سراج — تبيان — صحيفه معدده [48] о которой я уже писал выше. Приведу еще названия сочинений غصن اعظم [49], которого мой حسن очень хвалит за ум, знание и др[угие] качества. هفت وادى — جواب از سؤال هسيه — مدنيه — جديد [50].

Наконец, про صبح ازل [51] говорят, что он влачит теперь весьма жалкую жизнь, ибо дети его почти единственные адепаты его однако не дают права надеяться на блестящее будущее, хотя

---

[43] «Кетабе Акдес», об этом произведении см.: «Китабе Акдес. „Священнейшая книга“ современных бабидов». Текст, перевод, введение и приложения А. Г. Туманского, СПб., 1899.

[44] «Икан» и «Кетабе хейкал».

[45] Суре-ал-хейкал.

[46] E. G. Browne, *Catalogue and description of 27 Babi manuscripts*,— «Journal of the R. Asiatic society», vol. XXIV, 1892, pp. 433—449, 637—710. Г. Д. Батюшков не ошибся в своем предположении. В. Р. Розен действительно поместил в VII томе ЗВОРАО свою рецензию на работы Броуна о бабизме и бехаизме.

[47] Неясно.

[48] Батюшков перечисляет названия попавших в его руки лаухов Беха-Уллы.

[49] Аббаса Эфенди Госне Аазама, старшего сына Беха-Уллы.

[50] Названия лаухов: «Семь долин» и др.

[51] Собхе Азаль.

разъезжали по белу свету, м[ежду] пр[очим]в К[онстантино]поле бывали часто, но не высказывают тенденций заниматься спасением душ своих или чужих. Остальные бабиды уже уверились в смысле слов نقطهٔ اولی [52], что بهاء должен был 9 лет скрываться для спасения от верной смерти, следовательно этим периодом ограничивается его роль, и потому признаются священными лишь книги, написанные за это время مستیقظ [53] и مناجات.

Кстати о книгах. Не следовало ли бы в переводе Туманского, хотя в скобках или в примечании, пояснить Супехр [54], что это автор لسان الملک ناسخ التواریخ [55], а Хедайет — автор رضا قولی خان روضهٔ الصفا [56], так как это может не быть известно всем, интересующимся бабизмом.

Тот же бабид вполне подтвердил Вашу догадку (в Coll. Sc.) [57] о значении ۱۵۲ (152. — *Н. К.*), причем прибавил, что иногда это имя заменяется цифрой 9, так как ب+ه+ا+ء [بهاء = Беха. — *Н. К.*] и составит 9. Для этого-то бабида я и просил В. А. [58], буде возможно, достать его издание (Икана, кажется) фотографическим способом.

Если бы это было Вам затруднительно по материальным (я замечаю некоторое с Вашей стороны недоверие насчет расчетов, чем только и объясняю себе недоставку VII тома и боюсь рассчитывать на Catal... of 27 B. Mnss) или другим причинам, то м[ожет] б[ыть] Вы посоветовали бы мне обратиться непосредственно к Броуну علیه بها, чтоб он прислал книгу через Миссию в Тегеран.

В виде предварительной взятки прилагаю обращик молитв, а в следующий раз надеюсь прислать молитвенничек (если таковог не найдут, то копию с него) и м[ожет] б[ыть] копию или самые الواح متفرقه [59] из упомянутого наследства. Многие из них не лишены интереса и, наверно, не вошли в

---

[52] «Первой точки».
[53] Неясно.
[54] Сипехр, Лисан уль-Мульк — придворный персидский историк, автор всеобщей истории «Насих ут-таварих», на которую ссылался Мирза Казем-бек (см. М. С. Иванов, *Бабидские восстания в Иране*, стр. 13—17).
[55] Лисан уль-Мульк, *Насих ут-таварих*.
[56] Риза-кули-хан, *Роузат ас-сафа* (см. М. С. Иванов, *Бабидские восстания в Иране*, стр. 17—18).
[57] Речь идет о догадке Розена (в его «Collections scientifiques...»), что за номером 152 скрывается Беха-Улла, а Г. Д. Батюшков еще добавляет, что имя Беха-Уллы обозначается также цифрой 9.
[58] Жуковского.
[59] Лаух мотефереке.

число 27 mnss., но помогают выяснению отношения 9[60] к своей пастве»[61].

В письме от 3 февраля того же года Г. Д. Батюшков сообщал о своей посылке Розену бабидского молитвенника с дестхаттом (автографом) Госне Аазама для объяснения или указания на обязательность той или иной молитвы. Батюшков сделал с помощью бабида перевод всех молитв, «поразительно напоминающих великопостные молитвы», и отправил Розену с оговоркой, что перевод он делал для себя, не ручаясь за точность и «заранее отказываясь от звания присяжного переводчика»[62]. А несколько лет спустя (3 июня 1899 г.) спрашивал Розена, не издан ли этот молитвенник: «Туманский говорил, будто бы имеете в виду напечатать бабидский молитвенник, который я раз выслал вам отсюда с попыткой перевода. Если молитвенник этот действительно напечатан, я просил бы выслать мне (в Иран. — *Н. К.*) экз. 100». Он просил также прислать изданные Туманским персидские тексты из «Кетабе Акдес» (80 экземпляров), так как на них был большой спрос среди персидских бабидов, а если прислать одни тексты нельзя — то 50 экземпляров «Кетабе Акдес»[63].

В 1897 г. Г. Д. Батюшков издал свою работу о бабидах — «Бабиды. Персидская секта». Очерк был напечатан и в «Вестнике Европы». Батюшков кратко изложил суть учения Баба и его последователей, привел список наиболее близких учеников Баба, которых тот называл буквами (хуруф), а себя числом 19 (список несколько расходится с броуновским), остановился на учении Беха-Уллы, его разногласиях с Собхе Азалем. Интересны дополнительные сведения о некоторых обычаях бабидов. Батюшков считает, что распространение бабизма (он имеет в виду бехаизм с его отказом от политической и антикаджарской борьбы и т. п.) «несомненно принесло бы пользу Персии, так как их идеалы выше мусульманских, шиитских особенно», но он не решил высказаться о перспективах развития этого учения: «Гадать о будущности бабизма трудно»[64].

Очерк Г. Д. Батюшкова о бабидах не имеет большого научного значения. Ни Розен, ни другие востоковеды не считали Батюшкова исследователем, да и сам он полагал, что его труд носит характер научно-популярного очерка.

Владимир Иванович Игнатьев, другой ученик Розена, в

---

60 Беха-Уллы.

61 Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 25.

62 Там же.

63 Там же.

64 Г. Батюшков, *Бабиды. Персидская секта,* СПб., 1897, стр. 28.

отличие от Батюшкова вообще не видел будущности у бабизма. «Секта бабидов, — писал он своему учителю 14 мая 1883 г., — не прекращает своего существования. Их много, как говорят, в Казвине; немало и в других городах, несмотря на преследования. К сожалению, почти невозможно что-либо узнать о них достоверное: бабид не откроет, из боязни, своих верований даже и европейцу, ибо одно подозрение в принадлежности к этой секте влечет за собою для подозреваемого смертную казнь, если он не успеет откупиться деньгами. Персидские правители сумели даже и секту эту обратить в доходную статью для себя: понадобятся им деньги — они сейчас и обвинят какого-либо состоятельного человека в бабизме; тот и платит.

И. Г. Григоровичу удалось снять копию с Корана бабидов, которую он, кажется, и доставил Вам. У меня есть одна бабидская рукопись — изречения Баба с комментариями на персидском языке, которую я привезу Вам» [65].

Письмо Игнатьева, как и письма Батюшкова, показывает, что члены российской миссии в Иране пытались приобрести персидские и арабские рукописи, в том числе и бабидские. После переезда в Ашхабад сам Игнатьев, несмотря на занятость, выбрал время познакомиться с ашхабадскими бабидами. 1 декабря 1891 г. он писал Розену: «Здешние бабиды всеми силами стараются обратить на себя внимание начальства и заручиться сочувствием и покровительством России. Их здесь до 60 человек. Ими здесь интересовались многие, не зная, впрочем, хорошо, что это за люди. Интересовался и генерал Куропаткин. В сентябре они представили ему копии с письма и краткой записки об их учении, полученных ими из Акки от главного их проповедника. Переводчик Куроп[атки]на не мог перевести их по незнанию арабского яз[ыка], но продержал у себя до настоящего времени. С разрешения Начальника обл[асти] я взял у переводчика копии, доложив Куроп[аткину], что отправлю их Вам. Самому мне заняться нет времени, да и едва ли буду в состоянии перевести точно все, тем более, что не имею здесь арабского словаря. После того, как я взял копии, ко мне явился Туманский с просьбой передать для перевода ему. Я не согласился на это и предложил достать у бабидов другой экземпляр, с которого он и может перевести.

Препровождаю Вам эти копии и прошу Вас, глубокоуважаемый Виктор Романович, возвратить их мне по миновании надобности. Если Вам будут нужны они, я поручу снять здесь

---

[65] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 186.

другие копии и вышлю Вам. Вы можете, конечно, как я заявил о том и Начальнику Обл[асти], пользоваться этими документами по Вашему усмотрению, т. е. напечатать их или ссылаться на них, но только не упоминая о том, что они были представлены бабидами Начальнику Обл[асти]. Это может в конец разобидеть Шаха, который и без того зол на Куроп[аткина] за покровительство бабидам. Если только не представит затруднений и хлопот, не будете ли добры прислать мне перевод сказанных документов, дабы показать генералу Куроп[аткину].

Я не особенно доверяю знаниям Туманского и боюсь, что перевод его окажется неверным.

Я познакомился здесь с более важными бабидами. Не могу сказать, чтобы они произвели на меня благоприятное впечатление... Я не верю также в искренность религиозных убеждений асхабадских бабидов. Здесь они рисуются своей принадлежностью к секте, учение которой считается высоконравственным. После случая убийства бабида персиянином, а также благодаря известиям о казнях, коим они подвергаются в Персии, на них стали смотреть здесь как на мучеников. Куропаткин также относился к ним весьма благосклонно. Они ходатайствовали и не перестают ходатайствовать о принятии их в подданство России. Обращались по этому поводу и ко мне, ссылаясь на то, что, состоя в персидск[ом] подданстве, они не могут показаться в Персию — их там сейчас же захватят, а между тем по торговым делам им необходимо ездить туда. Я ответил им, что принять их в подданство мы не можем в силу конвенции, заключенной с Персией, добавив к этому, что если бы даже их и приняли в подданство России, то это не изменило бы их положения, так как и при таком условии, при появлении их в Персии, им бы не преминули отрубить головы. — Я показывал им, между прочим, выписки из бабидских рукописей, напечатанные в изданных Вами каталогах. Остались очень довольны, что ими интересуются в России и просили даже дать им книгу на прочтение.

Откровенно сказать, присутствие их в Асхабаде и сочувствие, выказываемое им здешними властями, крайне неблагоприятно отзываются на наших делах с Персией. Из-за 60 бабидов мы обозлили Шаха, который и старается противодействовать начальнику области, где только можно. Следовало бы выселить их куда-нибудь ближе к Москве. Здесь распространились слухи, что сам пророк из Акки, услышав о благоденствии здесь его последователей, имеет, будто бы, намерение посетить Асхабад лично или прислать своего посланца. Как ни интересно было бы видеть его, но, в случае если бы он в

самом деле вздумал осуществить свое намерение, я счел бы своею обязанностью употребить все старания к недопущению его в Закасп[ийскую] Обл[асть].

Сторонники бабидов[66] старались доказать Начальнику области (еще до моего приезда), что секта эта имеет великую будущность, что бабиды могут быть для нас весьма полезны, так как учение их составляет переходную ступень от мусульманства к православию и пр. Я не могу согласиться с правильностью подобных взглядов и думаю, что бабиды никакой будущности не имеют и 2) что если мусульманин пожелает перейти в православие — для него вовсе не нужна переходная ступень в виде бабизма.

Несколько время тому назад Куроп[аткин] в значительной степени разочаровался в бабидах. Здесь была перехвачена переписка на перс[идском] яз[ыке], в которой сообщались в Персию, по-видимому, для англичан, разные сведения. Персидско-подданный, писавший эти письма и которого допрашивал я, заявил, что он получает за составление писем жалование от одного из здешних бабидов, самого богатого, что он сам был уже два раза бабидом, но что теперь опять вернулся в лоно мусульманства. Именитый бабид был арестован, но чрез некоторое время освобожден за недостатком улик.

Я, конечно не отрицаю, что между современными бабидами много вполне искренно убежденных и готовых идти на смерть за свои убеждения, но едва ли много таковых между асхабадскими бабидами.

Простите, что я так распространился о бабидах. Быть может я сужу не совсем беспристрастно, но мне это извинительно, ибо вижу лучше, чем кто-либо, вред, приносимый нашим делам с Персиею благоденственным пребыванием в Асхабаде, близ самой границы, 60 бабидов...

P. S. Сейчас получил известие из Мешхеда, что в Мазандеране будто бы восстание бабидов»[67].

Письма Игнатьева раскрывают причины прекрасной осведомленности В. Р. Розена как о положении бабидов в России, так и о некоторой напряженности русско-иранских отношений в связи с пребыванием бабидов в Ашхабаде.

25 марта 1892 г. Игнатьев писал Розену о посланном по-

[66] А. М. Аршаруни (*Бехаизм*, М., 1930, стр. 3) некритически считает, что миссионеры рассматривали бехаизм как переходную ступень от ислама к христианству и этим способствовали его распространению. Однако уже в 1912 г. русский читатель мог судить по рецензии В. В. Бартольда на книгу миссионера Рёмера, что далеко не все миссионеры придерживались подобной точки зрения.

[67] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 188.

следнем в Ашхабад Куропаткину переводе «Благих вестей» и других посланий Беха-Уллы:

«Прежде всего приношу Вам искреннюю благодарность за перевод, как от себя лично, так и по просьбе Куропаткина. Он взял перевод с собою в Петербург. При сем прилагаю изготовленные для Вас, при содействии Туманского, копии с подлинников, а равно копии с перевода. Все Ваши поправки, по словам Туманского, бабиды признали правильными и объяснили ошибки спешностью переписки. Первая половина 2-го документа до слова انتهى, по объяснению бабидов, записана со слов Бехауллаха его секретарем Хаджимуллахом, который затем говорит уже от себя.

Я представил Куропаткину перевод при небольшой докладной записке, в которой изложил Ваше мнение о документах.

Аккский узник повидимому раздумал ехать сюда, если только он вообще имеет таковое намерение. Действительно, организация у бабидов хороша и, повидимому, они все находятся в постоянных сношениях между собою и подчиняются одной власти. Несомненно, что у Бехауллаха имеются повсюду надежные агенты. Сказанные два документа, подлинные, по снятии с них копий для Куропаткина, были отправлены здешними бабидами для распространения в Персию.

Что касается будущности бабидов, то я в ней сильно сомневаюсь. Прежде всего они сами не знают, в какой степени они сильны. Они не знают (а быть может скрывают) — сколько их. Наш Посланник в Тегеране, при возбуждении переписки по вопросу о принятии в русское подданство проживающих в Асхабаде бабидов, сообщил Начальнику области, что о распространенности бабидов в Персии возможны лишь гадательные суждения, но что есть основание предположить, что число последователей Баба достигает миллиона. Они разсеяны во всех слоях населения, не исключая и высшего класса.

Еще более трудно судить о том, насколько успешна пропаганда учения Баба в настоящее время.

Среди суннитов число последователей секты весьма незначительно. Мне передавал здесь один персиянин за достоверное, что не очень давно в Асхабаде сделались бабидами двое армян (армяно-григор[ианского] исповед[ания]). Он не хотел мне сообщить имен этих армян, так как они, опасаясь совершенно основательно преследования со стороны властей, а равно и своих единоверцев, тщательно скрывают о переходе в бабизм. Здесь рассчитывали, что бабизм составляет переходную ступень к христианству и, кажется, надеялись, что обласканные бабиды не только согласятся сами перейти в пра-

вославие, но и окажут благодетельное влияние на других мусульман. Вышло однако наоборот: христиане сделались бабидами, но до сего времени, насколько мне известно, ни один бабид не перешел в христианство. Если примеру двух армян последуют и другие, то придется, конечно, принять какие-либо меры. Среди мусульман Закаспийской области, как пришлых, так и туземцев (текинцев) учение бабидов не имеет ни малейшего успеха.

Возможно допустить, что, при весьма вероятных смутах в Персии, после смерти нынешнего Шаха, из-за престола какой-либо из претендентов и прибегнет к содействию бабидов, предварительно объявив себя их покровителем. Более всего можно было бы ожидать подобного шага со стороны Зиллис-Султана, фонды которого в последнее время значительно пали. Но если он решится на это, то лишь в крайнем случае, т. е. когда все остальное население будет на стороне его соперника. А в этом случае бабиды, конечно, не помогут ему.

Само собою разумеется, что ни России, ни Англии нет никакого расчета поддерживать бабидов, и для меня представляется невероятным, чтобы когда-либо (по крайней мере в близком будущем) таковой расчет явился. Англичане, пользующиеся всеми возможными средствами для упрочения своего влияния в Персии, в особенности среди населения, не считают, однако, выгодным для себя оказывать какую-либо поддержку бабидам. По поводу последних жестоких казней над бабидами в Иезде ни один из европейских посланников не решился сделать Шаху заявление в пользу угнетенных, конечно, не из боязни возбудить неудовольствие Шаха и его Министров — неудовольствие это еще не так опасно — а из опасения, как мне кажется, вооружить против себя большинство населения, — несомненно враждебно относящегося к бабидам, — и в особенности всесильное духовенство» [68].

Далее Игнатьев пишет о том, что на примере табачной монополии [69] все имели возможность убедиться, что может сделать шиитское духовенство.

Вероятно, В. Р. Розен в одном из своих писем Игнатьеву рекомендовал русским дипломатам попытаться попугать шаха бабидами и заставить его угрозами дальнейшего покровительства бабидам выполнять требования России. Игнатьев не согласился с предложением Розена, считая, что угроза может

---

[68] Там же.

[69] Шиитское духовенство возглавило движение протеста против предоставления табачной монополии англичанам. Концессионный договор был отменен иранским правительством.

оказаться недейственной, а лишь подорвет престиж России и восстановит против нее широкие круги населения и духовенство. В то же время, по мнению Игнатьева, бабидов, нашедших убежище в России, выдавать Ирану нельзя, так как это не соответствовало бы достоинству России как великой державы.

Игнатьев сообщал Розену 23 апреля 1892 г., что Министерство иностранных дел не сочувствует покровительству бабидам, которое оказывается им закаспийскими властями.

Игнатьев, судя по первым письмам к Розену, недолюбливал А. Г. Туманского, не верил в его знание персидского и арабского языков и бабидских рукописей. С течением времени он, однако, убедился, что Туманский действительно был хорошим знатоком бехаитских рукописей, их сложной иносказательной терминологии.

Впоследствии он писал Розену, что «Туманский продолжает заниматься бабидами и восточными языками. С терминологией бабидов он, действительно, знаком, и я охотно отказываюсь от прежнего моего недоверия к его познаниям»[70].

Игнатьев критически относился к бабидам, жившим в Ашхабаде и в других городах России. Он сомневался в их намерениях принять участие в строительстве христианских храмов и учебных заведений в Закаспийской области, если они отказались даже пожертвовать деньги на строительство необходимого в Ашхабаде арыка.

Считая, что Розену небесполезно знать даже мелкие факты о бабидах, Игнатьев сообщил ему об ашхабадском бабиде Хаджи Абдул Расуле Иезди, который рискнул поехать в Сабзевар и был там арестован персами.

После 1895 г., когда Игнатьев ездил в Тегеран с чрезвычайным посольством Куропаткина, его связи с Ираном по существу прерываются. Он служил в Туркестане, получил чин генерала, о чем он сообщал Розену 31 октября 1899 г.: «...в генералы попал неожиданно благодаря прошлогодней чуме в Самаркандской области и ходатайству принца Ольденбургского — быстро исполнил противочумные меры». В последних письмах Игнатьева к Розену сведений о бабидах нет.

Представляют интерес письма еще одного ученика В. Р. Розена — А. П. Орлова, секретаря русского консульства в Астрабаде, снабжавшего своего учителя материалами по бабизму. Особенно важны письма от 14 июля и 6 сентября 1892 г. В первом из них он писал:

---

[70] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 188.

«Многоуважаемый Виктор Романович.
Как видите из заголовка письма, пишу я Вам из Астрабада, в котором пребываю уже второй месяц, исполняя обязанности секретаря при здешнем Консульстве, управляемом, ввиду отсутствия Консула Кохановского, одним из Ваших же учеников Л. А. Пипером. Перемещение меня из Решта в Астрабад произошло в мае месяце; за это время мне удалось познакомиться с одним из местных бабидов, который состоит теперь моим муаллимом по части персидского языка и бабидской библиографии. Чрез посредство своего наставника я приобрел несколько рукописей бабидского и бегаитского содержания, которыя через несколько времени, по миновании холерно-карантинных строгостей, я вышлю в Петербург для пополнения Вашей коллекции рукописей, а теперь ограничусь сообщением некоторых сведений, которыя дадут Вам возможность хотя приблизительно судить о содержании этих писаний.

1-ая — форматом приблизительно in — 12°, в черном кожаном переплете, писанная четким насхом с надстрочными знаками — без заглавия; состоит из ряда глав или сур, начинающихся каждая стереотипным بسم الله الرحمن الرحيم 164f. По объяснению моего наставника это краткий арабский Беян (всех Беянов мой бабид насчитывает 12, из них 7 арабских и 5 персидских), представляет ли он сходство с «Livre des préceptes», переведенной Гобино, или нет, судить не берусь, так как книги Гобино у меня нет и я пользуюсь исключительно Вашим описанием Институтских рукописей. Для образца привожу начало...

2-ой MS (с которого мною заказана копия) является произведением Беги; без заглавия; по содержанию представляет сборник мелких посланий на арабском и персидском языке, в числе их одно, обращенное к зороастрийцам с увещанием последовать новому учению; не могу привести ни одной выписки из этой книги, так как в данный момент ее нет у меня под руками[71].

3-ья рукопись, и по заявлению моего бабида и по сравнению с текстом, помещенном в Ваших Collections Scientifiques, есть несомненно ايقان . Книгу эту, как хорошо известную и в

[71] Бехаисты старались перетянуть на свою сторону парсов и даже распространяли слухи о переходе многих парсов в бехаизм. П. Риттер спрашивал об этом секретаря совета (энджумена) общины парсов в Иезде и получил ответ: «Бабиды об этом говорят, но ни разу не указали на отдельных лиц [перешедших в бабизм. — *Н. К.*]». Риттер пришел к выводу, что если и бывали случаи перехода парсов в бехаизм, то они единичны. (П. Риттер, *Отчет о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 г.*, СПб., 1901, стр. 186).

добавок имеющуюся в количестве 4-х экземпляров у Вас и в Институте, я оставляю себе для прочтения на досуге и сличения с текстом, помещенным Вами в III t. Coll Scient. под № 2 (p. 32).

Наконец из двух прилагаемых при письме этом листков первый, помеченный мной литерой А, представляет начало *Суры сна Иосифа* سورهٔ خواب يوسف, принадлежащей перу Баба. Произведение это, по сообщению моего наставника, написано было Бабом во время заключения его в Маку, следовательно в промежуток между 1847 и 1850 годами; состоит оно из шести частей, начинающихся каждая изречением بسم الله الرحمن الرحيم Прилагаемый отрывок представляет первую из шести таких частей; последние две строки принадлежат уже второй части, которая должна была следовать за первой. Второй листик, помеченный буквой В, представляет краткое послание Беги из Акки своим персидским последователем с предсказанием холеры и чумы (وبا و الطاعون), имеющей постигнуть Персию (послание писано было более полугода тому назад) и сопровождается молитвой (со слов هو المشفق الكريم), чтенье которой должно охранить каждого верующего бабида от заболевания этими болезнями.

Произведение это таким образом как нельзя лучше отвечает теперь потребностям холерного времени, переживаемого нами!

Первое же так сказать столкновение мое с бабидско-бегаитскими рукописями обнаружило недостаточность имеющихся у меня пособий по «бабистике»; кроме Ваших прекрасных описаний рукописей Институтской библиотеки, у меня ничего почти нет. В виду этого, многоуважаемый Виктор Романович, Вы мне окажете большой «ильтифат» приобретением для меня и высылкой недостающих у меня необходимых печатных пособий по этому вопросу, а именно: 1) Religions et philosophies dans l' Asie Central par Cte de Gobineau; 2) обе статьи Броуна в J. of R.A.S., а также, если возможно, Дорновское описание бабидской рукописи, принадлежащей Публ[ичной] библиотеке и Huart'обское Descr. of three Babi Mss. Из книг Гобино и Броуна у меня сохранились правда мои собственноручные краткие экстракты и выписки, но главного, т. е. текстов, в них нет»[72].

В следующем письме А. П. Орлов, сообщая о переводе его в Бухару, информировал Розена об отправке ему бабидских рукописей.

---

[72] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 325.

Чрезвычайно важна переписка двух крупнейших знатоков бабизма и бехаизма в России — В. Р. Розена и А. Г. Туманского, русского офицера, заинтересовавшегося ашхабадскими бабидами и посвятившего весь свой досуг изучению бехаитских материалов. К сожалению, в нашем распоряжении имеются только письма Туманского Розену.

Туманский, находясь в Ашхабаде, вел оживленную переписку с Розеном, сообщал ему о получении новых материалов о бабидах, о работе над отдельными произведениями бехаитов, советовался о переводах и пр. В письме от 26 декабря 1892 г. Туманский сообщал Розену о своих очередных занятиях — переводе стихотворения Небиля, приложил к письму два письма на персидском языке, написанные еврейскими буквами, о событиях в Хамадане летом 1892 г., когда персидские шииты жестоко расправились с евреями и «еврео-бабидами»[73].

А. Г. Туманский опубликовал две заметки о бабидах — «Два последних бабидских откровения»[74] и «Последнее слово Беха́-Уллы»[75]. С начала 90-х годов он начал серьезно заниматься изучением бабизма и бехаизма: завязал переписку с Броуном, перечитывал литературу о бабидах, которую присылал ему Розен. Поняв, что он плохо разбирается в вопросах шиизма, Туманский принялся за изучение трудов Кремера, Торнау, Дози, Мюллера. Все это его не удовлетворило.

В одном из ранних писем Розену (28 февраля 1892 г.) он сообщал: «Здесь обещали достать حدايق الشيعه и показали 16-томное сочинение محمد باقر مجلس под заглавием بحار الانور[76], один вид которого привел меня в ужас, хотя волей-неволей придется окунуться немного в это море мрака[77].

К бабидам вернуться мне удалось только в конце января: благодаря служебным работам, я до отъезда Куропаткина не мог совершенно ничего делать по этой части. С его же отъездом, оставшись совершенно без казенного дела, я почти целые дни провожу в обществе бабидов. Нет сомнения, что я принялся за осуществление моего старого проекта, т. е. перевод на русский язык Китабе Акдес и других главнейших Лаухов, Мунаджатов, Теразатов и т. п. прелестей. До

---

[73] Там же, ф. 777, оп. 1, д. 87, лл. 7—9 (письма евреев на персидском языке, написанные еврейским алфавитом и присланные Туманским Розену), л. 10 (эти же письма, переписанные арабскими буквами).

[74] ЗВОРАО, т. VI, стр. 314—321.

[75] Там же, т. VII, стр. 193—203.

[76] Неясно.

[77] А. Г. Туманский имеет в виду сочинения по теологии.

настоящего времени это дело продвигалось довольно вяло, и я перевел за целый месяц, половину Кит[абе] Акд[ес], т. е. до слов ان یـا ارض الخآء نسمع فیک و الـخ. Мне бы очень хотелось составить небольшой сборник главнейших писаний Беха-Уллы с переводом на русский, конечно, с примечаниями, а для введения — небольшой исторический очерк, как по написанным источникам, имеющимся у меня, так и по некоторым словесным преданиям, собираемым мною у очевидцев разных событий.

В Асхабаде состав бабидов очень интересный. Многие из них были очевидцами и участниками очень интересных событий. Есть и из знавших самого Баба. Самый интересный из бабидов — это мой, еще прошлогодний знакомый, самаркандский житель, приехавший в Асхабад нарочно, чтобы помочь мне перевести Кит[абе] Акд[ес], Мирза Абуль Фазль Гюльпайгани ابو الفضل گلپایگانی, который упоминается в Тарихе Джедид. جناب مستطاب شامع الالقاب میرزا ابو الفضل مرقوم داشته هنگامی که اصفهان مطلع آفتاب طلعت آنحضرت بود مقرّر شد که مجلس بر پا دارند و در حضور معتمد الدوله منوچهر خان والخ (по пагинации Броуновской рукописи между 306 и 322, т. е. в «additional details concerning the conference of Ispahan» — содержание 265, V. II).

Мой приятель — один из бывших шиитских Улема, брат его муджтехид и участник собрания в Казимейне (Traveller's Narr., II, 85—87). Перу Абуль Фазля принадлежит также начало Тарихе Джедид до конца 3 стр. по моей рукописи (до слов بنا بر این اینجناب نیزذمهٔ خود فرض دانست).

После этого تعریف я думаю, что Вам не безынтересно будет узнать некоторые сведения о составлении Тарихе Джедид и мотивировку того, что ее называют Тарихе Манукчи استاد Абуль Фазль.

Огнепоклонник Манукчи во время 1-го похода англичан в Кабул служил в английском войске на должности тавильдара низами (кажется, интендантская должность). Ввиду существующих порядков в английских войсках и пренебрежительного отношения к неангличанам Манукчи, отчаявшись в военной карьере, вышел в отставку и уехал в Тегеран, где и прожил более 30 лет. Всю свою деятельность Манукчи посвятил облегчению положения своих единоверцев в Персии. Он главным образом обратил внимание на урегулирование حزیه [78], которую платили гебры, и успел выхлопотать у

[78] Джизия — налог с немусульман.

персидского правительства право взимать непосредственно самому эту подать. Тот излишек, который до той поры попадал в карманы хакимов, Манукчи обратил в фонд, на проценты с которого он устроил известные гебрские школы.

Все это, конечно, не могло быть иначе, как с помощью английского правительства, подданным которого был Манукчи.

Но в последнее время, почему-то оставшись недовольным своим правительством, Манукчи изменил тактику и стал действовать не сам, а через русского подданного Таджир-баши армян Ходжэ-Ивана. Летом 1890 г., когда я был первый раз в Асхабаде, пришло известие о его смерти.

Живя долго в Персии, Манукчи был очевидцем многих событий движения бабидов и сам лично относился с симпатией к ним. В бытность свою в Багдаде он виделся с Беха-Уллой, от которого на имя Манукчи есть два Лауха. Один Вам известен, это тот Лаух, который находится в конце «Мудуние», написанный чистым персидским языком. Другой Лаух последовал в благодарность за присылку сочинения Манукчи آيئن هوشنگ ; — этого Лауха у меня еще нет.

В 1297 г. т[иджры] Мирза Абуль Фазль познакомился в Тегеране с Манукчи. В это время Манукчи задался целью издать два исторических сочинения. Одно — историю доисламских царей Персии, которое он поручил составить Измаил-хану Зенду. Этот последний и написал книгу فرازستان. Историю же бабидов он поручил составить бабиду Мирзе Хусейн Гамадани (умер в Реште в 1299 г., так что время составления Тарихе Джедид должно быть между 1297 и 1299 гг.). Манукчи сам не мог писать, так как он не знал букв арабских, но желал включить в историю свои воспоминания и взгляды. Мирза Хусейн Гамадани обратился за советом к Мирзе Абуль Фазлю, который и посоветовал ему держаться хронологии Насих ут-таварих, включая в эти хронологические рамки воспоминания Манукчи. Сам же Абуль Фазль, как я выше сказал, написал к этой истории нечто вроде предисловия (عنوان).

Здесь нельзя обойти молчанием редактора этой истории Хаджи Сейид Джевада Кербелаи, к которому Мирза Хусейн Гамадани носил свои черновые.

Этот хаджи был один из известнейших шиитских ученых, из рода Сейида Мехди, тоже величайшего ученого, известного под именем بحر العلوم. Этот хаджи начал свою науку в Кербеле в раннем детстве и был из учеников Шейха Ахме-

да Ахсайского[79]. Потом 10—12 лет слушал курс у Казема Решти и, наконец, сделался бабидом. Баба он знавал еще ребенком и еще до اظهار[80] признавал необыкновенные качества его. Мой приятель Абуль Фазль от него воспринял свет бабизма. Хаджи скончался в Кермане в 1299 г., имея около ста лет от роду.

Вот и все, что я могу сообщить Вам пока о Тарихе Джедид. Если что понадобится еще Вам или Броуну, то я с полной готовностью буду сообщать. В этом отношении мой источник представляет, смею думать, некоторый интерес в виду того, что из лиц, имевших соприкосновение к Тарихе Джедид в живых только один М. Абуль Фазль».

Туманский просил прислать для бабидов экземпляры «Тарихе Сейях» и около 50 экз. 2-го тома.

«Как подвигается Ваше издание тех писем, над которыми Вы трудились прошлое лето и нет ли чего нового у Вас», — спрашивал он В. Р. Розена и сообщал, что послал Матвею Авельевичу Гамазову рукопись «Тарихе Сейях», почерк которой «не хуже броуновского оригинала, если не лучше». Эта рукопись, по мнению Туманского, написана рукой Зейн-уль-Мокарибина, что придало ей особенное значение в смысле верности. Он сообщал, что ему удалось достать автографы Беха-Уллы и Баба и что ему обещали прислать фотографию дома в Акке, а портрет Беха-Уллы получить невозможно.

«В Тарихе сейях (I, стр. ٥٧, II, стр. 45) упоминается о рисунке русского консула. Бабиды крайне хотели бы знать, кто это рисовал и не известен ли Вам этот рисунок. Если бы можно было снять с него копию или фотографию, то этим можно было бы доставить большое удовольствие Беха-Улле»[81].

Как видно из письма, вопрос об авторстве «Тарихе Джадид» был ясен А. Г. Туманскому уже в начале 1892 г. Впоследствии по имеющимся у него материалам Туманский написал статью «К вопросу об авторах истории бабидов, известной под именем Тарихе Манукчи или Тарихе Джедид»[82].

Туманский высказал предположение, что упоминаемый Броуном «рисунок русского консула» — казненный Баб — был сделан Н. В. Ханыковым сразу после казни Баба.

---

[79] Основателя секты шейхитов.
[80] То есть до того, как Али Мохаммед объявил себя Бабом.
[81] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.
[82] ЗВОРАО, т. VII, стр. 33—45.

В письме от 3 июля 1892 г. Туманский сообщил Розену о смерти Беха-Уллы.

«Свершилось. Страница перевернута. اين حضرت صعود فرموده Беха-Улла скончался. В таких выражениях сообщили мне о кончине Беха асхабадские бабиды. Известие о его смерти, последовавшей в Бехдже, в его же قصر'е около Акки 16 мая утром по старому стилю, пришло в Асхабад только 24 июня. Никаких писем, никаких телеграмм tout court, были присланы прилагаемые завещание и مرثيه 'Андалиба. Перевод их и небольшое введение я пришлю со следующей отходящей от нас почтой. Если найдете возможным, то не откажите поместить их в Записках.

Очень Вам благодарен и не откажите при случае передать E. G. Brown'у мою искреннюю признательность за присылку его брошюры. В этом письме ничего не буду говорить, но в другой раз есть кое-что сказать о ней.

Историю Джани я уже давно поджидаю. Одно скажу: бабиды не охотно очень дают старые документы, считая их не совсем годными (sic!). Что касается لوح صامصون, то он в Асхабаде неизвестен, но за справкой послано в Бухару, где находится знакомый уже Вам Мирза Абуль Фазль Гюльпайгани» [83].

В этом письме А. Г. Туманский сообщил Розену о завещании Беха-Уллы („Грамоте моего завета"), которое вскоре с небольшим предисловием опубликовал в «Записках» [84].

Служебные задания часто отвлекали Туманского от научных занятий бабидами. 22 июля 1892 г. он писал Розену о том, что ему пришлось совершенно оставить бабидов и по поручению Куропаткина начать сбор материалов о юридических обычаях туркмен Закаспийской области. Он просил Розена указать ему литературу по обычному праву.

«Мне бы очень хотелось повести это дело так, чтобы из него можно было бы извлечь возможно больше пользы и в служебном и, если удастся, в научном [отношениях]». Но параллельно Туманский продолжал работу над переводами бехаистских сочинений. «Относительно перевода Китабе Акдес,— сообщал в этом же письме Туманский Розену,— не знаю, что предпринять. В области средств для печатания не имеется, да к тому же нет и типографии с восточным шрифтом. Хотя я и не очень тороплюсь, приедет Абуль Фазль — и я еще раз пересмотрю перевод. لوح صامصون здесь реши-

---

[83] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.
[84] ЗВОРАО, т. VII, стр. 193—203.

тельно никому неизвестен, да к тому же бабиды утверждают, что Беха не был в Самсуне»[85].

А. Г. Туманский 8 сентября 1892 г. сообщил Розену: «На счет لوح صامصون написано в Акку, и по присылке его Вам его непременно пришлю. Печатаемый Вами لوح имеется в Асхабаде и называется لوح سید مهدی. Прилагаю мою заметку об этом Мехди, написанную под диктовку Мирзы Юсуфа Решти[86].

Относительно печатания Китабе Акдес с восторгом принимаю Ваше решение и по получении верного текста вышлю его с переводом и примечаниями. Смущает в Китабе Акдес один грамматический оборот, о котором не могут навести справки, а именно بعد الذی. Кажется, что это неправильно и должно быть بعد ما. Это несколько раз повторяется, и асхабадские арабисты не могут разрешить мне этого вопроса, равно как я не нашел этого решения у de Sacy».

Туманский благодарил Розена за советы, как собирать материалы по обычному праву туркменов, и перечислил основные труды, над которыми он работает или которыми собирается воспользоваться: Гродекова, Леонтовича, Ковалевского, Мюллера, Веселовского, Григорьева, Ибн-аль-Асира, Абуль-Гази, Утби, Бейхаки, «чтобы не быть совсем в потемках»[87]. И как велико было разочарование Туманского, когда он узнал, что все его занятия были излишними — «кажется что нужна была только программа (о сборе материалов по обычному праву туркменов.— *Н. К.*) Зачем? Не знаю» (письмо от 22 октября 1892 г.).

Из письма видно, как Туманский собирал бабидские и бехаитские материалы, обрабатывал их, уточнял переводы, выяснял биографические и иные данные. «Лаух Самсун еще не прибыл, — писал Туманский 22 октября 1892 г., — читать имя آقا سید مهدی надо دهجی (деһджи). Жду с нетерпением изданных Вами лаухов для сбора биографических и других сведений, касающихся этих лаухов. Если можно присылайте по частям, т. е. по мере их отпечатывания, чтобы не задерживать издания... Очень Вам благодарен за разъяснение

[85] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.

[86] Об этой заметке выяснить ничего не удалось. Вероятно, Туманский говорит о ней в письме от 9 июля 1893 г., когда сетует на то, что его очень подвел «приятель» со своими сведениями о бабидах. Выдержка из этого письма — о поездке пяти ашхабадских бабидов в Акку в связи со смертью Беха-Уллы и о взаимоотношениях между Аббас Эфенди и его родственниками — опубликована Розеном (ЗВОРАО, т. VII, стр. 310, 311).

[87] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.

بعد الذى . Я вполне теперь уяснил себе этот «персицизм»... Относительно печатания я недавно получил от Мирзы Абуль Фазля письмо, в котором он просил повременить с изданием [Китабе Акдес — *Н. К.*] ввиду опасений Гусне Аазема за последствия, могущие произойти для них. Копию этого письма прилагаю» [88].

«Мне надо пока с ними (бабидами — *Н. К.*) ладить, — продолжал Туманский, — так как скоро будет готова биография Беха-Уллы, а эту штуку интересно будет заполучить. Не пишите только об этом Броуну, а то перехватит.

Если будет возможность, я переведу ее вместе с выдержками из Тарихе Джедид (Манукчи) и Мекалейе Сейях. Это послужит как бы введением в Китабе Акдес. Эти переводы пойдут скорее, чем Китабе Акдес, и, быть может, к следующему сентябрю будут закончены, а тогда мне можно будет взять отпуск и приехать в Петербург, но, конечно, это pia desideria ...

Прочитал я Ваше письмо к В. И. Игнатьеву. Вы были введены в заблуждение رهـنـه, а я не знал, как понять حورى или حـورى, а если خـورى , то что это значит. Теперь же Ваше чтение и перевод خورى для меня вполне ясны.

Что же касается претензии Беха-Уллы регулировать отношения христиан к брачному вопросу духовенства и вопрос о монашестве, то мне кажется, она не так уже неожиданна. Задаваясь создать новую религию такого эклектического характера, как необабизм, нельзя, думаю, было Беха-Улле отказаться от всякой тени прозелитизма. Кроме того, и самый лаух носит название لوح ندا , т. е. скрижаль «призыва», а также и другое название, с намеком на христианскую терминологию: بشارات .

Новостей по бабизму особых нет, кроме полученного краткого известия об убийстве в Иезде четырех человек. Подробностей пока нет, если будут, то сообщу Вам» [89].

В январе 1893 г. Туманский вместе со своим письмом послал Розену рукопись сочинения Абуль Фазля Гюльпайгани о слушании дела об ашхабадских бабидах в русском суде. В письме он объяснял, что бабидские поэты Роуха и Роухани [90] — разные лица, и, между прочим, писал: «Советами

---

[88] Туманский заверил Мирзу Абуль Фазля, что опубликование «Кетабе Акдес» на русском языке не представляет для них опасности и, кроме того, книга без разрешения бабидов не будет напечатана.

[89] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 458.

[90] روحا и روحانى

Вашими предполагаю воспользоваться, держась их буквально. Я теперь еще яснее себе представляю, что qui ne su se borner ne su jamais écrire. Поэтому я с момента получения Вашего письма ограничил себя только переводом Китабе Акдес, который уже кончил. К этому переводу я предполагаю приложить перевод لوح يوسف , в котором есть указание об учении о будущей жизни, некоторые لوح'и относительно молитвы и образчики таковых и выдержки из كلمة فردوس . Все эти выдержки я помещу в примечаниях к соответствующим стихам Кит[абе] Акд[ес], которые у меня тоже готовы, только некоторые из них придется развить.

Что касается заметок моего прошлого письма, то они предоставляются в полное Ваше распоряжение, как и все, что может Вас заинтересовать в будущем. Полное имя Манукчи (в дополнение к заметке Броуна) مانكچی ليمجی هوشنگ ليمجی; هاتريا فارسی имя его отца Манукчи; هاتريا, по словам бабидов, по-индусски означает «купец», هوشنگ — родовое прозвище.

Другой историк бабидов Хаджи Мирза Джани Кашани интересен как первый историк бабизма, но только бабизма времен Баба, т. к. он умер в 1852 г. в числе тегеранских жертв, обвиненных в покушении на жизнь шаха. Он брат некоего Хаджи Мохаммеда Исмаила, того самого лица, к которому адресован لوح رائس (т. е. он так называемый صاحب لوح رائس). Мирза Джани был из богатых купцов г. Кашана, и Баб во время следования из Исфагана в Тегеран останавливался в Кашане в доме Джани. С Бехой Джани познакомился в Тегеранской тюрьме, где они оба сидели по подозрению в покушении»[91].

1 февраля 1893 г. Туманский просил передать признательность «неутомимому Броуну» за присылку его работы о 27 бабидских рукописях. Именно она заставила Туманского написать заметку об авторах «Тарихе Манукчи», сведения о которых он собрал за год до знакомства с работой Броуна.

Туманский продолжал собирать в Ашхабаде материалы о бабидах для себя и для Розена. «Справки по Вашим лаухам я поручил подготовить бабидам, и когда приеду из командировки (т. е. дней через 5, 6), то приведу в порядок и немедля вышлю Вам. Теперь хочу сказать, что Лаух № 32 есть тот именно лаух, о котором я Вам ранее писал, что он

---

[91] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 459.

адресован покойному Фазилю, биографию которого написал Небиль»[92].

«15 благая весть известна асхабадским бабидам, но мне ее не показывали до сих пор, — сообщал А. Г. Туманский 19 марта 1893 г.— Бабидский антихолерный талисман здесь неизвестен. Асадов предполагал, что он был, может быть, из числа многочисленных талисманных посланий Баба».

Заметок на тексты В. Р. Розена Туманский не мог выслать, так как ожидал приезда Гюльпайгани, чтобы запастись у него сведениями[93].

Сочетать военную службу с научно-исследовательской работой Туманскому становилось все труднее. Жалобы на это звучат чуть ли не в каждом письме. «Куропаткин немного угорел и гоняет меня и в хвост и в гриву. Вижу, что из благих намерений ничего не выйдет. Служба! Считают не в меру резонером».

О своих служебных затруднениях сообщал он и 9 июля 1893 г.: «меня ссылают на Мангышлак, исполнять временно должность помощника уездного начальника». В этом же письме он говорит о поездке в Бухару и Самарканд, где приобрел несколько рукописей — и среди них «Худуд-уль-Алем».

Иногда информирующие Туманского бабиды вводили его в заблуждение, а Туманский, не имея других материалов для сравнения, некритически приводил в своих статьях полученные от бабидов сведения. 9 июля 1893 г. он писал: «получил корректурный листок моей заметки и просто сгорел со стыда за свою оплошность в том, что я позволил подвести себя таким образом своим приятелям. Поправки к тексту вышлю вам из Мангышлака». В этом же письме Туманский высказался о литературном наследстве Беха-Уллы: «Подавляющее количество всяких писаний, оставленное как ميراثه موغوب[94] Бехой своим последователям, превосходит всякое воображение, и я не знаю, кто будет в состоянии разобраться во всем этом действительно «море» словоизвержения. Разве только так называемые مبلغين[95], ну им и книги в руки. В этом направлении в Акке сделана первая попытка. Изданы Китабе Акдес и некоторые лаухи, которые я препровождаю Вам с этим письмом. Издание сделано, как Вы увидите, по-восточному, и сколько я ни ломал себе голову, сколько я ни допрашивал бабидов, я не мог уловить хотя что-либо похожее на систе-

---

[92] Там же, письмо от 1 февраля 1893 г.
[93] Там же, письмо от 19 марта 1893 г.
[94] Наследство.
[95] Пропагандирующие учение Беха.

му. Одно лишь можно сказать, что в начале идут крупные лаухи, затем все меньше и меньше. Вот поэтому-то и нельзя не радоваться, что остались лаухи, хронологию которых можно определить, т. е. отнести их к известному периоду и наиболее интересному, что касается справок о лаухах, то я убедился, что они расспросным путем не особенно надежны. Остаются только справки о личностях, к которым адресованы эти лаухи. И вот, расспрашивая таким образом, я натолкнулся на существование преинтересной небольшой рукописной хроники, касающейся арестов и гонений бабидов во многих местах Персии в 1300 г. Эта хроника принадлежит перу некоего Мирза Али Асгер میرزا علی اصغر, написана очень просто, почти что разговорным языком, почерк шекесте, на русской почтовой бумаге. Но впрочем более подробный отчет я Вам представлю уже из Мангишлака и привезу саму рукопись ان شاء الله, когда отпустят в отпуск, т. е. осенью, в сентябре или октябре. Что же касается расспросных сведений, то они очень неудачны, конечно тут много и моей вины. Простите и не судите строго.

...Перевод Теджереи Теракиме кончил за небольшим исключением, т. е. двух стихотворений, которые для меня представляют пока порядочные трудности».

В письмах от 2 сентября, 9 и 20 декабря 1893 г. Туманский ответил на некоторые вопросы Розена по переводам бабидских сочинений, информировал его о получении книги Броуна, которую он нашел очень интересной, сообщил о сличении канонического издания «Кетабе Акдес» с рукописью, имеющейся у него, об окончании своего перевода «Кетабе Акдес». Спрашивал Розена, помирился ли Броун с бехаистами. Туманский предполагал, что они должны были поссориться из-за «публикации портрета и писаний Эзеля». Туманский писал Розену о своем намерении поехать в командировку в Иран, но поездка оказалась в то время неосуществленной, так как в Иране хорошо знали, что он занимается бабидами, и не дали ему визы. Закончив в основном перевод «Кетабе Акдес» и приложений к ней, Туманский попросил Розена добиться для него разрешения на поездку в Иран для изучения жизни бабидов и приобретения бабидских рукописей. Розен ходатайствовал перед военным министром о предоставлении Туманскому командировки для завершения исследования о бабидах.

Разрешение на шестимесячную командировку было получено. Туманский стал готовиться к поездке.

Перед отъездом Туманский собирался послать Розену перевод и текст «Кетабе Акдес» с подстрочными примечания-

ми и три лауха в качестве приложений — извлечение из «Лауха к Керим-хану», «Лаух об элементарной действительности» (впоследствии он переводил его как «Простейшее по существу») [96], где Беха-Улла касался пантеизма, и «Лаух о суфиях». Туманский предполагал еще добавить несколько лаухов с ихкамами.

Однако, он отослал Розену лишь перевод, текст, примечания и один лаух. Первый и третий лаухи хотя и были готовы, но «в таком неопрятном виде, что затрудняюсь их послать. Постараюсь почистить» [97]. Первый лаух Туманский выслал из Тегерана.

О своих отношениях с персидскими бабидами во время пребывания в Иране Туманский коротенько сообщал 25 мая 1894 г.: «с бабидами в постоянном соприкосновении. Достал в семье покойного Джани экземпляр его истории. Хороший список. Недостает первых трех листов». Прожив в Иране около полугода и хорошо ознакомившись с местными условиями, он понял, что проездом рукописи не достанешь, надо пожить на одном месте. Книжные рынки порядком очищены англичанами и другими европейцами. А. Г. Туманский везде пытался связаться с бабидами.

«Боюсь, что моя рукопись [Джани, — *Н. К.*] претерпела некоторую редакцию и утратила тот тон, который столь характерен в парижской рукописи. Сличение, конечно же, решит этот вопрос. Но я все-таки рад этой находке главного и основного исторического памятника бабидского движения.

Я Вам писал, что в начале моей рукописи недостает несколько листов. Будучи в Кашане я через одного из членов семьи Джани узнал, что имеется еще один полный экземпляр в окрестностях Кашана и мне обещана копия недостающих листов.

...Кроме этого я раздобыл два исторических стихотворения: одно из ранних творений Небиля, другое, приписываемое персидской принцессе под تخلص 'ом فتنه и характерное тем, что рисует утрату авторитета Субхе Эзеля среди секты. Стихотворение тоже из первых времен бегаизма» [98].

После возвращения из путешествия в Ашхабад Туманский более подробно информировал Розена о своих находках, например, списке «с части неизданного труда покойного

---

[96] «Китабе Акдес. „Священнейшая книга" современных бабидов», стр. 65.
[97] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 460, письмо от 17 февраля 1894 г.
[98] Там же, письмо от 24 октября 1894 г.

Али Кули мирзы (Итизад ус-Салтане) под заглавием کتاب متنبئین[99], касающейся бабидского движения»[100]. С бабидами А. Г. Туманский встречался в Реште, Казвине, Тегеране, Хамадане, Ширазе, Нейризе, Иезде, Кашане, Мелаире (Доулетабаде), Неджефабаде (около Исфагана), Сидехе, Абадехе. В Фарсе бабиды, по сведениям Туманского, группировались в Зергане, Сервистане и Нейризе, на юго-востоке Фарса, в Бендер-Аббасе, в Буруджерде они вообще не встречались. В Кирмане бабидов было несколько человек, довольно много в Сириджане и Рафсинджане, Иезде. Общее число бабидов достигало 100—150 тысяч. Цифра Керзона, которую приводит Броун, по мнению Туманского, преувеличена. «Но это не умаляет их значения. Бабидов в настоящее время особенно много в Тегеране, среди которых находятся очень высокопоставленные и влиятельные лица. Кроме того, бабизм служит знаменем, вокруг которого группируются элементы, недовольные существующим режимом. В числе таковых встречаются очень влиятельные ханы и предводители кочевых племен».

«Для характеристики настоящих бабидов у меня имеются два интересных документа: один — окружное послание Госне Азама политического характера, называется رسالهٔ سیاسیه, а другой — найденный мной в архиве миссии секретное предписание какому-то бабиду о мерах, необходимых для безопасного следования в Акку...»[101].

Последние письма Туманского Розену полны пессимизма. Туманский не хотел заниматься административной работой в Закаспийском крае, которую предлагал ему Куропаткин, и стал добиваться перевода в Петербург. Летом 1896 г. он получил новое назначение в Красное Село. Туманский был попрежнему очень занят служебными поручениями, у него почти не оставалось времени на научную работу. «Что сказать о себе? Стреляем исправно...», — с горечью писал он Розену 10 июня 1896 г. Тем не менее он сумел подготовить и переслать в Ашхабад для опубликования в местной газете переводы на русский язык из «Родословного древа туркмен» Абуль-Гази, подготовил отпечатки с сердоликовых печатей, купленных в Боруджерде, работал над статьей о «Худуд-уль-Алем» для Бартольда, читал корректуру «Кетабе Акдес».

---

99 Неясно.

100 Там же, письмо от 10 декабря 1894 г.

101 Там же, письмо от 4 января 1895 г.

Дальнейшая судьба Туманского нам неизвестна [102].

Самая большая работа А. Г. Туманского о бабидах-бехаитах — «Китабе Акдес. „Священнейшая книга" современных бабидов» — вышла в 1899 г. в «Записках Академии наук по историко-филологическому отделению» (т. III, № 6), хотя доложено о ней было В. Р. Розеном на заседании этого отделения 30 марта 1894 г.

Книга А. Г. Туманского состоит из небольшого предисловия, обстоятельного введения, перевода «Кетабе Акдес», трех приложений (I — лаух Керим-хана; II — лаух Али и лаух «Простейшее по существу»; III— лаухи: «Восходы», «Узоры», «Отблески» и «Райские слова»), указателя и персидского текста «Священнейшей книги».

Туманский не считал возможным рассматривать бабизм, а особенно бехаизм, который он называл необабизмом, как новую религию. По его мнению, «термин «религия» еще несколько рискованно приурочивать к тому учению, которое оставил нам продолжатель дела Али-Мохаммед Баба — Беха Улла» [103]. Туманский отказался даже дать обоснованную характеристику бабизма и бехаизма, ссылаясь на недостаточность данных о самом движении, обилие запутанных религиозных документов и на относительную близость событий: «нам, как почти современникам, невозможно сделать точную оценку значения этих событий, стоящих наряду с самыми замечательными историческими явлениями XIX века» [104].

Во введении Туманский остановился главным образом на учении Баба о восстании (киамет), на борьбе за преобладающее влияние на сторонников Баба после казни последнего, постепенном выдвижении Собхе Азаля и Беха-Уллы, на освещении жизни бабидов в Турции, на разрыве и личной вражде между двумя братьями, приведшей к расколу бабидов [105] и переселению их из Адрианополя: одних (эзелитов) — на о. Кипр, других (бехаитов) — в Сирию. Далее Туманский попытался проследить, как проходила реформаторская дея-

[102] Небольшой некролог о А. Г. Туманском опубликован И. Ю. Крачковским в журн. «Восток» (кн. I, Пг., 1922, стр. 112), но и в этом некрологе нет ни даты смерти Туманского, ни сведений о последних годах его жизни, о литературном и научном наследстве.

[103] «Китабе Акдес. „Священнейшая книга" современных бабидов», стр. III.

[104] Там же.

[105] Материалы о борьбе бехаитов с эзелитами Туманский извлек из архива российской миссии в Тегеране, с которым он ознакомился с разрешения поверенного в делах А. Н. Шпейера. Большую помощь ему при сборе бабидских рукописей и сведений о бехаитах оказали Г. Д. Батюшков и И. Г. Григорович (там же, стр. XVII, прим. 3).

тельность Беха-Уллы, в каких основных документах (посланиях-лаухах, корреспонденциях, книгах) изложены основы нового учения. Туманский поместил во введении даже перевод рассказа Броуна о его пребывании у Беха-Уллы в Акке в 1890 г.

Туманский воздержался не только от характеристики бехаизма в целом, но даже не дал оценки (кроме — «главный религиозный документ нового учения») «Кетабе Акдес», которую он очень обстоятельно изучил, перевел и опубликовал.

Исследование Туманского о «Кетабе Акдес» и наиболее крупных лаухах Беха-Уллы является большой заслугой дореволюционного русского востоковедения. И как показывает переписка Розена, это была заслуга не одного Туманского, а группы лиц, принимавшей посильное участие в сборе и изучении материалов о бабидах и бехаитах.

Большое значение для истории изучения бабизма и бехаизма имеет переписка В. Р. Розена с Э. Броуном. В архиве Академии наук (ф. 777) хранятся 64 письма Броуна к Розену, опубликование которых принесло бы несомненную пользу исследователям, так как в них затронуты многие вопросы по истории бабизма, не получившие освещения в литературе. Но переписка двух крупнейших ученых еще ждет своего исследования.

Историей бабидского движения и бехаизма интересовался и такой крупный востоковед, как В. А. Жуковский. Во время научной командировки в Иран он собирал материалы о бабидах, опубликовал небольшую заметку «Недавние казни бабидов в городе Езде» [106]. По возвращении в Петербург он следил за изданием бабидских и бехаитских документов, которыми в последние годы жизни очень усиленно занимался В. Р. Розен. Кроме того, В. А. Жуковский лично был знаком со многими работниками русской миссии и консульств в Иране, которые собирали сведения о бабидах, отыскивали рукописи и проч. В опубликованной В. А. Жуковским в 1916 г. статье «Российский императорский консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма» [107] очень подробно рассматриваются материалы по бабизму, собранные Бакулиным и его коллегами и переданные Жуковскому летом 1912 г. родственниками Бакулина.

В. А. Жуковский впоследствии высоко оценил заслуги русских дипломатических работников в изучении бабизма и

---

[106] ЗВОРАО, т. VI, стр. 321—328. Материалы для заметки предоставил ему В. И. Игнатьев.

[107] ЗВОРАО, т. XXIV, 1916, стр. 33—90.

бехаизма, оказавшихся деятельными и достойными помощниками русских востоковедов.

Бакулин собирал восточные монеты и рукописи и отправлял их в Азиатский музей. Им были приобретены «Беян» Баба, автографы Куррет-уль-Айн; ему принадлежит неопубликованная заметка о разногласиях Беха-Уллы и Собхе Азаля, написанная не позднее 1874 г., когда в Европе об этом еще никто ничего не знал. Еще в 1873 г. Бакулин получил «Икан» и знал это сочинение под его правильным названием за двадцать лет до того, как оно стало известно в научной литературе.

Очень интересны письма Баумгартена к Бакулину. Баумгартен был комиссионером и поверенным торгового дома Морозова в Шахруде, поддерживал тесную связь с бабидами, сообщал Бакулину ценные сведения о них. Сейчас все эти материалы хранятся в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР в фонде В. А. Жуковского. Все материалы Бакулина и письма Баумгартена очень хорошо описаны Жуковским, и добавить к этому, пока нет новых материалов, ничего нельзя.

Занимался бабидами и такой крупный востоковед, как академик В. В. Бартольд, интересы которого, судя по его трудам, были далеки от истории XIX—XX вв. Тем не менее в фонде Бартольда в Архиве Академии наук имеется небольшая машинописная рукопись «Бабиды» [108], косвенно свидетельствующая о том, что он был знаком с материалами о бабидах. У Бартольда имелся текст одного из посланий Баба из крепости Маку своим приверженцам и комментарии к нему, а также послания мирзы Яхьи Собхе Азаля (три документа) и письмо сестры Собхе Азаля Ханум-Бозорг к одной из сторонниц Азаля в Хорасане. Кроме того, у Бартольда была копия письма русского генерального консула в Бейруте фон Клемма от 10 ноября 1913 г., в котором консул рассказывает о своих встречах в Александрии с главой бехаитов Аббасом Эфенди Госне Аазамом, о переписке с самим Беха-Уллой.

В 1912 г. Бартольд опубликовал очень обстоятельную рецензию на книгу Рёмера о бабидах и бехаитах [109]. Высказывания Бартольда о сущности бабизма заслуживают внимания, хотя М. С. Иванов в своем исследовании о бабидских восстаниях в Иране не остановился на этой работе Бартольда. Бартольд считал, что образование «коммунистической

---

[108] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 501а.
[109] «Мир ислама», вып. 3, т. I, стр. 425—441.

общины» бабидов — случайное явление, не дающее права[110] говорить о «восточном социализме» и сближать бабидов с маздакитами[111]. Бартольд находил, что Броун и Рёмер очень узко ставят вопрос о политических интересах бабидов (его точка зрения перекликается с точкой зрения Казем-бека). Если изучать это явление только с религиозной точки зрения, то, продолжал Бартольд, невозможно объяснить, почему учение исмаилитов XI—XII вв. было принято в замках и отвергнуто в городах, почему роль Махди в XIX в. взял на себя ширазский купец и почему, наконец, сейчас бабидов больше на юге Ирана, чем на севере, хотя ареной вооруженного восстания были именно северные области[112]. Очень интересно также высказывание Бартольда о сущности бехаизма, «международной теософской секты, не более», влияние которой ограничивается узким кругом лиц. Некоторый успех бехаизма Бартольд связывает с попыткой Беха-Уллы выдать себя за обещанного в евангелии пророка, или за Христа, или даже бога-отца[113]. Бартольд правильно предполагал, что у бехаизма нет будущности. Он отметил, что Розен и Туманский преувеличивали веротерпимость бехаитов и близость их учения к христианству. Бартольд призывал исследователей изучать бабизм и бехаизм как историческое явление и выяснить, «насколько успеху движения содействовали условия жизни, особенно экономические, в Персии XIX века»[114].

Почти во всех отчетах и путевых заметках русских людей, посещавших Иран, встречаются упоминания о бабидах.

У лиц, специально не интересовавшихся учением и судьбой бабидов, сведения, как правило, случайны, разрозненны. Обычно это описание какого-либо события, происшедшего во время пребывания данного лица в Иране, или передача услышанного рассказа о преследовании бабидов правительством. Причем бабизму (под которым, как правило, надо понимать бехаизм) придавалось очень большое значение. Так, отправившийся к Персидскому заливу в 1897 г. для наблюдения за ходом эпидемии чумы и холеры врач Сергей Марк писал: «Успех секты бабидов — особенно распространенной на юге Персии — обязан отчасти стремлению их освободить мусульманскую женщину из ее затворничества, поднять уровень ее развития, предоставить ей положение в обществе,

---

[110] См. Th. Nöldeke, *Orientalischer Sozialismus*, — «Deutsche Rundschau», Bd XVIII, 1879, S. 284—291.

[111] «Мир ислама», т. I, вып. 3, СПб., 1912, стр. 434.

[112] Там же, стр. 434, 435.

[113] Там же, стр. 436, 437.

[114] Там же, стр. 441.

подобно женщине христианской. Бабизм — струя живой воды в бесплодной Персии; и если эта струя превратится со временем в поток, то возможно ждать пробуждения скрытых сил народа, несомненно богато одаренного»[115].

В действительности же бехаизм к концу XIX в. не обладал той жизненной силой, которая могла бы всколыхнуть Иран. В отдельных случаях главы бехаитской общины выступали против революционных настроений и вооруженных выступлений народа Ирана, как это было в иранскую революцию 1905—1911 гг.[116]. Аббас Эфенди Госне Аазам послал своим табризским последователям на их запрос о том, могут ли они участвовать в выборах в меджлис, следующую телеграмму: «Не ищите попасть в члены меджлиса, но стремитесь, чтобы бог был доволен вами». При встрече в Александрии с русским генеральным консулом в Бейруте фон Клеммом Аббас Эфенди подтвердил свое распоряжение не участвовать в выборах в меджлис: «Мы достаточно убедились, какие грустные результаты дали нам меджлисы с большинством из групп демократов, так что повторять опыт при том же выборном законе не стоит и лучше воздержаться от участия в выборах, чем нести ответственность за состав меджлиса, в котором большинство почти несомненно будет опять злосчастных демократов, так как они, имея лишь этот путь, чтобы получить власть в свои руки, мобилизуют все свои силы и всегда окажутся в большинстве. Если бы не усилия России, в Азербайджане и до сих пор царила бы анархия, вызванная кавказскими выходцами да различными энджуменами, учрежденными Таги-заде и тому подобными агитаторами из той же группы»[117].

В дореволюционной русской литературе имеется мало материалов о положении бабидов-бехаитов в Иране после разгрома бабидского движения 1848—1852 гг. Поэтому отрывочные сведения, взятые из работ разных авторов, могут представлять известный интерес для исследователей. Например, у П. Риттиха есть сведения о бабидах, живущих в некоторых городах Ирана: в Кашане — 300 человек, в Наине — 50, в Иезде «все почти передовые люди перешли в бабизм» (одних интеллигентных бабидов в городе около полутора тысяч), в Кермане с семьями насчитывается до тысячи баби-

---

[115] «Отчет по командировке на Персидский залив (в Бендер-Аббас) в 1897 г. врача Сергея Марка», СПб., 1898, стр. 52, 53.

[116] В противоположность бехаитам сторонники Собхе Азаля во время революции 1905—1911 гг. выступали с левыми лозунгами.

[117] Архив АН СССР, ч. 68, оп. 1, д. 501, л. 9.

дов[118]. По представлению Риттиха, бабизм в Иране принимали преимущественно прогрессивно настроенные слои населения: в Наине — «все это цвет интеллигенции», в Иезде — «передовые люди»[119]. Вместе с тем Риттих, вероятно плохо принятый в Кермане, пишет, что в этом городе выдающихся бабидов нет, а имеющиеся прославились пьянством, развратом и атеизмом[120].

Доктор Н. И. Шеталов, наблюдая жизнь бабидов в Иезде (правда, некоторые его сведения заимствованы у Керзона), пришел к заключению, что процветанию их в этом городе содействовала поддержка русских властей (глава бабидской общины Хаджи Мохаммед Таги Ширази был русским коммерческим агентом), благодаря которой они жили относительно спокойно, не преследовались местной администрацией; это привлекало к ним население: даже гебры переходили в бабизм[121]. Положение гебров в Иезде, по утверждению Шеталова, улучшилось после 1890 г., когда за них стали заступаться бабиды[122]. Шеталов считал, что треть мусульманского населения Иезда была бабидами[123].

Преследования бабидов в Иране периодически принимали острые формы. Иранские правящие классы перед лицом начавшихся повсеместных революционных выступлений населения стремились направить недовольство народных масс против бабидов, хотя истинным виновником бедствия народного был существующий режим. Муджтехиды Исфагана с согласия губернатора Зилли Султана неоднократно поднима-

---

[118] П. Риттих, *Отчет о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 г.*, стр. 138, 155, 170, 205.

[119] Там же, стр. 155, 170. Некоторые наблюдения Риттиха над жизнью бабидов в Иране дают возможность предположить, что в это время бабиды получили право легального существования (наличие квартала бабидов Махалейе Бабиан в г. Ардистане и др.). Некоторые представители иранской администрации переходили в бабизм («Поездка по Восточной Персии поручика Баумгартена в 1894 г.», СПб., 1896, стр. 108, 190, 240)).

[120] Там же, стр. 205.

[121] Н. И. Шеталов, *Город Иезд*, — «Сборник Средне-Азиатского отдела общества востоковедения», СПб., 1907, стр. 113—116. О Шеталове П. М. Мелиоранский писал Розену: «Шеталов год сидит в Иезде и караулит чуму — очень хотелось бы познакомить [Шеталова. — *Н. К.*] с Жуковским. Это мой друг-приятель еще со школьной скамьи, поехавший сначала в Закаспийскую область на службу, затем в Персию. Хорошо знает немецкий и французский языки, выучился немного и по-персидски, интересуется «мало-мало» археологией и историей, прислал мне недавно снимки надписей из Иезда, оказавшиеся на первый раз изречениями из Корана...» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 273).

[122] Н. И. Шеталов, *Город Иезд*, стр. 123.

[123] Там же, стр. 108.

ли население против бабидов[124]. Даже вмешательство иностранных представителей, оказывавших покровительство бабидам, не всегда могло их защитить. В начале 1890 г. двадцать бабидов, спасаясь от преследований, бежали в Исфаган и укрылись в здании английского телеграфа. По ходатайству английского посланника бабиды были отправлены в деревню Седех под охраной сарбазов. Городская чернь по дороге напала на них и убила 11 человек[125].

Общая оценка русских работ по бабизму дана А. Е. Крымским[126]. Считая ее в основе правильной, мы не будем останавливаться на разборе трудов русских ученых и публицистов по этому вопросу.

* * *

Небольшая прослойка русской интеллигенции заинтересовалась идеями, которые проповедовали бабиды и бехаисты. Это нашло отражение даже в художественной литературе. Здесь прежде всего следует сказать об отношении Льва Толстого к бабизму и бехаизму, в учении которых он находил близкие ему религиозно-нравственные идеи.

По мнению советского исследователя творчества Л. Н. Толстого — А. Шифмана[127], впервые Толстой всерьез занялся изучением бабизма в сентябре 1898 г., прочитав книгу Ф. Андреаса о бабидах[128]. После этого он стал искать литературу о бабизме и попытался связаться с бабидами. Летом 1901 г. он писал одному из своих адресатов — бабиду Габриелю Саси: «Бабизм меня очень давно интересует». Это же повторил Толстой в письме Изабелле Гриневской в 1903 г.[129].

---

[124] Об избиении бабидов в Исфагане и Неджефабаде в 1903 г. см.: «Отчет о поездке по Персии в 1903 г. Дм. Беляева», Тифлис, 1906, стр. 2—9. Беляев предположил, что Зилли Султан и англичане думали, что в случае преследования бабидов последние обратятся за помощью к России, используют русское консульство в качестве беста, что могло послужить поводом для разжигания антирусских настроений: русские, мол, поддерживают безбожников баби.

[125] См. выписки В. Р. Розена из депеш и донесений русских дипломатических работников. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 1, д. 98. л. 10.)

[126] А. Е. Крымский, *Общий исторический очерк бабизма и обзор новейшей литературы о нем,* — «Древности восточные», т. IV, 1913, Протоколы, стр. 79—91; см. также: М. С. Иванов, *Бабидские восстания в Иране,* стр. 22—25; Н. А. Смирнов, *Очерки истории изучения ислама в СССР,* М., 1954.

[127] А. Шифман, *Лев Толстой и Восток,* М., 1960, стр. 380.

[128] F. C. Andreas, Die Babi's in Persien, Leipzig, 1896. (Книга с пометами Л. Н. Толстого хранится в яснополянской библиотеке).

[129] Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений. Юбилейное издание, т. 73, М., 1954, стр. 109; т. 74, стр. 207.

Изучая литературу о бабизме, вряд ли Толстой только в апреле 1904 г. впервые познакомился со «священнейшей книгой» Беха-Уллы, которая еще в 1899 г. была издана Туманским в русском переводе.

Почти все высказывания Л. Н. Толстого о бабизме и бехаизме находятся в его письмах к П. П. Картушину, Атрпету, М. М. Крымбаеву, Ионессу Кану, И. Гриневской, Габриелю Саси, Фридун-хану Бадалбекову и др. Идеи бабидов в известной степени импонировали мировоззрению Льва Николаевича Толстого, как раз в эти годы проповедовавшего свою идею «непротивления злу насилием».

Л. Н. Толстой, получив книгу о Мохаммед-Али-шахе Атрпета (автора книг о бабизме и бехаизме), писал ему 15 июня 1909 г.: «Очень благодарю Вас за присылку Вашей книги. Я нашел в ней много для себя нового и в высшей степени интересного. Меня также интересуют по своим заглавиям и другие Ваши книги, указанные в объявлении: «Шиитское духовенство», «Секта бабизм», «Податная система в Персии», «Младотурецкое движение»[130].

А. Крымский опубликовал в «Древностях восточных» письмо Л. Н. Толстого к бывшему слушателю Лазаревского института Фридун-хану Бадалбекову (от 28 декабря 1908 г.), с ответами на вопросы Фридун-хана о религии. Толстой, между прочим, писал: «...ислам, по моему мнению, содержит, как и все религии: браманизм, буддизм, конфуцианство и др.,— великия, вечныя истины, но, как и все религии, перемешан с суевериями, грубыми извращениями истины обрядами и обманами. Для составления понятия об исламе мне много содействовала прекрасная книжечка изречений Магомета (The Sayings of Muhammad, edited Abdulah Al-Mamun Al-Suhrawardy), изданная в Лондоне. Учение бабистов, перешедшее в багаизм (Бага-Улла), возникшее из магометанства, представляет из себя одно из самых высоких и чистых религиозных учений»[131].

Познакомившись ближе с сочинениями бехаитов, Толстой стал разочаровываться в их учении, многое находил неглубоким, не заслуживающим внимания. Более подробно об от-

---

[130] Письмо опубликовано в книге Атрпета «Бабиты и бехаиты», Тифлис, 1910.

[131] «Древности восточные», т. IV, Протоколы, стр. 91; см. также Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 78, 1956, стр. 306—307. Это же письмо в английском переводе, так же как и письмо Толстого к Изабелле Гриневской, опубликовано в книге: «The Baha'i. world. A. Biennial international record», vol. IV. New York, 1933, p. 233. Все письма Л. Н. Толстого по бехаизму и бабизму можно найти в его Полном (юбилейном) собрании сочинений.

ношении Толстого к бехаизму можно прочитать в упомянутой книге А. Шифмана «Л. Н. Толстой и Восток».

Идеи бехаистов увлекли и Изабеллу Гриневскую, которой адресовано одно из писем Л. Н. Толстого.

В предисловии к первому изданию своей поэмы «Баб. Драматическая поэма из истории Персии. В 5 действиях и 6 картинах» (СПб., 1903) Гриневская писала, что А. Т. Туманский считает возникновение бабизма одним из величайших мировых событий XIX в., а в России имя Баба и его учение мало известны даже в образованной среде. По мнению Гриневской, постановка драмы познакомит русскую общественность с идеями бабизма. (Первая постановка пьесы состоялась в Петербурге 21 января 1904 г. на сцене театра Литературно-художественного общества.)

Материалами для драмы «Баб» послужили для Гриневской исследования А. Казем-бека, М. А. Гамазова и А. Г. Туманского. Говоря об основной теме своего произведения, Гриневская писала в предисловии ко второму изданию «Баба», вышедшему в период первой мировой войны: «...изображаются в ней... порывы умов к вопросам, которые мучают человечество... и вместе с тем дают утешение и забвение, помогающие ему совершать те мирные дела...

И мне думается, что именно и в эти минуты, когда лик войны наиболее грозен и насмешлив, следует людям останавливаться в раздумьи на вопросах важных и всечеловеческих, всегда утешающих и примиряющих, хотя и неразрешимых» [132].

Гриневская для доказательства отказа Баба от революционных методов борьбы вводит в поэму следующий эпизод. Когда был вынесен смертный приговор Бабу, народ, как пишет Гриневская, хотел освободить Баба, но он, не желая пролития крови, заявил:

Нет, мщения не надо...
Ах, бросьте же мечи...
Пойдем с улыбкой к смерти, к ней в объятья!..
Мечи раздора спрячьте...

В драме несколько смещены отдельные события — например, массовые казни бабидов приурочены к казни Баба, в то время как они были во время подавления восстаний бабидов в Мазендеране, Зенджане и Нейризе, а также после неудавшегося покушения на шаха в 1852 г., почти три года спустя после казни Баба. Вместе с тем Гриневская сумела

[132] И. Гриневская, *Баб*, изд. 2, Пг., 1916, стр. 3, 4.

довольно точно передать настроение населения во время массовых казней бабидов:

Народу ужасом сперва зажали рот.
Сначала вывели замученных бабидов.
Их выслали вперед.
Ручьем текла с них кровь... Но гимны, гимны пели!
От ужаса мы все тут онемели,
У всякого была одна забота,
Чтоб не подумали, что также он бабид.

Крымский высоко оценил поэму Гриневской: «При известных промахах этого произведения с научно-исторической точки зрения нельзя у автора не признать значительного вникновения в предмет и уменья воспроизвести живую, наглядную картину» [133].

Через несколько лет Изабелла Гриневская опубликовала вторую поэму «Беха-Улла (Блеск Божий). Поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии) в 5 действиях и 6 картинах с эпилогом» (СПб., 1912).

Мой труд посвящаю о мире болеющим
И трепетно ищущим в мире огней.

Гриневская посвятила ее бехаитам.

Почти вся речевая канва поэмы построена на материале посланий Беха-Уллы. Это произведение Гриневской — своего рода пропаганда идей бехаизма в поэтической форме.

Кроме поэм Гриневской, других крупных произведений о бабизме и бехаизме в русской художественной литературе не было.

* * *

Интерес, который проявляют сейчас советские ученые к бабизму и бехаизму, дает возможность предположить, что в ближайшее время появятся исследования не только по истории этих до конца еще не изученных течений, но и по истории их изучения. Имеющиеся в архивах Советского Союза материалы о бабидах и бехаитах помогут исследователям более полно осветить историю одного из интереснейших религиозно-политических течений в исламе.

---

[133] «Древности восточные», т. IV, Протоколы, стр. 88.

Б. М. ДАНЦИГ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РОССИИ (вторая половина XVIII в.)[1]

Внешняя политика России во второй половине XVIII в. отличалась большой активностью.

«Но при всей своей классовой направленности внешняя политика царизма решала важнейшие исторические задачи, стоявшие перед Россией в данный период: закрепление на берегах Балтики, выход к Черному морю и воссоединение украинских и белорусских земель с Россией»[2]. Настоятельная необходимость разрешения черноморской проблемы в 60-х годах XVIII в. диктовалась для господствовавшего класса прежде всего экономическими интересами.

В связи с развитием промышленности и торговли помещичье хозяйство, сохраняя феодально-крепостническую основу, все более увеличивало производство сельскохозяйственных продуктов на продажу. Резко возросла заинтересованность дворян в земле, в особенности на юге страны. Но значительная часть плодородных причерноморских степей принадлежала Турции и ее вассалу — крымскому хану.

Крымские татары из открытых степей Северного Причерноморья и Приазовья совершали частые разбойничьи набеги на Украину. Это лишало помещиков возможности планомерно осваивать прилегающие к границе территории, повышать доходность своих имений. Кроме того, отсутствие выхода к Черному морю препятствовало ведению торговли морским путем со странами Южной Европы и Ближнего Востока.

Пограничное русское и украинское население веками тер-

---

[1] Настоящая статья представляет собой продолжение статей, опубликованных в сборниках I (1953), II (1956) и IV (1959) «Очерков по истории русского востоковедения».

[2] «Очерки истории СССР». XVIII в., вторая половина. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в., М., 1956, стр. 321.

пело неисчислимый ущерб от опустошительных набегов крымских орд. Вторгаясь на территорию Украины, крымские татары грабили и разрушали все на своем пути, десятками тысяч угоняли жителей в рабство. Таким образом, веками на Юге разрушались производительные силы. Необходимо было положить конец этим разбойничьим набегам и укрепить русско-турецкую границу.

Борьба за разрешение черноморской проблемы во второй половине XVIII в. связана с двумя продолжительными русско-турецкими войнами (1768—1774 и 1787—1791); важнейшими событиями в этот период были Архипелагская экспедиция, присоединение к России Крыма, заключение мирных договоров (Кючук-Кайнарджийского — 1774 г. и Ясского — 1791 г.).

В конце XVIII в. состоялись совместные действия русской и турецкой эскадр (1798—1800) под общим командованием вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова против наполеоновской Франции, при этом русская эскадра длительное время простояла в Стамбуле.

Все это вызывало в русском обществе огромный интерес к Ближнему Востоку, что нашло свое отражение в появлении статей, издании записок путешественников и участников военных действий, опубликовании переводной литературы, дипломатических донесениях.

В рамках настоящей статьи трудно подробно осветить все вопросы, связанные с изучением Ближнего Востока в России во второй половине XVIII в. Мы коснемся лишь некоторых из них, особо заслуживающих, на наш взгляд, внимания.

В сороковые годы XVIII в. Восток не был в центре внимания Академии наук; практически интерес к нему глохнет. После смерти Кера[3] «в ней (Академии наук. — *Б. Д.*) ни одного азиатским языком искусного человека не осталось»[4].

Однако о создании «Академии или общества восточных наук и языков в Империи Российской» мечтал и гениальный русский ученый М. В. Ломоносов. И. Ю. Крачковский пишет, что Ломоносову идея Кера «была близка, и, может быть, не случайно в плане помеченных им для себя работ и проектов в черновых записях Ломоносова стоит „ориентальная Академия"»[5].

---

[3] См. Б. М. Данциг, *Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.)*, — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. IV.

[4] Цит. по кн.: И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 49.

[5] Там же, стр. 48.

Известно письмо Ломоносова И. Шувалову, написанное на тему «о размножении и сохранении российского народа». В нем Ломоносов говорит, что при разборе своих сочинений он нашел «старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общественной пользы». Среди них имеется записка «О сохранении военного искусства и храбрости во время долговременного мира. Ориентальная Академия...» [6].

В трех проектах регламентов Академии наук и университета при ней, сохранившихся в бумагах М. В. Ломоносова, упоминается кафедра восточных языков.

П. Пекарский отмечает, что в 1764 г. Ломоносов представил проект «Новое примерное распределение и учреждение Санкт-Петербургской Академии наук», который предусматривал создание при Академии особого исторического класса с кафедрами истории, юриспруденции и восточных языков [7].

Ломоносов писал, что «ординарных академиков достоинство главное состоит в довольном знании своей науки, которыя он профессор; но притом, чтобы такой член не совсем чужд был и неискусен в других сродных с его профессией науках, состоящих в том же классе,... Ориентальных языков профессор искусен в древней Греческой истории и восточных народов» [8].

Об интересе М. В. Ломоносова к Востоку свидетельствует и то, что в тетради росписи иностранных книг его рукой под № 53 записано: «Historiae Egypti compendium Abdallatifi, editum von Thomas Hunt» и далее по-русски: «О! по латине и по-арабски». Под № 55 читаем: «Caab ben Zoheir carmen panegiricum in Laudem Muhammedis, Leidae bei Haack...» [9].

Как показывают исследования члена-корреспондента Академии наук СССР П. Н. Беркова, эти записи включают в себя дезидерата М. В. Ломоносова на выписку тех или иных книг из-за границы для библиотеки Академии наук: М. В. Ломоносов пользовался при этом различными заграничными библиографическими пособиями [10].

---

[6] См. П. Пекарский, *История императорской Академии наук в Петербурге, т. II*, СПб., 1873, стр. 752, 753.

[7] Там же, стр. 846.

[8] П. С. Билярский, *Материалы для биографии Ломоносова*, СПб., 1865, стр. 653, 654.

[9] П. Пекарский, *История императорской Академии наук в Петербурге*, т. II, стр. 950, 951.

[10] П. Н. Берков, *Литературные интересы Ломоносова*, — в сб. «Литературное творчество М. В. Ломоносова», Исследования и материалы, М.—Л., 1962, стр. 56.

Нам представляется, что обращение Ломоносова к Абд ал-Латифу не случайно — как мы уже отмечали выше, у М. В. Ломоносова был определенный интерес к Востоку.

Любопытна фигура Абд ал-Латифа, привлекшего внимание Ломоносова. Абд ал-Латиф (Муваффак ад-Дин Абд ал-Латиф ибн Иунус ал-Багдади) — арабский ученый — естествовед, врач, биолог и географ (1162—1231).

И. Ю. Крачковский писал об Абд ал-Латифе: «Едва ли не наиболее ярко его фигура отразилась в том произведении, которое лучше всего нам известно и имеет непосредственное отношение к географической литературе, — в его небольшой книжке, посвященной Египту, которая знакома европейской науке уже с конца XVIII в.

...Его книга и теперь сохраняет значение живого человеческого документа, интересного не только с узко географической точки зрения, но важного для характеристики всей историко-социальной обстановки своего времени, не говоря уже про разнообразие затронутых в нем научных проблем. Европейская арабистика рано ознакомилась с памятником и не могла не обратить на него внимание, можно сказать, с первых шагов своего развития» [11].

П. Н. Берков пишет, что «История Египта» очень высоко ценилась востоковедами XVII— начала XIX в. Абд ал-Латифа «считали одним из самых великих историков Востока. „Точность его описаний и тщательность в устранении ошибок своих предшественников, — писал об Абдал-латифе французский ориенталист Жуардэн, — обнаруживают в нем человека в такой же мере высокообразованного, как и наблюдательного"*. Европейским ученым „История Египта" Абдал-латифа стала известна в XVII в. и была переведена Эд. Пококом (1604—1691) на латинский язык, но перевод этот был опубликован лишь в 1800 г. Не зная о работе Покока, другой английский ориенталист Томас Хёнт (1696—1774) в 1746 г. поместил в одном из научных журналов заметку о труде египетского историка и сообщил о своем намерении издать „Историю Египта" с параллельным арабским оригиналом и своим латинским переводом. Однако книга эта в свет не вышла, хотя перевод Хёнта был доведен до конца.

Откуда попали к Ломоносову сведения о книге Абдал-латифа, сейчас я сказать не могу, хотя надеюсь на этот вопрос дать ответ через некоторое время» [12].

---

[11] И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения,* т. IV, М.—Л., 1957, стр. 343, 344.

[12] П. Н. Берков, *Литературные интересы Ломоносова,* стр. 56, 57.

* «Biographie universelle ancienne et moderne», t. I, Paris, 1811, p. 52.

Что касается второй книги, то, пишет член-корреспондент П. Н. Берков, «Сведения об этой книге Ломоносов мог получить из разных источников. В № ХС „Лейпцигских ученых ведомостей" за 1747 г. была помещена пространная рецензия на это издание, которая несомненно могла обратить на себя внимание Ломоносова, особенно тщательно следившего за критической библиографией этого журнала: Лейден. У Корнелия Хаака (Haak) напечатана: Кааб бен Зохейр. Панегирическое стихотворение в честь Магомета, и Моаллаки Амралькейза, с примечаниями и латинским переводом Левина Варнера. С приложением Арабских изречений калифа Али. По рукописям Нидерландской библиотеки издал, перевел и снабдил примечаниями Герард Иоанн Летте...»[13]. «Кроме подробной рецензии в «Лейпцигских ученых ведомостях», Ломоносову могла быть известна короткая аннотация об этой же книге в амстердамском издании парижского «Journal des Savants» за 1749 г.: «Эта коллекция состоит из трех маленьких поэм на арабском языке, впервые публикуемых; первая принадлежит Каабу, вторая — Амралькейзу, третью представляют „Изречения" калифа Али, расположенные в алфавитном порядке. Эти „Изречения" — иные, чем те, которые приведены в конце второго тома „Истории сарацинов" Симона Оклея. Издание этих трех поэм сопровождено латинским переводом и примечаниями, в которых издатель поместил много любопытных материалов. В конце книги находятся три указателя: авторов, упоминаемых в примечаниях; анализируемых арабских слов; древнееврейских слов из священного писания, которые благодаря рассматриваемым в данном произведении арабским словам получают новое освещение»*.

Трудно понять, почему вдруг Ломоносов обратил внимание на сборник, содержащий три произведения арабской классической литературы. Потому ли, что его вообще в это время заинтересовала почти неизвестная у нас арабская поэзия **, потому ли, что ему хотелось сопоставить панегирический род арабских стихотворений со столь близкой ему одой классицизма, — все это не больше, чем гадания. Фак-

---

[13] Там же, стр. 57.

* «Journal des Savants», Amsterdam, 1749, mars, pp. 423—429.

** См. С. Г. Домашнев, *О стихотворстве*, — «Полезное увеселение», 1762, июнь, стр. 242 («Стихотворство арапское»). Перепечатано в кн.: П. А. Ефремов, *Материалы для истории русской литературы*, СПб., 1867, стр. 194.

том остается то, что арабская литература занимала определенное место в круге литературных интересов Ломоносова.

Обращает на себя внимание то, что и заметка Т. Хёнта о предполагаемом издании перевода „Истории Египта" Абдаллатифа, и стихотворение Кааб бен Захейра относятся к 1746 г., а помечены они в списке, датируемом 1763 г. Значит ли это, что Ломоносов помнил эти произведения с 1746 г. или обратил на них внимание, перелистывая старые журналы?» [14]

Несмотря на старания Ломоносова, его планы изучения восточных языков не были осуществлены. В открывшемся в 1755 г. Московском университете преподавание восточных языков не нашло себе места, хотя проект устава и предусматривал такую возможность [15].

В царствование Екатерины II (1762—1796) были приняты некоторые меры по организации преподавания восточных языков в учебных заведениях, находившихся в местностях с населением, исповедующим мусульманство. Уже в 1759 г. была открыта гимназия в Казани. С деятельностью Казанской гимназии связано претворение в жизнь принадлежащих М. В. Ломоносову планов преподавания восточных языков [16].

В 1769 г. в Казанской гимназии был основан класс татарского языка, ставший ядром будущего восточного отделения. В специальном указе Екатерины II на имя казанского губернатора Квашнина-Самарина по случаю образования класса отмечалась необходимость иметь искусных переводчиков татарского языка.

Учителем назначался толмач казанской адмиралтейской конторы Сагит Хальфин (учителем татарского языка был его сын, а также и внук) [17].

Мысль о необходимости изучения татарского языка в гимназии принадлежала первому директору казанских гим-

---

[14] П. Н. Берков, *Литературные интересы Ломоносова*, стр. 59, 60.

[15] А. А. Стариков, *Восточная филология в Московском университете*,— «Очерки по истории русского востоковедения», сб. III, М., 1960, стр. 147—165.

[16] М. Г. Беляевский, *М. В. Ломоносов и основание Московского университета*, М., 1955, стр. 128.

[17] См. «Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете», — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. XXXIX, СПб., 1843, отд. III, стр. 50, 51. Обозрение не было подписано, но автор книги «Историческая записка о 1-й Казанской гимназии» В. Владимиров (Казань, 1867) считает, что оно было написано профессором О. М. Ковалевским.

назий[18] М. Веревкину, впоследствии известному переводчику Корана (с французского текста Ди Риера)[19].

Практические задачи, поставленные при изучении татарского языка в Казанской гимназии, определили и характер преподавания Хальфиных, стремившихся обучить учащихся переводам с татарского на русский, с русского на татарский, а также разговорному языку. Следует отметить, что Хальфины вели преподавание успешно. «Из их школы вышли многие знатоки татарского языка, которые на разных ступенях государственной службы оправдали ожидания правительства»[20].

В 1778 г. была издана в Москве «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, сочиненная Казанской гимназии учителем и адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным и татарских в Казани слобод муллами в оных гимназиях рассмотренная и одобренная»[21].

В 1771 г. преподавание татарского языка было введено в Академической гимназии при Московском университете и поручено учителю Арасленову[22].

В Нижегородской семинарии с 1783 г. было введено преподавание языков татарского, мордовского и чувашского. В указе Екатерины II «Комиссии о учреждении народных училищ» от 24 сентября 1782 г. предписывалось ввести уроки арабского языка в народных училищах тех губерний, которые лежат «к стороне татарской, персидской и бухарской...»[23]. Что касается турецкого языка, то им «менее всего занимались, несмотря на его важность для России в политическом отношении. В конце 30-х или в начале 40-х годов XVIII в. при татарско-калмыцкой школе, открытой Татищевым в Самаре, состоял ученый ахун, знавший и по-турецки. Около этого же времени, в 30-х годах XVIII в. занимался собиранием арабских и турецких рукописей адъюнкт нашей академии наук... Готлиб Фр. Вильгельм Юнкер. Об этих занятиях его

---

[18] По указу Елизаветы (1758) в Казани были созданы две гимназии: одна для детей дворян, другая для разночинцев.

[19] См. Н. А. Смирнов, *Очерки истории изучения ислама в России*, М., 1954, стр. 2.

[20] В. Владимиров, *Историческая записка о 1-й Казанской гимназии*, стр. 52.

[21] А. Н. Кононов, *Из истории отечественной тюркологии*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. VI, М.—Л., 1953, стр. 269.

[22] См. Шевырев, *История императорского Московского университета*, М., 1855, стр. 19.

[23] Цит. по кн.: В. В. Бартольд, *Материалы для истории факультета восточных языков*, т. 4, СПб., 1909, стр. 21, прим. 4.

мы узнаем из протокола заседания академической конференции от 19 сентября 1737 г. Там же находим известие... о том, что капуцинский пастор в Моздоке P. Agrippin составил латино-турецкий словарь... Позднейшая судьба названного рукописного словаря нам неизвестна»[24].

Первая война с Турцией (1768—1774) вызвала оживление интереса к турецкому языку. Вскоре после заключения мира в Кючук-Кайнарджи появились печатные руководства к изучению турецкого языка. Это были два разных перевода с одного и того же учебника, изданного в Константинополе И. Т. Гольдерманом на французском языке. Первый перевод вышел в Петербурге и, очевидно, имел целью удовлетворить потребность в подобном руководстве, которая ощущалась в военных кругах, о чем можно судить по титульному листу: «Турецкая грамматика или краткий и легчайший способ к изучению Турецкого языка... Переведена с французского в С. Петербурге в 1776 года при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском корпусе»[25].

Второй перевод, сделанный Рейнгольдом Габлицлем, появился в Москве.

Небольшое число турецких слов (196) имелось в параллельном русско-турецко-персидско-гилянском глоссарии, помещенном в третьей части описания путешествия по России акад. Гмелина.

В известном «Сравнительном словаре» императрицы Екатерины II представлен был среди прочих тюркских диалектов и языков и турецкий язык[26]. Об этом словаре В. В. Бартольд писал:

«Методы и задачи этой последней науки (т. е. языкознания. — *Б. Д.*) в то время и в Западной Европе еще не были установлены; при рассмотрении вопроса о родстве между собой различных языков и о происхождении человеческой речи вообще ограничивались простым сопоставлением слов, заимствованных из возможно большего числа языков, причем обращали внимание только на сходство звукового состава, не стараясь объяснить, как произошло это сходство и по каким законам совершаются переходы и перемещения звуков. Среди сборников лингвистического материала, составленных по этой системе, одно из главных мест принадлежит сборнику, составленному в России при личном участии Екатерины II и потому получившему заглавие: „Сравнительные словари всех

---

[24] С. К. Булич, *Очерк истории языкознания в России,* т. I, СПб., 1904, стр. 437.
[25] Там же, стр. 438.
[26] Там же, стр. 439.

языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы"»[27].

Проф. Н. А. Баскаков в своей работе «Краткий очерк истории изучения тюркских языков в России и СССР», любезно предоставленной нам до ее напечатания, пишет: «Но самым крупным и основным научным событием этого периода являлось составление и издание грандиозного по тому времени сравнительного словаря, предпринятого по указу императрицы Екатерины II, сыгравшего значительную роль в истории русского тюрковедения... По принятому в словаре порядку там были представлены следующие языки: турецкий, казанско-татарский...».

Еще до указа 1782 г. арабский язык изучали наряду с другими четырьмя азиатскими языками в астраханской школе для солдатских детей.

О преподавании арабского языка И. Ю. Крачковский писал: «Арабский язык со второй половины XVIII в. уже систематически появляется в программе общеобразовательных школ. Едва ли не раньше всего он фигурирует среди четырех „азиатских языков" в Астрахани, ...сперва в школе для солдатских детей с 1764 г., преобразованной в народное училище в 1788 г., а затем и в гимназии в 1806 г. Можно думать, что преподавание здесь не прекращалось, так как именно с Астраханью связана первая известная нам арабская грамматика Скибиневского 1810 г., оставшаяся в рукописи»[28].

И. Ю. Крачковский также указал, что отмеченный выше перевод турецкой грамматики И. Б. Гольдермана, который сделал Р. Габлицль, с арабистической точки зрения очень важен «для историков типографского дела как первое у нас крупное произведение, в котором был применен в широком масштабе арабский передвижной шрифт»[29].

Непосредственно с арабистикой связано петербургское издание текста Корана. «Издание, повторенное за 11 лет (1787—1798), по-видимому, шесть раз, приобрело большое распространение среди европейских ученых и вызвало ряд печатных откликов...»[30]. По отзывам специалистов Европы, арабский шрифт русской типографии был недосягаемым образцом для европейской типографской техники.

Однако научное значение издания текста Корана на араб-

---

[27] В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925, стр. 230.

[28] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 51.

[29] Там же, стр. 52.

[30] Там же стр. 53.

ском языке было невелико, так как в России ученых-арабистов еще почти не было. В 1811 г. шрифт был передан в Казань.

Таким образом, мы можем считать, что в екатерининское время была сделана попытка создать серьезную школу востоковедения.

Однако, как правильно отмечает В. В. Бартольд, восточные языки в царствование Екатерины II преподавались только в школах, готовивших переводчиков[31].

Во второй половине XVIII в. интерес к Ближнему Востоку заметно возрос. В России стали накапливаться большие нумизматические коллекции, появляются рукописные материалы.

Серьезным источником сведений о Ближнем Востоке были газеты «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости». Обе газеты помещали иностранные материалы, заметки своих корреспондентов (которых они имели в ряде европейских городов), уделяли внимание странам Востока. С 1748 до 1765 г. редакцией «Санктпетербургских ведомостей» заведовал М. В. Ломоносов. По 1788 г. «Московские ведомости» с университетской типографией были взяты в аренду Н. И. Новиковым, очень оживившим газету[32].

Некоторые журналы, издававшиеся Н. И. Новиковым, И. А. Крыловым, Н. М. Карамзиным, помещали статьи оригинальные и особенно переводные, в той или иной мере знакомившие читателей со странами Среднего и Ближнего Востока. Заслуживают упоминания статьи, опубликованные в научно-популярном журнале, органе Академии наук, выходившем с 1755 по 1764 г., «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»[33], «Об остатках города Пальмиры» (январь 1755 г.) — краткое изложение содержания книги английского путешественника Вуда, посетившего развалины Пальмиры в 1750 г. («The Ruins of Palmira other wife Tadmor in the Desert», London, 1753); «Кончина турецкого султана Махмута I» (февраль 1755 г.); «Описание о происшедшей перемене в Константинополе (по случаю кончины Махмута)» (февраль 1755 г.); «Известие о житии Турец. Султ. Махомета V» (апрель 1755 г.).

---

[31] В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, стр. 231.

[32] П. Н. Берков, *История русской журналистики XVIII в.*, М.—Л., 1952, стр. 112. Благодарной задачей для исследования явилось бы составление хотя бы библиографического обзора заметок по Ближнему и Среднему Востоку, помещенных в обеих газетах.

[33] За десять лет журнал трижды менял свое название.

В июньском номере за 1755 г. помещены две заметки, посвященные описанию въезда в Петербург турецкого посланника Дервиша Мехмед Эффенди и аудиенции, данной ему императрицей. Посланника сопровождал в качестве переводчика Буйдий[34]. Любопытно, что речь императрицы переводил на турецкий язык бывший русский резидент в Иране, ученик Кера — Братищев[35].

В журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» (июнь 1764 г.) было опубликовано семь писем в Москву «бывшего в Константинополе в 1760 г. дворянином посольства сержанта Преображенского полка М. П.».

В журнале «Праздное время, в пользу употребленное» была помещена статья «Краткое известие о коммерции между Россией и Турцией» (1759); в журнале «Парнасский щепетильник» был помещен перечень названий «Островов Архипелагских, на которых живут христиане под властию Турков» (1770).

В журнале «Пустомеля» (издавался Н. И. Новиковым)[36] были напечатаны «Ведомости из Константинополя» и «Тайные серальские известия».

Представляют интерес опубликованные в «Новых ежемесячных сочинениях», издававшихся при Академии наук, «Известия о двух чигиринских походах в 1677 и 1678 г. из собственноручных дневных записок быв. Российского генерала Патрика Гордона» (перевод с немецкого), помещенные в XXIX части в 1788 г., «Осада крепости Чигирина Турками в 1677—1678» (ч. XXX и др.).

Серьезный материал для изучения положения в Турции в последнем десятилетии XVIII в. печатался в «Политическом журнале». В частности, интересна серия статей «Система государственных доходов Турции». Этот журнал издавался в Гамбурге с 1790 г. Инициатором его перевода на русский язык был П. А. Сохацкий, профессор Московского университета.

В журнале «Собрание новостей», выходившем в 1775—1776 гг. в Петербурге при артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе (позже издавался при Академии наук

---

[34] О нем см. Б. М. Данциг, *Очерки по истории русского востоковедения,* т. V, стр. 24.

[35] Братищев — автор книги о событиях, происшедших в Персии между Шахом Надиром и Реза Кули-мирзой (о нем есть упоминание в словаре русских писателей Новикова), — см. «Материалы для истории русской литературы», СПб., 1867, стр. 14. О нем см. «Очерки по истории русского востоковедения», т. V, стр. 9.

[36] П. Н. Берков, *История русской журналистики XVIII в.*, стр. 269.

под названием «Собрание разных сочинений и новостей»), помещались статьи и заметки о Турции и Египте. В специальном разделе — «Иностранные государства» (или «Главные происшествия в разных государствах») систематически печатались сообщения о Турции. Журнал «Растущий виноград», издававшийся в 1785—1787 гг. в Петербурге при Главном народном училище, поместил в декабрьском номере за 1785 г. статью «Различные записки, касающиеся до Турок».

Журнал «Новый Санкт-Петербургский вестник» в 1786 г. опубликовал статью «О происхождении Турецкого народа и постепенном его возвращении, с показанием нравов, обычаев и воинской его силы».

Журнал «Зеркало света», издававшийся в 1786—1787 гг. Ф. Туманским, в разделе зарубежных стран помещал заметки о Турции.

Отметим также, что на страницах периодической печати второй половины XVIII в. появлялись статьи и заметки о Марокко[37], Египте, Сирии, Алжире.

Разнообразие тематики свидетельствовало о растущем интересе русского общества к Востоку и восточной культуре. И. Ю. Крачковский подметил это стремление к познанию Востока, говоря о развитии арабистики в тот период: «Потребность в знаниях о Востоке и арабской культуре в России той эпохи, несомненно, чувствовалась»[38].

* * *

Русско-турецкие войны (1768—1774 и 1787—1791) породили большую литературу военного характера. Были опубликованы «Журнал военных действий армии в 1769—1770 гг.», «Журнал военных действий российской императорской армии против турок в 1769—1771 гг.».

«Журнал в продолжение прошедшей войны при завоевании Молдавии и Бессарабии» (СПб., 1792), «Краткая выпись из дневных походных записок армии войска Донского», составленных Ф. Денисовым (СПб., 1777), «Собрание разных полученных от Главнокомандующих армиями и флотами ко двору донесений» (СПб., 1789—1791).

Свидетельством интереса русского общества к положению в Османской империи явилось напечатание в 1778 г. на сред-

---

[37] См. Б. М. Данциг, В. И. Жиленко, *Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII века,* — «Проблемы востоковедения», М., 1959, № 1, стр. 86—93.

[38] И. Ю. Крачковский, *Очерки из истории русской арабистики,* стр. 54.

10 Заказ 260

ства князя Потемкина-Таврического описание путешествия Василия Григоровича-Барского, широко распространенного до этого в многочисленных рукописных списках[39].

Позже, уже после окончания войны, появилось несколько книг, написанных ее участниками; в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» систематически помещались различные реляции и печатались сообщения, получавшиеся с мест военных действий.

В течение ряда лет, вплоть до войны 1768—1774 гг., русским резидентом в Стамбуле был А. М. Обресков. Арестованный турками в начале войны, он около года просидел в заточении в Семибашенном замке.

В составе дипломатической миссии Обрескова был Павел Артемьевич Левашов, который вместе с Обресковым находился в замке. До русских дипломатов-пленников доходили сведения о ходе военных действий.

После освобождения из тюрьмы и возвращения в Петербург Левашов опубликовал две книги, которые дают ряд любопытных сведений как об обстоятельствах ареста и нахождения русского посольства в заключении, так и о внутриполитической обстановке в Турции[40].

Левашов приводит манифест султана Мустафы, в котором султан следующим образом объясняет причины войны: «Мы указали Российскому двору, дабы он без всякого отлагательства войска свои из Польши вывел: но оный двор дерзнул сего нашего повеления не исполнить, и чрез то явно оказался преслушным: и дабы за таковое непослушание наказать его чувствительнейшим образом, мы объявили ему войну».

Заслуживает внимания сообщение Левашова о турецких интригах на Северном Кавказе, о приезде в феврале 1769 г. в Стамбул лезгинского владельца, «который как от Дивана, так и от самого султана принят был с великими почестьми, поелику обещал всех лезгинцев и прочих кавказских жителей вооружить против России»[41].

---

[39] Б. М. Данцит, *Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.)*, стр. 12—21.

[40] «Плен и страдание россиян у турков или обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которым влачили их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну, и многих странных, редких и любопытных произшествий», СПб., 1790, (далее — «Плен и страдания россиян»); «Поденные записки некоторых произшествий во время прошедшей с Турками войны от дня объявления оной по 1733 год», СПб., 1790.

[41] «Плен и страдания россиян», стр. 36.

Рассказал Левашов и о том, что 15 марта 1769 г. при выносе знамени пророка в Стамбуле было убито около 200 и ранено около 500 христиан; избита была при этом и семья цесарского посланника.

Пребывание в турецкой армии во время похода дало возможность Левашову ознакомиться с ее настроениями и с бытом. Так, он пишет, что в Бендерах «Янычарский ага приказал сломать все лавки, которые было янычары поделили и сидя в них торговали разными вещами, забыв, что они пришли не для торгу, но воевать».

Описывает Левашов и некоторые посещенные им города. Так, об Андрианополе он пишет, что это город, «которой во всей Европейской Турции первейшим по Константинополе почитается, как в разсуждении величины своей, так и многолюдства; при том имеет положение весьма приятное, и почти со всех сторон окружен равными и плодоносными долинами, кроме одной высокой горы, прилегшей к оному с северо-восточной стороны, по которой простирается нарочитая часть городскаго строения. Протекающая подле стен его река придает ему немалую красу; домы же состоят вообще из мазанок, как и во всех прочих Турецких городах, а улицы тесны, грязны и кривы. Впрочем много тут великолепных мечетей и Ханов или гостиных дворов»[42].

Много сведений дал Левашов об издевательствах над русскими солдатами, попавшими в плен, о жестоком обращении турок с мирным населением: «Стоя же у Бендер, насмотрелись довольно, каким варварским образом поступают турки с попадающимися в руки их людьми. Однажды привезли захваченных ими у пределов Польской Украины бедных мужиков, баб и маленьких ребят и стали таскать всех их для продажи по городу и в поле по шатрам: плачущия матери просили, чтоб по крайней мере не разлучали их с детьми, одинакож, невзирая ни на какие их слезы, продаваемы оне были большою частию в разныя руки, и терзали от несносной горести лица свои и волосы, и билися как осужденныя на вечное страдание, причем жестокосердые зрители не являли не токмо к ним ни малейшей жалости, но смеялись и ругались еще более над ними»[43].

Рассказывает Левашов и о расправах, которые чинились по отношению к отдельным турецким военачальникам за неудачные операции и другие провинности. Так, был казнен великий везир Мехмет-паша за поражение под Хотином,

[42] Там же, стр. 53, 54.
[43] Там же, стр. 81.

а также молдавский господарь Калымаки и переводчик Порты Драки. Имение великого везира «было описано на султана, и после визиря найдено оного в наличности несколько миллионов левков».

Неоднократно отмечаются Левашовым волнения и буйства, возникавшие по разным поводам среди янычар, бегство их из армии и грабежи населения. 20 августа он сообщает, что «отправившиеся четыре Заима для разных заготовлений умерщвлены на дороге и что разбежавшиеся в великом множестве Янычары и другие военные люди, не смея преждевременно показаться в Константинополе ниже в других местах своих обиталищ, разсеялись везде и промышляют грабежом и разбоями, отчего почти никому проезду нет»[44].

Вторая книга Левашова по сути дела ничего нового по сравнению с первой не содержит.

В период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. была предпринята первая Архипелагская экспедиция с целью отвлечения части сил противника с черноморского и придунайского театров военных действий и оказания помощи грекам в их освободительной войне против турок. В результате боев в Хиосском заливе 24 июня и в ночь с 25 на 26 июня 1770 г. в Чесменской бухте, покрывших немеркнущей славой русский флот, — турецкий флот был уничтожен.

Капитан I ранга С. П. Хметевский, участник Архипелагской экспедиции, наблюдательный и образованный морской офицер, составил записки, имеющие значение не только для истории русского флота, но и для истории изучения Ближнего Востока, так как они содержат, хотя и краткие, но ценные описания островов Архипелага, входивших в состав Османской империи[45].

Его географические описания островов, хотя и кратки, но выразительны. Он замечает многое: ландшафт, занятия жителей и экономическое их положение. «Во всем Архипелаге острова и берега Романи и Анатолии каменныя, имеют гористыя высокия места и не во всех местах водой довольны; пашня бывает или на низких, или между гор в долинах; сев начинается: пшеницы в октябре, ноябре и декабре месяцах, поспевает в майе в исходе; ячмень сеют не в одно время, кто ранее пашет, тот ранее и сожнет; урод оному хлебу бывает: в плодородный год пшеница в 12, ячмень в 10 раз,

---

[44] Там же, стр. 99.

[45] «Журнал Степана Петрова, сына Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии в 1770—1774 гг.», — «Современник», т. XLIX (49), 1855, стр. 37—82.

в худой урод в полы родит; в Морее же, в Анатолии и Романи, по равности и по тучности земли, родится гораздо лучше; сеют же еще бобы мелкие в декабре и в январе, поспевают в апреле; больше бобы и горох сеют в апреле, поспевают в августе. Лен по местам изрядно родится, хлопчатая бумага сеется в апреле в исходе, поспевает в сентябре: виноград, арбузы, дыни, которых весьма изобильно, поспевают в июле. Скот и птицы питаются сами собой, только в летнее время, от жары трава засыхает: дождя бывает мало или ничего, а с августа месяца по ночам бывают великие росы»[46].

Не укрылось от внимания Хметевского и бедственное положение жителей. Говоря об острове Паросе, он отмечает, что бедность жителей весьма велика: «они голы, голодны, питаются одной травой и вид их показывал одну человеческую тень...»[47].

Во время же пребывания русского флота в Архипелаге один из офицеров капитан флота, а позже бригадир М. Г. Коковцов (1745—1793) (прадед известного семитолога П. К. Коковцова), участник Чесменской битвы, посетил ряд островов и «Варварийский берег» и оставил свои записки[48], изданные Ф. Туманским. Автор пишет о своем вступлении: «Не нашел обстоятельного и верного описания о сей важной стране... решился я малое свободное время от службы, в каковой я во время славной российской войны с турками находился, употребить на собрание известий о всех островах, на которых я был лично и, видев, записывал все нужное». М. Г. Коковцов описывает острова Негропонт, Скиято, Скопело, Селидрона, Шкоро, Лемнос, Миконо, Тино, Хио, Кандия, Кипр и ряд других. Описание островов отличается точностью; отмечаются населенные пункты, порты и гавани, количество населения, крепости, уточняются существующие английские карты, коротко рассказывается история посещенных мест. Специальный раздел посвящен нравам и обычаям жителей архипелагских. Приведем (в выдержках) описание Кипра.

«Сей славный, в древности *Циприс* именованный, остров лежит в пятидесяти милях от берега Асиатической Карамайской провинции и последний к Югу... Изобилует хлебом, овощными плодами, медными рудами и множеством кипа-

---

[46] Там же, стр. 67, 68.

[47] Там же, стр. 81.

[48] «Описание Архипелага и Варварийского берега; изъявляющее Положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами», СПб., 1786 (далее — «Описание Архипелага»).

рисных дерев, от которых и получил он имя *Киприс*, т. е. *Кипарисный*; здесь делаются славные Кипрския вина, которыми жители великой производят торг... *Никосия* столичный теперь город... На Южной стороне находится другой великий город *Фамагости* с изрядною рейдою и небольшою пристанью. Теперь считается на нем около ста тысяч жителей... окружностию будет триста двадесять миль и на Южном берегу имеет выгодныя для летняго времени якорные места»[49].

Говоря о нравах и обычаях греков, Коковцов отмечает: «...жители в невежестве и бедности и с нуждою пропитание от плодов земель своих имеют. Причиною всему сему леность, непросвещение и беспорядочное Турецкое правление, не позволяющее наукам и художествам водвориться; ибо сребролюбивые начальники, тут управляющие, пресекают корыстолюбием своим все к тому способы. Островитяне, которые кажутся быть просвещеннее, обязаны сим сообщению с Европейцами, приезжающими для торговли... Сребролюбие владычествует над сердцами их гораздо превосходнее, нежели над Голландцами... В законе они (греки. — *Б. Д.*) суеверны, к женскому полу ревнивы и подобно Туркам содержат жен своих в затворничестве»[50].

В книге Коковцова содержится немало советов мореплавателям, ценных метеорологических наблюдений.

Коковцов, понимая несовершенство существующих карт Архипелага, занимался в течение пятилетнего пребывания российского флота среди островов Архипелага составлением генеральной карты и исправлением ранее сделанных английских и голландских карт[51].

Особо надлежит остановиться на двух поездках Коковцова из Ливорно в Тунис, во время которых он вел дневник.

Первый раз Коковцов отправился в Тунис 24 мая 1776 г. и 31 мая прибыл в Бизерту. На берег Коковцов съехал «во образе поверенного от купца судна нашего и разсматривал довольно порядочное положение *Бизерты*. Сей нарочито укрепленный город, в котором, однако же, строения весьма низки, принадлежит *Тунисскому* правительству; пристань онаго закрыта и довольно пространна, но по причине множества как в устье, так и в самой пристани подводных камней способна

---

[49] Там же, стр. 66, 67.

[50] Там же, стр. 69—71.

[51] К книге приложена карта: «Изображение Архипелага против Гроньярдовой ландкарты, исправленное Матвеем Коковцовым». С русским и латинским текстом — в масштабе 20 градусов — 60 миль итальянских. Градусная сетка отсутствует.

оная только для входа малых судов; при входе же в пристань по обеим сторонам находятся две изрядные батареи, каждая об осьми пушках. Европейцы вывозят отсель много пшеницы, которою сии места изобилуют»[52].

3 июня Коковцов отплыл из Бизерты и 4 прибыл на рейд Гулетты[53].

В Тунисе Коковцов пробыл три недели. Его поразили условия, в которых живут тунисцы: «Бедувинами называются деревенские жители; будучи невежды, живут они в крайней бедности по причине отнятия у них начальниками за самую малую цену собираемых ими плодов, чрез что земледелие у них в упадке и народ к снисканию богатства не ищет способов. Хотя Тунисская область и довольно изобильна пшеницею, разною овощью, деревянным маслом, шерстью, воском и другими произведениями, но народ оными не пользуется»[54].

Отмечая, что еще со времен римлян повелось называть местное население варварами, «чему и до днесь следуют Европейцы», он с возмущением говорит: «хотя сии народы так подлаго имени совсем не заслуживают. Правда, что они непросвещенны, но, как и все другие народы, имеют порядочное свое происхождение и обычаи. Имя Варваров прилично народу злонравному, беззаконному и жестокосердому; а народы *Варварийские* вообще казались мне добронравнее и страннопримчивее многих Европейцев...»[55].

Коковцов писал, что власть находится в руках турецкой администрации; тунисцы «не занимают никаких должностей и достоинств... Природные жители, как то: Мавры, Бедувины и здешние Жиды живут в рабском невольничестве, невежестве и бедности. Хотя Тунисская область чрезмерно плодородна, однако несправедливые утеснения народа и необузданная власть непросвещенных начальников препятствуют пользоваться богатством, текущим от плодородия земли. Приобретенные тяжкими трудами плоды у подданных откупает Бей с перьвоначальниками за самую низкую цену, а от перепродажи оных Христианским купцам великую себе получает прибыль, а тем самым у жителей отнимает ревность к снисканию богатства. Вот свойства правителей Варварийских, по справедливости заслуживающих имя Варваров, а не народ, который добросердечен и простодушен.

---

[52] «Описание Архипелага», стр. 81.
[53] Там же, стр. 82, 83.
[54] Там же, стр. 87.
[55] Там же, стр. 93, 94.

Бедувины или селяне живут в крайней бедности, в скуднейших хижинах под полатками, некоторые и под тению дерев; домостроительства у них никакого не видно; самое простое рубище едва покрывает их тело»[56].

Останавливает свое внимание Коковцов на торговле, состоянии флота.

Коковцов посетил также Сузы, Сфакс, Бардо, развалины Карфагена.

В июле 1777 г. Коковцов совершил вторую поездку. Он побывал в городах Алжире, Боне и его окрестностях[57]. «Образ жизни здешних жителей, — пишет он, — подобен Тунискому; однако сии последние более страждут под игом жестокого правительства, следственно более погружены в бедность и невежество. Домы сих об одном ярусе, не имеющие никаких украшений, питаются больше ятным хлебом и овощными плодами, одеваются беднее тунисцев...

Все здешние произведения правительство отдает на откуп жидам или французским купцам, за что, взяв от них великую пошлину, позволяет отымать у жителей за самую малую цену, а сим земледельцы, будучи угнетаемы, и к земледелию не имеют охоты».

О произведениях М. Г. Коковцова И. Ю. Крачковский писал: «Основанные на непосредственных впечатлениях, они обнаруживают некоторое знакомство с арабским языком и до сих пор остаются важным источником для характеристики Алжира и Туниса этой эпохи. Во французской науке нашего времени, только теперь с ними познакомившейся, они получили высокую оценку специалистов по истории Северной Африки»[58].

М. Г. Коковцову посвящено интересное и содержательное сообщение М. О. Косвена[59]. «Замечательна личность автора, — пишет Косвен. — Перед нами широко образованный человек, глубоко и вдумчиво изучающий положение, жизнь и быт народов посещаемых им стран. Книги Коковцова проникнуты свободолюбием, горячим сочувствием к простому народу. Автор резко осуждает те политические условия, которые порождают отсталость и бедность народа. Описывая

---

[56] Там же, стр. 94, 95.

[57] См. «Достоверные известия об Альжире, о нравах и обычаях тамошняго народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастаниях и прочем; с верным чертежем», СПб., 1787.

[58] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 56, 57.

[59] М. О. Косвен, *Первый русский африканист М. Г. Коковцов*, — «Советское востоковедение», М., 1956, № 2, стр. 91—95.

состояние населения Алжира и Туниса, Коковцов высказывает передовые, гуманные мысли...»

Описание Коковцовым стран Северной Африки столь содержательно и значительно, что он может по праву занять место первого африканиста в истории русской науки[60].

Во время пребывания русской эскадры в Архипелаге в конце 1772 г. Сирию и Палестину посетил офицер русского флота лейтенант Сергей Плещеев, оставивший свои записки[61].

Русская эскадра, как известно, поддерживала восставшего против Порты египетского пашу Али-бея. В августе 1772 г. к А. Г. Орлову прибыл в качестве посла от Али-бея Зюльфагар-бей. Плещеев получил разрешение Орлова сопровождать Зюльфагар-бея, грузина по происхождению, в обратный путь. С Плещеевым отправились ротмистр Клингенау и терский казак Осип Париаманов.

Путь от Пароса до Акры продолжался семь дней. Али-бей в то время осаждал Яффу вместе со своим союзником Шех Дахир Омером. Плещеев дает подробное описание Акры (Акки).

«...Я не преминул делать примечания и осведомляться о всем надлежащем, для познания их обстоятельств градодержания и Коммерции так, как и о прочих установлениях сего места...»[62].

В Акре, отмечает Плещеев, 15 тыс. жителей, это резиденция Шех Дахир Омера, владетеля Акры, Сайды, Сира и Хайфы, со множеством деревень, «с коих он доходы свои получает, собирая с каждого оброк, по изобилию и положению места. Иные приносят ему половину всякого приплода, другие только четвертую, или восьмую долю онаго приплода. Он отдает в наем до малейшей вещи, сбирая большие деньги за позволение продажи *виноградного вина и водки,* употребление бань и прочих надобностей так, что подданные его не

---

[60] Там же, стр. 95.

[61] «Дневные записки путешествия из архипелагскаго, России принадлежащего острова Пароса, в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся, с краткой историей Алибеевых завоеваний», СПб., 1773. Позже, в 1776 г., Плещеев представил в гидрографический департамент записку под названием «Известия о турецком флоте» (см. «Записки Гидрографического департамента», 1849, ч. VII, стр. 251) (далее — «Дневные записки»).

Перу Плещеева, впоследствии генерала, принадлежат и другие работы, в частности «Обозрение Российския империи в нынешнем ея новоустроенном состоянии», СПб., 1786. Плещеев был другом Н. И. Новикова, продолжателем начинаний Ломоносова в области географии (см. «Отечественные экономгеографы XVIII—XX вв.», М., 1957, стр. 99—103).

[62] «Дневные записки», стр. 12.

могут пользоваться ничем, не заплатя ему требуемых для откупу денег, чрез что все продается неумеренно дорого»[63].

Владетель Акры, как отмечал Плещеев, располагал войском в 12 тыс. человек и несколькими военными кораблями.

Плещеев дает подробный чертеж и описание бухты Хайфы, глубину которой он измерил, а также берега от Хайфы до Яффы.

В лагере под Яффой Плещеев был принят Али-беем и Шех Дахир Омером, осмотрел войска. Плещеев и Клигенау приняли участие в военных действиях, во время которых последний был убит. Плещеев отмечает наличие в войсках Али-бея сотен невольников из Грузии, черкесов, украинцев, абазинцев и калмыков, взятых в плен крымскими татарами.

После подписания в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского договора, 18 сентября 1774 г. в Стамбул из Архипелага была отправлена русская эскадра в составе четырех кораблей под командованием бригадира И. А. Борисова «для изведывания свободного проезда в Черное море через Дарданеллы и Босфор».

Сопровождавший Борисова инженерный офицер барон фон дер Пален вел «Журнал путешествия в Константинополь», в котором он описывал посещенные им места[64].

«Журнал путешествия в Константинополь» имеет значение для истории изучения русскими Ближнего Востока уже по одному тому, что автор тщательно снял планы Трои и Константинополя и тем внес новые сведения в русские исследования этих мест.

Следует отметить книгу Ф. А. Эмина «Краткое описание Оттоманской Порты».

Эмин, родившийся в Польше в 1735 г., в молодые годы попал в Турцию, несколько лет прослужил в янычарском корпусе. Из Турции ему удалось уехать в Лондон, где он явился к русскому консулу, крестился и в 1761 г. приехал в Петербург. Здесь он поступил на службу в сухопутный шляхетский кадетский корпус[65].

Ф. А. Эмин написал в России несколько сатирических произведений, романов с приключениями (первые русские авантюрно-приключенческие и нравоучительные романы). Его описание Оттоманской Порты привлекло внимание, так как написано человеком, побывавшим в ряде районов Осман-

---

[63] Там же, стр. 17, 18.

[64] «Отечественные записки», 1823, № 38.

[65] См. Н. Новиков, *Опыт исторического словаря о российских писателях в С.-Петербурге 1772 года,* — «Материалы для истории руской литературы», изд. П. А. Ефремова, СПб., 1867, стр. 123, 124.

ской империи — Турции, Египте, возможно и в Алжире и Тунисе. Он сообщает ряд сведений географического и исторического порядка, касается происхождения и сущности мусульманской религии, быта, вооруженных сил[66].

Представляет интерес и «Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет. 1766—1776 гг.»[67].

В мае 1766 г. Игнатий из Курска отправился через Киев, Запорожскую сечь и Очаков в Стамбул, куда он прибыл в июне 1767 г. Там он прожил три недели.

В конце июля Игнатий приехал на Афон, где его и застала русско-турецкая война. Во время своего девятилетнего пребывания на Афоне он посетил Египет, Акру и Иерусалим, а также стоянку русского флота у Пароса. На родину он вернулся в августе 1776. Находясь в Саровской пустыне, Игнатий описал свое путешествие.

Царьград, пишет Игнатий, «построен на седми холмах и стоит обон пол залива Халкидонского. И когда вступил в него, удивился красоте и великолепию его. Какая же удобна кораблями пристань, ибо приходящим кораблям со всех Белого и Черного моря...

Жилья в Цареграде построены каменны в четыре и пять покоев, улицы весьма узкие, что никак в карете можно ехать и так они более на верховых лошадях проезжают... Обыватели цареградские не имеют нужды видеть в доме своем постою, ибо для военных людей построен в Цареграде дом превеличайший в пять покоев, который вмещает более двадцати тысяч янычар... Реки в Цареграде никакой нет, а довольствуются всем жительством от Живоносного источника, проведены трубы по всему Царюграду и у всякого дома винт и так оной водой довольствуется».

Плывя из Царьграда в Афон, отмечает Игнатий, «Константинопольским проливом, и когда миновали Дарданеллы, где у турок построены великие крепости и пушки стоят в четыре и пять рядов, где я немало подивился».

Игнатий описывает Афонскую гору: «Лежит в земле македонской, яко остров в море, окружена водой, привязана к матерой земле с одной стороны в Македонии высотой; и в длину исчисляют на сто поприщь в ширину двадесять,

---

[66] Мы пользовались изданием 1828 г. под названием «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», М., 1828.

[67] «Описание путешествия Отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую землю и Египет. 1766—1776 гг.», под ред. Б. Хитрово, — «Православный палестинский сборник», т. XII, вып. 3, СПб., 1891.

изобилующая всякими овощами, а паче виноградом и лес по всей горе непроходимый.

Какова же роду деревья состоят, при сем объявить имею, любезный читателю, а именно неплодовитые: кипарис, кедр, певга, ария, на котором дереве лист зелен на всю зиму, как на крушкие, сие дерево красное, положишь в воду, сделается красное, дуб, ель, сосна и прочия. Плодовитыя деревья, каштан, дерево плод имеют подобие жолудка дубового, вкус приятный, смоквы, ягода приятна; дерево Португальня, плод на нем подобен большому яблоку, вкус пресладкий... а паче всех дерев виноград, из которого делают вино и ром и продают».

О Египте он пишет: «Град Египет (Каир) такой великий, что вдвое более Царяграда и, сказывают, одних мечетей арабских более 20 тысяч. О многолюдстве его весьма удивился. Зимы там не бывает, и зной весьма велик...

Еще же примечанию достойно, когда Нил-река разливается, а потом убывает, засевают хлеба и бывает великое хлебородие, а егда бывает средняя прибыль Нила реки, тогда и хлебородие уменьшается. Поспевает хлеб в феврале месяце, где у нас состоит самое зимнее время».

В 1789 г. были изданы неизвестным автором «Цареградские письма», написанные, по-видимому, в 1787—1789 гг. человеком, хорошо знавшим Турцию (возможно, уже упоминавшимся Левашовым) [68].

Книга содержит 14 глав (писем): 1) о различии древних и нынешних турков; 2) о лучших зданиях в Царьграде, гостиных дворах и пр.; 3) о серале, или хареме, т. е. женохранилище; 4) о предместьях или окрестностях Царьграда; 5) об обхождении турков с послами и министрами чужестранными; 6) о любовных ухищрениях турков и турчанок; 7) о вспыльчивости турков и странном примере оной 8) о Дарданеллах, проливах и пр.; 9) об образе жизни турков; 10) о царедворцах и ближайших султанских служителях; 11) о султанах и их важных делах; 12) о законе, языке и местах, обитаемых подвластными Турецкой Державе народами; 13) об избрании патриарха и о нынешнем состоянии греческой церкви; 14) о торжествах греков, предрассудках, дани и пр. Один перечень затронутых вопросов привлекает внимание своим разнообразием.

---

[68] «Цареградския письма о древних и нынешних Турках и о состоянии их войск, и Цареграде и всех окрестностях онаго...», СПб., 1789, на стр. 362 упоминается и о начале военных действий Турции против России 10 октября 1787 г.

В первой главе автор отметил состояние военных сил. «Доходы Султанские весьма посредственны в разсуждении обширности его земель, и что принадлежит до числа войска, то вместо милиона, ни четырех сот тысяч в поле никогда не было выводимо в самое цветущее состояние Порты, да и в доброте войско ныне совсем уж не то, каково оное прежде бывало, и притом весьма своевольно и беспорядочно...»[69].

Вторая глава посвящена Царьграду. «Но сколь приятен и великолепен сей город снаружи взору представляется, так внутренность онаго нимало не соответствует его внешности, потому, что улицы весьма тесны и домы самые простые и по большей части мазанковые... Великолепнейшие тут здания суть *мечети*...»[70].

Глава третья рассказывает о султанском серале. «Сказывают, что сверьх сорока тысяч свежих и соленых быков, расходящихся там ежегодно, подрядчики должны ставить на каждый день по 200 баранов, по 100 ягнят, по 10 телят, по 200 куриц, по 200 пар цыплят, по 100 пар голубей, по 50 гусей и по стольку же индеек»[71].

О Стамбуле автор пишет: «Судя о красоте места города, можно сказать, что оное есть *земной рай;* но естьли взять в разсуждение случающееся там в каждое лето *моровое поветрие,* частые и ужасные пожары, варварство Турков в разсуждении Християн, безпрестанную опасность от бунтов, то конечно город сей уподобляется более *аду,* нежели раю...»[72].

Не лишены интереса рассуждения автора в отношении правосудия.

«Поелику же суд во всей Турецкой земле непредполагает в разсуждении полнаго самовластия Султанского никакой точно правоты, и мог бы чрез то легко ослабить свою силу и взволновать всюду народ, то правление изобрело тут средство содержать оной купно и в трепете и удовольствии, что будто единое токмо зло наказуется и сие средство состоит: 1) в совершенной противоположности выгод черни и вельмож, и допущении последним высасывать дотоле из нее кровь, пока нестерпимая боль неразпространится на все общество, в которое время удовлетворяется негодование его смертию сих пиявиц и отписанием в казну их имений; 2) в строгой и повсеместной расправе со стороны тех предметов, кои менее важны для двора, нежели для народа, а особливо в точном наблюдении предписаний законом меры и весу, за

[69] Там же, стр. 10, 11.
[70] Там же, стр. 13, 14.
[71] Там же, стр. 27, 28.
[72] Там же, стр. 42.

нарушение чего никто не избегает тяжкого телесного наказания, которое имеет столь спасительное действие, что можно за товаром, коего цена и доброта известна, и за всякими съестными припасами, посылать... пятилетнего ребенка...»[73].

В главе двенадцатой «О законе, языке и местах, обитаемых подвластными Турецкой Державе народами» автор перечислил подвластные Османской империи территории и языки, на которых говорят многочисленные покоренные народы: «Толикое множество земель, коль ни великую испытало перемену, чрез опустошение самых цветущих селений, прехождение и изгнание обитавших в оных народов с оной страны в другую, и иные подобные случаи; но не произвело в Законе и языках той великой превратности, какой бы ожидать должно»[74].

Говоря о литературе 80-х годов XVIII в., нельзя не упомянить о «несчастных приключениях Василия Баранщикова...»[75]. Попав по торговым делам в Копенгаген, Баранщиков в пьяном виде очутился в руках вербовщиков, которые сдали его на какой-то корабль. В июне 1781 г. он был привезен на остров Святого Фомы (Малые Антильские острова), именуемый им Санк-Томас. Здесь Баранщиков служил солдатом, но вскоре его променяли и отправили «на остров Гишпанского владения Порторико», где он пробыл полтора года в «черной работе» при кухне Гишпанского генерала. Отпущенный на свободу, Баранщиков по дороге в Геную попал в руки тунисских корсаров. Его обратили в мусульманство, и достался он капитану Магомету, который отвез его к себе в Вифлеем и сделал своим «кофишенком».

При первой попытке к бегству Баранщиков был пойман и «больно бит шамшитового дерева по пятам палками и не мог ходить более месяца, но ползал».

Вторая попытка оказалась удачной. Из Вифлеема Баранщиков попал в Яффу, побывал в Иерусалиме, вернулся обратно в Яффу и, нанявшись матросом на корабль, через Венецию приплыл в Стамбул. Здесь он был женат на турчанках. Обманув бдительность тестя и двух жен, выбрался из Стамбула, странствовал по Болгарии, был у некрасовцев и через Валахию и Польшу вернулся в Нижний Новгород после восьмилетнего отсутствия.

---

[73] Там же, стр. 127, 128.

[74] Там же, стр. 365, 366.

[75] «Нещастные приключения Василия Баранщикова мещанина Нижняго Новогорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год», СПб., 1787.

Изучая записки Баранщикова, нельзя не согласиться с С. А. Венгеровым, который писал: «Трудно предположить, чтобы „несчастные приключения" всецело вышли из-под пера Баранщикова... наблюдения невольного путешественника не идут далее того, чтó едят на острове „Санкто-Томас" и что пьют в Палестине и тому подобных вещей, но все-таки в книге встречаются словечки и сведения, видимо вставленные каким-нибудь более образованным человеком. Тоже надо думать, что не Баранщикову одному принадлежит довольно систематическое описание турецкой жизни, приложенное к 3 изданию» [76].

Н. С. Лесков называет Баранщикова вдохновенным бродягою, книжку его шантажной, отмечая вместе с тем наличие описания быта чужих стран [77].

С этими замечаниями Венгерова и Лескова, конечно, надо согласиться.

Необходимо остановиться на «Путешествии во Иерусалим Саровския Общежительные Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году» [78].

Мелетий отправился 10 августа 1793 г. из Москвы в Таганрог и оттуда морем 4 сентября выехал в Стамбул. На корабле среди прочих пассажиров находилось 15 бухарцев, ехавших на поклонение в Мекку. В «Путешествии...» мы находим описания устья Босфора: «Оба онаго берега представляют веселое зрелище гор, долин и равнин, покрытых различным лесом, одетых зеленостию и испещренными цветами, с протекающими источниками...» [79]. Мелетий отмечает неприязненное отношение турок к русским: «...*Турки*, признавая нас за *Россиян,* взирали на нас свирепо; и потихоньку побранивали... Зато, естественно, по-иному относились к нам единоверцы» (очевидно, греки). «Некие посещавшие нас единоверцы много благодарили Бога, благославляющего *Россию.* Ибо-де как вода, говорили они, угашает огнь, так *Россияние* Турецкую ярость; в противном случае Христиане в *Турции* и *Греции* пропали бы» [80].

Мелетий был свидетелем въезда в Стамбул посольства М. И. Кутузова. Мелетий отметил, что турецкие власти были настроены настолько недружелюбно к русским, что запретили «подданным своим» смотреть на церемонию въезда.

[76] С. А. Венгеров, *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых,* т. II, СПб., 1891, стр. 123.

[77] Н. С. Лесков, Полное собрание сочинений, т. XII, 1897, стр. 247—269.

[78] «Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительные Пустыни Иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году» (вторым тиснением), М., 1800.

[79] Там же, стр. 9.

[80] Там же, стр. 12, 13.

Довольно подробно описав город, Мелетий пришел к такому выводу: «Впрочем Константинополя местоположение хотя и почитается лучшим в свете, но все великолепия онаго помрачает внутренность, по причине скатистых неровных, кривых и тесных улиц и бродящих повсюду псов; некоторые же внизу улицы ради нечистоты и дурнаго запаху едва пройти можно» [81].

Он указал, что вблизи ипподрома (Ак Мейдан) дома «находятся под землей, где древле было водосбиралище, выстроенные домы с мечетями и улицы. Живущие тамо определены устраивать и мотать шелк» [82].

Описал Мелетий и торжище пленных, «где обоего полу арапы черные, грузины и другие из разных мест привозимые люди продаются».

Рассказал Мелетий о ряде островов, в частности о Крите, который «изобилует всякими древесными плодами, растущими в теплых климатах, виноградом, винами белыми и красными, деревянным маслом, хвалится своей пшеницей и хлебами из оной; много раждает хлопчатой бумаги, из коей делаются белые бязы и всякие выбойки; Кипрское мыло небольшими печатками привозят даже и в *Россию*. Недра гор наполнены минералами и красками. Скотоводство овец изрядное... Но жителей в нем против прежняго ныне весьма мало, менее ста тысяч. Все прочие, как слышно, ради тяжких податей и налогов, коими остров сей пред другими местами облагается, разошлись по иным странам. Да и находящиеся теперь низскаго состояния люди весьма бедны и достойны сожаления. Неусыпные труды их поядает Турецкая дань, и налоги. Многие из них по монастырям и Метохам работают почти из хлеба и просят у приходящих поклонников милостыню» [83].

В начале декабря 1793 г. Мелетий прибыл в Палестину. Здесь он обратил внимание на отношения между многочисленными национальностями, на распри, ссоры между духовенством различных христианских исповеданий.

Отметил Мелетий большой наплыв православных паломников в Иерусалим; по его подсчетам, за время его пребывания их побывало 5 тыс.

Бытовые наблюдения, сведения о торговле, ремеслах, на наш взгляд, представляют значительный интерес. Что же касается описаний святых мест, то они, бесспорно, компилятив-

---

[81] Там же, стр. 22.
[82] Там же.
[83] Там же, стр. 70, 71.

ны. На это в свое время обратил внимание Н. Г. Чернышевский: «Мелетий... описывает святые места довольно подробно; но его книга — компиляция из прежних путешествий, уже бывших известными русской публике»[84].

Мы считаем необходимым остановиться на путешествиях по Востоку польского магната и украинского помещика, писателя, этнографа, историка и археолога графа Яна Потоцкого, почетного члена Петербургской Академии наук, который по праву может считаться не только польским, но и русским ученым.

В 1778—1779 гг. Потоцкий путешествовал по Италии, Сицилии, побывал на Мальте, в Испании, Тунисе, Марокко, Греции. В 1784 г. из Миргорода через Херсон и Очаков Потоцкий морем отправился в Стамбул, затем побывал в Египте, а в 1791 г. снова совершил путешествие в Марокко. Результатом этих путешествий были две книги, опубликованные им в Варшаве на французском языке, в крайне незначительном количестве экземпляров.

Первая книга[85] состоит из писем автора к его матери. В письме от 6 июня 1785 г. из Стамбула он рассказал о нравах и быте жителей этого города. Заслуживает внимания описание Каира. «Наше прибытие в Каир (23 августа 1785.— *Б. Д.*) не доставило приятного зрелища. Более месяца голод господствует в этом огромном городе. Он объясняется главным образом жадностью беев, экспортирующих зерно в наименее подходящий момент. Эта скверная операция тотчас же привела к увеличению цен на зерно в десять раз. Как только народ узнал об этом, он стал собираться в мечетях, проклинать господ и призывать небо ниспослать чуму, дабы прекратить все эти мучения. Улицы полны стариков, женщин, голых детей, изнуренных голодом, обезображенных чудовищной худобой. Одна женщина показала мне своего ребенка, умирающего от голода; много голодных, не могущих двигаться от истощения, опирающихся на стены...

Беи собирают для себя все доходы страны, ничего не посылая в Константинополь».

Очень детально описывал Потоцкий церемонию отправления каравана в Мекку. Потоцкий был свидетелем столкновения между двумя правившими беями — Ибрагимом и Мурадом, окончившегося победой последнего.

---

[84] Н. Г. Чернышевский, *Путешествия А. С. Норова,* Сочинения, М., 1949, т. II, стр. 518.

[85] «Voyage en Turquie et en Egypte, fait en l'année 1784 par Jean Potocki», second édition revue corrigé augmenté MDCCL XXXIX, Varsovie.

В 1791 г. Потоцкий совершил второе путешествие в Марокко, которому посвящена интересная книга [86], являющаяся ценным пособием по изучению жизни и быта Марокко в конце XVIII в.

В ней Потоцкий уделил много места географической характеристике посещенных им районов, экономике и политической обстановке.

«Марокканская империя представляет интерес в том отношении, что это единственный двор, сохранивший целиком арабские черты, без всякой примеси турецкого. Он в этом отношении представляется в более чистом виде, чем дворы имамов Маската и Санаа» [87].

* * *

Нам уже приходилось ранее [88] указывать на то огромное значение, которое играли в изучении Ближнего и Среднего Востока дипломатические донесения постоянных русских резидентов в Стамбуле, чрезвычайных послов, а также сообщения чиновников русских миссий и переводчиков. Во второй половине XVIII столетия Россия была представлена при султанском дворе такими блестящими дипломатами, как А. М. Обресков (1751—1768), князь Н. В. Репнин (1774—1776), Я. И. Булгаков (1761—1787), М. И. Голенищев-Кутузов (1792—1793).

В 1752 г. переводчик при русской миссии в Стамбуле Николай Буйдий [89], вернувшись в Петербург, составил «Краткое объявление о тогдашнем состоянии Оттоманской порты», в котором отметил крайнее разорение турецких провинций, особенно тех, что расположены на азиатских берегах. Разорение было результатом непомерных поборов правителей.

«В защищении убо такого тиранства, — писал Н. Буйдий, — народы тех провинций принуждены свои жилища и полевое земледелие оставить, из которых народов часть для своей обороны прибегла в главные провинциальные города, а часть из многих опустошенных деревень, собравшись в единое поселение, где хотя за недостатком землесеяния претерпевает глад, однакож все единодушно принявшись за оружия, противятся насилию порты Оттоманской и тем средством

---

[86] «Voyage dans l'Empire de Maroc fait en l'année 1791 par Jean Potocki», MDCCXCII, Varsovie.

[87] Ibid., p. 15.

[88] Б. М. Данциг, *Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.)*.

[89] Буйдий служил в Стамбуле в русской миссии при А. И. Неплюеве и его преемнике А. М. Обрескове.

освободились от денежных похитительных сборов и по своему произволению отдают Порте такие подати, какие сами похотят. Не токмо в большой Азии одна за другой приняли такое средство к непослушанию, но в меньшей Азии провинции уже следуют тому же примеру. Чего ради в коротком времени не токмо государственные доходы весьма убавились, но и все те народы вовсе лишились послушания и почтения к министерству и не иное чего ожидают, как токмо случая открыть явно свое непослушание» [90].

Еще молодым двадцатидвухлетним юношей А. М. Обресков, впоследствии один из крупнейших русских дипломатов, в 1740 г. по окончании шляхетского корпуса был назначен в чрезвычайное посольство А. И. Румянцева в Стамбул. Изучив турецкий и греческий языки, он в течение 10 лет оставался при резидентах А. А. Вишнякове и А. И. Неплюеве, не раз выполняя ответственные поручения. В 1750 г. Обресков вернулся в Россию, но уже в 1751 гг., после смерти А. И. Неплюева, был направлен в Константинополь в качестве поверенного в делах, а затем резидента. На этом посту он оставался до войны 1768—1777 гг. Обресков был по образованию военный, числился в армии секунд-майором, но в связи с назначением на пост поверенного в делах был переведен в гражданское ведомство с чином надворного советника [91].

Как было сказано, в начале войны Обресков был заключен в Семибашенный замок вместе со всем составом русской миссии после отказа принять грубейший турецкий ультиматум. Условия заключения Обрескова в Семибашенном замке были очень тяжелыми, однако и из замка Обрескову удавалось пересылать сообщения в Петербург, в которых он описывал положение страны. Он был освобожден лишь в 1771 г.

А. М. Обресков неуклонно боролся за разрешение черноморской проблемы, и когда Петр III в угоду Фридриху II решил заключить союз с Турцией против Австрии, то Обресков воздержался от выполнения его инструкции, что впоследствии было одобрено Екатериной II.

Обресков сыграл крупную роль в подготовке Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Он принял участие в переговорах в Фокшанах в качестве второго посла, а также в работе конгресса в Бухаресте. Хотя эти конгрессы не привели

---

[90] Цит. по ст.: А. С. Тверитинова, *К истории русско-турецких отношений в Елизаветинское время,* — «Советское востоковедение», т. VI, М.—Л., 1949, стр. 320; см. также Б. М. Данциг, *Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.),* стр. 24.

[91] Архив князя Воронцова, кн. VII, 1875, стр. 289.

к заключению мира с Турцией, но ряд зафиксированных уступок со стороны Турции, которых добился А. М. Обресков, нашел свое отражение в Кючук-Кайнарджийском договоре 1774 г.[92].

Одной из важнейших задач, ставившихся перед Обресковым, было заключение договора о торговом мореплавании. В рассматриваемый период этот вопрос имел весьма серьезное значение для России. Однако добиться заключения такого договора Обрескову не удалось.

В своей секретной реляции в Петербург от 8 апреля 1757 г. он писал по поводу трудностей, связанных с подписанием соглашения о мореплавании по Черному морю: «...понеже сие дело есть самокрайней нежности... но оная важность и нежность сего пункта только иначе усугубляется, когда примется в рассуждение предупреждение Порты против кораблеплавания всех наций в Черном море, которое предупреждение (т. е. предубеждение. — *Б. Д.*) превосходит все то, еже себе представить можно»[93].

В другой реляции (от 8 мая того же года) Обресков сообщает: «Однако же я сими трудностями в уныние не прихожу, но неусыпно стараюсь приобресть себе какую знатную особу... вспомогателем, хотя сие також не без великой трудности»[94].

В связи с открытием на Дону (Темерник) купеческой вольной компании для торговли с Турцией, которой по сенатскому указу от 17 февраля 1757 г. предоставлялись монопольные права, Обресков рекомендовал не ущемлять прав турецких купцов, поскольку это противоречит существующему с Турцией договору.

Обресков сообщал в государственную коммерц-коллегию свое мнение о предпринимаемых последней мерах по развитию русско-турецкой торговли и о посылке в Стамбул купца Алексея Антонова: «но сколько сие крайнее и похвалы предостойное старание мне удовольствия, то толикож искреннего сожаления доставило, видя, что оное в действо производится в такое время, что со здешней стороны не только взаимного споспешествования ожидать не можно...»[95].

---

[92] См. «Сборник императорского Русского исторического общества», СПб., 1885, т. 48, стр. 31—34; Е. И. Дружинина, *Русский дипломат А. М. Обресков*, — «Исторические записки», АН СССР, 1952, стр. 267, 268; Е. И. Дружинина, *Кючук-Кайнарджийский мир*, М., 1955.

[93] Цит. по: В. А. Уляницкий, *Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке*, М., 1883, Приложение 16.

[94] Там же, стр. II.

[95] Там же, стр. XII.

Хорошо зная обстановку в Турции, Обресков изложил главному командиру Новороссийской губернии Мельгунову свои соображения по поводу намерения коммерц-коллегии открыть купеческие конторы в Царьграде, Килии, Белгороде, Очакове и Яссах. Он указал, что «здешнее правление ни мало не печется о благосостоянии подданных и отнюдь не думает о распространении коммерции, но паче каждый начальник по сродной сей нации страсти к сребролюбию при каждом случае купечество пригнетает всякими вымышлениями, изнуряет и истощает, да по свойству правления здешнего инахово и быть не может, потому что чины даются на время и каждый, приобретший оной, старается каким бы то образом ни было наиболее покорыстоваться»[96].

А. М. Обресков представил особую записку (мнение)[97] «о распоряжениях, могущих послужить к порядочному и полезному производству коммерции с турецкою империею и другими областями в Архипелаге и по берегам Адриатического и Средиземнаго морей, лежащих чрез посредство Чернаго моря». В ней он предлагал послать в Стамбул на выучку в три крупных торговых дома (английский Георгия Аббота, саксонский Гипша и голландский Бормана) шесть молодых купеческих или мещанских детей «робят лет от пятнадцати до восемнадцати, по летам их умненьких, остреньких, видом показывающих добронравие и не весьма гнусное воспитание имеющих и послать их к помянутым трем комиссионерам с платою за них, как то все иностранные платят за содержание пристойнаго пенсиону, у которых они живучи, чрез вседневные примеры научатся добропорядочнаго поведения, иностранным языкам, а в конторах их исправление коммерции по всем правилам наблюдаемым между всеми Европейскими купцами; на что им времени довольно будет шести лет, по истечении которых сами домами и конторами управлять возмогут... одним словом, они заступят место иностранных комиссионеров...»[98].

Прекрасно изучив обстановку на месте, он в 1756 г. сообщил в Петербург о своем разговоре с переводчиком Порты по поводу преследования турками черногорцев: переводчик высказал свои наблюдения над современным положением Оттоманской империи, заметив, что лучший способ к ослаблению турок — это не подавать им повода к войне: «хотя бы война была для них несчастна, однако военный дух, кото-

---

[96] Там же, стр. XXIX.
[97] Там же, стр. 470.
[98] Там же, стр. 477.

рый служит основанием этой сильной империи, возбудится и придут Турки в прежнюю ярость и свирепство; тогда как, живя в настоящей тишине и безопасности, год от году ослабевают, потому что управление у них самое оплошное и слабое, нет ни порядка, ни надлежащего послушания... О Турции нельзя судить по европейским державам, которые обыкновенно в войне разоряются, а в мире оправляются и усиливаются; у Турок диаметрально противоположное: они в войне оживляются, а в мире ослабевают, потому что начало и основание их есть оружие; выпустя его из рук, они не знают, за что ухватиться, и бьются, как рыба на земле»[99]. С этими рассуждениями согласился и Обресков, ставивший своей задачей не допустить войны Турции с Россией в период семилетней войны (1756—1763). Турция же под давлением английской и прусской дипломатии всячески искала предлога для войны.

Сохранению Турцией нейтралитета во время семилетней войны немало способствовало принятое в Петербурге по совету Обрескова решение прекратить строительство крепости св. Елизаветы (будущий Елизаветград).

Прожив почти всю жизнь за границей, вдали от Родины, Обресков оставался глубоко русским человеком. В своих реляциях, написанных исключительно на русском языке, он дал широкую картину жизни Турции, положения ее населения, состояния вооруженных сил, финансов, положения национальных меньшинств.

Ценным источником для изучения внутриполитического положения Турции и русско-турецких отношений после окончания войны 1768—1774 гг. являются донесения князя Н. В. Репнина. Николай Васильевич Репнин был направлен в Турцию в качестве чрезвычайного и полномочного посла для окончательного улаживания дел с турками по проведению в жизнь Кючук-Кайнарджийского договора. В то время генерал-аншеф, а позже генерал-фельдмаршал, участник знаменитых боев под Ларгой, Рябой Могилой, Репнин непосредственно принимал участие в выработке условий этого договора.

Размен посольств князя Репнина и турецкого паши Абдул Керима, беглербея[100] Румелийского, произошел 2 июля 1775 г. под Хотином на р. Днестре на специально построенном судне.

---

[99] С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен,* СПб., изд. III, кн. 5, стр. 959.

[100] Беглербей, беглер бег, бейлер бей — титул некоторых наместников турецких провинций.

Из Хотина русское посольство, в составе которого насчитывалось около 700 человек вместе с охраной, прибыло в Стамбул (через Молдавию, Валахию, Болгарию и Румелию) 30 октября 1775 г.

До нас дошло описание путешествия русского посольства, в котором рассказывается, «какие встречи и почести ему, Послу, деланы были в знатных городах и местечках, на том пути его лежавших, и каким образом он, Посол, в те города и в реченную Турецкую столицу въезд свой имел, а потом на визите у Верховного визиря и на аудиенции у султана был» [101].

Описание дает много любопытных материалов, касающихся сложного церемониала встречи послов, размена посольств, приемов, обедов, но весьма бедно сведениями географического, экономического и бытового характера. Лишь изредка встречаются подобные записи.

Опубликованные письма и реляции Н. В. Репнина характеризуют обстановку в стране, попытки Порты изменить некоторые статьи Кючук-Кайнарджийского договора, в частности касающиеся Крыма.

Первоочередной задачей внешней политики России после первой войны с Турцией было утверждение в Северном Причерноморье, свободное плавание по Черному морю, укрепление позиций на Кавказе. В 1783 г. произошло окончательное включение Крыма в состав России, что в конечном счете и привело ко второй войне между Россией и Турцией.

После подписания Кючук-Кайнарджийского договора в Турции в качестве поверенного в делах был полковник Христофор Иванович Петерсон [102]. Его донесения графу П. А. Румянцеву-Задунайскому и журнал, который он вел, будучи приставом при турецких послах во время заключения договора, представляют значительный интерес [103].

Петерсона сменил А. Стахиев, который пробыл в Константинополе с 12 февраля 1776 г. до 9 декабря 1779 г. Это были годы, когда турецкое правительство всячески тормозило выполнение Кючук-Кайнарджийского договора. Именно Стахиев добился разрешения свободного плавания русских судов по Черному морю и много содействовал подготовке

---

[101] «Российское посольство в Константинополе 1776 года», СПб., 1777.

[102] «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских», 1865, кн. 2. Из архива Румянцева-Задунайского, ч. II, отд. 2, Задунайского.

[103] «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских», 1865, кн. 2. Из архива Румянцева-Задунайского, ч. II, отд. 2, стр. 314—330.

присоединения Крыма к России. Он подписал 21 марта 1779 г. в султанском дворце Айнайлы-Кавак в Стамбуле русско-турецкую конвенцию, явившуюся дальнейшим развитием Кючук-Кайнарджийского договора.

Стахиев систематически посылал в Петербург сведения о внутриполитическом положении страны.

В своих донесениях он обращает внимание на многие происходившие в те годы события в Турции. Так, он информирует о столкновениях на границах Курдистана, происшедших между турками и персами, в результате которых турки понесли поражение, о вспыхнувшей в Стамбуле эпидемии «моровой язвы» и эпизоотии, отразившейся на торговле мясом. Свирепствовавшая в 1778 г. эпидемия чумы была подлинным народным бедствием. Ежедневно умирало в Константинополе до полутора тысяч человек, а всего, по подсчетам Стахиева, чума унесла более 250 тыс. человек. Весьма многочисленные донесения Стахиева о возмущениях бунтах в Каире, о междоусобной борьбе в Албании, Румелии свидетельствуют о глубоком знании им политической обстановки в Турции. Стахиев в 1785 г. по предложению княгини Е. Р. Дашковой был избран членом Российской академии. В течение примерно двух лет он секретарь Вольно-экономического общества.

В 1781 г. Стахиева сменил Я. И. Булгаков, неплохо знакомый ранее с турецкими делами (он сопровождал князя Репнина в качестве маршала посольства). На посту посланника он пробыл до конца 1787 г. (когда был посажен турками в Семибашенный замок, где находился до 24 октября 1789 г.).

Одной из важнейших заслуг Булгакова было подписание с Турцией в 1783 г. торгового трактата и подписание в том же году акта о согласии Турции на присоединение к России Крыма (провозглашенного манифестом Екатерины 19 апреля 1783 г.).

Оценивая деятельность Булгакова, Потемкин писал: «Ваша (Булгакова.— *Б. Д.*) твердость, деятельность и ум отвратили войну. Турки были бы побеждены, но русская кровь также бы потекла».

Дипломатические донесения Булгакова содержат много ценного материала, характеризующего внутриполитическое положение Турции. Особого внимания заслуживают его многочисленные записки (журналы) [104].

---

[104] См. Н. Дубровин, *Присоединение Крыма к России,* СПб., 1899, т. IV, стр. 180 и сл.

В журнале «Константинопольских происшествий и новизн» за ноябрь 1781 г. он сообщает о «замешательствах» в Аравии: «По всему городу слух разнесся, что мединские старшины выгнали из Медины всех Портою Оттоманскою определенных начальников и, выбрав между собой предводителей, возмутили арабов напасть на караван, имеющий возвратиться из Мекки... Замешательства и действительно там не малы. Причина оным есть следующая: бывший во время Али-бея мекским шерлером, Абдулаг, опасаясь нынешнего шерифа Месуда, бежал в Константинополь. Порта, не имея способа укрощать в той стране бунтовщиков, обыкновенно признает того законным шерлером, который усилясь прежнего выгонит, хотя бы он в свое время равномерным образом и признан был; вследствие сей системы признала она помянутого Месуда...

Абдулаг... прибегнул к одному весьма сильному поколению арабов, называемому Ваим. Возмутя же его и набрав многочисленное скопище из всяких тамошних бродяг, намерен добиваться до шерифства»[105].

В начале января 1782 г. Булгаков отправил в Петербург копию ставшего ему известным через константинопольского патриарха султанского указа — хатти шериф, который запрещал дважды взимать один и тот же налог. Однако, сообщает Булгаков, этот фирман постоянно нарушался, «но бедные подданные отчаяны в жизни своей от беспрерывных обид, грабительств и мучений, с одной стороны от губернаторов, а с другой — в отсутствие их, от муселлимов, старшин и других начальников, и что в Виддине и Никополе от находящихся подданных берут вдвое и более сверх определенной подати...»[106].

Булгаков доносил, что указ издан с целью прекращения волнений, но «несмотря на добрые намерения государя, все обращается во вред, то и сей указ вместо пользы принесет только вящее разорение жителям... вся польза для бедных жителей в том только замыкается, что ежели найдут они случай принести просьбу на своих начальников, могут сослаться на указ, запрещающий их угнетать; в силу которого начальник, когда уже набогатился, лишается места, имения, а часто головы; но обиженный кроме удовольствия мщения... иной пользы не получает».

Подобные высказывания Булгакова свидетельствуют о прекрасном знании им истинного состояния дел в Турции и о тонком понимании происходящих событий.

---

[105] Там же, стр. 358

[106] Там же, стр. 376.

Сообщает Булгаков о междоусобицах в отдельных частях империи (Паяс, Айдын, Диярбакыр, Сивас, Эрзрум). Характеризуя финансовое положение в марте 1782 г., он писал: «За недостатком в казне денег на раздачу жалованья на приближающуюся четверть года здешним военным людям, казначей старается продать харачную подать на будущий 1197 год, хотя еще и трех месяцев не прошло 1196 года. Несмотря на все сие, султан, предавшийся сластолюбию, издерживает великие суммы на сераль, делая вместо серебряной золотую столовую посуду и множество уборов из драгоценных каменьев» [107].

Характеризуя султана (речь идет об Абдул Хамиде), Булгаков отмечает: «В народе негодуют на султана, видя его слабости и почитая неспособным к правлению...» [108] «Султана беспрестанно по домам знатных турок поносят, называя его человеком вдавшимся в сладострастия и к правлению неспособным» [109].

В его записях мы находим характеристику роли духовенства: «...здесь, как и во всем востоке, в старину духовенство забрало в свои руки должности попов, судей и лекарей, дабы управлять жизнию, именем и совестью всех людей» [110].

Булгаков отмечает, что в Турции широко распространено взяточничество. Рассказывает о попытке борьбы с ним. Так, один сановник был выслан за то, что он «корыстовался взятками с посылаемых в разные места по разным комиссиям мубаширов». Булгаков иронизирует: «Причина, по которой бы Константинополь мог в степь превратиться, ежели б по сей справедливости разобрано было поведение каждого чиновника и обывателя» [111].

Империя бедна, бессильна и оподлена, писал Я. И. Булгаков Екатерине II 12 сентября 1782 г. [112].

Даже из этих немногочисленных высказываний Булгакова можно судить о широте освещения им происходивших в Турции событий.

Находясь в заключении, Булгаков перевел на русский язык многотомное сочинение аббата Деля Порта, позже напечатанное в Петербурге под заглавием «Всемирный путешественник». Несмотря на строгость надзора, Булгаков находил

[107] Там же, стр. 414, 415.
[108] Там же, стр. 566.
[109] Там же, стр. 788.
[110] Там же, стр. 887.
[111] Там же, стр. 915.
[112] См. «Сборник Императорского Русского исторического общества», т. 47, СПб., 1885, стр. 40.

пути отправлять письма Потемкину, канцлеру Безбородко и Екатерине II, осведомляя их о положении Турции.

Вторая русско-турецкая война 1787—1791 гг. закончилась подписанием Ясского мирного договора, решившего жизненно важные для России вопросы безопасности южных границ и обеспечившего свободу русской черноморской торговли.

Для разрешения на месте ряда важнейших вопросов, вытекавших из Ясского договора, в Турцию в качестве чрезвычайного посла был направлен Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Это была не первая его дипломатическая миссия.

«Кутузов искусно разрешил в пользу России ряд важнейших вопросов, вытекавших из Ясского мирного договора, кроме того он добился ограничения враждебного России влияния Англии и Франции на внешнюю политику Турции и одновременно способствовал усилению влияния и авторитета русской державы. Будучи в Турции, Кутузов тщательно изучал ее экономическое и политическое положение и его донесения свидетельствуют о глубоком знании им этой страны» [113].

В рескрипте на имя М. И. Кутузова Екатерина II писала 17 февраля 1793 г.: «В определении Вас к торжественному в Константинополе посольству... имели мы и то уважение, что Вы по искусству Вашему в ремесле военном не упустите сделать все те наблюдения, кои в свое время для нас полезны и нужны быть могут о положении мест, о дорогах, о населениях, укреплениях, расположении войск, запасах военных и о всем к воинской части сухопутной и морской принадлежащем. Для сего в самой свите Вашей положены члены инженерного, генерального штаба и морского департамента».

Об этом посольстве до нас дошло несколько описаний, а также материалов, принадлежащих перу М. И. Кутузова. В первую очередь отметим «Подробное описание пути чрезвычайного и полномочного российского императорского посольства, после Ясского мира, от Рущука через Шумлу в Константинополь, в 1793 г.» [114].

Дорога от Рущука до Константинополя была весьма внимательно изучена. Спустя сто лет проф. Осокин писал: «Мы старались тщательно проверить названия мест, указанных в рукописи, по последним подробным картам Балканского полуострова... и только в двух-трех местах заметили необходимость исправлений».

---

[113] М. И. Кутузов, Документы, т. I под ред. Л. Бескровного, М., 1950, Введение, стр. XI.

[114] «Русская старина», СПб., 1878, стр. 103—124.

В работе имеются сведения о 24 переходах, отмечаются расстояния между населенными пунктами, указывается возможность удовлетворения войск хлебом, фуражом, скотом и водой.

Опытный наблюдатель М. И. Кутузов уже в дороге пришел к твердому убеждению, что в ближайшее время Турция не в состоянии вести новую войну с Россией и не собирается этого делать. Он не соглашается с оценкой положения, данной поверенным в делах А. С. Хвостовым, опасавшимся открытия турками военных действий; 21 августа 1793 г. Кутузов пишет Екатерине II: «Удален еще будучи от столицы Оттоманской, не могу утверждать, ниже отрицать справедливость сих слухов... но переправясь через Дунай и миновав уже Разгард, не примечаю я, имея все на то способы, ни малейшего в народе беспокойства, напротив, теплое желание к миру. Строение некоторых магазейнов, каковое я видел в Рущуке, для складки впредь провиянта, не есть непременным знаком скоро быть имеющей войны; строение Бендер и Измаила не скоро дойдет до оборонительного состояния и сего одного довольно кажется, чтобы удержать Порту» [115].

Прибыв в Константинополь 26 сентября 1793 г.), М. И. Кутузов сообщил Екатерине II свои первые впечатления о турецкой армии, внутреннем положении страны, о реформах султана Селима III: «По поводу вводимых здесь в войсках новых учреждений начинают все благоразумные о успехах сомневаться. Министерство принялось было с начала за оные весьма ревностно, но горячесть его ныне умаляется. По артиллерии положено содержать пять тысяч человек, набрано около тысячи и сие число не умножается, ибо на место вновь записывающихся столько же разбегается. Корпусы бомбардиров, минеров... в большом числе состоящие, содержаться могут удобнее, ибо им положены тимары или земли во владение. Бостанжиев, обучающихся регулярной тактике, находится числом до 500 человек, а предполагают их иметь на первый случай только до 2000... Сии новости, еще столь малоуспевшие, производят, однако же, не малый ропот в старом корпусе янычар, из которых еще ни один в новые войска не записался, несмотря на все прельщения, от Порты делаемые» [116].

Далее М. И. Кутузов отмечает: «Сколь незначущие успехи в удобрении войск, столь напротив внимания достойно попечение Порты о собрании казны всякими образами.

---

[115] Там же, стр. 226.
[116] Там же, стр. 237.

Все монополии в руках правительства, одно продовольствие столицы хлебом приносит, сказывают, ежедневно двадцать тысяч пиастров, все маликьяне[117] отняты, и люди, ими пользующиеся, приведены в нищету: легко себе представить можно, сколько таковые операции должны произвести ропоту»[118].

Все это писалось за много лет до бунта, в результате которого Селим III был свергнут. Одной из причин бунта были дополнительные налоги, введенные султаном.

В том же донесении М. И. Кутузов сообщает о мероприятиях по строительству крепостей, подчеркивая: «но всего более заботится Порта укреплением рейда Чингане Килесы. Сие место на Черном море, неподалеку от пролива Константинопольского на Румельском берегу, расстоянием от столицы около пятидесяти верст, оно удобно для десанту. Всему буду иметь верные чертежи и с промерами...».

Анализируя положение армии и флота, внутреннее положение страны (мятежи, расстройство финансов), М. И. Кутузов вновь приходит к убеждению, что несмотря на производившиеся Турцией военные приготовления и возникшие слухи о новой войне с Россией, Турция к войне не готова. Он писал А. В. Суворову 5 января 1794 г.: «Господин генеральный консул Северин доносит мне, что он уведомил Ваше сиятельство, будто бы Порта намерена через три месяца объявить России войну. Я должностью служения своего поставляю предупредить Вас, милостивого государя, что по примечаниям моим не полагаю я разрыв с нами столь близок... Везде развалившиеся ее крепости не приведены в совершенно оборонительное состояние, флот ее еще не силен; предпринятые перемены в денежной части не достигли надлежащей зрелости, а пуще всего внутренность расстроена, везде почти непослушание, во многих местах мятежи, часть Аравии, Большая Румелия и окрестности Требизонда довольно занимают непокорностью своею Порту. Все сии причины должны воздержать ее, судя по здравому рассудку, от всякой токмо для нее пагубной крайности»[119].

О том же пишет он и Н. С. Мордвинову: «Колеблемая внутренними мятежами, не снабдясь еще достаточным числом казны, не починив совершенно пограничные крепости, не усилив свой флот... имея дороговизну в столице, полагаю по всем

---

[117] Маликьяне — право взимания налогов с крестьян; оно предоставлялось пожизненно и передавалось по наследству. Также — имение; здесь, очевидно, идет речь о праве взимания налогов.

[118] Там же, стр. 237.

[119] Там же, стр. 289, 290.

упомянутым причинам, что Порта не решится на скорый разрыв»[120].

Письма и донесения М. И. Кутузова не лишены поэтической жилки и художественного вкуса. Вот, например, что он пишет о Константинополе жене своей Е. И. Кутузовой 4 октября 1793 г.: «Константинополь вот что: видя турецкие города, между протчим и Адриянополь, подумаешь иметь воображение об Константинополе; но ошибешься. Здесь строят, особливо в Фанаре и Пере, так мудрено и смешно, что превосходит воображение. Улицы шириною с лосолев кабинет. Домы превысокие, множество окон, и балконы сходятся в верхних етажах вместе. Над моим домом есть бельведер. Взойдешь на него и увидишь все положение Константинополя: сераль, гавань превеликая, покрытая беспрестанно судами и лодками, которых, конечно, всякое время глазами увидишь тысячу, Константинополь с прекрасной Софией, Сулимание, Фонари, Галета, Пера, прекрасной пролив Константинопольской, называемый древними Босфор Фракийской; за ним предместье Скутари в Азии: в нем 200 000 жителей... и множество других мест, — все это видно вокруг. Сии чудеса увидя, не рассмеешься, а заплачешь от чувства нежности»[121].

Описывая жене обед у капудан-паши Кючук-Хюссейна, М. И. Кутузов пишет: «что бы тебе дать об великолепии азиацком понятие, надобно сказать об обеде капитан-паши: он молодой человек, фаворит султанской, женат на его сестре, великолепен, мот, три миллиона (пиастров) должен; учтив и любезен. Мебель и платье на людях все новое было, слуг до тысячи в парче, ковры малиновые, бархатные, золотом шитые, софы с жемчугом; на ближних слугах очень много бриллиантов. Между многих забав был жирит, то есть скачка на лошадях. Все лошади его конюшни, которая, конечно, первая в свете»[122].

В реляции Екатерине II от 20 декабря 1793 г. Кутузов сообщает о возникших в различных местах империи мятежах: «Неприятные известия, полученные с разных сторон о внутреннем беспокойствах, затрудняют наиболее и препятствуют утвердить какое-либо мнение по делу тарифа. Мятущийся в Аравии Абдул-Вегаб усиливается от часу более, и стращается уже, чтобы некоторые недовольные из египецких беев не признали его калифом и не подали пагубного приме-

---

[120] Там же, стр. 291.
[121] Там же, стр. 231, 232.
[122] Там же, стр. 270.

ра державам барбаресским. Магмуд-паша скутарский разбил наголову Валисия румелийского, бывшего противу его в двадцати тысячах, сие весьма встревожило султана и выдан указ обратить на сего мятежника все внимание. Мятеж около Трапезунта не усмирен, и знатная часть Румелии наполнена разбойниками, пред которыми силы силистрийского паши недостаточны»[123].

Спустя месяц Кутузов снова касается событий в Аравии: «Порта занята была поныне заботой о мятежнике в Аравии Абдул-Вегабе, которого правила, разрушающе богослужение магометанское и как бы якобинца, среди Аравии возникшего, должны, кажется, тревожить ревностных мусульманов, из которых многим и внушение о сем сделано»[124]. «Недовольство по причине тяжких налогов, коим виновника считают Юсуф-агу, директора монетного, возрастает ежечасно. Повседневно находят письма, бросаемые в мечетях и других публичных местах, означающие гнев народа»[125].

Подытоживая свои наблюдения о состоянии дел в Турции, М. И. Кутузов в своем письме от 15 марта 1794 г. на имя В. П. Кочубея, назначенного посланником в Турции, писал перед своим отъездом из Стамбула:

«Непомерные налоги, по притчине которых огорчение в народе ежечасно умножается, явный ропот и беспокойство во всей Румелии и других местах, которые единое неудовольствие народа притчиной имеют, суть доказательства сколь противна форма правления народу и образ собирания податей. Чернь вообще вину слагает на Юсуф-агу, управляющего всеми податями, вновь изобретенными. Духовенство не менее черни озлоблено, ведая желание его приобщить к своему департаменту и управление доходами мечетей... Кроме сказанных мной беспокойств в Румелии, бунт скутарского Магмуд-паши, который столь усилился, что Порта неоднократно уже предлагала ему договоры, на которые он не соглашается. С другой стороны, мятеж Абул-Вегаба в Аравии не может не беспокоить Порту. Все сии несчастия недовольными относятся на настоящий образ правления... Все сие предвещает скорую перемену министерства»[126].

Во время пребывания М. И. Кутузова в Турции сотрудниками его посольства были составлены карты, которые, по мнению современников, были отлично сделаны. Так, Ф. Ро-

---

[123] Там же, стр. 275, 276.
[124] Там же, стр. 298 (речь идет о движении ваххабитов).
[125] Там же, стр. 320.
[126] Там же, стр. 324.

стопчин в своем письме к С. Р. Воронцову в декабре 1795 г. писал: «некий Волан, сопровождавший Кутузова, привез прекрасные планы».

На смену М. И. Кутузову в Стамбул прибыл в феврале 1794 г. князь Виктор Павлович Кочубей.

За время четырехлетнего пребывания в Турции В. П. Кочубей составил несколько записок о финансах Турции и ее торговле с Россией [127].

Известные нам многочисленные письма и записки Кочубея (в будущем вице-канцлера внутренних дел) рисуют его как дипломата, хорошо знакомого с турецкими делами [128].

Из его донесений о внутриполитическом положении Турции отметим сообщения о брожении в Молдавии и Валахии, а также о действиях Видинского паши Посвандоглу [129].

Много внимания уделял Кочубей торговым делам. «При дворе султана Селима III, с которым часто беседовал, приобрел его доверие и доставил нашей торговле выгоды, распространением ее по Греции и смежным с ней восточным странам» [130].

В бумагах Кочубея сохранилось несколько записок о финансах Турции, о торговых ее связях и обширная переписка с консулом Фонтоном, касающаяся преимущественно коммерческих интересов России в Турции [131].

Из письма на имя графа С. Р. Воронцова от 10 февраля 1797 г. известно, что Кочубей направил брату адресата, графу А. Р. Воронцову, рукопись, озаглавленную им «Сокращенное исследование о состоянии Оттоманской империи». «Я старался, — писал он, — собрать сколько можно вернейшие обо всем сведения» [132]. Эта работа, как и упомянутые выше материалы о финансах Турции, насколько нам известно, опубликованы не были.

После Кочубея с 1798 по 1802 г. посланником в Турции был Василий Степанович Тамара, с именем которого связано подписание 23 декабря 1798 г. русско-турецкого, так называемого Константинопольского союзного договора, явившегося следствием агрессии Наполеона в Египет. Турция приняла помощь, предложенную ей Россией: русская эскадра под командованием прославленного адмирала Ушакова во-

---

127 См. Архив князя Воронцова, кн. VIII, М., 1876, стр. 8.
128 См. Архив князя Воронцова, кн. XIV, стр. 28—95.
129 Там же, стр. 28—95; кн. 18, стр. 79—138.
130 А. Терещенко, *Опыт обозрения жизни сановников*, ч. II, СПб., 1837, стр. 277.
131 См. «Русский Биографический словарь», СПб., 1903, стр. 368, 369.
132 Архив князя Воронцова, кн. XVIII, стр. 131.

шла в Босфор. Под командование Ушакова поступил и турецкий флот.

О походе Ушакова один из его офицеров, Егор Павлович Метакса, позже участвовавший в экспедиции Сенявина, оставил записки-мемуары, представляющие значительный интерес для историков, географов и этнографов.

Метакса, родом грек с острова Кандии, в числе многочисленных греческих выходцев был принят в 1785 г. в петербургский морской корпус, который окончил в 1790 г. Служил на Черноморском флоте, участвовал в сражении при Калиакрии, а позже, в 1798 г., в экспедиции Ушакова, как знающий турецкий язык. Записки Метаксы, хранившиеся с 1863 г. в Отделе рукописей Публичной библиотеки в Петрограде, были изданы лишь в 1915 г. К ним приложены документы. Записки состоят из 15 глав; четыре из них посвящены описанию дипломатических поездок (в октябре 1798 г. и в январе 1799 г.) на албанский берег к Али-паше Янинскому. Несколько глав отводится описанию турецкого флота, военных действий соединенной эскадры.

Мы остановимся вкратце лишь на поездке к Али-паше Янинскому (Али Паша Тепеленский) — правителю части албанских, греческих земель, добившемуся почти полной независимости от турецкого султана. Характеризуя Али-пашу, Метакса пишет: «Али-паша управляет подвластными ему провинциями гораздо самодержавнее, нежели турецкий султан своей империей. Одна воля его есть закон, ничто не может оную переменить... он для достижения своей цели не останавливается ни нравственными уважениями, ни физическими препятствиями... Лишь бы выполнено было желание его: ответственности перед Богом, Султаном и людьми он не страшится. Обширные его поместия, большей частью похищенные у соседей, приносят ему великие доходы и как отдает он на откуп, приносят ему великие доходы; к сему надобно присовокупить многочисленные его скотоводство, таможни, поголовные подати, исключительные его права на продажу скота, шерсти, строевого леса и пр. ...Али-Паша присвоил себе все леса без изъятия, даже и партикулярные... Сверх всего имеет он множество купеческих кораблей, которые нагружаются в турецких портах всякими товарами на его счет... Али-паша продает все свои товары, за исключением путевых расходов купцам своим оптом из 20-процентного барыша. Значительные его капиталы обращаются во всех торгах и оборотах, чинимых его подданными. Сребролюбие его находит пищу всюду: он всеобщий наследник всех своих подданных... К Порте Оттоманской оказывается Али предан-

12 Заказ 260

ным и покорным, когда находит в том свои выгоды, ежели же оных для себя не предвидит, то отчуждает себя вовсе от турецкого подданства»[133].

Описывая свое посещение дома, занимаемого Али-пашой в Превезе, Метакса пишет: «Нам представилось... зрелище, еще ужаснейшее прежнего: по сторонам большой лестницы дома сего постелены были пирамидально, наподобие ядер перед арсеналами, человеческие головы, служившие трофеями жестокому победителю злополучной Превезы...»[134].

Заслуживает упоминания политическая и дипломатическая деятельность адмирала Ф. Ф. Ушакова в бытность его командующим объединенной русско-турецкой эскадрой по освобождению Ионических островов, острова Корфу.

В письме от 18 декабря 1798 г. к В. С. Тамара Ушаков характеризует деятельность Али-паши Янинского: «...ежели я не ошибаюсь, предвижу непременно, что сим пашею произведено будет что-либо неприятное. Если возможно сказать истинную правду, мне кажется, что оный господин Али-паша весьма сумнителен в верности Порте Оттоманской. Повторяю, ежели я не ошибаюсь, что даже из собственных его слов, из всех поступков заметно, что старается он быть самовластным, и кажется сие близко. Он укрепляется сильно в своих местах, содержит войска свои и наводит страх другим пашам и местам»[135].

Вся дальнейшая деятельность Али-паши полностью подтвердила эту оценку. Тамара писал Ушакову: «Должны знать, что Али-паша есть один из своевольнейших пашей турецких, весьма мало повинующийся Порте...»[136].

Военный и административный талант Ушакова удачно дополнялся его замечательными дипломатическими способностями. Месяцами не получая указаний из Петербурга, он тем не менее с большим тактом и знанием дела решал сложные дипломатические задачи правильно[137].

После Кючук-Кайнарджийского договора Россия получила право назначать своих консулов в отдельные пункты Османской империи. Серьезным источником ознакомления с экономическим положением отдельных районов становятся консульские донесения.

В 1782 г. впервые было открыто консульство в Смирне. В инструкции на имя консула Хемницера от 22 марта 1782 г.,

---

[133] Там же, стр. 116, 118, 122.
[134] Там же, стр. 134.
[135] «Русские флотоводцы. Адмирал Ушаков», т. II, М., 1952, стр. 254.
[136] Там же, стр. 283.
[137] Там же, стр. XXII.

данной Государственной коллегией иностранных дел, было указано: «В околичностях г. Смирны бывают приезжие из Крыма султаны, почему Вам и надлежит непрестанно стеречь за их поведением и наблюдать все их сношения с отчизною своею и правительством турецким...»[138].

В первом же своем донесении в коммерц-коллегию от 20 октября 1782 г. Хемницер сообщает о числе находящихся в Смирне русских торговых судов (т. е. судов под русским флагом) с показанием, откуда они пришли, чем нагружены, куда отправлены... и описывает г. Смирну, «поелику оное до числа разных народов жителей и до торговли, производимой в нем каждою нациею особенно касается». Хемницер дает довольно обстоятельный обзор торговли смирнской с иностранными государствами, сообщает о населении города. В пояснительной записке коммерц-коллегии, касающейся пунктов, куда назначены консулы, читаем:

1. «Смирна... Место сие известной уже важности.

2. Синап. — Здесь консул нужен сколько по торговой, столько же и по статской части.

3. Архипелаг. Там есть уже назначенный генеральный консул, а именно подполковник граф Войнович... что принадлежит до места, где генеральному консулу иметь постоянное свое пребывание, она пока российская торговля сама собою предпочтительно не установится в том или другом, можно оставлять на согласный выбор резидующего при Порте министра и самого генерального консула.

4. Дарданеллы.— Тут вицеконсул нужен для проходящих судов, дабы им в пути остановки и помешательства не было»[139].

В инструкции консулу Форсману в Синопе, выданной Коллегией иностранных дел 28 апреля 1784 г., имелись следующие указания: «Чтобы доставили вы сюда поскорее верное и точное описание всех тамошняго края подробностях, здешнее уважение одним или другим образом заслуживающих, также и о тамошней торговле, а особливо поколику она российскую интересовать может; также и о той, которая производится подданными других держав...

Чтоб во время служения вашего доносили вы сюда в коллегию от времени до времени... о всех тамошнего края примечательных происшествиях, новых внутренних учреждениях и о успехах торговли российской...»[140].

[138] В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII веке,* М., 1899, ч. II, Приложение 127, стр. LXXIII, DL XXIV.

[139] Там же, Приложение 129, стр. DL XXXIX.

[140] Там же, Приложение 133, стр. CIII.

Назначение генерального консула в архипелагских торговых пристанях подполковника графа Ивана Войновича (август 1776 г.) мотивировалось тем, что «для поспешествования и распространения заводимой из России в разные Бл. Порты Оттоманской морской пристани беспрепятственной торговли, которая по естественному положению взаимных земель и по свойству их продуктов долженствует скоро учиниться на обе стороны равно полезного и равно важного рассуждения за благо учредить и аккредитовать во всех архипелагских торговых пристанях генерал-консула»[141].

В 1784 г. консулы были назначены в Александрию, в Албанию, в Саиду и на Кипр, Родос, Хиос, Самос (1784), в Дамаск, Бейрут (1785), в Трапезунд (1786).

Напомним, что в 1783 г. между Россией и Турцией был заключен торговый трактат, в силу которого Турция предоставила русским купцам те же самые льготы и преимущества, какими пользовались купцы французские, английские и др. Русским подданным Порта позволяла совершенно свободно «навигацию и торги свои отправлять во всех областях ея, как на сухом пути, так и на морях, водах и рекою Дунаем и везде, где будет удобно».

Торговый трактат 1783 г. был подтвержден Ясским мирным договором 1791 г.

* * *

Бесспорно, что одним из результатов изучения русскими отдельных территорий Ближнего Востока являются и картографические работы XVIII в. [142].

В Атласе, изданном в 1757 г. Академией наук, имеется карта «Турция азиатическая»; в 1769 г. была издана пограничная карта Российской и Турецкой империй, в 1774 г. — карта Молдавии и Валахии, составленная Я. Шмидтом по подлинным квартирмейстерским чертежам и по наблюдениям. Печатаются карты «Азии меншей, Сирии и Палестины»[143].

Помимо изданных, имелось и много рукописных карт, например Кавказа с пограничными частями Турции, Молдавии,

---

[141] Там же.

[142] Несомненно, конечно, что в России хорошо были известны работы европейских путешественников и исследователей Ближнего Востока в XVIII в. На вышедшую в Лионе в 1707 г. книгу Турнефора ссылается, например, уже Буксбаум. Книги Марсильи, Рикота, Нибура, Вольнея и других были переведены на русский язык (см. ниже).

[143] См. В. Ф. Гнучева, *Географический департамент Академии наук*, М.—Л., 1946, Приложение I. Список картографических изданий Академии наук XVIII в. (1728—1800).

Валахии, специальные военные карты и планы, охватывающие территории, на которых происходили военные действия.

Первая русско-турецкая война дала возможность произвести ряд картографических работ в Молдавии и отчасти Валахии.

Еще в конце 1769 г. «граф Румянцев, желая воспользоваться тем, что передовые войска наши занимали Молдавию и часть Валахии, отправил в октябре м-це за Днестр генерал-квартирмейстер-лейтенанта Андрея Медера с семью чинами генерального штаба для сочинения карты. К сожалению, об этой командировке только и сохранилось известие в расходной тетради экстраординарных сумм графа Румянцева. Эти-то работы и послужили основанием составленной впоследствии, под руководством Баура, генеральной карты Молдавии, а в кампанию 1770 г. значительно облегчали действия наших войск, увенчанные блистательными победами под Ларгою и под Кагулом»[144].

Как уже упоминалось, в кампании 1770 г. в качестве обер-квартирмейстера 1-й армии состоял в чине майора М. И. Голенищев-Кутузов. Тогда же был послан Румянцевым генерал Баур для осмотра дорог Молдавии.

«В 1771 году внимание Баура было занято составлением карты Молдавии: из 15 офицеров генерального штаба, состоявших в марте этого года при 1-й армии, 10 человек показаны при чертежной в Яссах».

Сведения о ближневосточных странах нашли свое отражение и в первых русских географических словарях. В словаре Лангера[145] мы встречаем названия различных пунктов Османской империи с указанием долготы и широты. В нем помещены статьи как об Османской империи в целом, так и об отдельных ее частях.

Приведем извлечения из статьи «Европейская Турция» для того, чтобы показать, насколько отчетливо представляли себе русские издатели географическое положение и политическое состояние Турции: «Европейская Турция занимает часть прежней восточной империи и окружается к востоку Черным, к югу Средиземным, к западу Адриатическим морем, а к северу граничит с Венгрией, Польшей и Россией. Поверхности полагают одиннадцать тысяч четыре ста квадратных, длины самым большим протяжением двести пятьде-

---

[144] Н. Глиноецкий, *История русского генерального штаба*, т. I, СПб., 1883, стр. 70.

[145] «Полный географический лексикон, содержащий в себе по азбучному порядку подробное описание всех частей света.., собранный.., Карлом Гейнрихом Лангером», М., 1791.

сят, а ширины сто девяноста обыкновенных миль. Всех жителей обоего пола считается около восьми миллионов. Число сие гораздо не столь велико, каковым бы оному в рассуждении обширности и естественного состояния земли быть следовало. Главнейшие причины тому суть великия опустошения, часто причиняемые моровою язвою, утеснение народа, задавляемого податями и работами и мало старающегося о земледелии, хлебопашестве. Повсюду множество опустелых мест, почему и плодоноснейшие уезды находятся необрабатываемы... Жители в Турции суть разного происхождения и закона... Имя турок у самых турков в поношении, потому что персияне и иные Аделиаты оным означают разбойника. Сами пишутся османлами...

В мануфактурах и заводах турки не имеют недостатка и делаются у них весьма хорошие ткани и другие вещи. Знают отменно приготовлять кожи и красить оные равно как шерсть и шелк. Кроме различного разбору шелковых материй и парчей, делают ковры, камлоты и сафьяны великой красоты. Их торговля как внутренняя, так и внешняя с иностранцами весьма знатна... Главнейшие товары, отпускаемые из турецких земель, суть: шелк и шелковые материи, ковры, персидские ткани, тюфяки и подушки, хлопчатая бумага сырая и пряденая, зайцовы и кроликовы рухляди, пряденая шерсть ангорских коз, голубой, красный и желтый сафьян, вино, изюм (и т. д.)... Получаемые на обмен из разных европейских государств товары не такой пропорции, чтобы турки не выиграли еще великую сумму наличных денег» [146].

В статье приводятся данные о государственном управлении, финансах, составе армии и флота, административном делении.

* * *

Серьезное внимание во второй половине XVIII в. уделялось переводной литературе, особенно посвященной Ближнему Востоку. Издания переводов одно время (с 1769 по 1780) осуществлялись под надзором особой комиссии.

Отметим наиболее интересные работы: «Статьи из энциклопедии, принадлежащие до Турции (сочинения Дидро, Жакура и др.), переведенные в двух частях с французского Семеном Башиловым в 1769 г.».

1 января 1781 г. «Санктпетербургские ведомости» сообщили о выходе в свет следующих переводных книг, относящих-

[146] «Полный географический лексикон...», ч. III, стр. 189—197.

ся к Ближнему Востоку: «Османское государство и Республика Рагузская» (из Бишинговой географии); «Малая Азия или Азия и Аравия» (из Бишинговой географии), «Турция», «Белевы путешествия через Россию». Там же сообщалось, что «отдано к тиснению» «История османского государства» Димитрия Кантемира[147].

Шотландец Джон Белль, поступивший на службу к Петру I в 1714 г., был участником ряда русских посольств за границу. Он сопровождал в качестве врача Артемия Волынского в 1715 г. в Персию; в 1719 г. сопутствовал посольству Измайлова в Пекин; в 1737 г. был поверенным агентом в Константинополе. По возвращении в Шотландию издал описание своих путешествий. В 1766 г. это описание было переведено на французский язык. В русском переводе (с французского) оно было издано в 1776 г. под названием «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли (а именно в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь)» (пер. с франц. Михаил Попов).

Белль сообщает ряд сведений о Персии, Китае, Дагестане и Турции[148].

В 1789—1790 гг. на русском языке была опубликована в четырех частях «История турецкая» Миньо.

Особое место занимает перевод с немецкого, сделанный Марковым в 1790 г., книги Вольнея «Путешествие в Сирию и Египет» — крупного для своего времени знатока Востока и восточных языков.

«Труды Вольнея по Востоку посвящены Турецкой империи и входившим в ее состав Сирии и Египту. Серьезная подготовка к этому путешествию, знание восточных языков дали возможность Вольнею собрать такие сведения, которыми никогда не обладал ни один путешественник по Турции, как до него, так и после него»[149].

«Вольней во всех своих работах по истории Востока выступает как исключительно талантливый, добросовестный и знающий исследователь. Знание восточных языков давало ему возможность непосредственно общаться со всеми классами турецкого общества. Вот почему его „Путешествие" не-

---

[147] «Записки императорской Академии наук», т. XXIV, СПб., 1870, Приложение.

[148] О Джоне Белле см. «Месяцослов» на 1842 г. в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук, стр. 189, 190.

[149] Н. Смирнов, *Вопросы истории Турции и колониальной политики Франции конца XVIII века в трудах Вольнея,* — «Труды Московского государственного института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского», т. II, М., 1940, стр. 166.

оценимый источник для изучения Сирии, Египта и вообще турецкого феодального строя»[150].

В январе 1788 г. Вольней получил в награду от Екатерины II золотую медаль за ученые труды по Востоку, но в 1791 г. вернул ее обратно в знак протеста против покровительства русской императрицы французским контрреволюционным эмигрантам[151].

В 1795 г. вышел перевод первого тома книги Мураджа д'Оссона «О законоположении магометанства», сделанный Веревкиным. Мурадж д'Оссон — турецкий армянин по происхождению, перешедший на шведскую службу; в 1782—1784 гг. был поверенным в делах Швеции в Стамбуле, а позже шведским посланником. Он написал и опубликовал два тома «Tableau de l'Empire Ottomane» (1787—1790); третий том был издан посмертно.

В труде д'Оссона имеется ценный материал, характеризующий военно-административную и финансово-налоговую системы Османской империи и законоположения шариата. На русском языке она вышла под названием «Всеобщая картина Оттоманской империи» (перевод М. Верёвкина).

И. Ю. Крачковский писал о Веревкине: «Из его собственных трудов перевода Корана (1790) и капитальной работы д'Оссона „О законоположении магометанства" (1795) достаточно для благодарной памяти о нем»[152]. И далее читаем мы у И. Ю. Крачковского: «Заслуги переводчиков екатерининского времени в области арабистики и востоковедения вообще особенно велики, и едва ли не первое место среди них занимает упомянутый уже М. И. Веревкин... с немецкого переводили реже, но и в таких случаях попадались полезные даже теперь книги, как современная событиям „История о возмущении Али бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии, Турецком государстве, також о путешествиях из Алеппо в Бальзору"»[153].

Оценивая значение переводов, Крачковский писал:

«...Во второй половине XVIII века, особенно в 90-х годах, круг арабистических интересов значительно расширялся, увеличивалась и осведомленность хотя бы на основе попадавших не из первых рук второсортных материалов, однако внимание к первоисточникам не пробуждалось, и как следст-

[150] Там же, стр. 169.
[151] Там же, стр. 165.
[152] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 57.
[153] Там же.

вие этого, отсутствовало непосредственное знакомство с арабским языком или научный интерес к лингвистическим вопросам»[154].

* * *

Достаточно беглый и, несомненно, далеко не полный обзор свидетельствует о том, что в России в течение XVIII века накопилось достаточное количество самых разнообразных и многосторонних сведений о Ближнем Востоке.

В этой связи мы не можем согласиться с В. В. Бартольдом, утверждавшим, что «Русская литература о Передней Азии далеко не отличается тем богатством, как можно было бы ожидать по географическому положению России и по составу ее населения. Что на русском языке мало работ об Индии и Афганистане, отчасти объясняется скудостью материала, находящегося в распоряжении русских исследователей по сравнению с западно-европейскими, особенно с английскими; но бедность русской литературы о Персии и других мусульманских странах может быть объяснена только отсталостью русской науки»[155].

Этот суровый отзыв В. В. Бартольда, так много сделавшего для русской востоковедной науки и истории русского востоковедения, высоко оценившего изучение Востока в России в XIX в., на наш взгляд, может быть объяснен тем, что некоторые материалы, нами привлеченные, в частности архивные, а также посольские, консульские донесения, остались ему неизвестны. А может быть, Бартольд не интересовался этой литературой, считая ее ненаучной.

Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что в XVIII в. изучение Ближнего Востока в России не дало (да и не могло дать) таких результатов, как изучение Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Тихоокеанского побережья Америки.

Среди исследователей Ближнего Востока нет таких имен, как Семен Дежнев, Владимир Атласов, А. И. Чириков, В. Беринг, С. П. Крашенинников и многих других. Мы не найдем здесь таких предприятий, как Великая северная экспедиция 1725—1742 гг. или экспедиция В. Я. Чичагова, предпринятая по инициативе М. В. Ломоносова, и многих других замечательных русских исследований и путешествий. Ведь на Ближнем Востоке в XVIII в. открывать в сущности уже было нечего. В. В. Бартольд, называя имена многих европей-

[154] Там же, стр. 59 и дальше по вопросу о «Сравнительном словаре всех языков и наречий», стр. 59—62.

[155] В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, стр. 282.

ских путешественников по Ближнему Востоку в XVIII в. и вообще не упоминая ни одного русского имени, правильно отмечает: «Географических открытий в Передней Азии в XVIII в. не было, и все путешествия совершались в местности, уже посещавшиеся европейцами раньше; но эти путешествия не оставались бесплодными ни для изучения памятников прошлого, рукописных и вещественных, ни для изучения современной жизни»[156].

Это полностью относится и к работам русских путешественников, паломников, дипломатов, военных, ученых — они многое внесли в изучение современной им жизни. Многие забытые страницы и труды русских людей, посильно отмеченные в нашей работе, являются лучшим тому доказательством.

---

[156] Там же, стр. 122.

Е. М. ДАРЕВСКАЯ

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БУРДУКОВ

(О роли русских поселенцев в изучении Монголии)

Многие известные ученые и путешественники России внесли большой вклад в исследование Монголии, которая еще в XIX в. была во многих отношениях terra incognita. Большую помощь им оказали монголы и простые русские люди, которым десятилетиями довелось жить в Монголии. Они сблизились с монголами, превосходно изучили страну, язык и быт ее народа. В любом отчете или дневнике экспедиции и путешествия по Монголии — Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, А. М. Позднеева, П. К. Козлова, Н. М. Ядринцева, Д. К. Заболотного, М. И. Боголепова и М. Н. Соболева, И. М. Майского и многих других — можно встретить слова благодарности русским жителям за помощь и содействие. Так, известный монголовед А. М. Позднеев искренне благодарил М. Д. Батуева, А. Д. Васенева, Н. Ф. Грязнухина и других не только за отменное радушие и облегчение тяжести пути, но и за всеусердную помощь в приобретении всякого рода знаний. «...Мне трудно даже и сказать, — писал А. М. Позднеев, — насколько меньше были бы достигнутые мною результаты, если бы я не встретил этого доброго участия русских людей: при всей ревности к приобретению знаний, мне без их помощи несомненно много раз приходилось бы отступать от закрытых дверей, за которыми таился предмет познания»[1].

Но по подобным записям трудно восстановить заслуги этих людей перед наукой. Попытаемся рассказать о некоторых из них. Собранные нами сведения, далеко не исчерпывающие, все же проливают свет на интересный, но малоисследованный вопрос о роли русских старожилов в изучении Монголии и о взаимоотношениях их с монголами.

---

[1] А. М. Позднеев, *Монголия и монголы,* т. I, СПб., 1896, стр. XXIX, XXX.

Многие старожилы Монголии содействовали снаряжению экспедиций, сами сопровождали их в качестве проводников и переводчиков, сообщали им свои многолетние наблюдения, выполняли различные поручения ученых, собирали экспонаты и целые коллекции для музеев России. Некоторые русские вели дневники во время своих частых поездок по Монголии, писали статьи по географии, этнографии и экономике страны, были членами ученых обществ. Приведем несколько наиболее ярких примеров. По поручению директора русской физической обсерватории, в Пекине Г. А. Фритше купец Антропов с 70-х годов XIX в. вел метеорологические наблюдения в Улясутае. Иркутский мещанин Г. И. Посылин (жил в Прикосоголье с 1881 г.) был человеком «энергичным и интеллигентным, знатоком Монголии и условий странствия по ней»[2]. Он оказывал содействие Г. Н. Потанину, Я. П. Дуброва и другим путешественникам. С 1884 г. был членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Г. И. Посылин доброжелательно относился к монголам, убеждал их пользоваться косой и серпом, заменять юрты деревянными постройками и т. п. Экспедицию М. И. Боголепова и М. Н. Соболева сопровождал купец А. Г. Бодунов, переводчиком был приказчик С. С. Брызгин, кторый «знал великолепно монгольский язык... был прекрасно знаком со всеми обычаями Монголии, имел прикладные полезные знания... и благодаря этим качествам оказался неоценимым сотрудником в тяжелых подчас условиях путешествия»[3].

Очень ценил познания бывалых торговых людей Г. Н. Потанин. Он записывал их рассказы, на основании которых писал статьи[4], убеждал их вести дневники поездок по стране. В 1890 г. Потанин опубликовал целый том путевых дневников по Монголии и Китаю А. Д. Васенева, А. И. Воробьева, И. М. Волосатого, И. Немчинова, А. Е. Петрова — этих «негласных путешественников», прошедших по дорогам, еще неведомым ученым. Дневники А. И. Воробьева и А. Д. Васенева и сейчас читаются с интересом. Четверть века спустя

[2] Я. П. Дуброва, *Поездка в Монголию в 1883 г.* — «Известия Восточно-Сибирского отдела РГО», Иркутск, т. XV, 1884, № 1—2, стр. 50, 51.

[3] М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, *Очерки русско-монгольской торговли*, Томск, 1911, стр. 9.

[4] Например, статья Потанина «Ярмарка изюбревых рогов в Гуй-хуа-чене» написана почти полностью на рассказе приказчика кяхтинской фирмы «Коковин и Басов» И. Волосатого и дополнена по рассказам И. А. Басова («Известия Восточно-Сибирского отдела РГО», т. XX. 1889, № 4, стр. 16—19); «Монгольский Алтай между Булугуном и Барлыком» — по рассказу приказчика В. Д. Оболенского («Труды Томского общества изучения Сибири», т. III, вып. 1, 1915, стр. 23—37).

Г. Н. Потанин издал в «Трудах Томского общества изучения Сибири» дневники и статьи русских поселенцев К. В. Юргановой, А. В. и А. И. Бурдуковых, В. Д. Оболенского. Публикуя эти материалы, Г. Н. Потанин хотел показать, сколько интересных и ценных сведений о Монголии внесли эти люди в науку. «Нам известны рассказы о приказчиках, которые собирали в Монголии растения для гербария, записывали монгольские сказки и проч. Ученому обществу следовало бы пойти навстречу этим стремлениям служить науке, зарождающимся в среде самих приказчиков...» Г. Н. Потанин совместно с профессорами М. А. Усовым, М. Д. Рузским и В. В. Сапожниковым составил подробные с пояснениями «Программы по собиранию сведений о Монголии»[5]. А. Д. Васенев, человек начитанный, имевший хорошую библиотечку в Монголии, прекрасно знавший страну, оказал ценную помощь экспедициям Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, А. М. Позднеева, М. И. Боголепова и М. Н. Соболева. Кроме упомянутого дневника был издан и другой — под названием «От Кобдо до Лань-Чжоу-фу»[6]. Третий дневник — пути из Улясутая в Дархат-хуре в 1890 г.— остался неопубликованным[7]. В 1912 г. А. Д. Васенев выступил в Российской экспортной палате с интересным докладом о состоянии русской торговли в Монголии, показав себя человеком широкого кругозора и передовых взглядов. В оживленном обсуждении его доклада участвовали проф. В. Л. Котвич, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. И. Денисов (председатель РЭП), М. М. Коковин и другие[8].

А. И. Воробьев присылал Иркутскому музею различные предметы, а в 1890 г. передал 12 картонов фотографических снимков и видов Урги[9]. И. М. Волосатов публиковал статьи в кяхтинской газете «Байкал» и др.

Торговец Федор Игнатьевич Минин прожил в Западной Монголии 25 лет (с 1873 по 1898 г.). Монголы уважали его

---

[5] «Труды Томского общества изучения Сибири», т. II, вып. 2, 1912, стр. 1—38, т. III, вып. 1, 1915, стр. 1—37, 137—143.

[6] А. Д. Васенев, *От Кобдо до Лань-Чжоу-фу. Маршрут пути, пройденного караваном т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова и К°*,— «Труды Томского губернского статистического комитета», т. I, вып. 1, 1889.

[7] Рукопись хранится в архиве Института народов Азии АН СССР (разр. III, оп. 1, № 18).

[8] А. Д. Васенев, *Русские задачи в Монголии*, — «Русский экспорт», 1912, № 7—8, стр. 171—174. Подробнее об А. Д. Васеневе см.: «Алексей Данилович Васенев», — «Сибирский торгово-промышленный ежегодник», СПб., 1913, отд. II, стр. 73—76.

[9] Государственный архив Иркутской области, ф. 293, оп. 1, д. 63, св. 5, л. 17 (далее — ГАИО).

фирму «за корректные торговые и кредитные приемы»[10]. Ф. И. Минин не только свободно говорил по-монгольски, но и овладел письмом и чтением. Помощь ему оказал А. М. Позднеев, встретившийся с ним в Монголии в 1876 г. Ф. И. Минин «был необычайно рад выслушать от меня, — писал А. М. Позднеев, — монгольскую азбуку по звуковому методу, основы монгольской грамматики и особливо учение о долгих гласных и монгольском синтаксисе...»[11]. Хорошо изучив язык, Ф. И. Минин составил в 1891 г. русско-монгольский словарь разговорного языка (около 5000 слов)[12]. Он составлял, но не успел закончить и монгольско-русский словарь. Словарем самоучки Ф. И. Минина пользовались не только русские жители Монголии, но и монголоведы. Сын его Михаил воспринял интересы отца, имел в Монголии хорошую библиотеку по монголоведению, был студентом восточного факультета Петербургского университета, затем служил в консульстве в Монголии.

Августа Дмитриевна Корнакова, уроженка Кяхты, образованная и разносторонне одаренная женщина, прожила в Монголии 24 года (1897—1921). Она свободно владела монгольским языком, изучала быт и фольклор монголов, выступала с интересными докладами по этнографии монголов на заседаниях Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО, членом которого была с 1904 г. Свои доклады Корнакова сопровождала демонстрацией предметов быта монголов и своих рисунков, которые затем дарила музею. Ее доклады «всегда слушались с большим вниманием»,— вспоминала старейший краевед Кяхты А. Н. Орлова[13]. В 1904—1912 гг. Корнакова

---

[10] М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, *Очерки русско-монгольской торговли,* стр. 67.

[11] А. М. Позднеев, *Очерк истории русской торговли с Монголией. 1918 г.* (черновик), — Архив Института народов Азии АН СССР, ф. 44, оп. 1, д. 44, л. 22.

[12] Сколько было экземпляров словаря — нам неизвестно. Один хранился в семье Минина, его видели М. И. Боголепов и М. Н. Соболев (см. «Очерки русско-монгольской торговли», стр. 66). Другой до 1899 г. принадлежал Я. П. Шишмареву. Затем им был подарен Ургинской библиотеке, откуда с его согласия в 1903 г. А. Д. Рудневым был передан в Азиатский музей. На словаре надпись: «Русско-монгольский словарь разговорного языка халхасского наречия». Рукой Я. П. Шишмарева приписано: «Собственно наречия западного. Составил чердынский мещанин Федор Минин. Улясутай. 1891». Русский текст отпечатан на машинке, монгольский — рукописный (Архив Института народов Азии АН СССР, разр. I, оп. 3, № 11). Карточки с монгольскими словами для монгольско-русского словаря хранятся там же.

[13] А. Н. Орлова, *Краеведы города Кяхты,* — «Труды Кяхтинского краеведческого музея», Улан-Удэ, т. XVI, вып. 1, 1949, стр. 67—68.

опубликовала шесть интересных статей[14]. Подробно и живо она описала обряд похорон ламы, богослужение известного хубилгана в монастыре, семейное богослужение «джаса», торжественную процедуру установки ганджира на буддийском храме, веселый обычай взаимных поздравлений («дзолгоху») с Новым годом и официальный траур в Монголии. Она оставила интересные свидетельства непосредственного наблюдателя о борьбе монголов за национальное освобождение в 1911—1912 гг., тесных и дружественных отношениях русских поселенцев с монголами: монголы приходили к Корнаковым за советом и лекарствами, узнать новости из русских газет и просто в гости, приглашали на семейные праздники, вместе встречали Новый год. Отдел этнографии Русского географического общества в 1911 г. наградил Корнакову серебряной медалью[15]. Корнакова собрала много материалов по фольклору монголов, но судьба их неизвестна.

Капитолина Васильевна Юрганова-Вяткина родилась и выросла в Монголии. В семь лет она, как и монголы, ездила верхом и по-монгольски говорила лучше, чем по-русски[16]. В 1910 г., после окончания Бийской гимназии, она познакомилась с Г. Н. Потаниным. Он пробудил у нее интерес к изучению Монголии, советовал учиться, дал рекомендательные письма к С. Ф. Ольденбургу и А. Д. Рудневу. Летом 1911 г. 19-летняя курсистка биологического отделения Петербургских бестужевских курсов Юрганова по поручению Ботанического сада Академии наук, снаряженная и проинструктированная Г. Н. Потаниным, собрала в Монголии 4 тыс. насекомых и гербарий из 74 видов. Г. Н. Потанин опубликовал ее поэтический путевой дневник со своим предисловием и примечаниями. «Ее энтомологический сбор...— писал Г. Н. Потанин, — оказался самым большим из всех сделанных сибирски-

---

[14] А. Д. Корнакова: *Похороны Ханцзина ламы-гелюна,* — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО», т. VII, вып. 1, 1904, стр. 6—31; *Поездка на буддийское молебствие «джаса»,* — там же, т. X, вып. 1, 1907, стр. 33—38; *Поездка к хубилгану бакши Долцунгоггену,* — там же, т. VII, вып. 3, стр. 57—60; *Поездка в монастырь монгольского князя для постановки ганджира на храме,* — там же, т. IX, вып. 1, 1906, *стр. 66—83; Официальный траур в Монголии,* — там же, т. XIII, вып. 1, 1910, стр. 60—63; *По поводу провозглашения монголами независимости,* — там же, т. XV, вып. 2, стр. 19—37.

[15] «Живая старина», 1911, вып. 1, стр. III. Подробнее об А. Д. Корнаковой см.: Е. М. Даревская, *Изучение Монголии Троицкосавско-Кяхтинским отделением Русского географического общества,* — «Труды Кяхтинского музея краеведения», т. XVIII, 1961, стр. 66—68.

[16] Отец ее, В. И. Юрганов, прожил 50 лет в Монголии — около Улясутая на р. Улан-Ирик. Автор приносит глубокую благодарность Капитолине Васильевне за сообщение некоторых сведений о себе.

ми экскурсантами в том году». Он был передан в музей Академии наук, а гербарий — в музей Сибирских высших женских курсов в Томске. Среди собранных К. В. Юргановой растений был редкий цветок — бан-семберю, растущий высоко в горах, у линии вечных снегов между каменными глыбами. Русские ботаники до К. В. Юргановой открыли только два местонахождения бан-семберю: Карелин в 1840 г. в Джунгарском Алатау и В. В. Сапожников в начале XX в. в Тянь-Шане. К. В. Юрганова нашла третье его местонахождение — в Хангае. Найти этот заветный и целебный цветок Капитолине Васильевне помог лама-доктор Чутым, собиравший лекарственные растения [17]. Сбор коллекций К. В. Юрганова продолжала и в последующие годы, приезжая в Монголию к родителям на каникулы. Г. Н. Потанин познакомил К. В. Юрганову с Б. Я. Владимирцовым. Она произвела на него впечатление «самое какое только может быть хорошее». Б. Я. Владимирцов обучал ее монгольскому языку и в 1912 г. писал, что «Монголией она интересуется серьезно... выучилась читать и писать по-монгольски, прошла монгольскую грамматику и читает монгольские книги» [18]. По просьбе Б. Я. Владимирцова К. В. Юрганова собрала целую коллекцию монгольских рукописей [19]. После Октябрьской революции К. В. Юрганова-Вяткина экстерном закончила исторический факультет Ленинградского университета и с тех пор работает по этнографии Сибири и Монголии. Ныне К. В. Вяткина — ученый-этнограф, заведует сектором Юго-Восточной Азии Института этнографии АН СССР. Она опубликовала до 40 научных работ, неоднократно бывала в Монголии и сейчас успешно продолжает изучение этой страны.

Таковы некоторые сведения о русских, живших в Монголии и внесших свой вклад в изучение этой страны. Среди них совершенно особое место занимает Алексей Васильевич Бурдуков [20]. Судьба его весьма интересна. Он прожил в Монголии 30 лет, тесно сблизился с монголами, превосходно узнал их быт, оказывал большую помощь исследователям Монголии

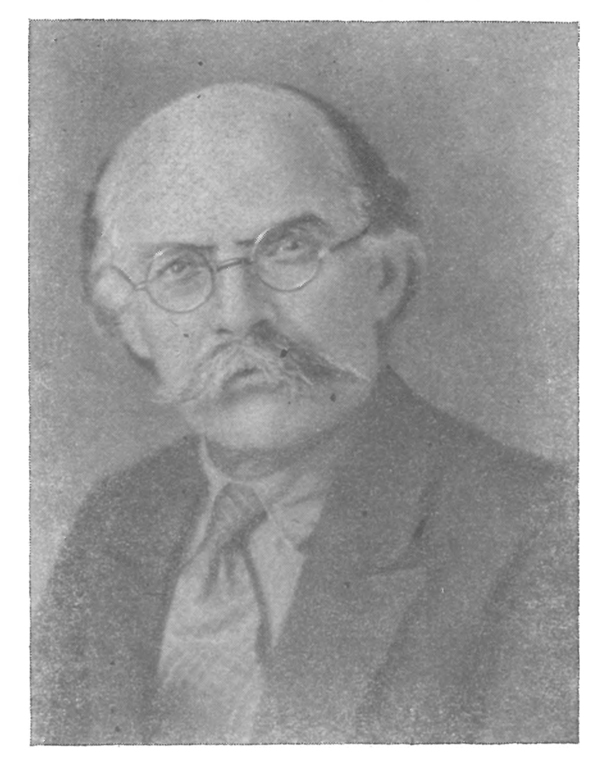
---

[17] К. В. Юрганова, *От Улалы до Отхан-Хаирхана (путевой дневник)*,— «Труды Томского общества изучения Сибири», т. II, вып. 2, 1912; Г. Потанин, *Исследование Монголии (Юрганова К. В., От Улалы до Отхан-Хаирхана, путевой дневник)*, — «Сибирская жизнь», 29. XII. 1912, стр. 3.

[18] Архив А. В. Бурдукова. Письмо Б. Я. Владимирцова из Лондона А. В. Бурдукову от 25 июля 1912 г.

[19] Коллекция К. В. Юргановой-Вяткиной хранится в архиве Института народов Азии АН СССР.

[20] Автор выражает глубокую благодарность Таисии Алексеевне Бурдуковой за любезное предоставление материалов из личного архива ее отца, А. В. Бурдукова, и комментарии к ним.



А. В. Бурдуков

и наконец сам стал ученым-монголоведом. Подробное ознакомление с деятельностью Бурдукова наиболее ярко и убедительно характеризует роль русских старожилов в изучении Монголии и дружественные отношения их с монголами.

А. В. Бурдуков родился в 1883 г. в бедной семье в деревне Боровой, Туринского уезда, Тобольской губернии. Когда мальчику не было еще двух лет, умер отец. Мать, неграмотная крестьянка, старалась дать сыну образование. Он окончил местную церковно-приходскую школу, но дальше учиться не пришлось. Когда мальчику исполнилось 12 лет, мать привезла его на Ирбитскую ярмарку и отдала в услужение бийскому купцу Я. Е. Мокину. Купец торговал в Северо-Западной Монголии и через год увез туда мальчика на одну из своих заимок на р. Хангельцык (в 160 верстах от Уланкома). Так 13-летним мальчиком А. В. Бурдуков попал в Монголию.

13 Заказ 260

В течение 18 лет, с 1895 г. до конца 1913 г., он служил у Мокина.

В 1914 г. А. В. Бурдуков начал самостоятельную торговую деятельность в Монголии — с создания товарищества русских торговых служащих, сумев вовлечь в него также и монголов [21]. «Моя цель и мечта — что бы то ни стало создать прочную кооперативную компанию с участием монголов, — писал он В. Л. Котвичу...— Мне хочется создать компанию работников без лишнего балласта в виде праздных хозяев, живущих в России и проживающих заработанные в Монголии деньги» [22]. Такое намерение было необычным. «Позвольте от души пожелать Вам успеха в этом начинании, — отвечал В. Л. Котвич. — Меня особенно радует, что к Вам относятся с полным доверием монголы... Отрадно также и то, что есть в Монголии русские люди, которые стараются упрочить свои связи с монголами, а не эксплуатировать их самым бесцеремонным образом... В добрый час» [23].

А. В. Бурдуков и его Товарищество пытались внедрить культурные навыки в хозяйство и быт монголов. Они пропагандировали сенокошение, земледелие, применение сельскохозяйственных орудий (косы, серпа, плуга, сенокосилки), употребление мучной пищи, простейшие знания по ветеринарии и медицине. Так, жена Бурдукова, Аполлинария Ивановна, окончившая прогимназию и фельдшерско-акушерскую школу, а затем и сам Алексей Васильевич широко практиковали среди монголов оспопрививание. В архиве А. В. Бурдукова сохранился любопытный документ на русском и монгольском языках:

«Императорское Российское
консульство. Улясутай.
Монголия. 5 февраля 1911 г. Объявление.
№ 98.

Одной из самых опасных болезней, уносящей много жертв как среди детей, так и взрослых, является оспа. Между тем очень легко избежать заболеваний этой болезнью, сделав себе и всем своим близким, живущим в одной и той же юрте, прививку предохранительной оспы. В нынешнем году в хошун князя Гончукдамба прибыла молодая русская женщина, же-

---

[21] Кроме этого, с 1914 г. А. В. Бурдуков как мобилизованный был прикомандирован к консульству в Кобдо в качестве переводчика.

[22] Архив АН СССР, ф. 761, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 5, 8. Письмо А. В. Бурдукова из Хангельцыка В. Л. Котвичу от 29 мая 1914 г.

[23] Архив А. В. Бурдукова. Письмо В. Л. Котвича А. В. Бурдукову от 7 января 1914 г.

на русского торговца Алексея Бурдукова — Аполлинария Ивановна Бурдукова, обучавшаяся медицинским наукам и близко знакомая с этим делом. Ввиду этого я, Императорский Российский Генеральный Консул, рекомендую всем монголам этого и других хошунов воспользоваться пребыванием среди них знающей дело прививки оспы русской женщины и в заботах о здоровье своем и своих близких сделать прививку себе, своим женам, детям и родным. Сего ради объявляется за надлежащим подписом и приложением казенной печати.

Императорский Российский Генеральный Консул».

Документ этот настолько красноречив, что в комментариях не нуждается. Получая детрит из России, А. В. Бурдуков делился им с поселенцами И. Бодуновым, Ф. Игнатьевым, В. Д. Оболенским и другими [24], которые также делали прививки.

Алексей Васильевич был инициатором многих полезных дел. В Уланкоме жители очень страдали от отсутствия нормального почтового сообщения с Россией. А. В. Бурдуков, «местный торговец-интеллигент, член-соревнователь императорской Академии наук» [25],— как сообщал в МИД 9 июля 1917 г. консул из Кобдо,— вызвался построить специальный дом для почты. 12 февраля 1917 г. А. В. Бурдуков возбудил ходатайство перед консулом в Кобдо об открытии начальных русских школ в Уланкоме и Кобдо. Он выразил готовность предоставить бесплатно две теплые комнаты, а затем построить за свой счет школу, в которой, как он полагал, рядом с русскими детьми могли учиться и монгольские дети [26]. А. В. Бурдуков обратился также за содействием и к Г. Н. Потанину, который поддержал его предложение о командировании учителя Министерством народного просвещения [27]. Школа в Уланкоме была открыта.

Для характеристики А. В. Бурдукова как прогрессивного человека и общественного деятеля весьма показательно его духовное завещание, составленное 13 мая 1919 г. в г. Улясутае. Свой капитал, причитающийся ему как участнику Товарищества, Алексей Васильевич завещал жене и детям с условием, чтобы «половина завещаемого состояния была употреблена на культурно-просветительные цели».

---

[24] Там же. Письмо И. Бодунова из Улясутая А. В. Бурдукову от 29 мая 1912 г. Письмо А. В. Бурдукова В. Д. Оболенскому от 14 июля 1922 г.

[25] Архив внешней политики России, ф. Китайский стол, д. 701, л. 8 (далее — АВПР).

[26] АВПР, ф. Китайский стол, д. 2049, л. 39.

[27] Архив А. В. Бурдукова. Письмо Г. Н. Потанина из Томска А. В. Бурдукову от 7 апреля 1917 г.

Деятельность А. В. Бурдукова вызвала враждебное отношение русских купцов. Весной 1917 г. Уланкомское торговое общество потребовало, чтобы Бурдуков исключил монголов из Товарищества, так как оно, привлекая к себе симпатии монголов, вредит интересам русских торговцев. При содействии консула Бурдукову удалось отстоять участие монголов в Товариществе[28]. Вскоре оно уже насчитывало не десять, как в 1914 г., а несколько десятков участников — русских и монголов. «Все это создало Бурдукову совершенно особое положение и особую репутацию,—пишет академик И. М. Майский. — Его очень не любили в русско-китайских торговых кругах, но зато к нему с большим уважением и симпатией относились араты. „Элисте" (так монголы произносили его имя „Алексей") был для них своим человеком, к которому они без стеснения приезжали не только, чтобы купить кирпич чаю или кусок далембы, но и чтобы получить помощь или совет в случае болезни, семейной ссоры или столкновений между однохошунцами»[29].

Успешная деятельность А. В. Бурдукова и его Товарищества была прервана кровавой авантюрой Унгерна: имущество было разграблено, А. В. Бурдукова, М. Д. Хомутова, М. Н. Новикова Унгерн приказал расстрелять[30]. Белогвардейскому отряду Казанцева удалось арестовать Бурдукова, но его спас и взял под свою защиту Хатан-Батор Максаржаб, давно знавший его.

Алексей Васильевич принял активное участие в монгольской Народной революции, боролся в отрядах Хатан-Батора Максаржаба и Хас-Батора за освобождение Западной Монголии от белогвардейцев. Об этом Бурдуков рассказывает в своих воспоминаниях.

После установления в Монголии Народной власти и окончания гражданской войны в Сибири А. В. Бурдуков активно и плодотворно работал по налаживанию советско-монгольской торговли, что имело большое экономическое и политическое значение для обеих стран. Советская Россия, в особенности Сибирь, разоренная гражданской войной, остро

---

[28] Там же. Заявление А. В. Бурдукова консулу в г. Кобдо от 22 июня 1917 г. и письмо консула А. В. Бурдукову от 24 июня 1917 г.

[29] И. М. Майский, *Монголия накануне революции*, М., 1959, стр. 10.

[30] В архиве А. В. Бурдукова хранится копия приказа Унгерна от 13 мая 1921 г. (№ 920) Казанцеву и Ванданову расстрелять «именующего себя народником Бурдукова Алексея Васильевича, Хомутова М., Новикова М. и других». Этот приказ вместе с другими документами был подобран А. В. Бурдуковым в Улясутае в 1921 г. после разгрома штаба белых восставшими монголами. Документы были переданы представителю Коминтерна.

нуждалась в монгольском скоте, кожах, шерсти. В еще большей степени торговля с Советской Россией была необходима молодой Народной Монголии для ее экономического развития и успешного сопротивления пытавшемуся закабалить ее иностранному капиталу. В апреле 1920 г. И. М. Майский, начальник Монгольской экспедиции Иркутской конторы Центросоюза, привлек Алексея Васильевича к работе в Центросоюзе. С 1921 по 1925 г. А. В. Бурдуков успешно заведовал Прикосогольской конторой. Хатхыл, где находилась эта контора, вырос в то время в русский поселок с пристанью и пароходом, почтово-телеграфной конторой, кузницей и слесарной мастерской, ветеринарным и фельдшерско-амбулаторным пунктами, метеорологической станцией, школой и библиотекой, постоянно пополняемой новинками экономической и художественной литературы. Алексей Васильевич энергично помогал всем этим учреждениям. Неоднократно он бывал в ответственных командировках (в Урге, Калгане, в Москве)[31], выполнял различные поручения советского полпредства в Монголии, выступал с докладами и статьями о нуждах советско-монгольской торговли[32]. В 1925—1926 гг. Бурдуков работал заместителем заведующего Общемонгольской конторой Сибгосторга в Новосибирске. Таковы краткие сведения о хозяйственной и общественной деятельности А. В. Бурдукова в Монголии.

За 30 лет жизни в Монголии Бурдуков стал превосходным знатоком ее природы, хозяйства, быта и языка монгольского народа. Эти знания позволили ему быть активным помощником и консультантом многих путешественников и ученых, а после возвращения в СССР стать ученым-моноголоведом. Попытаемся проследить этот нелегкий и своеобразный путь А. В. Бурдукова в науку.

С 13-летнего возраста, «живя постоянно среди монголов долгие годы почти в одиночестве, — писал Бурдуков в своей краткой автобиографии в 1938 г., — я хорошо изучил монгольский язык и быт. В связи с этим у меня появился интерес к монголоведению». Любознательный и наблюдательный, он записывал песни, сказки, пословицы монголов, приобретал старинные книги, нанял монгола для переписки старинных

[31] ГАИО, ф. 710 (Центросоюза), оп. 4, д. 180, св. 1, л. 7; оп. 1, д. 754, лл. 1—2, 6—12.

[32] А. Бурдуков: *Транспорт и транзит в торговле с Монголией,* — «Союз потребителей», М., 1924, № 4, стр. 57—59; *Сибирь и Монголия,* — «Жизнь Сибири», 1926, № 9 (49), стр. 89—96; *Чуйский тракт,*—«Хозяйство Монголии», Улан-Батор, 1929, № 5 (15), стр. 74—83; рукописи: «Хатхыл. Экономическое описание Прикосогольского района», «Хангинский пограничный район. Ярмарка Дзулай», 1922.

рукописей. Свои записи он показывал приезжавшим в Монголию русским. По совету секретаря российского консульства в Улясутае А. В. Бурдуков 8 декабря 1909 г. отправил профессору Петербургского университета монголоведу В. Л. Котвичу письмо и монгольские рукописи. В письме он сообщал, что уже 15 лет живет среди монголов, знает их язык, собирает монгольские книги и мог бы записывать былины и песни монголов. А. В. Бурдуков интересовался, какие монгольские книги изданы в России, где можно приобрести учебники и словари монгольского языка. «Дайте мне наставление, совет и руководство, — просил он В. Л. Котвича, — чтобы я мог что-нибудь сделать полезное для Вас и Вашего университета»[33]. 30 декабря 1909 г. В. Л. Котвич ответил А. В. Бурдукову, что очень рад хоть письменно познакомиться с ним, что все присланное им «для нас очень ценно» и он спешит от души поблагодарить его за пожертвования и особенно за готовность оказывать и в будущем содействие к получению книг и других предметов. С тех пор между ними установилась постоянная переписка[34]. В. Л. Котвич направлял самообразование А. В. Бурдукова, присылал ему книги: монгольскую и тибетскую азбуки, монгольскую грамматику, русско-калмыцкий словарь, свою калмыцкую грамматику и вообще все свои печатные работы и труды других монголоведов, книги, изданные в России на монгольском, калмыцком и тибетском языках, полный комплект издававшейся с 1909 г. русским консульством в Харбине газеты на монгольском языке «Монголун сонин бичик» и выписал два экземпляра ее для Бурдукова. В. Л. Котвич помогал А. В. Бурдукову своими указаниями, советовал, какие делать записи и как оформлять монгольский текст русскими буквами, просил отыскивать старые каменные памятники, фотографировать наиболее интересные предметы. А. В. Бурдуков посылал Котвичу свои записи, целые тюки старинных рукописей и книг, фотографии, образцы плит из раскопанной могилы, карты различных районов Монголии, предметы быта и многое другое. В. Л. Котвич каждый раз с благодарностью отмечал ценность этих материалов для науки[35]. 29 ноября 1910 г. он доложил Русскому комитету для изучения Средней и Восточной Азии, что «г. Бурдуков, благодаря продолжительному пребыванию среди дэрбэтов,

[33] Архив АН СССР, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 24, лл. 1—2.

[34] У А. В. Бурдукова сохранилось 16 писем В. Л. Котвича за 1909—1928 гг. В фонде Котвича в Архиве АН СССР (ф. 761) хранится 31 письмо А. В. Бурдукова за те же годы.

[35] Архив А. В. Бурдукова. См. письма В. Л. Котвича А. В. Бурдукову от 12 октября, 6 декабря 1910 г., 14 июня 1912 г.

хорошо усвоил себе их язык, изучил местные условия и завязал там прочные связи». Русский комитет признал содействие А. В. Бурдукова «весьма полезным и на будущее время» и постановил выдать ему 300 руб. для приобретения рукописей, книг и других материалов по указаниям В. Л. Котвича[36]. Алексей Васильевич вскоре писал В. Л. Котвичу, что от субсидии не отказывается только потому, что имеет теперь нужду в деньгах, но взялся за это дело «не с коммерческой целью, а по искреннему желанию принести хоть капельку пользы науке». И как только он выберется из долгов, вернет эту субсидию Русскому комитету, «чтобы она сослужила свою службу такому же, как я»[37]. Профессор Котвич неоднократно сам обращался в Алексею Васильевичу с различными вопросами: «О количестве душ или семейств баитов и дербетов», «сколько платят они албан и другие сборы князю», «дербетские названия караулов на границе земли дербетов», «есть ли у вана дербетов какая-то „История дербетов"» и проч.[38]. В январе 1914 г., подготавливая к печати брошюру «Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии» с картой, Котвич прислал ее Бурдукову с просьбой внимательно рассмотреть и сообщить свои замечания и дополнения. «У меня не оказалось достаточно данных для разделения Кобдосского округа на княжества. Не найдется ли у Вас каких-либо материалов?» — писал В. Л. Котвич[39]. А. В. Бурдуков охотно удовлетворял просьбы Котвича.

Котвич познакомил с Бурдуковым своего ученика Б. Я. Владимирцова. Когда в 1911 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии командировал Б. Я. Владимирцова к баитам Кобдоского округа, Котвич просил Алексея Васильевича оказать молодому ученому помощь «Вашим долголетним опытом и облегчить ему возможно всестороннее изучение баитов, их языка, сказаний и проч. Из его слов Вы убедитесь, какое значение мы придаем изучению Монголии и как ценим и Ваше с нами сотрудничество»[40]. Б. Я. Владимирцов прожил у А. В. Бурдукова около двух месяцев. В своем отчете о командировке он с большой признательностью отметил и радушное гостеприимство и помощь Алексея Васильевича. «А. В. Бурдуков оказывал мне большое содействие при собирании

[36] «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, 1912, № 1, стр. 36—38.

[37] Архив АН СССР, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 24, лл. 100, 101. Письмо от 12 сентября 1912 г.

[38] Архив А. В. Бурдукова. Письма В. Л. Котвича от 4 января и 6 декабря 1910 г., 7 января 1914 г., 12 мая 1928 г. и другие.

[39] Там же. Письмо В. Л. Котвича от 7 января 1914 г.

[40] Там же. Письмо В. Л. Котвича А. В. Бурдукову от 26 апреля 1911 г.

лингвистических и этнографических материалов, помогая мне входить в сношения с разными лицами и т. п., приходилось мне также постоянно прибегать и к его практическим познаниям в монгольском языке»[41]. В личном письме Алексею Васильевичу Б. Я. Владимирцов писал: «Да, я думаю, мы теперь будем друзьями на всю жизнь... Я у Вас вечный должник...»[42]. За содействие, оказанное Б. Я. Владимирцову, свою благодарность А. В. Бурдукову выразили Русский комитет[43] и лично В. Л. Котвич. «Считаю приятным для себя долгом выразить Вам мою искреннейшую благодарность за все то содействие, которое Вы оказали ему в его работах. Те чувства искренней симпатии, которые внушили мне к Вам Ваши письма, — писал В. Л. Котвич А. В. Бурдукову, — разделяет уже на основании личного опыта Б. Я. Владимирцов»[44]. С той поры установилась постоянная переписка и прочная дружба А. В. Бурдукова с Б. Я. Владимирцовым. Личное общение и переписка[45] взаимно обогащали каждого из них. Бурдуков посылал Б. Я. Владимирцову множество монгольских рукописей и книг, карты, свои записи, материалы и статьи, оказывал ему всестороннее содействие во время пребывания его в Монголии, в своих письмах подробно и систематически информировал его о событиях в Монголии. Письма А. В. Бурдукова и сейчас интересны для монголоведов. В свою очередь Б. Я. Владимирцов знакомил А. В. Бурдукова с монгольской грамматикой, с академической транскрипцией, с научными основами монголоведения, сообщал ему о политических событиях в России и всех новостях в науке; в письмах всегда спрашивал: «Какие бы книги Вы хотели получить?» — и высылал ему учебники, словари, хрестоматии и все новинки по монголоведению. Б. Я. Владимирцов издавал некоторые материалы, присланные А. В. Бурдуковым (например, в 1911 г. монгольскую карту земель дербетов и баитов со своими объяснениями)[46], редактировал его статьи, указывая, что́ нужно уточнить или доработать. По поводу его статьи о молочных про-

---

[41] «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, 1912, № 1, стр. 10.

[42] Архив А. В. Бурдукова. Письмо Б. Я. Владимирцова от 15 мая 1912 г. из Парижа А. В. Бурдукову.

[43] «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, 1913, № 2, стр. 6.

[44] Архив А. В. Бурдукова. Письмо В. Л. Котвича А. В. Бурдукову от 30 ноября 1911 г.

[45] У А. В. Бурдукова сохранилось 28 писем Б. Я. Владимирцова за 1912—1923 гг.

[46] «Известия Русского географического общества», т. 47, 1911, вып. 7—10.

дуктах у монголов Б. Я. Владимирцов писал, что она «очень интересна и хорошо написана, но, позволю себе думать, не вполне достаточно... хотя и очень обстоятельная, но слишком кратка». Он указал, что́ именно нужно написать подробнее, и рекомендовал обратить особое внимание на выяснение роли молочных продуктов в быту монголов. «Мне кажется, что эти все вопросы очень важные и настолько сложные, что их выяснить может только такой знаток быта монголов, как Вы. Я, например, не берусь... Как монголист я бы очень Вас просил серьезно заняться молочными продуктами...» [47]. Но и сам Б. Я. Владимирцов неоднократно обращался с различными вопросами и просьбами к А. В. Бурдукову. «Будьте добры, дорогой Алексей Васильевич, — писал он из Лондона 26 сентября 1912 г., — пришлите мне фотографию баитского плуга с подробными названиями всех частей. Очень Вам буду за это благодарен. Напишите, пожалуйста, также, когда точно у баитов начинают пахать». Б. Я. Владимирцов просил узнать точно названия урянхайских хошунов и родов, записать и присылать ему дамбиэлетские, дербетские, халхаские сказки, поискать монгольские книжки с рассказами о зверях и животных, спрашивал значение и перевод нескольких монгольских слов и т. п. [48].

В 1912 г. Бурдуков через Б. Я. Владимирцова заочно познакомился с Г. Н. Потаниным, который стал тоже поддерживать и направлять стремление Бурдукова к изучению Монголии. Потанин советовал привлечь к этому делу и других русских жителей [49]. Г. Н. Потанин также обращался к Бурдукову со множеством вопросов. Многие из 17 сохранившихся у А. В. Бурдукова писем Г. Н. Потанина почти сплошь состоят из вопросов, касающихся различных сторон жизни монгольского народа.

Бурдуков, по свидетельству академика И. М. Майского, принадлежал к типу людей, которые всегда «ищут правду». Это стремление проявилось у него в форме страстного просветительства: он учился сам и учил других. Во время длительного (в течение семи месяцев 1919/20 г.) пребывания экспедиции И. М. Майского на заимке у Бурдукова, «в долгие зимние вечера, — пишет И. М. Майский, — мы не раз беседовали с Алексеем Васильевичем на различные общественно-политиче-

[47] Архив А. В. Бурдукова. Письмо Б. Я. Владимирцова А. В. Бурдукову от 16 декабря 1916 г.

[48] Там же. Письма Б. Я. Владимирцова от 27 сентября 1915 г., 26 мая и 2 сентября 1916 г. и другие.

[49] Там же. Письмо Г. Н. Потанина из Томска А. В. Бурдукову от 14 марта 1917 г.

ские темы, что способствовало постепенному переходу его с позиций просветительских на позиции революционные»[50]. В то же время Бурдуков оказал большое содействие И. М. Майскому. «Бурдуков предоставил здесь в мое распоряжение, — пишет И. М. Майский, — не только удобное помещение и библиотеку (которая имела тогда для меня огромную ценность), но и свои связи с монголами и свое несравненное знание страны, населения и местных порядков. Во время работы над книгой („Современная Монголия".— *Е. Д.*) я постоянно консультировался с Бурдуковым по всем неясным для меня вопросам, и Бурдуков был первым читателем ее — еще в рукописи, — когда я закончил свою работу»[51]. В своей книге И. М. Майский неоднократно ссылается на сведения, сообщенные ему Бурдуковым, а также П. И. Кряжевым, С. Б. Цыбыктаровым и другими русскими старожилами[52]. И после возвращения из экспедиции И. М. Майский поддерживал дружеские отношения и переписку[53] с Бурдуковым, посылал ему свои книги, газеты и журналы. Бурдуков направлял Майскому материалы о новой Монголии.

Почти все исследователи Монголии начала XX в. использовали сведения, сообщенные А. В. Бурдуковым. Г. Е. Грумм-Гржимайло, ссылаясь на заметки, материалы и замечания А. В. Бурдукова, неоднократно вносил исправления в свой трехтомный труд[54]. А. Д. Каллиников, подняв в 30-х годах совершенно новый тогда в литературе вопрос об аратском движении в доавтономной Монголии, ссылался на сообщения А. В. Бурдукова о движении аратов в Западной Монголии[55].

Приведенные здесь примеры показывают, как охотно, щедро и бескорыстно делился Алексей Васильевич своими знаниями с исследователями Монголии. Он оказывал им посильную материальную помощь. В 1915 г. Бурдуков собрал среди своих товарищей деньги в фонд имени Г. Н. Потанина, открытый Томским обществом изучения Сибири, за что тепло благодарил его Вяч. Шишков[56]. Весной 1916 г. А. В. Бурдуков

---

[50] И. М. Майский, *Монголия накануне революции*, стр. 9, 10.

[51] Там же, стр. 10.

[52] И. М. Майский, *Современная Монголия*, Иркутск, 1921, стр. I—III, 2, 10, 20, 25, 26, 30, 31, 37, 129, 200, 201, 255.

[53] В архиве А. В. Бурдукова сохранилось восемь писем и одна телеграмма И. М. Майского за 1919—1933 гг.

[54] Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. III, вып. 2, 1930, стр. II.

[55] Ан. Каллиников, *Аратское революционное движение в доавтономной Монголии*,— «Революционный Восток», 1934, № 3 (25), стр. 153, 154.

[56] Архив А. В. Бурдукова. Письмо Вяч. Шишкова А. В. Бурдукову от 19 марта 1915 г.

обратился к Г. Н. Потанину и в Томское общество изучения Сибири с письмом, в котором писал: «Прожив долгие годы в Монголии и сознавая важность ее изучения для России, как соседней страны, а для Сибири в частности... я со своей стороны по мере возможности желал бы содействовать обществу в деле изучения Монголии». Он предложил Обществу командировать в Монголию на срок до одного года специалиста (геолога, археолога, ботаника, географа, этнографа, художника или писателя). А. В. Бурдуков обещал оплатить дорогу от Бийска до Уланкома и обратно, а в компании с другими русскими жителями предоставить в бесплатное пользование юрту, готовый стол, лошадей и проводника-монгола, по возможности знающего русский язык[57]. Г. Н. Потанин и Б. Я. Владимирцов тепло приветствовали предложение Бурдукова. «...Прекрасную вещь Вы это придумали, редкостную»,— писал Б. Я. Владимирцов Бурдукову 7 августа 1916 г. По рекомендации профессора В. В. Сапожникова в Монголию для ботанико-географических исследований была командирована М. Ф. Нейбург, его лаборантка, курсистка Высших женских курсов в Томске. Поездка М. Ф. Нейбург была весьма плодотворной[58]. Г. Н. Потанин и Совет общества изучения Сибири выразили Бурдукову глубокую благодарность.

А. В. Бурдуков был страстным коллекционером. За годы пребывания в Монголии он собрал ценнейшую коллекцию старинных монгольских рукописей и книг, множество записей фольклора и других материалов, которые хранятся в архивах СССР[59]. Сборы и записи Бурдукова, благодаря превосход-

---

[57] «Изучение Монголии»,— «Вестник Азии», 1916, № 38—39, стр. 215, 216; «К изучению Монголии» (Предложение А. В. Бурдукова субсидировать изучающего Монголию),— «Китай и Япония», 1916, № 240, стр. 54.

[58] Эта поездка определила судьбу и научные интересы М. Ф. Нейбург. Став геологом, она писала 12 июня 1925 г. А. В. Бурдукову, что «не хочет думать о другом районе исследования, кроме Монголии. Ведь подвернуло же Вас в 1916 г. Не будь бы этого, неизвестно, какое бы направление приняла моя жизнь. Это я говорю не с упреком... а со всегдашней благодарностью». М. Ф. Нейбург — доктор геологических наук, работала в АН СССР (скончалась в 1962 г.).

[59] Среди них: «История ханов Индии, Тибета и Монголии», летопись «Болор Толи», «Джангар», былины Дайни Кюрюль и Сидид-кур, «Хан Харангуй», монгольский лечебник, биография Зая-Пандита, ведомости подсчетов различных повинностей аратов по хошуну, письма Джалхандза-хутухты, карты земель баитов, дербетов, почтовых станций и множество других материалов.

Но далеко не все собранные Бурдуковым материалы сохранились. Большое количество рукописей, книг, дневников, фотографий и других материалов было уничтожено по приказу Унгерна в 1921 г., а также похищено из вагона в Свердловске во время переезда Бурдукова из Сибири в Ленинград.

ному знанию языка, отличались особой точностью и тщательностью, что отмечали В. Л. Котвич и Б. Я. Владимирцов[60]. А. В. Бурдуков при помощи Аполлинарии Ивановны и М. Д. Хомутова собрал большую фотоколлекцию видов Монголии, снимков быта и общественной жизни монголов. В начале 1913 г. Бурдуков сделал три фотоальбома (по 125 фотографий), и передал один через К. В. Юрганову В. Л. Котвичу для Этнографического музея, второй — в Томск Географическому обществу, третий — Бийскому музею. А в 1914 г. он осуществил свою давнюю мысль: начал издавать серию открыток о Монголии, для широкого ознакомления с ней жителей России[61]. Фотографии Бурдукова использовали в своих трудах монголоведы. Бурдуков доставил много естественно-исторических, этнографических и других коллекций в музеи России. Так, в 1910 г. он отправил В. Л. Котвичу для Азиатского музея коллекцию предметов быта дербетов. В 1913—1916 гг. он подарил Зоологическому музею Академии наук шкуры и черепа диких горных баранов из окрестностей г. Кобдо и озера Упса-нор, шкуры и черепа различных крупных зверей с хребта Хан-Хухэй, разных грызунов, летучих мышей, землероек; коллекцию млекопитающих и т. п.[62]. В начале 1914 г. Бурдуков преподнес в дар Академии наук коллекцию писанных икон и других предметов буддийского культа из баитского монастыря, за что, по поручению конференции АН, ее непременный секретарь С. Ф. Ольденбург выразил Бурдукову в письме от 6 февраля искреннюю признательность. Осенью 1915 г. по просьбе известного этнографа Л. Я. Штернберга, переданной через Б. Я. Владимирцова, Бурдуков доставил коллекцию разных шапок монгольских племен Кобдоского округа[63]. За труды по собиранию материалов по монголоведению Совет Русского географического общества еще в 1911 г. наградил Алексея Васильевича Бурдукова малой серебряной медалью[64]. «Медаль эта для меня дорога потому, что присуждена ученым обществом,— писал Бурдуков 3 июня 1911 г.

---

[60] Так, например, Б. Я. Владимирцов отмечал: «Среди рукописей с биографией Зая-Пандита лучшей является та, которая была найдена А. В. Бурдуковым в северо-западной Монголии». («Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», Л., 1934, стр. 18). См. также отзыв В. Л. Котвича в «Трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО», т. XIV, вып. 1—2, 1911, стр. 54.

[61] Архив АН СССР, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 24, лл. 39, 43, 99, 114.

[62] В архиве А. В. Бурдукова сохранилось семь писем директора Зоологического музея акад. Н. В. Насонова по поводу этих коллекций.

[63] Архив А. В. Бурдукова. Письмо Б. Я. Владимирцова А. В. Бурдукову от 27 сентября 1915 г.

[64] «Известия Русского географического общества», т. 47, 1911, стр. 99.

В. Л. Котвичу.— В основу же всех ученых обществ положена основная мысль гуманности, сближения всех народов мирным путем. Поэтому и моя капелька труда будет участвовать в этом великом деле»[65].

Активной помощницей Бурдукова была его жена Аполлинария Ивановна. Она систематически с 1911 г. вела метеорологические наблюдения в Монголии. Ее метеорологические дневники использовали Г. Е. Грумм-Гржимайло, И. М. Майский и другие. Она изучала ботанику, собирала гербарий. Один из них (48 видов растений), собранный в 1914 г. в районе р. Хангельцык, тогда еще малоизвестном, был доставлен в Томск и опубликован Г. Н. Потаниным, причем А. И. Бурдукова указала монгольские названия растений и применение их монголами[66].

По поручению Г. Н. Потанина А. И. Бурдукова собирала весеннюю флору и плоды, отдельные редкие растения, флору области сыпучих песков и т. п.[67].

К собиранию материалов по монголоведению А. В. Бурдуков привлек также и своих знакомых торговых служащих, живущих в Монголии: М. Д. Хомутова, В. Д. Оболенского, Е. В. Бурдукова, И. Я. Мокина, И. Д. Гуляева, И. Васильченко и других. Михаил Дмитриевич Хомутов, двоюродный брат и близкий друг Алексея Васильевича, был одаренным художником-самоучкой. «Он на меня произвел чрезвычайно хорошее впечатление, — писала о нем А. В. Бурдукову К. В. Юрганова 6 января 1914 г. — Я страшно рада, что среди сибиряков встретила еще одного знакомого, не чуждого высоких порывов любви к искусству»[68]. У М. Д. Хомутова было много рисунков и картин о Монголии. В 1920 г. И. М. Майский принял от него «с искренней благодарностью несколько удачно исполненных карандашом монгольских типов»[69].

В. Д. Оболенского А. В. Бурдуков познакомил с Г. Н. Потаниным. Последний записал и опубликовал работу Оболенского «Монгольский Алтай между Булугуном и Барлыком». Несколько позднее сам Оболенский написал статью о Кобдо, снабдив ее рисунками, очерк «Хошун князя Мани-Базаргуна»[70]. Б. Я. Владимирцов издал переданные ему Е. В. Бур-

---

[65] Архив АН СССР, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 24, лл. 72, 73.

[66] Г. Потанин, *Сборы Аполлинарии Бурдуковой на хр. Ханкоко, близ р. Хангельцык, р. Сонгин и с г. Цаган-Хайрхан,* — «Труды Томского общества изучения Сибири», т. III, вып. 1, 1915, стр. 21, 22.

[67] Архив А. В. Бурдукова. Письма Г. Н. Потанина А. В. Бурдукову от 26 ноября и 9 декабря 1915 г., 17 марта и 7 апреля 1917 г.

[68] Там же.

[69] И. Майский, *Современная Монголия,* стр. III.

[70] «Труды Общества изучения Сибири», т. III, вып. 2, 1915, стр. 23—37.

дуковым книгу о зверях и «Сказки Бадная», одну из сказок, записанных И. Я. Мокиным[71]. И. Д. Гуляев и И. Васильченко раскопали древнюю могилу, нашли плиту с надписью.

Собирательская деятельность А. В. Бурдукова и его товарищей была успешной благодаря тесным и дружественным отношениям их с монголами. Так, «знакомый и друг монгол Санэгинка» дал Бурдукову старинную монгольскую карту-путеводитель, которой пользовался еще его дед. Карту Кобдоского округа дал ему «тихонько, на короткий срок, с разрешением снять копию хороший знакомый». Монголы давали редкие старинные книги и рукописи для перепечатания, рассказывали ему легенды, сказки, сами записывали и присылали ему песни и былины. Бурдуков приглашал к себе лучших былинщиков для записи их былин (например, баит Парчен-тульчитайджи), искусным мастерам заказывал изготовление экспонатов для музеев России. А. В. Бурдуков дарил монголам книги, которые присылали ему В. Л. Котвич и Б. Я. Владимирцов: монгольскую и тибетскую азбуки, сказания о Джангаре, «Географию», «300 бурханов», летопись Хухэ-Дебтер, карту-схему караулов и пр. Посылая в дар Петербургскому университету старинную карту-путеводитель, А. В. Бурдуков просил снять копию и отпечатать ее, чтобы он «мог подарить ее знакомым монголам. Такая карта для них очень интересна, ее бы постарался приобрести каждый грамотный монгол». Раздав эти карты, он просил Котвича прислать еще: «Монголы ее спрашивают»[72]. Но больше всего монголы интересовались монгольской газетой «Монголун сонин бичик», издававшейся в Харбине русскими. «У меня эту газету просили многие монголы, они ею весьма интересуются, так как я посланные Вами экземпляры все роздал»,— писал Бурдуков 16 ноября 1910 г. В. Л. Котвичу. А вскоре монгольский чиновник Го-гун, с которым он был «в очень хороших отношениях», убедительно просил его подписаться для него на эту газету, желая получить полный ее комплект со дня издания. В 1912 г. Бурдуков привлек уже около десяти подписчиков на «Монголун сонин бичик»[73].

Дружба Бурдукова с монголами, таким образом, не только содействовала успешности сбора различных материалов, но

---

[71] Б. Я. Владимирцов, *Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra*, Пг., 1921, стр. 7.

[72] Архив АН СССР, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 24, лл. 6, 7, 103. Письма А. В. Бурдукова В. Л. Котвичу от 19 января 1910 г., 16 ноября 1912 г. и другие.

[73] Там же, лл. 54, 55, 103 об. Письма А. В. Бурдукова В. Л. Котвичу от 2 февраля 1911 г., 16 ноября 1912 г.

и способствовала ознакомлению монголов с изданными в России книгами и газетами на их языке.

Длительное пребывание среди монголов, живой интерес к их жизни, общение и переписка с учеными — В. Л. Котвичем, Б. Я. Владимирцовым, Г. Н. Потаниным, И. М. Майским и другими, — собирание и описание различных коллекций, подбор большой специальной библиотеки по монголоведению, насчитывавшей более тысячи книг, упорное, систематическое самообразование — все это постепенно готовило А. В. Бурдукова-коллекционера, помощника и консультанта ученых-путешественников — к самостоятельному исследованию Монголии.

Перу А. В. Бурдукова принадлежит целый ряд оригинальных работ и записей фольклора. В. Л. Котвич в 1910 г. опубликовал под своей редакцией «Образцы баитских пословиц» А. Бурдукова. В своем предисловии к публикации В. Л. Котвич указывал, что баиты имеют богатую народную литературу, поэтому ближайшее изучение их является «весьма важным, и при скудности имеющихся у нас о них сведений, несомненный интерес представляют баитские пословицы, записанные А. В. Бурдуковым. Г[осподин] Бурдуков, благодаря долгому пребыванию в дербетской земле, прекрасно изучил язык и нравы местного населения и потому на собранные им сведения можно положиться»[74]. В. Л. Котвич опубликовал 21 пословицу баитов (из ста собранных) в русской транскрипции с переводом и комментариями А. В. Бурдукова. Транскрипция А. В. Бурдукова была тогда еще несовершенна, но профессор В. Л. Котвич не решился ее исправить, так как никто из русских монголоведов в то время еще не знал языка баитов. Комментарии к пословицам, очень интересные и ценные, не только поясняют смысл пословиц и случаи, при которых они употребляются, но также характеризуют мышление, условия жизни монголов. Это была первая работа А. В. Бурдукова, появившаяся в печати. «О том чувстве, которое я испытал по получении этого печатного листа, говорить не буду, — писал он В. Л. Котвичу 25 октября 1916 г. — Вы сами хорошо знаете, что должен чувствовать малограмотный и необразованный автор, впервые увидев свою печатную подпись и одобрение такого авторитета как Вы! Этот первый печатный лист и Ваш похвальный отзыв пусть послужат мне путеводной звездой на этом пути»[75]. Поддержка В. Л. Котвича вдохновила Алексея Васильевича на дальнейшие труды. Он не только продолжает сбор и обработку фольклора, но также начинает писать статьи

---

[74] Цит. по: А. Бурдуков, *Образцы баитских пословиц,* — «Живая старина», 1910, вып. 3. кн. 75, стр. 254—259.

[75] Архив АН СССР, ф. 761, оп. 2, ед. хр. 24, л. 21.

и рассказы о жизни Монголии. Так, в 1910—1911 гг. он прислал В. Л. Котвичу «Диспут двух подростков монголов», «Песню влюбленного дербета» (текст, перевод и собственное поэтическое изложение в подражание А. Кольцову), «Рассказ из жизни монгольских племен Северо-Западной Монголии» (о взаимоотношениях халхасцев и дербетов), «Встреча Нового года в Монголии», «Рассказы о сурке (тарбагане), записанные в Монголии»[76]. В 1911 г. В. Л. Котвич опубликовал под своей редакцией «Предание о происхождении дэрбетских князей кости Цорос», записанное А. В. Бурдуковым. В. Л. Котвич отмечал, что об этом широко распространенном в Северо-Западной Монголии предании впервые сообщил еще Паллас, разные варианты его записали Г. Н. Потанин и Б. Я. Владимирцов. Запись же А. В. Бурдукова «отличается наибольшей полнотою и, повидимому, чистотою». А. В. Бурдуков снабдил это поэтическое предание интересными этнографическими пояснениями[77].

В 1911—1912 гг., в период национально-освободительного движения в Монголии, А. В. Бурдуков становится корреспондентом ряда газет и научных обществ. В 1911 г. избрало его своим членом-корреспондентом Общество русских ориенталистов в Петербурге. Предварительно один из членов общества писал А. В. Бурдукову: «Тот интерес, который Вы проявляете в деле всестороннего изучения Монголии, как о том сообщали мне все близко Вас знающие люди, позволяет мне обратиться к Вам, М. Г., с предварительным предложением взять на себя труд быть членом-корреспондентом нашего общества». С конца 1910 г. А. В. Бурдуков публикует свои корреспонденции в бийской газете «Алтай» под псевдонимом Чуец, в 1911—1912 гг. — в «Монголун сонин бичик». В 1912 г. А. В. Бурдуков, связавшись через Б. Я. Владимирцова с Г. Н. Потаниным, становится собственным корреспондентом в Монголии томской газеты «Сибирская жизнь», в которой он сотрудничал под псевдонимом А. Чуец до 1917 г. Только за один 1912 год в «Сибирской жизни» А. В. Бурдуков опубликовал 20 корреспонденций. В них он, на основании своих наблюдений, рассказов знакомых монголов и документов, сообщал подробные и достоверные сведения о ходе борьбы за независимость в Северо-Западной Монголии, о военных действиях в районе г. Кобдо, о лагерях монгольских войск, биографии и характеристики видных борцов за независимость, описывал свои встречи и весьма интересные беседы с ними.

---

[76] Там же, лл. 23—33, 56—64, 120—124, 135—138, 140—143.

[77] «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО», т. XIV, вып. 1—2, 1911, стр. 54—59.

В 1913—1914 гг. Бурдуков сообщал о борьбе монголов с агентами Палта-Вана из алтайских киргизов, о приезде в Северо-Западную Монголию министра внутренних дел Да-Ламы, о своей встрече с ним и о его смерти[78]. В 1913—1915 гг. он опубликовал несколько корреспонденций в «Торгово-промышленной газете». Корреспонденциям А. В. Бурдукова придавал большое значение Б. Я. Владимирцов: благодаря им в русской печати появились действительно достоверные сведения о событиях в Монголии. «Сегодня же пишу в библиотеку университета, чтобы выписали „Сибирскую жизнь" и „Алтай", чтобы Ваши корреспонденции не пропали для петербургских монголистов», — писал он Алексею Васильевичу из Лондона 25 июля 1912 г. Корреспонденции А. В. Бурдукова и в наши дни читаются с интересом, воскрешая многие забытые события.

Разъезжая по Монголии А. В. Бурдуков написал целую серию путевых заметок: «От Хангельцыка до Кош-Агача», «От Кош-Агача до Кобдо», «Г. Кобдо и его окрестности», «От Хангельцыка до Кяхты», «От Хангельцыка до Урги», «От Хангельцыка до Улясутая», «Перекати-поле» и другие. Глубокий интерес к жизни монголов, дружественные отношения с ними, превосходное знание языка и страны позволили А. В. Бурдукову сделать эти заметки подробными, достоверными, интересными, полными живых и точных зарисовок. Пример тому — путевые заметки «От Хангельцыка до Кош-Агача». В боевом и тревожном для Западной Монголии 1912 году Бурдуков увозил семью свою из Хангельцыка в Кош-Агач. Весь путь описан подробно, точно, живо.

Путевые заметки Бурдукова высоко ценил Г. Н. Потанин. Статью «От Хангельцыка до Кош-Агача» он признал настолько интересной и ценной, что счел необходимым перепечатать ее в Трудах общества изучения Сибири — «с целью сберечь ее от забвения»[79].

Кроме корреспонденций о политических событиях и путевых заметок А. В. Бурдуков публиковал в «Сибирской жизни»

---

[78] А. Чуец: *Волнения в г. Кобдо,* — «Сибирская жизнь», 2.III.1912; *К событиям в Монголии,* — там же, 8.IV.1912; *В независимой Монголии,* — там же, 20.IV.1912; *Среди джюнгар,* — там же, 1.VI.1912; *Приезд в Улан-гом Джахандзы-гегена и Наван-Церина-бейсэ,* — там же, 14.VI.1912; *Дела Кобдосские. Палта-Ван,* — там же, 5.VIII.1912; *Улан Гом,* — там же, 3.IX.1912; *Взятие монголами города Кобдо,* — там же, 4.IX.1912; *Кобдосский округ,* — там же, 5.IX.1912; *Нововведения в Кобдосском округе,* — там же, 26.XI.1912; *Тревожные слухи из северо-западной Монголии,* — там же, 27.XI.1912, и другие. Всего в «Сибирской жизни» за 1912—1916 гг. нами выявлено более 30 корреспонденций А. В. Бурдукова.

[79] «Труды Томского общества изучения Сибири», т. III, вып. 1, 1915, стр. III, 9—20.

статьи экономического характера. Так, по поводу сведений Ю. Кушелева[80] о количестве китайского населения в Монголии А. В. Бурдуков писал: «относительно Кобдо-Улясутайского округа, где я прожил много лет, я могу удостоверить полную фантастичность этих данных». Он сообщал, что в Улясутае в 1911 г. китайское население не превышало 3—4 тыс. человек (у Кушелева — 67 225), в г. Кобдо не достигало и 2 тыс. человек (у Кушелева — 85 540), а во всем Кобдоском округе едва ли наберется 50 тыс. населения (у Кушелева — 280 тыс. только китайцев). А. В. Бурдуков опроверг столь же неверные сведения Арк. Петрова о количестве скота в Монголии[81]. В годы первой мировой войны он вновь выступил с обстоятельной статьей[82] против господствовавшего в печати мнения о «колоссальных, неисчерпаемых скотоводческих богатствах Монголии». «По словам Арк. Петрова, — писал А. В. Бурдуков,— Монголия представляется этакой счастливой Аркадией, в которой население имеет большой доход от скота. На самом же деле скотоводство в Монголии примитивное, народ живет нищенски бедно, ведет полуголодное существование». Монгольское скотоводство нуждалось в радикальном улучшении и, как полагал А. В. Бурдуков, благотворное влияние на его развитие могли оказать культурные русские хозяйства в Монголии.

Летом 1912 г. Бурдуков написал интересную этнографическую статью об обычаях и знахарстве при родах и уходе за новорожденным у баитов[83]. Статья написана на основе расспросов ламы (8 лет занимавшегося акушерством), баиток и личных наблюдений автора и его жены, которые и сами оказывали баитам медицинскую помощь.

В начале 1913 г. Г. Н. Потанин предложил А. В. Бурдукову описать район, расположенный около хребта Хан-Хухей, — хошун князя Тюмы-баир-гуна. Район хребта «Хан-Хухэй не был пересечен ни одним русским путешественником, на карту он положен по китайским данным, в русской литературе о нем ничего нет. И все, что бы Вы о нем ни написали, будет новостью для ученого мира», — писал Г. Н. Потанин А. В. Бурдукову. В конце 1913 г. А. В. Бурдуков прислал Г. Н. Потанину

---

[80] Ю. Кушелев, *Монголия и монгольский вопрос*, СПб., 1912.

[81] А. Чуец, *Наши знания о Монголии*,— «Сибирская жизнь», 13.III. 1913.

[82] «Монголия, как поставщик мяса для России»,—«Сибирская жизнь», 4, 7, 10.II.1916.

[83] А. Бурдуков, *Роды у баитов (обычай и знахарство во время родов)*, — «Живая старина», 1916, вып. IV, стр. 081—087.

«Очерк баитского хошуна Тюмы-баир-гуна»[84]. В нем дано подробное географическое и социально-экономическое описание хошуна. Бурдуков указал ошибки на русских картах района рек Хангельцык и Барун-гурун. Он рассказал и о некоторых местных преданиях: о добыче здесь железа в старину, об огромных каменных глыбах в степи, якобы брошенных пастушкой богатыря Сартакая вслед убегавшим телятам.

А. В. Бурдуков подробно и всесторонне изучил и описал племя баитов: территорию кочевий, экономику, социальный состав, быт, фольклор, представил коллекции предметов быта. В 1916 г. по предложению А. Д. Руднева и Б. Я. Владимирцова отделение этнографии РГО избрало А. В. Бурдукова членом-сотрудником.

После монгольской Народной революции, работая в системе Центросоюза, Сибкрайсоюза и Сибгосторга, Бурдуков опубликовал несколько статей о нуждах и перспективах советско-монгольской торговли. Живя в Хатхыле и часто бывая в Иркутске, где находилась контора Центросоюза, он установил связь с Восточно-Сибирским отделом РГО. В 1923 г. Бурдуков был принят в его члены. В том же году он опубликовал две заметки. В одной из них показаны социально-политические преобразования в Монголии в первые годы революции[85], другая посвящена фольклорному сказанию монголов о гонимом ветром «перекати-поле», которое автор сравнивал с беззащитным простолюдином, находившимся в полном распоряжении князей и лам[86].

По инициативе и под руководством А. В. Бурдукова 15 августа 1924 г. в Иркутске был основан кружок содействия монголоведению при Монгольской конторе Сибкрайсоюза. По уставу кружка, утвержденному советским полпредством в Урге и Монгольским правительством, целью его являлось содействие всестороннему изучению Монголии путем устройства выставок, экскурсий, лекций и докладов на русском и монгольском языках, издания материалов по монголоведению. Кружок распространил по Монголии «Обращение ко всем сочувствующим монголоведению», в котором призвал жителей Монголии — русских, китайцев, монголов — активно содействовать изучению страны для успешного строительства новой жизни. Только за первый год существования число членов кружка

---

[84] Опубликован Г. Н. Потаниным в «Трудах Томского общества изучения Сибири», т. III, вып. I, 1915, стр. 1—8.

[85] А. Бурдуков, *Отмирающий быт,* — «Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отдела РГО», 1923, № 3, стр. 15, 16.

[86] А. Бурдуков, *Перекати-поле (Путевые заметки),* — там же, № 4, стр. 10.

увеличилось с 20 до 80. Были прочитаны доклады о Монголии и монголоведении, об археологических, геологических и ботанических исследованиях в Монголии, о Китае, о III съезде МНРП, о великом Хурулдане и другие. Члены кружка оказали содействие ученым, командированным в Монголию Иркутским университетом (Б. Э. Петри, Н. Н. Смирнову, Л. В. Львову) и Академией наук (М. Ф. Нейбург, З. А. Лебедевой, К. В. Вяткиной). По поручению Ленинградского института прикладной ботаники и новых культур А. В. и А. И. Бурдуковы собрали образцы хлебов Монголии. Член кружка И. Я. Мокин записывал монгольские сказки, В. Н. Мальцев собирал монгольские книги. Книги и рукописи собирали и монголы. На некоторых книгах, собранных монголами по поручению А. В. Бурдукова, есть такие, например, надписи: «По поручению А. В. Бурдукова. Доставлено Хаин-Кирва-тайжи, куплено им у Намджил-мерина... 4 октября 1924 г. Хатхыл»[87]. На краеведческой выставке в Иркутске, открытой к первому Восточно-Сибирскому краеведческому съезду, в отделе «Монголия» (оборудованном Сибкрайсоюзом) были экспонированы работы членов кружка: находки В. Е. Булатова и В. Д. Оболенского, фотографические снимки А. В. Бурдукова и И. П. Гринденко, этюды художника-любителя А. И. Китаева[88]. Газета «Власть труда», характеризуя выставку, среди разделов ее, заслуживающих наибольшего внимания, отметила и «уголок Монголии», «интересные... коллекции Сибкрайсоюза»[89]. По свидетельству директора Иркутской краевой геофизической обсерватории В. Б. Шостаковича, которому было поручено в 1924 г. организовать метеорологическую сеть в МНР, «очень ценное содействие» ему в этом деле оказал кружок. Сибгосторг доставил за свой счет более 20 ящиков приборов для четырех метеорологических станций, а кружок выделил для них из своей среды наблюдателей: в Хатхыле — А. И. Бурдукову, в Улясутае — К. Ф. Лыткина, в Вангине — К. В. Мальцеву, в Цзаине — Каргопольцева. «С особенной благодарностью отмечал В. Б. Шостакович горячее участие А. И. Бурдуковой»[90]. В 1925 г. А. В. и А. И. Бурдуковы были приняты в действительные члены Иркутского филиала Всесоюзной научной ассоциации восто-

---

[87] Л. С. Пучковский, *Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения,* М.—Л., 1957, стр. 69.

[88] Из доклада А. В. Бурдукова кружку содействия монголоведению 25 февраля 1925 г. Коллекция передана Иркутскому музею.

[89] «Власть труда», Иркутск, 16, 20.I.1925.

[90] В. Шостакович, *Необходимость и ближайшие задачи климатического изучения Монголии,* — «Бюллетень Иркутского филиала Всесоюзной научной Ассоциации востоковедения», 1926, № 1, стр. 44, 45.

коведения, который занимался преимущественно изучением Монголии. А. В. Бурдуков выступил здесь с докладом об обычном праве монголов[91].

После ликвидации Монгольской конторы Сибгосторга А. В. Бурдуков переехал в Ленинград, где в феврале 1927 г. был зачислен сверхштатным лектором монгольского языка Ленинградского Восточного института, а с октября того же года также и Ленинградского государственного университета. После выделения из ЛГУ — ЛИФЛИ А. В. Бурдуков работал и там в должности ассистента (с 1931 по 1933 г.), а с 1934 г. доцента. Через два года кафедра характеризовала его как одного из лучших своих членов. По настоянию Алексея Васильевича студентов первого курса стали посылать на практику в МНР, где они быстро и легко усваивали монгольский язык. В феврале 1935 г. А. В. Бурдуков был утвержден в звании доцента кафедры монгольского языка и литературы Ленинградского Восточного института.

Уже в первые годы преподавательской деятельности Бурдуков опубликовал несколько статей и переводов. В 1928 г. А. В. Бурдуков опубликовал два своих перевода: революционной пьесы-хроники монгольского автора Банзаракчи[92] и воспоминания Улан-Оторчи «Толбо-Нор». Пьеса рассказывает о действительных событиях в Улясутайском округе в 1920—1921 гг., о борьбе правителя округа Посту-бейле с китайскими милитаристами и белогвардейцами, о восстании монголов против белых в Улясутае под руководством Максаржаба. Перевод снабжен подробными и ценными комментариями (об авторе пьесы, с которым он был знаком, о действующих лицах и исторических событиях и др.); без них многое осталось бы непонятным для русского читателя. В предисловии Бурдуков писал: «Для нас она (пьеса. — *Е. Д.*) интересна, как документ, лишний раз говорящий о сильнейшем влиянии Октябрьской революции на соседние с нами страны... Только после своего „Октября" страна номадов бурно устремляется по пути национально-культурного возрождения и роста...» Перевод знакомил советского читателя с самыми первыми драматургическими опытами народных писателей МНР и с началом деятельности монгольского народного театра. Бурдуков присутствовал на представлении этой, тогда очень популярной пьесы, поставленной любителями-ревсомольцами в Народном доме в Улясутае.

---

[91] Там же, стр. 5, 108.

[92] «Многочисленные преступления и ошибки монгольских сановников, князей, чинов и простолюдинов, совершенные во время великих мировых смут», — «Сибирские огни», 1928, № 1, стр. 126—134.

Воспоминания Улан-Оторчи подробно воспроизводят одну из героических страниц совместной борьбы монгольского отряда Хас-Батора и советского отряда Байкалова против белогвардейцев в 1921 г. в Западной Монголии, в районе озера Толбо-Нор (в 170 верстах к северо-западу от Кобдо), где им пришлось выдержать 43-дневную осаду. А. В. Бурдуков сам участвовал в борьбе с белогвардейцами в этом районе и поэтому сумел дать ценные примечания к переводу[93]. Работа над переводом воспоминаний Улан-Оторчи побудила Алексея Васильевича записать и свои впечатления о национально-освободительном движении 1911 г. и о народной революции 1921 г. в Монголии[94].

В 1928 г. А. В. Бурдуков опубликовал статью, в которой подводил итоги 68-летней торговли бывшей царской России и СССР (преимущественно Сибири) с Монголией (1860—1927), имеющей большое значение для обоих государств. Наибольший интерес представляют разделы о торговле в период автономии Внешней Монголии и после Октябрьской революции. На основе документов и личных наблюдений автор сообщал сведения о деятельности в дореволюционной Монголии русских хошунных торговцев, Русского Экспортного Товарищества, Монгольской экспедиции по закупке скота для нужд действующих армий (1915—1918), о работе в Народной Монголии Центросоюза и Сибгосторга. Эта статья является в известной степени продолжением и полезным дополнением капитального исследования о русско-монгольской торговле до 1910 г. М. И. Боголепова и М. Н. Соболева.

В 1936 г. А. В. Бурдуков опубликовал очерк «Монгольская Народная Республика»[95], в котором описал период автономии, возникновение Народно-революционной партии, вооруженную борьбу с белогвардейцами, создание МНР, ее территорию, население, хозяйство и революционные преобразования. А. В. Бурдуков опубликовал и интересную этнографическую статью, в которой рассказал о способах приготовления молочных продуктов у халхасцев и баитов, а также о закономерностях в кочевках монголов и т. п.[96].

Превосходный знаток монгольского языка А. В. Бурдуков в 30-х годах составил несколько словарей. В 1929—1930 гг.

---

[93] «Сибирские огни», 1928, № 3, стр. 127—151. Опубликована только часть перевода.

[94] Архив А. В. Бурдукова. «1911 и 1921 годы в Монголии».

[95] «Колхозник», 1936, № 7, стр. 82—94.

[96] А. В. Бурдуков, *Значение молочных продуктов и способы их приготовления у монголов. в Джаргалантуйском и Джабхалантуйском округах Монгольской Народной Республики,* — «Советская этнография», 1936, № 1, стр. 121—128.

Монгольский центральный кооператив обратился к А. В. Бурдукову с просьбой составить практическое пособие для советских работников в МНР и для монголов. В 1935 г. были опубликованы Ленинградским Восточным институтом, составленные Бурдуковым по просьбе Монгольского Центрального кооператива русско-монгольский словарь разговорного языка и монгольско-русский разговорник. В 1937 г. по поручению издательства «Советская энциклопедия» Бурдуков составил русско-монгольский словарь (6 тыс. слов) и монгольско-русский словарь (7 тыс. слов), которые были изданы в 1937—1940 гг. Кроме того, Бурдуков по поручению Ленинградского Восточного института составил большой монгольско-русский словарь на 15 тыс. карточек, который остался неопубликованным. К сожалению, остались неопубликованными еще многие интересные работы А. В. Бурдукова[97].

В настоящей статье мы касаемся изучения А. В. Бурдуковым только собственно Монголии. Но это ограничение значительно обедняет характеристику А. В. Бурдукова как ученого, самостоятельного исследователя, так как со времени переезда в Ленинград, когда он полностью смог посвятить себя преподавательской и научной работе, он много и успешно занимался историей и этнографией калмыков. По поручению Академии наук СССР А. В. Бурдуков в 1929—1932 гг. совершил несколько научных командировок к каракольским, волжским и донским калмыкам и опубликовал несколько статей о них[98]. Ряд статей по истории калмыков был напечатан в газете «Ленинский путь» в г. Элисте. Но все основные и крупные работы Бурдукова о калмыках остались неизданными[99].

Всего Бурдуков написал более 40 научных работ и более 40 корреспонденций и заметок в газетах. Научное наследие Бурдукова ждет дальнейшего изучения и опубликования.

---

[97] «Пословицы и поговорки монголов» (с комментариями, 15 печ. л.); «Ойратские и калмыцкие сказители»; «Новый вариант Джангара» (текст и перевод на русский язык, 6 печ. л.); «Следы родового строя у ойратов» (1,5 печ. л.); «Конечный „н“ числительных в живой речи монголов»; «К вопросу об единственном числе в парных и собирательных словах монгольского языка»; «Культурно-революционное строительство в МНР по 1928 г.» (2 печ. л.), «1911 и 1921 годы в Монголии» (12 печ. л.).

[98] См. работы Бурдукова: *Краткий отчет о поездке к сарт-калмыкам 1929 г.,* — «Сборник годовых отчетов Всесоюзной Академии наук», Л., 1929; *Каракольские калмыки (сарт-калмыки),* — «Советская этнография», 1935, № 6, стр. 47—79; *Поездка к калмыкам,* — «Вестник Академии наук СССР», 1932, № 11, стр. 63, 64; *Этюды по этнографии калмыков,* — «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 122—124.

[99] Среди них: «Поездка к донским калмыкам в 1932 г.» (3 печ. л.); статьи для справочника «Народы СССР»: «Сарт-калмыки и «Калмыки»; статья «Калмыки» для Уральской советской энциклопедии и четырех-

В 1935 г. кафедра монгольского языка и литературы Ленинградского Восточного института возбудила ходатайство о присуждении Бурдукову ученой степени кандидата филологических наук. В связи с этим была представлена следующая характеристика его преподавательской и научно-общественной деятельности: «А. В. Бурдуков является крупным знатоком языка и быта монголов. Многолетнее пребывание в Монголии дало ему возможность приобрести такие практические знания монгольского языка, какими не обладает, можно смело утверждать, ни один европеец, и выработало из него первоклассного знатока быта почти всех монгольских народностей, населяющих МНР, а также калмыков Калмыцкой Республики и сарт-калмыков Киргизской АССР. В бытность в Монголии А. В. Бурдуков собрал ценнейшие коллекции старинных монгольских рукописей, являющихся в полном смысле слова жемчужиной монгольского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР. Кроме того, А. В. Бурдуковым были собраны богатые этнографические коллекции и сделаны многочисленные записи образцов фольклора ойратов, в частности калмыков и сарт-калмыков. Многие из крупных советских монголистов, как, например, академик Б. Я. Владимирцов, в своей работе о Монголии пользовались постоянной консультацией и помощью со стороны А. В. Бурдукова, как лица лучше всех других знакомого с тамошними условиями, бытом, фольклором и т. д. По поручению Академии наук СССР А. В. Бурдуков совершил несколько экспедиций к сарт-калмыкам и калмыкам, давших весьма ценные результаты в виде ряда этнографических очерков и собраний фольклора. Как преподаватель А. В. Бурдуков на прекрасном счету у кафедры... Как преподаватель и общественник А. В. Бурдуков неоднократно премировался общественными организациями и дирекцией ЛВИ. А. В. Бурдуков ведет большую научно-исследовательскую работу. Его перу принадлежит ряд ценных работ по разным вопросам монголоведения, из которых наиболее ценными и крупными являются русско-монгольский словарь, содержащий свыше 15 000 монгольских слов, его большая статья о сарт-калмыках, представляющая собой первое подробное этнографическое описание этой монгольской народности. В научных журналах, как дореволюционных, так и советских, помещены многочисленные статьи его по этнографии и экономике (здесь указаны его работы. — *Е. Д.*). Ряд работ издан в из-

томника «Народы СССР»; собрание калмыцких песен с переводом; большой калмыцко-русский словарь (40 печ. л.), составленный совместно с Т. А. Бурдуковой; статья «Предыстория волжских калмыков».

даниях Академии наук СССР, что уже само по себе говорит о серьезности и безусловно научном характере этих работ»[100]. В мае 1938 г. А. В. Бурдуков был утвержден в ученой степени кандидата филологических наук по специальности монголоведения.

Таков был путь в науку А. В. Бурдукова. Умер А. В. Бурдуков в 1943 г.[101].

* * *

Деятельность А. В. Бурдукова — наиболее яркий пример тесных и дружественных отношений между русскими и монголами. Стремление русских людей к изучению Монголии свидетельствует об их интересе к своеобразной жизни другого народа и глубоком его уважении. Своими знаниями и связями русские старожилы оказали ценные услуги монголоведению. А. В. Бурдуков и его товарищи были постоянными и непосредственными проводниками русской культуры и культурных связей России с Монголией. В наши дни прочной братской дружбы СССР с МНР деятельность Алексея Васильевича Бурдукова заслуживает уважения и признательности советского и монгольского народов.

---

[100] Архив А. В. Бурдукова.

[101] В период культа личности А. В. Бурдуков был репрессирован, а затем реабилитирован.

А. В. ЯРОЦКИЙ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. Л. ШИЛЛИНГА КАК ВОСТОКОВЕДА[1]

Павел Львович Шиллинг известен главным образом как основоположник электромагнитной телеграфии и электроминной техники[2].

Успехи Шиллинга в области техники были непосредственным образом связаны с его занятиями востоковедением. Вместе с тем в самом востоковедении он проявил себя и как инженер, использовав для воспроизведения литературных памятников восточной культуры новейшие достижения техники.

Однако именно из-за многогранного характера деятельности Шиллинга некоторые сведения о его работах в области

---

[1] А. В. Яроцкий, инженер по специальности, занимаясь изучением изобретений П. Л. Шиллинга по электромагнитной телеграфии, собрал весьма ценные и малоизвестные материалы о его деятельности как востоковеда. Не будучи специалистом-монголистом, А. В. Яроцкий в своей статье ограничился показом Шиллинга как собирателя востоковедных коллекций и как деятеля по составлению устава буддийского духовенства в Забайкалье. Однако и этот материал составляет довольно интересную страницу из истории русского востоковедения. — *Прим. ред.*

[2] Эта сторона деятельности П. Л. Шиллинга освещена в следующих литературных источниках: И. Гамель, *Исторический очерк электрических телеграфов*, СПб., 1886; «Изобретатель электромагнитного телеграфа», СПб., 1886 (книга представляет собой отчет о торжественном заседании Русского технического общества, посвященном столетию со дня рождения П. Л. Шиллинга, со включением полного текста прочитанных докладов: Н. Е. Славинский, *Биография П. Л. Шиллинга;* О. Д. Хвольсон, *Приоритет П. Л. Шиллинга в деле изобретения электромагнитного телеграфа;* И. Н. Деревянкин, *Описание устройства и демонстрация реставрированного аппарата П. Л. Шиллинга;* Н. Г. Писаревский, *Об успехах телеграфии со времен Шиллинга до наших дней);* Д. С. Пашенцев, *Россия — родина электрической телеграфии*, — «Вопросы истории отечественной науки». Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки, 5—11 января 1949 г., стр. 196—227; А. В. Яроцкий, *Павел Львович Шиллинг*, М.—Л., 1953.

востоковедения исчезли из поля зрения востоковедов. Академик И. Х. Гамель, стремясь отстоять приоритет Шиллинга как основоположника электромагнитной телеграфии, на протяжении пяти лет (1856—1860) собирал документы с такой тщательностью, что в результате многие из них попали в архивные фонды отнюдь не востоковедческого характера[3]. Возможно, это обстоятельство и было одной из существенных причин ограниченности сведений о востоковедческой деятельности Шиллинга, которые все же успели получить освещение в специальной литературе.

Характерно, что современники Шиллинга, не оценившие по достоинству его заслуги в области электротехники, придавали серьезное значение результатам его востоковедческой работы. В то время значение его работ над телеграфом понимали лишь немногие ученые. Академик К. М. Бэр в докладе общему собранию Петербургской Академии наук, посвященном важнейшим успехам науки за 1835 г., счел необходимым отметить также открытие «в С.-Петербурге средства из запертого покоя, сквозь самую стену, без помощи письмен или голоса, сообщать свои мысли в другие пространства того же дома или даже на гораздо бо́льшие расстояния»[4]. Еще определеннее по этому вопросу высказался сразу после смерти Шиллинга известный русский физик академик Б. С. Якоби, который писал, что «утрата нашего друга была бы совершенно невознаградимой, если бы, по счастью, его наследие не встретило поддержки в требованиях времени... имя Шиллинга не может быть забыто в истории изобретений, да оно и не будет забыто, ибо распространение телеграфа послужит памятником его неутомимой деятельности»[5]. Б. С. Якоби отмечал, что «в посмертном его наследстве имеются интересные и богатые материалы, свидетельствующие о его гениальности»,

---

[3] После смерти И. Х. Гамеля собранные им бумаги были переданы физико-математическому отделению Академии наук и ныне хранятся в Архиве АН СССР (ф. 85, оп. 3). Среди них, кроме документов, относящихся к работам по электротехнике, содержатся также бумаги о востоковедческой деятельности Шиллинга: введение к индексу Ганджура, написанное П. Л. Шиллингом (№ 24), переписка П. Л. Шиллинга с Абель-Ремюза, Ю. Клапротом, Х. Френом, И. Я. Шмидтом, А. Гумбольдтом и др. (№ 25, 33, 38, 40, 41, 49, 50, 53, 55, 62, 65, 69, 70; 72); перечень книг и других предметов в ящиках вывезенных из Сибири экспедицией Шиллинга, а также разные документы, относящиеся к этому периоду (№ 27), подлинники дипломов об избрании Шиллинга в число членов иностранных востоковедных обществ и переписка по этому поводу (№ 2).

[4] «Речь, читанная в бывшем 24 декабря 1835 года публичном заседании Академии наук академиком Бэром», — «Журнал Министерства народного просвещения», 1836, № 5, стр. 230, 231.

[5] Архив АН СССР, ф. 187, оп. 1, л. 6.

П. Л. Шиллинг

имея в виду все области деятельности Шиллинга, в том числе и востоковедение[6].

Выдающиеся заслуги П. Л. Шиллинга, и как ученого и как инженера, ныне общепризнаны не только в нашей стране, но и за границей.

Первые шаги в области востоковедения. Павел Львович Шиллинг родился в Ревеле (ныне Таллин) 5(16) апреля 1786 г. Однако детство до 11-летнего возраста он провел в Казани, где его отец командовал 23-м Низовским пехотным полком.

После смерти отца, в 1797 г., Шиллинг был принят в кадетский корпус, по окончании которого в 1802 г. получил назначение в Генеральный штаб, возглавлявшийся в то время образованным военным инженером П. К. Сухтеленым.

В 1803 г. Шиллинг оставил военную службу и поступил в Коллегию иностранных дел, после чего был направлен в распоряжение русского посла в Мюнхене, где начал гражданскую службу в чине губернского секретаря[7].

В последующее десятилетие, систематически посещая в Мюнхене так называемый «Museum» — постоянное место встречи ученых, Шиллинг сблизился с крупными представителями науки. Большое влияние на формирование его научных интересов оказали владевшие тогда умами просвещенных людей Александр и Вильгельм Гумбольдты, а также дружба с мюнхенским анатомом С. Земмерингом. Усиливавшийся в Европе интерес к истории, экономике, языку и культуре стран Востока, разумеется, находил отражение в беседах, участником которых в «Museum» бывал и Шиллинг.

В 1812 г. в результате обострения отношений России с наполеоновской Францией русское посольство было спешно отозвано из Мюнхена на родину.

С началом Отечественной войны 1812 г. Шиллинг добился направления в действующую армию и за проявленный в боях героизм был награжден орденами и саблей «За храбрость».

Вместе с русскими войсками в 1814 г. Шиллинг вошел в Париж и там провел полгода, ожидая в связи с окончанием войны увольнения из действующей армии. За это время он успел сблизиться с некоторыми французскими учеными, особенно с Д. Араго и А. Ампером.

Наконец в октябре 1814 г. прошение Шиллинга было удовлетворено и он был отчислен из армии с переводом в

---

[6] M. Jacobi, *Electro-magnetische Telegraphen.* — «Osterreichische Beobachter», 6.IV.1838, № 96, S. 466.

[7] Этот чин был равнозначен военному чину подпоручика, в котором Шиллинг тогда оставил военнную службу.

Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Однако ему пришлось пробыть во Франции до середины 1815 г., выполняя отдельные поручения министерства в Париже.

Находясь в Париже, Шиллинг постарался сблизиться с французскими востоковедами. Эту задачу ему очень облегчил приезд в Париж Ю. Клапрота, который до войны на протяжении десяти лет (1802—1812) состоял адъюнктом азиатских языков Петербургской Академии наук и теперь намеревался продолжать свою востоковедческую деятельность во Франции.

Таким образом, первые шаги в области востоковедения Шиллинг проделал, находясь среди французских ориенталистов. Возможно, именно по этой причине он впоследствии неоднократно проявлял внимание и теплые чувства к их национальной корпорации, членом-корреспондентом которой он и сам был избран в 1822 г.[8]. В 1823 г. П. Л. Шиллинг получил приглашения посетить в следующем 1824 г. французских, итальянских и английских востоковедов. После этой поездки английские ориенталисты избрали его в число членов Британского общества азиатской литературы[9].

Наступило признание также и в среде отечественных ученых. В конце 1828 г. Шиллинг был избран в члены-корреспонденты Петербургской Академии наук[10]. Это была награда за 15 лет весьма деятельного изучения письменных памятников восточной культуры. За этот период Шиллинг сумел собрать редкую по тем временам коллекцию тибетских, монгольских, китайских и японских сочинений.

Внимание Шиллинга привлекла тибетско-монгольская литература в связи с особым интересом, который возник у русской администрации к проблеме проникновения ламаизма в Бурятию. Шиллинг в 1829 г. обратился к известному старожилу Восточной Сибири переводчику монгольского языка

---

[8] В письме от 8 ноября 1822 г. ученый секретарь Азиатского общества в Париже Ж.-П. Абель-Ремюза писал П. Л. Шиллингу: «Имею честь поставить Вас в известность о том, что по представлению г-на Клапрота, к каковому присоединился и я, Совет Общества на вчерашнем заседании присвоил Вам звание члена-корреспондента Азиатского общества...» (Архив АН СССР, ф. 3, д. 2, л. 1). В присланном позднее дипломе указывалось, «что звание, на которое дает право настоящий диплом, знак особого почтения со стороны общества к П. Л. Шиллингу, и выражалась надежда, что этот знак явится стимулом для еще более плодотворного сотрудничества» (там же, л. 2).

[9] Подлинник диплома Британского общества азиатской литературы о присвоении П. Л. Шиллингу указанного звания находится там же (л. 3).

[10] Протокол № 39 от 17 декабря 1828 г., § 628 об избрании академиков (по разряду литературы и древностей Востока).

А. В. Игумнову с просьбой оказать помощь в приобретении ряда интересовавших его восточных сочинений. Сибиряк ответил, что «здесь, как и по всей китайской границе, тангутские и особенно монгольские сочинения редки и потому очень дороги, так что разве по одному тесному знакомству и нужде по случаю можно их доставить, но чтобы кто объявлял их в продажу, того я не слыхивал. Китайцам же, торгующим на Кяхте, привозить туда и продавать нам запрещается»[11].

Собирая на протяжении многих лет письменные памятники восточной литературы, Игумнов сам имел хорошую востоковедческую библиотеку. Подступала старость (Игумнов родился в 1761 г.), и, по свидетельству Н. Щукина, он «страшился, что по смерти его огромная монгольская библиотека будет растащена»[12]. Игумнов предложил Шиллингу приобрести целиком всю его библиотеку[13]. Предложение было очень заманчивым, но денежные обстоятельства у Шиллинга в это время были весьма тяжелыми. С 1828 г. он особенно интенсивно работал над электротехническими изобретениями (электромагнитный телеграф и электроминный запал), которые поглотили все имевшиеся сбережения. Поэтому, когда вскоре после предложения А. В. Игумнова П. Л. Шиллинг узнал, что департамент предполагает его послать в Восточную Сибирь в качестве руководителя экспедиции, он обратился к правительству с предложением продать коллекцию собранных им за пятнадцать предыдущих лет письменных памятников восточной культуры, а А. В. Игумнова попросил прислать перечень предлагаемых им книг. Сибиряк сообщил, что он собирается составить «особый реэстр со щетом частей и листов их, дабы и незнакомые Вам книги не показались слишком малыми или большими; каковой реэстр может заключить около семидесяти больших и малых и некоторых из них с маньчжурским, а других и с тангутским языком, чем я и не намерен замедлять и отправить, если не с будущею, то со следующею за оной почтой. Ибо реэстр сей подателю сего не смел я вверить, дабы не попал он в посторонние шарлатанские руки»[14].

Продав свою библиотеку правительству, Шиллинг мог рассчитывать не только приобрести на вырученные средства

---

[11] Архив востоковедов ЛО ИНА АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 17.

[12] Н. Щукин, *Александр Васильевич Игумнов*, — «Сын отечества», т. II, 1838, стр. 94.

[13] Л. С. Пучковский, *Александр Васильевич Игумнов*, — сб. «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1960, стр. 183.

[14] Архив востоковедов ЛО ИНА АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 17, л. 19.

собрание Игумнова, содержавшее много еще неизвестных ученому сочинений, но, кроме того, обеспечить себе возможность закупки интересовавших его книг при предполагавшейся поездке к границам Китая.

В марте 1830 г. Николай I дозволил «купить для Министерства народного просвещения у служащего при государственной коллегии иностранных дел действительного статского советника барона Шиллинга фон Канштадта собрание азиатских книг»[15].

В ученом мире это событие было сразу же отмечено.

Через несколько месяцев академик И. Я. Шмидт опубликовал подробное описание востоковедческой библиотеки Шиллинга, которое он заканчивал следующим образом: «Приведенные аннотации вполне раскрывают высокую ценность данной коллекции, как с точки зрения ее полезности для изучающих восточноазиатские языки, в частности китайский и маньчжурский, так особенно для ученых-востоковедов. Эта коллекция послужит основой для создания восточноазиатской библиотеки. Благоприятное местоположение России, облегчая пополнение библиотеки недостающим, является преимуществом, которое позволит оставить далеко позади все, что имеется подобного в Европе»[16].

Подготовка экспедиции в Восточную Сибирь. Официально экспедиция в Восточную Сибирь направлялась «для обследования положения местного населения и состояния торговли у северных и западных границ Китая». Действительной же причиной посылки экспедиции был вызвавший у царизма тревогу рост влияния лам на бурятское население. За последнее десятилетие в Забайкалье появилось столько же новых дацанов, сколько их было основано за все предыдущее столетие, а число лам за этот срок почти удвоилось.

Губернские власти стали добиваться ограничительных правил для ламаистской церкви в Бурятии, но встретили резкое сопротивление в Министерстве иностранных дел, на обязанности которого было ведение дел ламаитов. Это объяснялось следующими соображениями. 60% всего русского ввоза приходилось на русско-китайскую торговлю. Доставка же товаров из Китая в Кяхту являлась монополией монгольских монастырей, т. е. целиком находилась в руках лам. Приходилось также считаться с резким усилением британского влияния на Востоке в результате проникновения англий-

---

[15] Там же, л. 5. «Дело о продаже востоковедческой библиотеки Шиллинга Министерству народного просвещения».

[16] I. J. Schmidt, *Anzeige einer von der Regierung neuerworbenen Sammlung orientischer Werke,*— «St. Peterburgische Zeitung», 1830, № 88.

ских колонизаторов в центр ламаизма — Тибет. Вместе с тем вскрытая недавней «ревизией Сперанского» картина крайнего беззакония и безудержного лихоимства, которыми оказалась заражена почти поголовно вся царская администрация в Сибири, побуждала русских дипломатов проявлять особую осторожность при ведении дел ламаитов, опасаясь не только срыва торговли с Китаем или откочевки бурятского населения за рубеж страны, но и появившейся угрозы отложения Сибири от России[17]. Таким образом, Министерство иностранных дел было вынуждено вместо ограничения деятельности ламаистской церкви искать ее поддержки, заботясь только о том, чтобы предельно ослабить воздействие на ее деятельность зарубежных центров ламаизма.

Поэтому задача «обследования положения местного населения и состояния торговли у северных и западных границ Китая» оказывалась значительно более деликатной, чем это могло бы показаться на первый взгляд, и успех ее выполнения в значительной степени зависел от такта исполнителя.

За П. Л. Шиллингом издавна установилась репутация обаятельного человека, который «известен в обществе своей увлекательной веселостью, а в ученом свете — разнообразием своих сведений и ученых изысканий. Редко человек пользовался в большей мере истинной общей любовью! Все знавшие его, и дамы, и ученые, и дети, и старцы, и люди глубокомысленные, и полуветренники, и русские, и иностранцы, все одинаково любили его искренне»[18].

«Что за увлекательный человек, — писал Э. И. Стогов, — пропасть путешествовал, знаком и в переписке с учеными знаменитостями целого света. Занимательных рассказов, всегда умных, интересных анекдотов — без конца. Шиллинг был небольшого роста, необыкновенной толщины. Всегда приветливое выражение недурного лица, глаза полные веселости и блеска. Он был холост. Обращение его было — человека высшего тона. Он имел искусство оставить уверенность в каждом, что Шиллинг находит его умным человеком»[19].

«Добродушие и природный ум, неистощимая веселость, устранение от всяких интриг, сплетней и личных пристрастий заставляли всех знакомых любить и уважать его. Люди серь-

---

[17] Отношение русского правительства к этому вопросу подробно рассмотрено в книге К. М. Герасимовой «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков» (Улан-Удэ, 1957).

[18] К. Чевкин, *Павел Львович Шиллинг*,— «Северная пчела», 27.IX.1838.

[19] «Очерки, рассказы, воспоминания Эразма Ивановича Стогова», — «Русская старина», 1874, кн. XI, стр. 634.

езные, вдумчивые, строгие любили его беседу, равно как и весельчаки»[20], — вторит Н. Греч.

Перечисленные качества выделяли Шиллинга среди чиновников Азиатского департамента и несомненно способствовали выдвижению его кандидатуры в качестве руководителя экспедиции в Забайкалье.

Однако замыслы Шиллинга оказались значительно шире задачи, которая была официально поставлена перед экспедицией. Об этом выразительно свидетельствуют первые же строки отчета, представленного ученым в Петербургскую Академию наук.

«Отчет, который я предлагаю в настоящий момент вниманию академии,— читаем мы в указанном документе,— был написан в период моего восемнадцатимесячного пребывания в Кяхте, на китайской границе. В мае месяце 1830 г. я был командирован российским правительством в Восточную Сибирь. Так как уже в течение долгого времени я занимался собиранием различных материалов, касающихся истории, политики и религии народов Центральной Азии, я решил не пренебрегать ничем, что можно было бы обратить в пользу для моих изысканий в столь благоприятных обстоятельствах. Тот факт, что лица, сопровождавшие графа Головкина с его посольством в Китай, добились так мало успеха в подобном направлении, отнюдь меня не обескуражил, а, напротив, послужил для меня новым мотивом для надежды на то, что мои исследования, направляемые капитальным знанием литературы по этой части Азии, а также наиболее важные материалы, почерпнутые мною из трудов знаменитого Палласа, дадут более удовлетворительные результаты. Я также имел смелость лелеять надежду отыскать сокровища литературы, которые ускользнули от деятельности и изысканий таких людей, как граф Ян Потоцкий и г-н Клапрот. Кроме того, доводы некоторых господ, согласно которым будто бы невежество и апатичность бурято-монгольских священников, находящихся под ферулой России, создадут непреодолимые препятствия для моих изысканий, не показались мне достаточно серьезными для того, чтобы отвратить меня от предприятия, успех коего превзошел мои ожидания»[21].

Несомненно, что значительные научные разультаты, достигнутые экспедицией, были получены благодаря тому, что П. Л. Шиллинг сумел настоять на участии в ней Н. Я. Бичу-

[20] Н. Греч, *Бар. П. Л. Шиллинг,* — «Северная пчела», 30.VI.1853.

[21] «Bulletin de la classe de sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie impériale des sciences de Saint-Pétersbourg», t. IV, 1847, № 21, 22.

рина. Никита Яковлевич ко времени экспедиции уже имел семь опубликованных работ в области синологии и был известен широким кругам востоковедов не только в России, но и за границей.

Сохранившаяся «Записка о. Иакинфа о причинах, побудивших его ехать в Кяхту с П. Л. Шиллингом», четко излагает программу намеченных работ: «Причины, побудившие меня ехать в Кяхту, — писал в ней Н. Я. Бичурин, — суть: 1) нужно составить пространную грамматику языка китайского, что удобнее могу сделать в Кяхте, получая нужные по сему предмету сведения от китайцев лично; 2) китайский словарь, переведенный мною на язык российский и расположенный по тонам, нужно, для удобнейшего потребления, привесть в новый порядок по ключам, а для обширной сей переписки набело требуется употребить китайцев; 3) для предполагаемого мною сочинения, пространного описания китайской империи, нужно получить от китайцев дальнейшие сведения по разным предметам, входящим в состав сего описания; 4) для сей же причины границу Восточной Сибири, определенную мирным договором 1727 г., нужно проверить на месте по картам российским и китайским; 5) в продолжении сих занятий постараюсь приобресть практическое сведение в языке монгольском, часто нужном для пояснения исторических происшествий сего народа и сверх сего узнать образ жизни и обычаи монголов российского подданства, дабы из сравнения увидеть, в чем разнствуют они от монголов заграничных и по какому влиянию; 6) по желанию кяхтинских комиссионеров намереваюсь заняться преподаванием сочиненных мною «Основных правил китайской грамматики», через что мало-помалу устранятся затруднения, которые препятствовали им до сего времени приступить к изучению китайского языка, столь нужного для ежедневных торговых сношений с Китаем»[22].

Кроме Н. Я. Бичурина в состав экспедиции были привлечены: В. Д. Соломирский — литератор, приятель А. С. Пушкина, и К. Крымский — чиновник в чине титулярного советника, предназначавшийся для ведения административных дел экспедиции.

С друзьями Шиллингом, Бичуриным и Соломирским хотел поехать и А. С. Пушкин.

В записной книжке Н. В. Путяты имеются следующие строки: «Пушкин просился за границу, его не пустили. Он

[22] Цит. по ст.: С. А. Козин, *О неизданных работах Иакинфа Бичурина (по материалам архива Азиатского музея»)*, — «Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук», VII серия, 1929, № 5, стр. 399—412.

собирался даже ехать с бароном Шилингом в Сибирь, на границу Китая. Не знаю, почему не сбылось это намерение; но следы его остались в стихотворении:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов...»[23].

7(19) января 1830 г. поэт действительно обратился с официальным письмом к А. Х. Бенкендорфу с просьбой в случае запрещения выехать во Францию или Италию разрешить ему участвовать в экспедиции П. Л. Шиллинга. 17(29) января А. С. Пушкин получил уведомление от Бенкендорфа, что Николай I «не соизволил удовлетворить Вашу просьбу... полагая, что это слишком расстроит Ваши денежные дела, а кроме того отвлечет Вас от Ваших занятий»[24].

Разумеется, отказ был сделан отнюдь не вследствие особой заботы о денежных делах и творчестве А. С. Пушкина, а из нежелания допустить встречу поэта с сосланными декабристами.

Еще находясь в Петербурге, Шиллинг начал собирать сведения о крае. В этом отношении примечательно сохранившееся письмо к ученому, которое начинается следующим образом: «Благосклонный Ваш вызов — у Егора Федоровича, — доставить Вам некоторые местные указания для Вашего любопытства по Сибири, заставил меня приложить при сем таковые в 34-х пунктах. Я старичок сибирский, а Вы отправляетесь в дальний край новичком, но я, без лести, уверен, что Вы в два года обогатитесь познанием Сибири более нежели я в 20 лет»[25].

Еще больше сведений доставили Шиллингу беседы с молодым бурятом из рода цонголов Ринчином Ванчиковым, которого по просьбе ученого заблаговременно вызвали в Петербург и который затем его сопровождал в качестве переводчика во всех путешествиях.

---

[23] «Русский архив», 1899, кн. 2, стр. 351.

[24] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 56, 58, 398.

[25] Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, № 72. Встреча с неизвестным автором письма произошла на квартире сослуживца Шиллинга — чиновника Азиатского департамента Е. Ф. Тимковского, который принимал деятельное участие в подготовке экспедиции.

Посещение дацанов и стойбищ Бурятии. С середины 1830 г. в Петербург начали поступать сведения о деятельности членов экспедиции П. Л. Шиллинга в Сибири. Н. Я. Бичурин писал в «Литературную газету»: «С 26 марта нахожусь в Иркутске. Путь мой от столицы до сего места был благополучен. В исходе мая отправляюсь за Байкал в путешествие. В здешнем краю я нашел много интересного для меня и надеюсь провести время странствия в трудах приятнейших и полезнейших по отношению к этнографии азиатских народов. Теперь занимаюсь монгольским языком и в доброжелательстве здешних жителей нахожу во всем соответствие моим желаниям»[26].

В августе Н. Я. Бичурин сообщал уже из Кяхты, что «Шиллинг более всего занимается теперь с бурятскими ламами разбором монгольских и тибетских книг, и должно думать, что не одно любопытство побуждает его предаваться занятиям столь скучным, но цель высшая и полезнейшая: распространение филологических сведений о восточных языках и пояснение темных мест в истории коренных обитателей Восточной Азии... Шиллинг по случаю перемены духовной миссии намерен выписать из Пекина много ученых книг на языках китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском...»[27].

Действительно, хотя Шиллинг скептически относился к высокомерным разглагольствованиям некоторых путешественников об отсталости бурят, ему трудно было, как он сам впоследствии сознавался, представить себе до поездки в Восточную Сибирь, что кочевой народ мог обладать такими большими коллекциями книг и библиотеками, какие он в действительности встретил в Забайкалье. Поэтому первоначально Шиллинг ориентировался на Китай, как на основной источник получения письменных памятников восточной культуры.

Однако вскоре Шиллинг убедился, что целесообразно сосредоточить все свои силы и внимание на изучении книгохранилищ в бурятских дацанах. Сопровождавший Шиллинга в качестве переводчика Ринчин Ванчиков помог русскому ученому осуществить эту задачу, объездив с ним всю Восточную Сибирь.

Удалось обнаружить составленное самим ученым «Росписание разным поездкам, сделанным по делам службы в быт-

[26] «Литературная газета», издаваемая бароном Дельвигом, т. I, 16.V.1830, стр. 226.

[27] «Литературная газета», т. II, 23.X.1830, стр. 190.

ность мою в Восточной Сибири в 1830-м и 1831-м годах»[28]. Воспроизводим его целиком:

1830-го года

Августа.	Из Кяхты чрез Кирань в Цонгольской дацан и обратно	100 верст
	Из Кяхты в тот же дацан чрез береговую и обратно	100 верст
Сентября.	Из Кяхты чрез Енкорскую станцию в Бергойскую степь до летнего стойбища 2-го тайши Селенгинских родов, оттуда в дацан 1-го тайши Селенгинских родов к Бандиде Хамбе на Гусином озере и обратно в Кяхту	300 верст
Октября.	Из Кяхты в Верхнеудинск и обратно	405 верст
	Из Кяхты в Чикойской дацан на Цугланов хорал, оттуда чрез село Ключи в Ашебаготской дацан в село Бичуру и обратно в Кяхту	220 верст
Декабря.	Из Кяхты чрез Чжибанский дацан Атаганова рода и зимнее стойбище 2-го тайши в Сартульской дацан и обратно в Кяхту	250 верст
		1375 верст

1831-го года

Января.	Из Кяхты в Чикойской дацан на Хорал Белого месяца, оттуда чрез зимнее стойбище атамана Цонголова	1375 верст
	полка и обратно в Кяхту	100 верст
	Из Кяхты на Гусиное озеро к Бандиде Хамбе, оттуда чрез Ацайской и Чжангустайской дацаны на Селенгинские соленые озера и обратно в Кяхту	280 верст
Февраля.	Из Кяхты в Иркутск зимнею дорогою по Селенге	557 верст
Марта	Из Иркутска чрез Тельму в Соленоваренные заводы и обратно	120 верст
	Из Иркутска обратно в Кяхту . . .	557 верст
	Из Кяхты чрез старой и новой дацаны Хоринских родов в Петровской	

[28] Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, д. 27.

завод и обратно в Кяхту (см. приложенной маршрут № 1)[29]	510 верст
Из Кяхты чрез Верхнеудинск, Читу в Акшинскую крепость, оттуда по границе до Цурухайту, потом чрез главный Нерчинский завод обратно в Кяхту (см. маршрут № 2) . . .	3209 верст
	7208 верст[30]

Еще более чем проявленные П. Л. Шиллингом энергия и подвижность поражают достигнутые им во время указанных поездок результаты.

Посещение Чикойского храма сразу же подтвердило достоверность сведений, которые сообщил ему молодой проводник, о больших размерах и ценности литературных сокровищ, находившихся в дацанах.

«Эти книги, которые я впервые здесь увидел, — писал Шиллинг, — были тщательно завернуты, так сказать запеленуты, в куски сукна красного и желтого цвета. Они были расставлены по обе стороны алтаря и, судя по их объему, должны были содержать подавляющую часть книжных богатств буддизма. Я считал неудобным просить при этом первом своем посещении сразу же разрешения открыть один из томов того самого знаменитого Ганджура, который так заботливо скрывали от простого народа, и удовлетворился лишь тем, что попросил у лам разрешения просмотреть несколько томов лексикографии, Мингджирджамцо и Тегпарлава. Я немедленно воспользовался их любезным согласием и мог сразу же оценить огромные преимущества, которые мне давало в глазах монгольских лам знание тибетской письменности, являвшейся языком их священных книг, и та легкость, с которой я сумел продемонстрировать свои познания перед ними»[31].

Таким образом, знание тибетской письменности, присущие ему такт и личное обаяние помогли Шиллингу преодолеть недоверие чикойских лам.

Воспользовавшись тем, что в это время в Пекин отправлялась на смену старой новая церковная миссия в сопровожде-

---

[29] В приложенных маршрутах указаны остановки и заезды в различные пункты, в том числе в дацаны: Тугнуйский, Кульский, Онинский, Ходунский, Субулинский (вероятно Цугольский), Ашинский.

[30] Так у П. Л. Шиллинга.

[31] Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, д. 24. Здесь и далее цитируется по французскому тексту отчета П. Л. Шиллинга.

нии пристава подполковника Ладыженского, ученый поручил своим знакомым произвести в Пекине покупку интересовавших его книг. При этом Шиллинг сумел привлечь себе на помощь в этом деле сведущих лам. «Я поспешил обещать монгольским ламам,— описывал этот случай ученый,— доставить им этим же путем религиозные сочинения, написанные на тибетском языке, которые могли у них отсутствовать. Они с признательностью приняли мое предложение и вручили мне список сочинений, которые они хотели бы получить, и этот список был отредактирован в моем присутствии. Это уже был результат, имевший для меня кое-какое значение, потому что только этот список, как ни короток он был, давал мне определенные библиографические сведения, которые мне было бы трудно получить другим путем... Восемь дней спустя после этой встречи я снова посетил храм уже вместе с подполковником Ладыженским... Я хотел, чтобы подполковник дал ламам устные заверения, что их поручение будет точно выполнено».

Вскоре Шиллинг настолько сблизился с ламами, что один из них даже принял приглашение ученого посетить Кяхту и во время этого посещения составил список всех известных ему сочинений, написанных по-тибетски. «Этот список, оказавшийся очень большим, — указывал ученый, — познакомил меня с заглавиями значительного числа сочинений в самых различных жанрах, о существовании которых я и не подозревал».

Узнав, что в храме пришел в негодность музыкальный инструмент (так называемый «ло» или «там-там»), П. Л. Шиллинг через русских купцов достал новый инструмент и преподнес его чикойским ламам. «Этот подарок, — писал П. Л. Шиллинг, — произвел огромное впечатление, и ламы с этого момента стали более общительны и дружелюбны. Я подумал, что можно набраться смелости и попросить посмотреть Ганджур. Старший лама с легкостью, которой незадолго перед тем невозможно было бы ожидать, приказал, чтобы из храма извлекли один том и принесли в его юрту, где находился и я».

П. Л. Шиллинг не обманул доверия лам и, к их величайшему удивлению и удовлетворению, оказал все требующиеся по буддийским понятиям знаки уважения к священным сочинениям: брал листы рукописи только за их края, не касаясь письмен. Примечательнее же всего оказался непосредственный результат первого знакомства П. Л. Шиллинга с Ганджуром. «Каково было мое удивление, — писал ученый, — когда, перелистывая этот том, я встретил знаменитый лист

Аблайкита, который пытался расшифровать Фурмон. Несомненно, что специальное изучение этой страницы, замечательной по тем ошибочным толкованиям, которые давались ей, может объяснить, почему я сумел ее распознать в первый же момент, как только она попалась мне на глаза. Но всего более вправе поразить нас то обстоятельство, что случай привел ко мне в руки именно этот лист, затерянный в сочинении, содержавшем почти сорок тысяч их».

Разумеется, Шиллинг воспользовался счастливым случаем и тут же попросил у лам не только объяснить некоторые санскритские термины, которыми перемежался тибетский текст, но даже договорился с одним из них о переводе этого листа на монгольский язык[32].

Скоро счастливый случай помог Шиллингу получить в свое распоряжение одну из наиболее любопытных частей Ганджура, состоявшую из ста тысяч двустиший, которая называлась «Юм». Р. Ванчиков, разумеется, позаботился познакомить Шиллинга в первую очередь со своим родом цонголов. Один из богатых цонголов, являвшийся обладателем Юма, преподнес ученому это сочинение в дар — в знак особого почтения, которое, очевидно, было внушено не без участия юного переводчика.

Впечатление, произведенное П. Л. Шиллингом на бурятское духовенство, было настолько благоприятным, что вскоре глава всех бурятских лам — пандит Хамбо прислал племянника убедить русского путешественника посетить его храм

---

[32] Впоследствии справедливость критики, которой Шиллинг подверг перевод Фурмоном листа Аблайкита, была единодушно признана. Например, геттингенский ориенталист Эвальд писал Шиллингу 24 октября 1835 г. по этому поводу:

«Имею честь возвратить при сем Вашему Превосходительству с величайшей благодарностью листок Фурмона, который Вы были столь добры мне передать. Я за эти недели изучал тибетский язык по книгам Кореси и чувствую себя более или менее в состоянии понимать тибетские книги. Две маленькие книжки, которые Вы любезно передали здешней библиотеке и мне, просмотрены и с них составлен реферат для здешних «Гет. известий», который я буду иметь честь послать Вам, если только при нашем медленном печатании он успеет выйти настоящей зимой. Что касается листика Фурмона, то совершенно верно, что Я. И. Шмидт, которого я очень почитаю, был первым, кто сумел вполне правильно его перевести. Я усматриваю из истории языков Эйхгорна, что подлинность перевода Фурмона уже раньше подвергалась сильному сомнению и частично была доказана» (Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, д. 52). В этом письме речь идет о переводе Шмидтом на немецкий язык монгольского перевода, сделанного в Кяхте по просьбе Шиллинга с тибетского оригинала. Как отмечено во введении к указателю Ганджура Шиллингом: «...этот лист не содержал ничего из того, что в нем увидели Фурмон, Байер и Георги. Шмидт намеревался взять этот лист в качестве темы специального мемуара, но более важные занятия отвлекли его от этого намерения».

на Гусином озере, находившийся в ста километрах севернее Кяхты.

«Я явился, предшествуемый репутацией, которую мне создали мои знания тибетского языка, щедроты по отношению к различным ламам и особенно то, как я принял подарок вождя цонголов, — описывал эту встречу П. Л. Шиллинг. — Пандит Хамбо, узнав, что я сделал новые шелковые покровы на шесть томов Юма, которые я только что получил, что было сочтено, очевидно, доказательством моего почтения по отношению к священным письменам, и зная скромность, с которой я вел себя в Чикойском храме, испытывал меньше нежелания лишиться нескольких сочинений, подарив их мне. Среди других ценных книг я получил «Сундуй», сочинение, содержащее 169 небольших трактатов, в которых я нашел формулы заклинаний, большое астролого-астрономическое сочинение, называвшееся «Вайдур Карпо», и несколько трактатов по медицине, в том числе «Хлантап».

После того как сам глава бурятских лам проявил столько внимания и уважения к русскому ученому, посещение им храмов стало почитаться за честь — и одно приглашение следовало за другим. Вскоре Шиллинг уже мог поражать лам такой осведомленностью о книжных богатствах, хранившихся в дацанах, которой подчас не обладали они сами.

Вскоре почтительное отношение к Шиллингу получило совершенно неожиданную окраску. За год до прибытия русского ученого в Кяхту один старый лама пророчествовал, что появится чужеземец, обращенный в буддийскую веру, который затем распространит ее на Западе. Теперь это пророчество внезапно вспомнилось, и оно единодушно было отнесено к Шиллингу.

«Я был немало удивлен, узнав через монголов, сопровождавших меня в качестве переводчиков, — писал П. Л. Шиллинг, — что меня стали считать земным воплощением какого-то значительного персонажа буддийского Пантеона, одним словом Хубилгана. Наконец случай, как бы в подтверждение их иллюзий, свел меня с настоящим монгольским Хубилганом, которому я сделал много подарков и который в свою очередь по совету наших бурятских лам не поколебался признать за мной высокие прерогативы земного воплощения и убедить таким путем жрецов в том, что их предвидения были обоснованы».

После такого своеобразного признания Шиллинг начал получать со всех сторон в дар тибетские и монгольские книги. Ему не только с удивительной легкостью стали их дарить, когда он сам посещал храмы. Теперь началось паломничество

в Кяхту из уголков края, подчас удаленных на тысячу километров, с единственной целью навестить ученого и вручить ему те книги, которые могли, по мнению паломников, еще отсутствовать у него.

Для исчерпывающей полноты коллекции письменных памятников монголо-тибетской культуры не хватало лишь тех редких сочинений, которые имелись у бурятов в единственном экземпляре и, естественно, не могли быть подарены. Чтобы восполнить эту недостачу Шиллинг предпринял дело, которое едва ли кто-либо кроме него сумел бы успешно осуществить. Он организовал целое предприятие по переписке уникальных сочинений, собрав для этого в Кяхте самых искусных каллиграфов в бурятских храмах. Эти переписчики (их собиралось иногда до двадцати человек) жили в войлочных юртах, которые были для них поставлены прямо во дворе дома, где жил Шиллинг.

Круглые сутки не снимался с очага котел с чаем. Специальный повар готовил по-монгольски, расходуя подчас до сорока килограммов говядины в день.

Несомненно, что только вследствие огромного авторитета Шиллингу удалось организовать переписку столь редких книг.

Среди лам, привлеченных к этому делу, были весьма образованные лица. С их помощью Шиллинг мог разобраться в целом ряде вопросов, касавшихся церемоний и обрядов, знание которых было доступно только узкому кругу посвященных в наиболее сокровенные таинства буддизма. Шиллингу удалось заполучить некоторые из этих книг и даже найти монголов, сумевших тут же перевести тибетский текст этих сочинений на монгольский язык.

Приобретение Ганджура. Самое ценное приобретение П. Л. Шиллинг сделал во время своего длительного пребывания в 1831 г. в Субулинском дацане. Этот храм, сооружение которого еще не было закончено, оказался богаче книгами, чем все посещенные ученым до этого храмы. Объяснялось это тем, что хоринские буряты имели более тесное общение и свободу ввоза книг из Китая и Тибета через своих монгольских лам, оставшихся подвластными китайцам. Один из лам привез из Лхасы в Субулин не только Ганджур, но еще более значительное тибетское собрание, известное под названием Данджур, состоящее из 224 томов (сто тысяч листов).

Ко времени приезда Шиллинга в Субулин местные ламы были очень озабочены устройством одного из необходимейших предметов религиозного обихода в достраивавшемся храме: специального сооружения для молитв, устанавливавшегося у входа. На вращающейся части этого сооружения,

представлявшей нечто вроде колеса, должна была содержаться формула заклинания, повторенная сто миллионов раз.

Это заклинание ламам предстояло отпечатать способом, каким издавна печатались вообще все тибетские сочинения. Текст вырезался на деревянной доске, которая затем клалась для печати текстом кверху на стол. К концам доски вставало два человека. Один из них при помощи тампона наносил на доску жидкую китайскую тушь. Затем оба брали лист бумаги, накладывали его на доску, а сверху покрывали еще листом бумажной макулатуры. Второй рабочий проводил с силой вдоль всей доски сухим тампоном. Затем рабочие отбрасывали макулатуру и снимали готовый отпечаток, который потом просушивался.

Субулинские ламы сумели вырезать на печатной доске указанное выше заклинание 250 раз. Следовательно, чтобы выполнить требование относительно повторения этого заклинания 100 миллионов раз, им предстояло сделать 400 тыс. отпечатков, которые оказалось невозможным разместить в намеченном при постройке храма пространстве. Кроме того, при указанном способе печати требовалось бы огромное количество бумаги, которая стоила там очень дорого.

Шиллинг сообщил ламам, что он мог бы заказать для них исполнение этой печати в Петербурге типографским путем. При этом на одном листе бумаги того же формата поместилось бы не менее 2500 священных фраз, т. е. сократилось бы количество необходимой бумаги и занимаемого места в 10 раз.

Одно лишь предположение, что русский ученый сумеет их избавить от непреодолимых затруднений в столь важном для них деле, показалось субулинским ламам настолько ценным, что они не поколебались немедленно подарить Шиллингу единственный имевшийся у них экземпляр Ганджура. Это собрание сочинений, которое наш ученый так страстно мечтал приобрести, было преподнесено депутацией лам, пришедших в сопровождении светских лиц.

Несмотря на то, что субулинские ламы без особых затруднений могли приобрести новый экземпляр Ганджура, подарок растрогал Шиллинга. Он не только выполнил свое обещание, но заказал тираж в полтора раза больший, чем обещал, причем листки печатались не черной краской, а красной, которая по ламским понятиям сообщала написанному в восемьсот раз больше силы. Со стороны Шиллинга это был акт особой учтивости, так как подаренный ему Ганджур был также напечатан красной краской.

Таким образом, Шиллинг оказался обладателем одного из самых замечательных произведений тибетской литературы,

которое в те времена Европа знала только по названию[33]. Ценность этого приобретения показалась ученому еще более высокой, когда ему стало известно о полном провале попыток его соотечественников приобрести Ганджур в Пекине. Дело в том, что еще при проезде подполковника Ладыженского ученый обратился к члену старого состава духовной миссии в Пекине З. Ф. Леонтьевскому с просьбой закупить интересовавшие его книги и особенно просил найти Ганджур.

«В особенности прошу Вас приложить все Ваше старание приобрести для меня полный Ганджур пекинского издания, коего краткое содержание при сем прилагаю, — писал Леонтьевскому Шиллинг, — сей Ганджур состоит из 106 больших томов, листы его имеют 1 аршин длины и 5 вершков ширины. Вы можете дать за чисто отпечатанный экземпляр на хорошей толстой из двух или трех листов склеенной бумаги до четырехсот лан. Просьба произвести много других заказов на книги, лекарства, утварь, одежду и ткани и т. д.»[34].

Возвратившись в Кяхту с подарком, вес которого приравнивали ноше нескольких верблюдов, Шиллинг сразу же приступил к составлению описания, принадлежавшего теперь ему издания Ганджура из Нартанга[35]. «Я не один раз, — писал Шиллинг, — испытывал необходимость иметь подобный труд, так как, узнав от лам о существовании того или иного сочинения, я оказывался не в состоянии сказать, являются ли эти сочинения частью Ганджура или какого-либо другого собрания... Я начал с того, что организовал переписку на отдельные листы одного формата всех без исключений санскритских и тибетских заглавий, даже самых коротких, находившихся в этом собрании. Каждый из этих листов начинается санскритским заглавием, если трактат, содержащийся в собрании, имеет его, затем во второй строке помещается тибетское название, в третьей строке — имена пандитов, собравших изречения Будды, в четвертой строке — имена переводчиков и наконец в последней строке — секция, буква, обозначающая том, номер листа, с которого начинается данный трактат, и номер листа, на котором он кончается... чтобы выполнить эту

---

[33] Интересно отметить, что ориенталисты Франции тщетно пытались в течение многих лет получить экземпляр Ганджура, используя всевозможные средства связи. Станислав Жюльен, например, неоднократно просил О. М. Ковалевского посодействовать ему в приобретении Ганджура через Российскую духовную миссию в Пекине.

[34] Архив АН СССР, ф. 85, оп. 3, д. 40. Письмо П. Л. Шиллинга З. Ф. Леонтьевскому от 25 февраля 1831 г. из Троицкосавска.

[35] *Нартанг* — монастырь в южном Тибете, основан в 1153 г. При монастыре имеется большая типография ксилографической печати, которая славится своими изданиями.

работу, пришлось перелистать один за другим около сорока тысяч листов, содержащихся в Ганджуре... Эта скучнейшая работа дала мне систематический индекс сочинений, из которых состоит это огромное собрание. После того как это было сделано, листы были размещены в порядке алфавита, принятого оригинальными тибетскими словарями».

Шиллинг составил алфавитную и систематическую классификацию для своего экземпляра Ганджура и для двух экземпляров этого сочинения, хранившихся в других бурятских храмах, а также для Данджура, единственный бурятский экземпляр которого, как было уже сказано, хранился в том же Субулинском храме (по-видимому подразумевается Цугольский дацан). Описание Данджура составило 3800 листов, содержавшихся в трех томах систематического и в одном томе алфавитного индексов.

Имея в виду по приезде в Петербург опубликовать составленные им индексы, Шиллинг при отъезде из Восточной Сибири позаботился подыскать себе помощника. «Для осуществления плана, — писал впоследствии ученый, — который я наметил уже во время своего пребывания в Кяхте, а именно опубликования рукописных индексов Ганджура и Данджура, я привез с собой в Петербург молодого бурята (который, не будучи ламой, был образован не менее их), чтобы поручить ему переписать эти индексы».

И далее, заключая свое введение к указателю Ганджура, Шиллинг отмечал: «Настоящий том является результатом копирования им индекса нартанского Ганджура. Этот том был закончен в 1833 г., то есть в то время, когда другие занятия, возложенные на меня, не могли меня отвлечь от начатой работы. Кроме копирования индекса, этот молодой бурят составил также каталог моего собрания, о котором я говорил ранее и который я намеревался воспроизвести литографическим путем, так же, как и индекс Данджура. Если бы не непреодолимое желание увидеть свою страну, обуревавшее молодого бурята, ничто не вынудило бы меня расстаться с ним до окончания этой работы».

Приходится с прискорбием отметить, что большая работа, проделанная Шиллингом над Ганджуром, была забыта сразу же после смерти ученого. По этому поводу академик О. Бетлингк в 1847 г. писал: «Нет необходимости говорить о том, что если бы покойный Я. И. Шмидт и я узнали этот интересный труд в 1845 г., в то время когда Академия издала Указатель к Ганджуру с предисловием Я. И. Шмидта, то этот труд получил бы свое настоящее предназначение. Опубликовывая этот материал в «Бюллетене», мы надеемся вы-

полнить свой долг по отношению к покойному П. Л. Шиллингу, неустанной деятельности и удивительной находчивости которого Академия обязана собранием прекрасной коллекции тибетских и монгольских гравюр и манускриптов. Мы хотим также предоставить читателю поучительную возможность убедиться самому в упомянутых достоинствах почившего автора»[36]. После этого выступления О. Бетлингка о работе П. Л. Шиллинга снова забыли и более не вспоминали до настоящего времени.

Устав о монголо-бурятском духовенстве. Помимо других задач на экспедицию возлагалось изучение существующего административного устройства ламаистской церкви в Восточной Сибири и разработка на основании полученных сведений «Устава о монголо-бурятском духовенстве», который, не затрагивая самого ламского духовенства, вместе с тем позволил бы значительно усилить влияние царского правительства на бурятскую церковь и в конечном счете исключить возможность ее использования в политических целях через иностранные центры буддизма.

Следует отметить, что губернское управление во главе с генерал-губернатором С. П. Лавинским категорически возражало против «Устава о монголо-бурятском духовенстве», как документа, который не только узаконит ламаизм в качестве официальной религии бурятского населения, но и значительно усилит независимость лам от местных и губернских властей. В действительности Министерство иностранных дел именно этого и добивалось. Как писал впоследствии П. Л. Шиллинг в объяснительной записке к «Уставу о монголо-бурятском духовенстве», ему было заранее предписано Министерством иностранных дел два принципа, которые должны были лечь в основу устава: «Сколько возможно сосредоточить власть управления, чтобы дать единство ходу дела и чтобы усилить влияние правительства на лам посредством Бандида-хамбы, поставленного ныне единственным их главой» и «устранить влияние земских чиновников, корыстолюбие коих доселе было главной причиной беспорядков в бурятском духовенстве»[37].

Эту задачу предстояло выполнить в условиях сильно раз-

---

[36] O. Böthlingk, *Bibliothèque bouddhique ou Index du Gandjour de Nartang, composé sous la diréction du Baron Schilling de Canstadt, Avant-propos.* (Lu le 26 novembre 1847), — «Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie impériale des sciences de Saint-Pétérsbourg», № 93, 94, 1847.

[37] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1264, оп. 1(54), д. 211, л. 196 (далее — ЦГИАЛ).

горевшегося к тому времени соперничества между тремя старейшими дацанами: Гусиноозерским селенгинских родов, Чикойским цонгольских родов и Кудунским хоринских родов. Ко времени приезда экспедиции местом пребывания главы бурятских лам пандита хамбо ламы был Гусиноозерский дацан, хотя Чикойский дацан продолжал борьбу за первенство, утраченное им в 1809 г. Вместе с тем настоятелю Кудунского дацана удалось в 1818 г. выхлопотать для себя должность главного помощника пандита хамбо ламы — так называемого дэд хамбо ламы[38].

Факты, приведенные в начале этой статьи, дают представление о большом такте, с которым Шиллинг сумел добиться выполнения намеченной им собирательской и исследовательской работы. Еще больше такта и осторожности он соблюдал, работая над официальной частью программы.

При первом же свидании с пандитом хамбо ламой ученый откровенно поставил его в известность о задаче, которая поставлена экспедицией в отношении составления «Устава», и сумел внушить главе забайкальских лам поручить это дело дэд хамбо ламе. Ламы Кудунского дацана не только составили первоначальный проект «Устава», но и перевели его для Шиллинга на русский язык[39].

Составление «Устава», как впрочем и другие официальные дела, он возложил на остальных членов экспедиции, а сам целиком отдался розыску, приобретению и изучению письменных памятников. В. Д. Соломирский писал в 1831 г. из Кяхты одному из своих приятелей в Петербург, что он «не без дела» и «написал обозрение торговли России с Китаем; составил проект новых правил, коими наше купечество должно впредь руководствоваться, доказав прежде безрассудную неосновательность ныне существующих. Недавно кончил историческое обозрение монголо-бурятского духовенства, для которого ныне занимаюсь составлением особенного устава...»[40]. По поводу же участия в этой работе Н. Я. Бичурина Шиллинг писал, что «отец Иакинф, уже с давнего времени ознакомленный

---

[38] Экспедиция в представленном ею проекте «Устава о монголо-бурятском духовенстве» предлагала устранить соперничество, разделив дацаны на три церковных округа и поставив во главе каждого из них указанные старейшие дацаны. Гусиноозерский и Чикойский дацаны должны были поочередно служить резиденцией пандита хамбо ламы, а Кудунский дацан — постоянной резиденцией дэд хамбо ламы.

[39] Этот документ получил впоследствии название «Кудунского устава 1831 г.». В настоящее время его оригинал хранится в Отделе восточных рукописей Института народов Азии АН СССР под шифром Монг. Дылык. 32, MS, Д217.

[40] «Щукинский сборник», вып. VI, 1907, стр. 421.

с местными обстоятельствами Кяхты, был мне весьма полезен как по собиранию сведений о тамошней торговле, так и при сочинении проекта устава для монголо-бурятского духовенства»[41].

Таким образом и был разработан на основе «Кудунского устава 1831 года» тот документ, который вошел в историю и сохраняется под наименованием «Устава монголо-бурятского духовенства 1832 года» или просто «Устава Шиллинга»[42].

К. М. Герасимова в своем исследовании, касающемся политики царизма в отношении бурятского ламаизма, дает следующую оценку этому документу: «Материалы Шиллинга ценны своими источниками, но необходимо при пользовании ими иметь в виду их некоторые особенности. В «Уставе Шиллинга» главы о дацанских должностях, о дацанском хозяйстве, имущественных правах духовенства, внутреннем распорядке дацана составлены на оригинальных монгольских материалах, но с некоторыми изменениями и коррективами. Та часть, которая относится к общему административному положению ламаистской церкви, к порядку делопроизводства, подчиненности и т. д., отражает требования политики правительства...»[43].

«Устав», созданный в результате работы экспедиции П. Л. Шиллинга, вызвал бурные обсуждения и споры между различными правительственными учреждениями, которые продолжались семь лет. В 1838 г. он был окончательно отклонен и только четверть века спустя был издан законодательный акт — «Положение о ламаистской церкви в Забайкалье», который, впрочем, еще более углубил существовавшие противоречия.

Отношение П. Л. Шиллинга к Н. Я. Бичурину. Знакомство и затем сближение П. Л. Шиллинга с главой возвратившейся в 1822 г. в Петербург из Пекина духовной миссии архимандритом Иакинфом, как именовался тогда основоположник русской синологии Никита Яковлевич Бичурин, несомненно оказало на востоковедческую деятельность Павла Львовича решающее значение.

Никита Яковлевич родился в 1777 г. в глухом казанском селении Бичурино в семье дьячка Якова. Бичурин учился в Казанской семинарии и проявил блестящие способности.

---

[41] С. А. Козин, *О неизданных работах Иакинфа Бичурина (по материалам архива Азиатского музея)*, стр. 410—412.

[42] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1/54, д. 212а.

[43] К. М. Герасимова, *Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков*, Улан-Удэ, 1957, стр. 6.

16 Заказ 260

Благодаря покровительству казанского архимандрита Амвросия (Подобедова) в возрасте 24 лет Бичурин стал главой Иркутского монастыря и семинарии. Правда, он продержался в этом высоком звании менее двух лет, так как дерзкое нарушение им канонов православной церкви стало известно высшему духовенству, и Бичурин не только был отстранен от руководства монастырем, но и сослан на год в Тобольский монастырь.

В 1807 г. в результате раздоров в среде миссионеров оказалось вакантным место начальника пекинской Российской духовной миссии. Архимандрит Амвросий этим воспользовался и сделал представление к назначению о. Иакинфа. 17(29) сентября 1807 г. о. Иакинф был возведен в сан архимандрита, а 10(22) января 1808 г. направлен в Пекин в качестве главы Российской духовной миссии.

Однако Бичурин вместо миссионерской деятельности занялся глубоким изучением языка, культуры и быта китайского, а затем монгольского, тибетского и других народов Азии.

Между тем в 1818 г. в Петербурге был сформирован новый состав пекинской духовной миссии, которую возглавил 54-летний штатный переводчик китайского и маньчжурского языков Азиатского департамента Павел Иванович Каменский (архимандрит Петр). Только в конце августа 1819 г. новая миссия в сопровождении специально приставленного чиновника (пристава) Азиатского департамента Е. Ф. Тимковского выехала из Петербурга и прибыла в Пекин в конце 1820 г. Полгода глава новой миссии принимал дела у Бичурина и наконец 15(27) мая 1821 г. старая миссия отбыла на родину, увозя с собой многочисленные вещественные доказательства полезной научной деятельности Никиты Яковлевича. «15 верблюдов навьючено было сими произведениями китайской учености, — писал впоследствии Е. Ф. Тимковский о приобретенных Н. Я. Бичуриным восточных книгах. — Смело можно сказать, что во все восемь перемен состава российско-императорской пекинской миссии, бывших в течение 100 лет, не вывезено столь великого числа полезных сочинений, как в настоящую девятую перемену оной...»[44].

До Петербурга старая миссия добралась только к январю 1822 г. Донесения главы новой миссии о «еретической» деятельности Н. Я. Бичурина, конечно, достигли царя значительно раньше. В Петербурге дерзкого вольнодумца ждала царская расправа. После продолжительного следствия, формаль-

---

[44] Е. Ф. Тимковский, *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.*, ч. II, СПб., 1824, стр. 286.

ными мотивами которого послужили обвинения в продаже церковной утвари и сдаче церковных помещений в аренду, к чему Н. Я. Бичурин был вынужден прибегнуть вследствие полного прекращения денежных поступлений от царского правительства на протяжении семи лет, о. Иакинф был 4(16) сентября 1823 г. сослан на вечное заключение в Валаамский монастырь.

Павел Львович сразу увидел в Бичурине крупного ученого и еще во время следствия предпринимал шаги к смягчению его участи. С присущей настойчивостью Павел Львович не прекращал попыток возвратить Н. Я. Бичурина из заключения. Только 1(13) декабря 1826 г. ему удалось добиться перевода Н. Я. Бичурина из Валаамского монастыря в Александро-Невскую лавру и вслед затем зачислить его штатным служащим Азиатского департамента[45].

В последующие годы Шиллинг в качестве директора первой русской литографии, организованной при Министерстве

[45] А. Н. Бернштам, основываясь на том, что в записках А. В. Никитенко («Моя повесть о самом себе и о том „чему свидетель в жизни был“»,— «Записки и дневник: 1804—1877 гг.», СПб., 1904) приводится рассказ 72-летнего Е. Ф. Тимковского, приписывавшего себе заслугу возврата Н. Я. Бичурина в Петербург, подвергает сомнению роль П. Л. Шиллинга в этом деле (А. Н. Бернштам, *Н. Я. Бичурин и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»*). Следует напомнить, что в 1826 г. Е. Ф. Тимковский занимал скромное положение колежского асессора. К этому времени Шиллинг был уже в чине статского советника и с его мнением весьма считались в министерстве. Роль Шиллинга в деле привлечения Н. Я. Бичурина к работе в Азиатском департаменте подтверждается многочисленными фактами и письменно засвидетельствована внучкой синолога (Н. С. Моллер, *Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки,* — «Русская старина», т. IX, 1888).

Известное стремление обойти молчанием положительную роль Шиллинга появилось после опубликования очерков С. Я. Штрайха о Р. Медоксе. Дело в том, что, находясь в Иркутске, Шиллинг, В. Д. Соломирский и другие члены экспедиции навещали декабриста А. Н. Муравьева, которого помиловали и назначили городским исправником. Эти посещения совпали со временем, когда в семье Муравьевых усиленно подвизался известный провокатор Роман Медокс. Указанное обстоятельство дало повод С. Я. Штрайху приписать также членам экспедиции и лично Шиллингу соучастие в действиях Медокса («Самозванец Медокс среди декабристов», — журн. «Всемирная иллюстрация», 1925, № 7—8, стр. 7; «Роман Медокс», М., 1929, стр. 45—46, 52—56; «Русский Казанова», М., 1932, стр. 20 и сл.); однако, как это было доказано впоследствии многими публицистами, сенсационные «разоблачения» С. Я. Штрайха оказались голословной выдумкой (см. Д. И. Каргин, *Об одной клевете на изобретателя электромагнитного телеграфа.* Рукопись доклада на собрании ленинградского отделения комиссии по истории техники АН СССР. Архив АН СССР, ф. 802, оп. 1, лл. 263—280; А. Ф. Коростин, *Начало литографии в России,* М., 1943, стр. 78; А. В. Яроцкий, *Павел Львович Шиллинг,* М., 1953, стр. 108, 109, 122, 123).

иностранных дел, как мы увидим, оказывал непосредственную помощь Н. Я. Бичурину в деле издания его трудов.

Несравнимо более ценным являлось то обстоятельство, что Шиллинг сумел отстоять участие Н. Я. Бичурина в экспедиции 1830—1832 гг. Значение экспедиции было огромно. Она явилась по существу организованным коллективным продолжением той научной работы по изучению Востока, начало которой положил Н. Я. Бичурин во время своего пребывания в Китае. Шиллингу было совершенно очевидно, что успешному продолжению этой работы значительно содействовало бы освобождение Н. Я. Бичурина от монашеских уз и от заточения в Александро-Невской лавре, куда синологу предстояло вернуться по завершению экспедиции.

Поэтому, еще находясь в Кяхте, в 1831 г. Шиллинг начал подготавливать освобождение Н. Я. Бичурина от монашества. По ходатайству ученого его непосредственный начальник — министр иностранных дел К. В. Нессельроде — обратился 29 мая 1831 г. к обер-прокурору синода с просьбой снять с Н. Я. Бичурина монашеское звание. «Находящийся ныне в Восточной Сибири по делам службы монах Иакинф, — написано в ходатайстве к синоду, — известный по глубоким познаниям своим в литературе Китая, и доселе не перестающий обогащать наше отечество и самую Европу полезными сведениями насчет государства сего, не во всех отношениях известного, обратился в министерство с просьбою о предстательстве, дабы с него сложили монашеское звание, по тому уважению, что при ученых его занятиях и по свойственным человеку слабостям он не может с точностью и по совести соблюдать обетов монашества и что сан сей препятствует ему в свободном отправлении возлагаемых на него по службе обязанностей». Обер-прокурор синода 19 июля 1831 г. направил благоприятный ответ непосредственно Шиллингу. После этого с присущей ему дальновидностью Шиллинг позаботился списаться с нижегородским архиепископом, чтобы тот выполнил все необходимые формальности еще на обратном пути до прибытия экспедиции в Петербург. Однако вмешался Николай I, и Шиллингу было послано приказание на обратном пути не останавливаться в Нижнем Новгороде и доставить Н. Я. Бичурина прямо в Петербург.

Тем не менее Шиллинг продолжал при каждом подходящем случае упорно подчеркивать научные заслуги великого синолога. После возвращения из Сибири в докладной записке министру иностранных дел от 24 июля 1832 г. Шиллинг писал: «Отец Иакинф, уже с давнего времени ознакомленный с местными обстоятельствами Кяхты, был мне весьма полезен как

по собранию сведений о таможней торговле, так и при сочинении проекта устава для монголо-бурятского духовенства. Через него же я получил от китайцев достоверные в Азиатский департамент сведения о возникших в Китае беспокойствах и набегах на западные пределы оного. На возвратном пути из Иркутска я, будучи не в состоянии по причине болезни отправиться к западным границам Китая для собрания сведений о производящейся там торговле, поручил сие монаху Иакинфу, который исполнил оное с примерным усердием и прозорливостью. Сверх занятий по должности в 18-месячное пребывание в Кяхте, он продолжал и ученые труды свои. Во-первых, он окончательно отделал свой перевод истории Тибета и Хухэнора с китайского языка, который я имею честь при сем представить, во-вторых, при упражнении в монгольском языке перевел словарь Сан-хэ-бянь лянь, изданный на языках: маньчжурском, монгольском и китайском — и расположил его по монгольскому алфавиту... Отец Иакинф положил в Кяхте первое основание училища китайского языка. Двенадцать человек детей кяхтинских купцов, обучавшихся у него около десяти месяцев, на публичном испытании оказались довольно сведущими в китайских письменах и даже двое из них могли несколько объясняться на сем языке, чему были свидетелями все члены возвратившейся тогда из Пекина миссии, которые при сем случае единогласно сознались, что они в знании китайского ученого языка с монахом Иакинфом состязаться не могут...»[46].

Хотя, таким образом, Шиллингу не удалось освободить Н. Я. Бичурина от монашеского сана, он по возвращении в Петербург сумел все же доказать абсолютную необходимость продолжения работ великого синолога в Восточной Сибири. В 1835 г. Н. Я. Бичурин снова отправился в Кяхту, где пробыл до 1837 г., завершив составление китайской грамматики.

В 1837 г. Н. Я. Бичурин был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук и членом Азиатского общества в Париже.

В том же году Шиллинг умер и Н. Я. Бичурин был возвращен в Александро-Невскую лавру. Утратив своего друга и покровителя, Н. Я. Бичурин, переживший Шиллинга на 16 лет, уже более никогда не смог вырваться из монашеской кельи.

Формирование коллекций. Письменные памятники восточной культуры, собранные П. Л. Шиллингом, составили не-

[46] А. С. Козин, *О неизданных работах Иакинфа Бичурина,* стр. 399.

сколько больших коллекций, вошедших значительным вкладом не только в наши отечественные хранилища.

В 1835 г. в Азиатский музей поступила коллекция Шиллинга, купленная у него Министерством народного просвещения в 1830 г., о которой было уже сказано несколько слов выше. Эту коллекцию академик Шмидт описал следующим образом:

«Еще незадолго богатое сокровище приобретенных правительством восточных сочинений получило значительное приращение в купленном с соизволения его величества государя императора для Министерства народного просвещения прекрасном собрании китайских, манжурских, японских, монгольских, тибетских и других сочинений его превосходительства г-на барона Шиллинга фон *Канштат*. Следующее исчисление оных, составленное по росписи, сопровождающей сие собрание, может дать некоторое понятие о богатстве и тщательном выборе сей библиотеки.

Она состоит из 314 нумеров, содержащих вместе более 2600 томов (отчасти европейских, отчасти китайских) каждого формата и объема, со многими китайскими и японскими картами, планами и пр., и разделяется на следующие одиннадцать разрядов:

1) Сочинения по части восточного языкоучения, как-то: словари, грамматики и пр. .	68	нумеров
2) По части истории и географии	42	„
3) Классические, философические и нравоучительные книги	25	„
4) Математические, астрономические и астрологические	10	„
5) По части естественной истории и медицины	15	„
6) Исторические сочинения и романы . . .	21	„
7) Разного содержания книги	29	„
8) Китайские сочинения европейских, как католических, так и протестантских миссионеров	23	„
9) Японские книги и карты	34	„
10) Монгольские и тибетские сочинения .	39	„
11) Сочинения на индийском языке .	8	„»[47].

[47] И. Шмидт, *Объявление о новоприобретенном на иждивении правительства собрании восточных сочинений,* — «С[анк]-Петербургские ведомости», 1.VIII.1830, стр. 610.

Указанное собрание образовало первую коллекцию Шиллинга [48]. Монгольские сочинения этого собрания составили IV коллекцию Собрания монгольских рукописей Азиатского музея [49].

Перечень книжных богатств, собранных Шиллингом за восемнадцатимесячное пребывание в Кяхте, содержал более шести тысяч наименований, из которых число тибетских и монгольских сочинений и трактатов достигало двух тысяч. Одна лишь транспортировка этой коллекции из Кяхты в Петербург обошлась ученому более 8 тыс. руб. [50]. В это число помимо книг, собранных самим ученым в Восточной Сибири, вошли также книги, прибывшие из Пекина, которые Шиллинг заказал ранее через пристава Азиатского департамента подполковника Ладыженского, члена старого состава сменившейся миссии З. Ф. Леонтьевского и других соотечественников. Вместе с книгами, купленными у А. В. Игумнова, все эти богатства составили вторую коллекцию Шиллинга, которая после смерти ученого была передана Азиатскому музею [51].

Таким образом, трудно назвать какого-либо другого ориенталиста, через руки которого прошло бы столько письменных памятников восточной культуры, сколько их прошло через руки Шиллинга. После пребывания в Забайкалье он стал крупнейшим коллекционером и знатоком восточной книги [52].

В результате параллельного притока восточной литературы сразу из многих источников у Шиллинга скопилось изряд-

[48] Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР*, — «Ученые записки ИВ АН СССР», т. IX, 1954, стр. 95.

[49] Азиатский музей Петербургской Академии наук был основан в 1818 г. В 1930 г. реорганизован в Институт востоковедения АН СССР, а с 1960 г. — в Институт народов Азии АН СССР.

[50] Приведенные здесь цифры указаны самим Шиллингом во введении к указателю Ганджура (стр. 329 «Бюллетеня»). Счета, фактуры и накладные «на отправленные из Кяхты в С.-Петербург книги и музыкальные инструменты Шиллинга фон Канштадта» находятся в Архиве востоковедов ЛО ИНА АН СССР, ф. 56, д. 22.

[51] В указанной выше статье Л. С. Пучковского утверждается, что «свою вторую коллекцию П. Л. Шиллинг купил у А. В. Игумнова» (стр. 96). Эта ошибка вполне естественная, если учесть, что сведения о собирательской деятельности Шиллинга во время пребывания в Забайкалье оказались погребенными в архивах. В действительности же, как видим, библиотека, купленная у А. В. Игумнова, составила относительно небольшую часть второй коллекции Шиллинга.

[52] Подробные сведения о коллекциях П. Л. Шиллинга содержатся также в следующих источниках: «Каталог к книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента», СПб., 1844; B. Dorn, *Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu SPb.*, 1846.

ное количество дублетов. Будучи многие годы тесно связан с представителями французской науки и являясь членом-корреспондентом парижского Азиатского общества, Шиллинг решил передать библиотеке этого Общества (ныне Института) самостоятельную коллекцию, собрав ее из имевшихся у него дублетов. Л. Лигети, давший в 1930 г. очень подробное описание монгольских книг из этой коллекции, писал о ней следующее:

«В опубликованном Жаком Бако каталоге тибетских книг, принадлежащих библиотеке Французского института, барон Шиллинг фон Канштадт охарактеризован как ревностный коллекционер и знаток тибетских, монгольских, китайских и даже уйгурских книг и манускриптов. В дополнение следует особо отметить его роль в истории монголоведения. Ему принадлежит заслуга создания двух коллекций монгольских книг и манускриптов, значительных не своим объемом, а трудом, затраченным на их подбор, как, впрочем, это отмечено и г-ном Бако в отношении тибетских сочинений. Одна из этих коллекций размещена в Азиатском музее Петербургской Академии наук, другая — во Французском институте... Коллекция института почти аналогична коллекции Азиатского музея, судя по каталогу, составленному для последней в 1843 г., и состоит из тридцати четырех наименований на монгольском языке и шести двуязычных и многоязычных сочинений. В соответствии с общим указателем, составленным самим Шиллингом фон Канштадтом, коллекция содержит священные и догматические сочинения (3580—3587), сборники заклинаний (3588—3590), гимнов (3591—3593), благословлений (3594), религиозные трактаты (3595), книги о космологии (3596—3599), по истории (3600—3602), сборники легенд (3603—3605), учебники медицины (3606—3607), описания религиозных обрядов (3608—3609), своды законов (3610—3613). К этому добавлены словари (3572—3575), а под № 3533 и 3543 числятся дублеты. В 40 номерах содержится 32 гравюры на дереве и 8 манускриптов»[53].

Далее Л. Лигети подвергает подробному анализу парижскую коллекцию монгольских сочинений из коллекции П. Л. Шиллинга, отзываясь с большим уважением о работах наших востоковедов и постоянно ссылаясь на них для подтверждения собственных соображений.

* * *

[53] L. Ligeti, *La collection Mongole Schilling von Canstadt à la bibliothèque de l'Institut*, — «T'oung Pao», vol. XXVII, Leige, 1930.

Невозможно получить правильное представление о Павле Львовиче Шиллинге как востоковеде вне связи со всеми его другими многочисленными научными интересами.

Нынешнее состояние знаний с очевидностью открыло перед нашими современниками две важные тенденции в развитии научных дисциплин. С одной стороны, все более усиливается расчленение и специализация научных дисциплин. С другой стороны, на границах различных областей знания, нередко весьма отдаленных друг от друга по содержанию и характеру изучаемых объектов, возникают и развиваются новые научные дисциплины. Идеи и методы одной отрасли знания используются другой.

Хотя эти тенденции стали особенно отчетливо заметны лишь недавно, они, по-видимому, присущи развитию знаний на всех его ступенях. Во всяком случае они проявлялись уже в начале прошлого столетия — деятельность Шиллинга служит тому одним из наиболее ярких примеров.

Указанное обстоятельство было отмечено еще Б. С. Якоби, который видел причину успехов П. Л. Шиллинга именно во владении целым комплексом различных знаний. Якоби писал, что сама мысль об электрическом телеграфе «должна была с естественной необходимостью возникнуть одновременно в нескольких практических головах. Все прочее уже составляет, конечно, тяжкий труд развития мысли — как на этом поприще, так и вообще везде. В этом отношении Шиллинг имел перед другими то особенное преимущество, что по своему положению в государстве он был хорошо знаком с потребностями телеграфного дела. В течение всей своей жизни он ставил себе задачу идти навстречу этим потребностям, частью — пользуясь для сего всеми средствами, которые в данный момент предоставляло ему современное положение естественных наук, частью — направляя все свое выдающееся остроумие на то, чтобы измыслить и создать возможно простейший язык знаков для выражения понятий. *В этом отношении ему служили богатым вспомогательным средством восточноазиатские языки, с которыми он имел возможность ознакомиться у самого источника. Таким образом, оба эти пути столь различного направления: естественные науки и изучение восточной письменности — находили у него в телеграфии свое общее сосредоточение.* (Курсив наш. — *А. Я.*). В посмертном его наследстве имеются интересные и богатые материалы, свидетельствующие о его гениальности»[54].

Изобретение П. Л. Шиллингом «языка знаков», т. е. теле-

[54] Архив АН СССР, ф. 187, оп. 1, д. 82.

графного кода, действительно явилось главной предпосылкой успешного разрешения в целом всей задачи устройства электромагнитного телеграфа. «Изобретение азбуки, — пишет известный инженер Г. Гаррисон,— логически предшествует изобретению аппарата, ибо тем самым, что установлена азбука, главные черты аппарата в сущности уже даны»[55].

Большинство изобретателей электромагнитного телеграфа, включая Ампера, первым подавшего идею об его устройстве, было убеждено в целесообразности именно побуквенной передачи сообщений электрическими сигналами. Однако при этом они считали, что для передачи каждой буквы или цифры необходим отдельный провод, отдельный мультипликатор со стрелкой и отдельная клавиша. Заслуга Шиллинга прежде всего в том и состоит, что он первым понял необходимость разработать и применить специальную телеграфную азбуку для электромагнитного телеграфа и первым провозгласил код основой телеграфии.

В составленном им описании своего изобретения он с особой силой подчеркивал значение этой стороны дела следующими словами: «Применение разговора к телеграфическим знакам составляет отдельную и важную часть телеграфической науки. Все доселе мне известными сделавшиеся способы кажутся мне неудовлетворительны и не соответствуют требованиям, которых от них ожидать должно. Я нашел средство двумя знаками выразить все возможные речи и применить к сим двум знакам всякий телеграфический словарь или сигнальную книжку»[56].

Разработанные Шиллингом образцы двоичного кода явились основой для дальнейшего развития телеграфии, а затем и ряда других важнейших отраслей техники.

Успешному решению рассматриваемой задачи способствовало не только то обстоятельство, что Шиллинг был лингвистом. Значительную роль сыграли также его обширные познания в области криптографии. Об этой стороне его деятельности один из современников Шиллинга сообщал, что «он сочинил для министерства такой тайный алфавит, то есть так называемый шифр, что даже австрийский, такой искусный тайный кабинет и через полвека не успеет прочесть»[57].

Другой современник Шиллинга засвидетельствовал следующее: «Он изобрел разные, весьма остроумные и уважае-

---

[55] Г. Г. Гаррисон, *Буквопечатающие телеграфные аппараты и механизмы,* М., 1927, стр. 10.

[56] Архив АН СССР, ф. 802, оп. 1, д. 339, л. 96.

[57] Ф. П. Фонтон, *Воспоминания,* т. II, Лейпциг, 1862, стр. 22.

мые по своей простоте и удобству, системы сигналов, а особенно криптографических и ключевых (циферных) письмен. В пример, мы упомянем токмо об удивительном способе, придуманном им для изображения тремя лишь флагами до 3000 различных знаков, способе, изумившем своею простотой и непроницаемостью многочисленных знатоков, собравшихся на опытах, произведенных им в Вене в 1836 году»[58].

Шиллинг был также пионером использования тайнописи при телеграфировании. «Я изобрел для сего же предмета особую цифирь, — писал ученый, — которую искуснейший разбирать не в состоянии будет открыть, хотя бы ему сообщено было буквальное содержание депеши и самый телеграфический словарь»[59].

Э. Х. Ленц также отмечал решающее значение работ Шиллинга над кодом. Ему пришлось быть очевидцем одной из демонстраций изобретателя, во время которой была успешно передана телеграмма, написанная китайскими письменами при помощи специально разработанного Шиллингом для этой цели кода[60]. Следует отметить, что этот код оказался единственно возможным для китайской письменности и его впоследствии пытались внедрить американские миссионеры[61]. Телеграфный код, разработанный П. Л. Шиллингом для передачи китайских иероглифов, состоял всего лишь из 16 комбинаций. 8 комбинаций предназначались для обозначения элементов иероглифа, шесть — для обозначения относительного расположения каждого из элементов иероглифа (выше, ниже, внутри, снаружи, левее, правее) и 2 — в качестве знаков раздела между иероглифами.

---

[58] К. Чевкин, *Павел Львович Шиллинг,* — «Северная пчела», 27.IX.1838, стр. 867, 868.

[59] Архив АН СССР, ф. 802, оп. 1, д. 339, л. 96. Интересно отметить, что после смерти изобретателя в его личном архиве было обнаружено 32 папки с подробными материалами о различных системах шифров, применявшихся в семафорных телеграфах. Эти материалы были переданы для изучения Б. С. Якоби (ЦГИАЛ, ф. 1289, оп. 1, д. 589, лл. 4—6).

[60] Э. Х. Ленц, *Речь «О практическом применении гальванизма», произнесенная в открытом заседании Петербургского университета 31 марта 1839 г.,* СПб., 1839. В этой речи сказано следующее: «Может быть, многие из вас, подобно мне, были свидетелями, с какой поразительной скоростью с помощью некоторых близких ему и специально обученных им лиц он мог передавать по проволоке длиною во много верст любую фразу на любом языке (я был свидетелем китайской депеши) и получать через несколько минут ответ».

[61] W. A. Macy, *Remarks on the mode of applying the electric telegraph in connection with Chinese language,*—«Journal of the American oriental society» New York, vol. 3, 1852, № 1. Характерно, что идеи Шиллинга в области телеграфии проникли в первую очередь в среду американских миссионеров-китаеведов.

Использование идей и методов одной области науки и техники в другой не ограничивалось у П. Л. Шиллинга указанным выше, а характерно вообще для всего его творчества.

Деятельность Шиллинга в качестве руководителя первой в России первоклассной литографии изучена весьма мало. Нет сомнения, что творческий ум Павла Львовича и здесь вызвал к жизни значительные усовершенствования.

Имеется свидетельство, что Шиллинг «вздумал воспроизводить китайские письмена посредством литографии не простым рисованием их на камне, а произведением выпуклых букв, которые потом отпечатывались на обыкновенных типографских станках. Для этого вытравлял он поверхность камня, оставляя только именно то, что покрыто начертанием письмен. Никто во всей Европе не мог догадаться, как это делается. Клапрот, Монтугги и другие знатоки китайской письменности дивились чистоте и верности этих оттисков, но не верили, чтобы они были напечатаны вне Китая»[62].

Здесь несомненно речь идет о напечатании литографским способом целого ряда восточных произведений, в первую очередь знаменитой книги Н. Я. Бичурина под названием «Сан-цзы-цзин», которую он издал в 1829 г. с помощью Шиллинга. Аннотация, помещенная Н. Я. Бичуриным перед текстом книги, выразительно характеризует не только достижения П. Л. Шиллинга в литографии, но и непосредственную роль, которую она сыграла в русском китаеведении благодаря Шиллингу. Приводим эту аннотацию дословно: «В сей книжке изложены все философические умствования китайцев с изъяснением понятий и выражений, странных для европейца: почему может она служить у нас руководством к чтению переводов с китайского языка. Вот цель ея издания!

Что касается до китайского текста, буквы вылитографированы столь чисто, столь правильно, что нимало не уступают стереотипу пекинской Дворцовой типографии. Сим мы одолжены изобретательному уму Е. П. Барона Павла Львовича Шиллинга фон Канштата».

Приведенный факт не являлся единичным случаем подобного рода. В дальнейшем Шиллинг систематически использовал возможности литографии для воспроизведения всевозможных восточных текстов.

Б. С. Якоби понял и сумел оценить указанную особенность многогранной деятельности Шиллинга, которая оказала также глубокое влияние на формирование последующих поколений русских ученых и изобретателей.

---

[62] Н. Греч, *Бар. П. Л. Шиллинг*, — «Северная пчела», 1853, № 142.

Якоби писал брату по поводу смерти Шиллинга: «...это для меня незаменимая потеря, которую я с трудом перенесу»[63]. В письме к непременному секретарю Петербургской Академии наук П. Н. Фуссу он писал: «Известие о смерти Шиллинга меня совершенно потрясло; за время нашего короткого знакомства я искренне полюбил его и, несомненно, я буду очень болезненно ощущать его отсутствие по возвращении моем в Петербург. В нем были... бесконечное добродушие, прекрасная голова, практический такт и он унес в могилу бо́льшие знания, чем это можно предположить с первого взгляда...»[64].

[63] Архив АН СССР, ф. 187, оп. 2, д. 611, л. 9.
[64] Там же, оп. 1, д. 74, л. 16.

А. С. ШОФМАН

К. А. КОССОВИЧ КАК ВОСТОКОВЕД (1815—1883)

Научная деятельность крупного ориенталиста Каэтана Андреевича Коссовича не нашла достаточного отражения в истории русского востоковедения. За исключением отдельных заметок, нет ни одного исследования, которое бы определило его место среди русских востоковедов. Архивные материалы, хотя и разрозненные, позволяют ныне восстановить биографию ученого и показать значение его научных работ.

Выйдя из бедной семьи белорусского священника, Коссович получил среднее образование в Витебской гимназии[1]. Не имея никаких средств, он пешком пришел из Полоцка в Витебск, для того чтобы учиться. Прекрасно окончив гимназию весной 1832 г., он поступил в Московский университет на словесное отделение (где учился за счет Белорусского учебного округа).

Уже в первые годы пребывания в университете Коссовичу пришлось испытать немало трудностей. Ему угрожала солдатчина за нелестный отзыв о декане филологического факультета Давыдове и племяннике последнего Ландовском. Коссович был посажен в темный карцер. Вышел он оттуда по требованию студентов, которым уступила на этот раз университетская администрация[2].

Столь суровая мера по отношению к Коссовичу была вызвана, по-видимому, причастностью его к делу «о тайном польском литературном обществе». Дело это возникло в 1833 г. в обществе, основанном И. Савиничем, приятелем В. Г. Белинского по «Литературному обществу 11-го нумера». Одним

[1] К. А. Коссович вместе со своим братом учился в Полоцке в школе, принадлежавшей католическому ордену пияров. После того как школа была закрыта, большая часть учеников перебралась в Витебск.

[2] «Русская старина», т. LVII, СПб., 1886, стр. 614.

из главных лиц Польского общества был студент Тадеуш Заблоцкий[3]. Коссович сблизился с Т. Заблоцким, И. Савиничем, А. Белецким, Л. Максом[4]. Собираясь вместе, они читали Лелевеля, Лафайета, обсуждали вопросы национально-освободительного движения польского народа[5]. Летом 1833 г. Т. Заблоцкий был арестован; К. Коссович, И. Савинич, Л. Макс, А. Белецкий подверглись лишь допросам во время следственного процесса[6].

Через И. Савинича и Т. Заблоцкого Коссович сблизился с В. Г. Белинским, который хотя и был в 1832 г. исключен из университета, но продолжал посещать своих друзей по «Литературному обществу 11-го нумера»[7]. О дружбе Коссовича с Белинским имеются указания в переписке Н. В. Станкевича.

Позднее Коссович вошел в кружок Н. В. Станкевича и пользовался его большим уважением. В письме к родным Н. В. Станкевич, спрашивая о своих друзьях, в числе их называет Белинского и Коссовича. Именно эти связи Коссовича заставили Министерство просвещения резко воспротивиться желанию университетского правления оставить его при университете для «достижения высшей научной степени»[8].

В августе 1836 г. Коссович окончил Московский университет со степенью кандидата словесных наук. Не получая назначения, он жил в Москве, давая уроки. О его научных занятиях в эти годы писал В. Г. Белинский в одной из своих литературных заметок в «Московском наблюдателе»:

«Г. Коссович, молодой человек, недавно окончивший курс в Московском университете, будучи страстным эллинистом, внушил нескольким отличным студентам в Москве полезную мысль составить учебный словарь древнего греческого языка. Словарь этот теперь печатается и, по отзывам знатоков дела,

---

[3] Т. Заблоцкий (1811—1847), польский поэт, после окончания Витебской гимназии был послан за счет Белорусского учебного округа в Московский университет. 26 октября 1831 г. он был зачислен казенно-коштным студентом словесного отделения. В 1831/32 г. слушал лекции в университете вместе с В. Г. Белинским. 29 июня 1833 г. по распоряжению московского генерал-губернатора был арестован, а 29 августа того же года исключен из университета, отдан в солдаты и сослан на Кавказ.

[4] «Биографический словарь университетских товарищей Белинского»,— «Литературное наследство», т. 56, М., 1950, стр. 422.

[5] Там же, стр. 382.

[6] «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 157 (письмо из Воронежа от 24 апреля 1836 г.).

[7] «Литературное наследство», т. 56, стр. 341.

[8] Там же, стр. 382, 429.

труд г. Коссовича заслужит полное внимание и благодарность учащегося юношества»[9].

Через некоторое время Коссович был назначен учителем греческого языка в Тверскую гимназию[10].

В 1843 г. он был переведен в Москву и преподавал греческий язык в гимназии до 15 октября 1849 г.[11]. В эти годы он познакомился с П. А. Плетневым, А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, С. П. Шевыревым. Сближение с А. С. Хомяковым и другими славянофилами благотворно сказалось на научной деятельности Коссовича. А. С. Хомяков всячески поощрял его занятия греческим языком. Он называл в письмах Коссовича своим «бесценным другом»[12]. Хомяков первый познакомил его с трудами немецких и английских санскритологов Боппа, Лассена, Вильсона.

В отделе рукописей библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится переписка П. А. Плетнева с К. А. Коссовичем, из которой видно, что П. А. Плетнев ценил научную работу своего «доброго и милого друга», давал ему советы быть спокойным при необъективной критике его трудов. «Не смотрите на то, — пишет П. А. Плетнев, — что неприятное для вас появится в русских журналах. Не тут ваши судьи. Придет время, когда имя ваше будет признаваться с благодарностью и почтением, как имя основателя в России школы исследователей санскритской филологии»[13]. К. А. Коссович посылал свои работы П. А. Плетневу и с нетерпением ждал от него отзыва.

«Коссовича я люблю и уважаю, — писал П. А. Плетнев,— если он не будет подавлен тяжелым игом службы, мы в нем впервые увидим из русских истинноученого человека в полном европейском смысле. Сколько у него проницательности, ума, сколько начитанности и сведений»[14].

Дружеские отношения поддерживал К. А. Коссович и с С. П. Шевыревым, у которого он даже некоторое время жил.

В 1849 г. Коссович оставил преподавание в гимназии и через год переехал в Петербург, где поступил на службу в

---

[9] Цит. по «Литературному наследству», т. 56, стр. 429.

[10] «Нева», СПб., 1883, № 26.

[11] С. Гулевич, *Историческая записка о 50-летии Московской второй гимназии, 1835—1885*, М., 1885, стр. 228.

[12] Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 384, л. 26 (далее — ГПБ); К. Коссович, *Несколько слов в память А. С. Хомякова,* — «Русская беседа», М., 1860, кн. 20, № 11, стр. 89—98.

[13] ГПБ, ф. 384, Корреспонденты Коссовича. Письмо Плетнева от 14 октября 1848 г.

[14] «Русский архив», кн. 12, М., 1877, стр. 372.

императорскую Публичную библиотеку[15]. Директор библиотеки М. А. Корф создал для него особую должность — редактора ученых работ и поручил ему заведование в библиотеке восточными книгами и рукописями[16].

Отделение восточных книг было приведено К. А. Коссовичем в образцовый порядок. Он составил каталог на две тысячи печатных восточных текстов и переводов, принадлежавших библиотеке. Коссович нашел неизвестное библиографам «Евангелие» на арабском языке, изданное в 1708 г.[17]. При Коссовиче библиотека «обогатилась всеми примечательными изданиями по части восточных языков, которые вышли в то время как в Европе, так и в Азии»[18].

До последних дней своей жизни Коссович работал библиотекарем[19]. В 1869 г., когда он мог бы выйти на пенсию, он просил разрешить остаться на работе в библиотеке. «Служба по библиотеке, — писал он, — для меня поистине драгоценна как с научной стороны, так и по личному сочувствию моему в деятельности этого учреждения»[20].

В библиотеке Коссович пользовался уважением; часто оставался заместителем М. А. Корфа во время его отсутствия.

Работу в библиотеке Коссович совмещал с преподаванием санскритского языка студентам Петербургского университета.

Общественно-политические взгляды Коссовича не были последовательными. В годы студенчества он принимал участие в общественном движении, интересовался передовыми идеями своего времени. Позднее, работая ряд лет в провинции, в московских средних учебных заведениях, в петербургской Публичной библиотеке и наконец в Петербургском университете, Коссович постепенно отходил от политических взглядов своей юности. Коссович поддерживал связи с такими деятелями науки и литературы, как востоковед В. В. Григорьев, друг А. С. Пушкина П. А. Плетнев, поэт Н. М. Языков, Н. И. Тургенев, а также со славянофилами А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским, М. А. Корфом и Д. Н. Блудовым. Эта среда не могла не оказать своего влияния на взгляды Коссовича. От близости к демократическим кругам он

---

[15] Д. Д. Языков, *Обзор жизни и трудов покойных русских писателей*, вып. 1—13, СПб., М., 1885—1916; Д. Д Языков, *Русские писатели, умершие в 1885*, СПб., 1886, стр. 43.

[16] «Нева», 1883, № 26.

[17] Архив Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 1, оп. 1, 1854, д. 7, л. 5 (далее — Архив ГПБ).

[18] Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1860, д. 6, л. 41.

[19] «Журнал Министерства народного просвещения», ч. CCXXVI, СПб., 1883, стр. 35 (далее — ЖМНП).

[20] Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1850, д. 34, лл. 119, 121.

эволюционировал в сторону либерализма. Как ученый Коссович был представителем либерального направления.

Рассматривая литературные и языковые явления, Коссович правильно связывал их с исторической почвой, на которой они возникли. Однако исторические процессы он оценивал с идеалистических позиций.

Коссович был глубоким и тонким филологом, большим знатоком языков. Ему в совершенстве были известны классические языки, языки Древнего Востока — еврейский, арабский, санскритский; из новых — английский, немецкий, испанский, чешский, литовский. Все эти языки Коссович изучал самостоятельно, без преподавателей. Прекрасное знание языков приобщило Коссовича к сокровищам восточной культуры. Он делал их достоянием русской науки.

Свою научную деятельность Коссович начал как эллинист. Через античность он пришел к изучению Востока. В. Г. Белинский назвал Коссовича страстным эллинистом.

Отличные знания латинского языка К. А. Коссович получил еще в годы учения в Витебской гимназии. Еще в те годы попечитель Белорусского учебного округа Г. Н. Карташевский уговорил К. А. Коссовича, как хорошего латиниста, давать уроки латинского языка его детям и племянникам[21]. Греческим языком Коссович усердно занимался в Московском университете и усовершенствовал свои познания в годы учительства.

Коссович до тонкости изучил греческих и римских писателей. Им был сделан перевод грамматики греческого языка Кюннера, к которой он же составил греческую хрестоматию, греческо-русский и русско-греческий словари[22]. В 1843 г. Коссович издал эту грамматику за свой счет[23]. В 1847 г. совместно со своим братом Игнатием Андреевичем Коссович издал два тома «Греко-русского словаря», получившего Демидовскую премию.

К. А. Коссович был крупным семитологом. Древнееврейский язык он изучил еще в средней школе до такой степени, что евреи в Витебске с удивлением говорили о нем, как о знающем библию лучше раввина[24]. Коссович перевел с древнееврейского «с самой строгой буквальной верностью» важный памятник письменности X в. Это был отрывок из

---

21 «Русская старина», т. II, 1886, стр. 613.

22 И. Рогозников, *К биографии К. А. Коссовича,* — «Исторический вестник», т. XXXI, СПб., 1888, стр. 517; ср. «Московский наблюдатель», 1839, № 1, стр. 12.

23 Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1850, д. 34, стр. 36.

24 «Русская старина», т. II, стр. 612.

письма Рабби Хисдай бен Ицхак, приближенного одного из халифов испанских, к царю хазарскому[25]. Этот документ не только выясняет роль евреев в хазарском царстве, но дает также интереснейшие сведения о географических путях «между отдаленнейшими краями тогдашнего восточного и западного мира».

Коссович перевел с немецкого еврейскую грамматику В. Гезениуса, выдержавшую 21 издание[26]. Эта грамматика считалась наилучшим учебником еврейского языка. Коссович не ограничился ролью переводчика высокого класса. Он дал обстоятельные объяснения и комментарии, а также дополнения из еврейского текста Ветхого завета. В качестве учебного руководства Коссович составил и издал еврейскую хрестоматию и еврейско-русский глоссарий[27]. В хрестоматии помещены статьи из книг Ветхого завета, «доступные для понимания и представляющие каждая сама по себе некоторое полное целое». Статьи сопровождались исчерпывающими сведениями на грамматические правила. Обстоятельный глоссарий давал объяснения значению слов.

О высоком авторитете Коссовича как семитолога свидетельствует факт его избрания членом комиссии для составления инструкции еврейским цензорам, как знающего «еврейскую цензуру и еврейскую литературу, как религиозную, так и учебную, а также филологические особенности еврейского языка»[28].

Однако основное внимание уделял Коссович санскритологии. Именно санскритскому языку и словесности он посвятил лучшие годы своей творческой жизни. С упорством и редкой энергией Коссович самостоятельно изучал санскритский язык и санскритскую литературу. В короткое время он свободно читал крупнейшие произведения санскритской литературы — «Махабхарату» и «Рамаяну», а также законы Ману[29]. Такой повышенный интерес к санскриту со стороны Коссовича объяснялся уровнем развития в те годы школы историко-сравнительного языкознания. Изучение санскрита было необходимым и важным звеном в деле изучения индо-европейских язы-

---

[25] «Сборник исторических сведений о России и народах, ей единоверных и соплеменных», изд. Д. Валуевым, М., 1845, стр. 185—189.

[26] «Еврейская грамматика В. Гезениуса», пер. проф. К. А. Коссовича, СПб., 1874.

[27] «Еврейская хрестоматия с ссылками на грамматику Гезениуса и глоссарием еврейско-русским», сост. проф. К. Коссовичем, СПб., 1875 (хрестоматия состоит из статей, примечаний и глоссария).

[28] Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 14, оп. 1, 1874, ед. хр. 7422, св. 214, лл. 1, 2 (далее — ГИАЛО).

[29] «Московские ведомости», 30.I.1883.

ков. Коссович много внимания уделил изучению санскрита, его исключительные способности к языкам нашли себе верное применение, и он недаром заслужил себе славу первого русского санскритолога. Им были переведены многочисленные эпизоды из этих произведений, а также и других сочинений и драм. Коссович был строгим и взыскательным переводчиком. Он говорил, что «памятник эпохи должен иметь на себе отпечаток ее характера; переводчик не имеет права распоряжаться в чужом добре»[30].

В 1844 г. в журнале «Москвитянин» был помещен переведенный Коссовичем рассказ из Махабхараты «Сундас и Упасундас»[31]. В 1846 г. Коссович опубликовал перевод санскритской драмы Кришны Мисры в шести актах «Торжество светлой мысли»[32]. Коссович писал, что это был «первый цельный плод санскритской письменности, перенесенный на русскую почву». В своем обстоятельном предисловии переводчик с большим знанием дела показал смысл религиозно-философских проблем, легших в основу драмы, дал характеристику ведам и индийской мифологии, кастовой системе. Высоко оценивая этот перевод драмы Коссовича, Плетнев считал, что «это — подвиг, превышающий разумение русских критиков»[33].

В 1847 г. появляется выполненный Коссовичем (с его комментариями и предисловием) перевод санскритской повести «Сказание о Видъядг'аре Джимутавагане», заимствованной из IV книги огромного санскритского сборника рассказов нравственно-мифологического содержания[34].

В 1848 г. Коссович опубликовал древнеиндийскую религиозную легенду «Сказание о Дгруве»[35]. По своему философскому значению этот рассказ близко примыкает к драме «Торжество светлой мысли». Коссович отмечает промахи перевода этого же рассказа «первенствующего санскритолога Европы» Е. Бюрнуфа и немецкого ученого Г. Брокгауза[36].

---

[30] «Торжество светлой мысли». Драма в шести актах Кришны Мисры, пер. с санскрита К. Коссовича, М., 1846, стр. XVIII.

[31] «Москвитянин», М., 1844, ч. I, кн. 2, стр. 311—329.

[32] «Торжество светлой мысли», см. также: «Московский журнал и литературный сборник за 1847 г.», стр. 1—187.

[33] «Русский архив», кн. 12, стр. 372.

[34] «Московский журнал и литературный сборник за 1847 г.», стр. 17—50. (Есть отдельное издание.) Автор этого сборника рассказов жил в Кашмире в начале XII в. По преданию, он составил его в утешение царице Суръявати, потерявшей внука, кашмирского царя Гарша-Дэвы.

[35] «Сказание о Дгруве. Древне-индийская религиозная легенда», пер. с санскрита К. Коссовича, М., 1848, стр. 55. Этот рассказ взят из Багават-Пурана, сборника легенд и гимнов.

[36] Там же, стр. XIV.

Свой перевод Коссович послал Плетневу, который сделал ему несколько критических замечаний и предложил ему перед тем, как отдать рукопись в печать, показать ее «кому-нибудь». Ни Карамзин, ни Крылов, ни Жуковский, ни Батюшков, ни Пушкин, писал Плетнев Коссовичу, не выпускали в свет рукопись, не прочитав ее с друзьями. «Ваши завистники и враги, — пишет Плетнев, — непременно воспользуются этими чернильными пятнушками. Примите это к сведению для будущего» [37].

В 1849 г. Коссович переводит древнеиндийскую драму «Васантазена» [38], а в 1859 г. — рассказ из Махабхараты, который еще не переводился европейскими учеными [39].

Эти переводы были учебными пособиями при изучении санскритского языка и словесности. Коссович разыскивал в книгохранилищах санскритские рукописи и делал подробные их описания. В феврале 1851 г. Коссович выехал в Англию для расшифровки рукописей Публичной библиотеки, написанных на разных индийских наречиях. Библиотека готовила к изданию каталог восточных рукописей, среди них были и рукописи на языках мало кому известных. Необходимо было командировать в Лондон специалиста «для объяснения их содержания и заглавий». Директор библиотеки М. А. Корф возложил это дело на Коссовича как «чиновника весьма надежного и знающего языки, в том числе английский» [40]. Коссовича отправили в Лондон на два месяца за свой счет. Затем командировка была продлена еще на шесть месяцев [41]. Кроме Англии [42] Коссович побывал также во Франции и Германии.

В архиве библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется полный отчет Коссовича М. А. Корфу о заграничной поездке. Из отчета мы узнаем, что Коссович просмотрел рукописи Британского музея и познакомился с английскими ориенталистами [43]. Однако ни Вильсон, ни Роллинсон, не говоря уже о других, определить содержание привезенных Кос-

---

[37] ГПБ, ф. 384, л. 11. Письмо Плетнева от 14 октября 1848 г.

[38] «Москвитянин», 1849, ч. V, кн. 9.

[39] «Легенда об охотнике и паре голубей, извлечение из Махабхараты с присовокуплением русской транскрипции, латинского перевода и санскрито-русского глоссария К. Коссовича», СПб., 1859, стр. 124.

[40] Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1851, д. 49, лл. 1—3; ЖМНП, ч. CCXXVI, 1883, стр. 39.

[41] Там же, л. 52; «Императорская Публичная библиотека за сто лет (1814—1914)», СПб., 1914, стр. 207.

[42] В Лондоне Коссович оставался под надзором русского посланника, тайного советника Ф. И. Бруннова (см. Архив ГПБ, ф. 1, 1951, д. 49, л. 7).

[43] Там же, лл. 53, 104.

совичем рукописей не смогли. Коссович стал искать знатоков вне Лондона. С помощью секретаря английского королевского Азиатского общества Норриса ему удалось познакомиться с профессором Кентерберийской академии доктором Рейнгальдом Ростом, который принял его просьбу и потратил на ее выполнение полгода усиленного труда. Рейнгальд Рост расшифровал содержание рукописей; пробел в каталогах рукописей был ликвидирован [44]. Таким образом, благодаря усилиям Коссовича важные материалы по истории индийской культуры стали доступны ученым.

Большое количество источников по санскритской письменности оставалось почти недоступным изучению из-за отсутствия словарей. До 1819 г. заниматься санскритским языком можно было только в Индии у пандитов. Так поступили первые санскритологи в Европе: Кольбрук, Джонсон и Вилькинс. В 1819 г. появился словарь Вильсона, который способствовал изданию санскритских текстов и их переводов [45]. За этим словарем появились словари Боппа, глоссарий датчанина Вестергорда. Но словарь Вильсона вскоре сделался библиографической редкостью, а словарь Боппа едва ли содержал сотую долю материала санскритско-английского словаря.

Необходимость составления санскритско-русского словаря была очевидной.

Еще в 40-х годах у Коссовича возникла идея создания словаря, которую Плетнев всячески поддержал. «Предположение ваше, — пишет он, — об издании санскрито-русского лексикона прекрасно. Но и в этом случае приготовьте душу вашу к испытаниям» [46]. В 1854 г. Коссович по предложению второго отделения Академии наук приступил к составлению санскритско-русского словаря. В течение 1854—1856 гг. в «Известиях отделения» вышло три тетради словаря [47].

Коссович позднее писал: «Если это сочинение откроет в отечестве нашем доступ к изучению одного из древнейших и прекраснейших языков в мире, то моя цель будет достигнута...» [48].

---

[44] Кроме выполнения своей основной миссии Коссович изучал постановку библиотечного дела в Лондоне, нашел собрание рукописей о русской дипломатии второй половины XVIII в., множество записок о России, очень важных в историческом и статистическом отношениях (там же, лл. 57—91, 107, 108).

[45] Словарь Вильсона составлен по индийским словарям.

[46] ЖМНП, ч. CCXXVI, 1883, стр. 39.

[47] ГПБ, ф. 384. Письмо Плетнева от 9 июля 1847 г.

[48] «Санскрито-русский словарь», сост. К. А. Коссовичем, СПб., 1854, стр. VIII. При составлении словаря Коссович пользовался высококвалифицированными консультациями И. И. Срезневского.

К сожалению, последующие тетради словаря Коссовича остались не изданными (возможно потому, что вышел в свет большой санскритско-немецкий словарь, составленный О. Бётлингком).

Коссович был одним из ревностных пропагандистов санскрита. О его любви к языку можно судить по публичным лекциям, которые он читал. Темой лекций Коссович выбирал многочисленные санскритские памятники эпоса, потому что «все последующие произведения развивались под его влиянием и вследствие этого не могут быть изложены с надлежащей ясностью без предварительного с ним ознакомления». Будучи прекрасным знатоком греческого эпоса, Коссович всегда сравнивал его с санскритским и устанавливал одинаковые корни их происхождения. «Действительно оба эпоса, — писал он, — греческий и древнеиндийский, воскрешают перед нами отдаленнейшую человеческую жизнь со всеми бесконечными изгибами ее движений и помыслов, со всем неисчерпаемым богатством нравственных побуждений, их вызывавших и руководивших ими, и в то же время завершают все ее духовное достояние на рубеже новой жизни; оба они передают в художественном представлении векам последующим этот протекший невозвратный быт рода человеческого...»[49].

Не потеряла своего значения характеристика Коссовичем исторических условий, при которых возник и сложился индийский эпос. Исключением, может быть, является оценка буддизма, который им явно идеализируется.

Коссович считал, что первый из двух санскритских эпосов — Рамаяна — является лучшим историческим произведением для «героической эпохи древней Индии». Он показал, что эпоха в нем отразилась «во всей полноте и с безукоризненною верностью»[50].

Коссович довольно подробно, интересно и красочно передал содержание поэмы. Это было первое полное изложение «Рамаяны» на русском языке. Также подробно было изложено Коссовичем и содержание «Махабхараты». Она, по выражению Коссовича, является поэтической энциклопедией всех событий, всех учений, всего устного творчества большой исторической эпохи Индии[51]. В основе поэмы лежит описание борьбы индийских племен. Однако, справедливо указывает Коссович, эта основная тема подчас исчезает от бесчисленного множества вошедших в поэму эпизодов и рассказов,

---

49 «Русское слово», СПб., 1860, № 6, стр. 2.
50 Там же, стр. 9, 16, 17, 22, 23.
51 Там же, стр. 169.

«очень часто состоящих с главною нитью повествования только в отдаленных и едва заметных соотношениях»[52].

«Махабхарату» Коссович сравнивает с величавым деревом, могучие корни которого дают жизнь новым деревьям. В глубине же роскошного леса, ими образуемого, красуется и растет дерево-прародитель, мало и неприметно возносясь над своим потомством. «Махабхарата» представляется ему великолепно построенным храмом с целым лабиринтом внутренних и наружных построек, созданным многими поколениями в соответствии с главной идеей здания, оставляющим в недоумении самого искусного архитектора, который не может решить, что принадлежит первому строителю и что присоединилось впоследствии[53].

Все переводы Коссовича литературных санскритских памятников, санскритско-русский словарь, составленный им, его педагогическая деятельность позволяют считать Коссовича одним из лучших представителей русской санскритологии. Но Коссович был не только санскритологом, он известен и как крупный иранист. Он занимался древней Персией, изучал Авесту и надписи Ахеменидов[54]. Он издал древнейшие памятники таджикского и персидского языков — клинообразные надписи VI—IV вв. до н. э.[55]. В. В. Григорьев недаром считал Коссовича первым в России исследователем арийской древности в ее старобактрийских и староперсидских памятниках.

Коссович первый в России начал преподавать древнеиранские языки: зендский (так в те годы называли язык Авесты) и древнеперсидский[56].

В 1857 г. Коссович издал четыре статьи зендских памятников[57]. Они были приняты за границей «с выражением живейшей признательности». По утверждению немецких ученых, эта работа способствовала за границей истинным

---

[52] Там же, стр 168.

[53] Там же.

[54] См. «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С.-Петербургского университета...», т. 1, СПб., 1896, стр. 347.

[55] «Inscriptiones Palaeo Persicae Achaemenidarum quot hucusque repertae sunt...archetyporum typis primus edidit et explicavit...C. Kossowicz», Petropoli, MDCCCLXXII.

[56] И. М. Оранский, *Изучение истории таджикского и персидского языков в Петербургском университете,* — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. IV, М., 1959, стр. 138.

[57] «Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария К. А. Коссовича», СПб., 1861, а также в «Трудах Восточного отделения Археологического общества», 1861, т. VIII.

успехам науки «как по части зенда, так и вообще сравнительной филологии»[58]. В России же значение этих памятников было понято не сразу. Так, газета «Санктпетербургские ведомости» в «литературной летописи» в обзоре вышедшей литературы подвергла сомнению важность издания Коссовичем четырех статей из Зенд-Авесты[59]. Однако вскоре в «Русском вестнике» появилась статья доктора Ястребцова под заглавием «Грустный литературный факт». В этой статье автор выступил против необъективной рецензии. Ястребцов назвал сочинение Коссовича необыкновенным явлением в русской литературе[60]. За этим изданием последовал ряд других работ Коссовича по Зенд-Авесте.

Коссович показал себя большим знатоком Зенд-Авесты. В предисловии к изданию зендских текстов и в подробном разборе сочинения Игнатия Петрашевского о Зенд-Авесте Коссович обстоятельно изложил историю открытия и изучения «зендского» языка в Европе, определил значение этого языка в семье других индоевропейских языков[61]. С достаточной ясностью раскрыт научный подвиг Анкетиль дю Перрона, познакомившего впервые Европу с языком и литературой Зенд-Авесты. Показана роль датчанина Раска в разъяснении построения Зенда и в выяснении отношения его к другим языкам, значение усилий профессора санскритского языка в Париже Эжена Бюрнуфа в выяснении филологических особенностей зендского языка путем сличения грамматических и лексических указаний Раска и Анкетиля. Не остались без разбора и работы в области зендского языка современников Коссовича Германа Брокгауза (1850), Лассена (1851), Шпигеля (1851) и других.

---

[58] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 147, 1865, ед. хр. 422, л. 13.

[59] «Санктпетербургские ведомости», 12.X.1861. «Нельзя без удовольствия читать, — пишет автор статьи, — предисловие г. профессора Коссовича к его переводу из «Зендавесты». В этом предисловии языком сведущего, умного и сочувственного человека подробно рассказана история обретения зендских памятников, перенесения их в Европу, дальнейшая судьба и окончательное разрешение соединенными силами многих ученых». Вместе с тем автор отмечает: «Потрачено много упорного, усидчивого труда, много знания, много старательных разысканий, сравнений, выводов, сличений, вариантов... текст на языке зендском, текст на языке пеглевийском, перевод латинский, перевод русский, потом глоссарий. Годами отзывается этот труд, несмотря на малый объем книги, и для чего все это? Для четырех глав из «Зендавесты», в которых почти нет ничего!» Подобная точка зрения характерна для некоторых общественных кругов; они считают, что труды по востоковедению излишняя роскошь.

[60] «Русский вестник», т. XXXVII, 1862, № 2, стр. 828.

[61] Архив ГПБ, ф. 1, оп. 1, 1857, д. 50. Работа Петрашевского Коссовичем оценивается отрицательно.

В конце 1865 г. Коссович издал в Париже статьи из «Зенд-Авесты». Воспользовавшись годовым пребыванием за границей (Коссович был направлен в Париж для изучения постановки преподавания сравнительного языкознания), он получил возможность лично участвовать при издании зендских памятников[62]. Коссович выбрал десять статей на древнеперсидском языке, он предпослал им латинский буквальный перевод, сопровождаемый подробными филологическими и критическими примечаниями[63]. В Париже нашлись лучшие шрифты, изготовленные под руководством известного профессора Е. Бюрнуфа по рукописям, принадлежавшим Анкетилю дю Перрону.

Сборник Коссовича был для молодых филологов единственным учебником языка Авесты. Он имел также значение для лингвистов, а для ориенталистов в особенности. Эта работа в какой-то мере раскрывала тайны древнего языка и расширяла представления о религиозных верованиях в древнейшем Иране.

Как ученый Коссович, по справедливым словам известного ориенталиста В. В. Григорьева, представлял «редкий пример благородного труженика на пользу науки, который все обширные сведения свои приобрел не выезжая из России, приобретением их обязан исключительно самому себе, и приобретал их среди обстоятельств самых неблагоприятных, никогда не упадая духом, никогда не позволяя себе усумниться в своем призвании и в торжестве твердой воли над равнодушием и людским недоброжелательством»[64].

Представление о Коссовиче было бы неполным, если бы мы оставили в стороне его педагогическую деятельность. Свои востоковедческие знания он передавал молодежи, возбуждая в ней интерес к богатейшему культурному наследству восточных стран.

Еще в 1847 г. ректорат Московского университета поставил вопрос о введении преподавания восточных языков (в частности, санскритского как основного языка при изучении филологии)[65]. Для этой кафедры рекомендовали кандидатуру Коссовича[66]. Для усовершенствования в области санскритологии Московский университет направил Коссовича в за-

---

[62] ГИАЛО, ф. 139, оп. 1, 1864, ед. хр. 6284, св. 135, лл. 1—3, 5, 7.

[63] «Decem Sendavestae excerpta: Latine vertit, sententiarum explicatio nem et critcos commentarios adjecit, textum archetypi...recensuit D-r C. Kossowicz», Parisiis, MDCCCLXV.

[64] «Нева», 1883, № 26.

[65] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 33, 1847, ед. хр. 2, л. 79.

[66] Там же, л. 80.

граничную командировку. Он должен был посетить Берлин, Бонн, Париж, Лондон и Рим. Его научная программа предусматривала: ознакомление с методами словесного преподавания санскритского языка и литературы и корифеями этой науки; изучение санскритских рукописей и наконец установление контактов с Боппом в Берлине, с Лассеном в Бонне, с Бюрнуфом в Париже, с Вильсоном в Лондоне. Под их руководством он предполагал усовершенствовать свои знания в санскрите и изучать санскритские рукописи. Он также надеялся посетить римские библиотеки, а особенно английские библиотеки при университетах Лондонском и Оксфордском, чтобы заняться исключительно изучением санскритских рукописей. Министр просвещения Уваров не дал разрешения на поездку за границу и не считал необходимым учреждать кафедру санскритологии в Москве.

Отказав Московскому университету в просьбе, он подчеркнул, что нет особой надобности вводить в Московском университете преподавание восточных языков, так как оно ведется в Петербургском и Казанском университетах. В связи с этим «отправление за границу молодых ученых должно быть приостановлено до благоприятнейших обстоятельств»[67]. Таких «благоприятнейших» обстоятельств по воле министерства долго не наступало. В Московском университете вернулись к этому вопросу через пять лет, когда там начал работать П. Я. Петров. В Петербургском университете «благоприятнейших обстоятельств» надо было ждать больше десяти лет, когда преподавательскую деятельность начал Коссович.

Почти четверть века Коссович преподавал санскритский и древнеперсидский языки в Петербургском университете[68].

Коссович в конце 1854 г. получил разрешение преподавать факультативно санскритский язык в Главном педагогическом институте. Вскоре изъявили желание заниматься санскритом и некоторые студенты университета[69].

В декабре 1855 г. Петербургский университет возбудил вопрос об открытии кафедры санскрита на восточном факультете[70].

11 января 1856 г. попечитель учебного округа Мусин-Пушкин вошел в ходатайство перед Министерством просвещения об открытии санскритско-тибетского разряда. Представленный в министерство проект предусматривал: 1) санскритский

---

[67] Там же, лл. 87, 88.

[68] «Исторический вестник», т. XXXI, 1888, стр. 516—518.

[69] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, 1854, ед. хр. 5436, св. 123, л. 1.

[70] «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV, СПб., 1909.

язык сделать обязательным для студентов арабско-персидского отделения первого разряда; 2) один из двух языков (санскритский или тибетский) сделать обязательным для китайско-маньчжурского и монголо-калмыцкого разрядов; 3) студенты санскрито-тибетского разряда сверх того должны изучать по своему выбору персидский, монгольский или китайский языки; 4) для студентов первого, второго, третьего разрядов санскритский и тибетский языки считать вспомогательными; 5) студентам всех разрядов восточного факультета и общего филологического разрешить слушать санскритский язык по желанию.

Для замещения кафедры санскритского языка попечитель просил переместить из Москвы П. Я. Петрова, «известного в России санскритолога, совершенно приготовленного для преподавания этого предмета и снискавшего себе известность своими дарованиями и трудами»[71].

Однако этот проект в то время не получил одобрения министерства. Преподавание санскритского языка после многих просьб, настояний и ходатайств было введено только осенью 1858 г. по инициативе самого Коссовича, который начал преподавать этот предмет бесплатно (бесплатно он преподавал с 1858 по 1861 г.)[72].

По собственному признанию Коссовича многие годы своей жизни он «жертвовал с радостью и сознательно» для изучения санскритского языка[73].

Уже во вступительной лекции «о санскритском языке и литературе» Коссович показал важность изучения этого предмета и призывал студентов преодолевать трудности на пути овладения санскритом[74]. «России, — говорил он, — нужен санскритист, как математик, как историк»[75].

Будучи страстно предан своей специальности, он привлекал студентов самим методом изучения восточных языков. В дух и конструкцию языка он входил после знакомства с алфавитом и словами. Грамматику изучал непосредственно на тексте[76]. Учил он студентов и в университете и на дому. Как вспоминают современники, квартира Коссовича всегда была открыта для учеников. «Являешься, бывало, к Каэтану Андреевичу с чем-либо разработанным дома и находишь его

---

[71] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 26, 1855, ед. хр. 193, лл. 6, 7.

[72] «Материалы для истории факультета восточных языков», стр. 117, 118; ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 26, 1855, ед. хр. 193, л. 11.

[73] ЖМНП, ч. CIII, СПб., 1859, стр. 249, 250.

[74] Там же, стр. 240.

[75] Там же, стр. 249.

[76] И. Рогозников, *К биографии К. А. Коссовича,* стр. 518.

постоянно за делом: то он обложен разными греческими словарями и занимается составлением своего собственного словаря греческого языка, то разбирает еврейскую библию, то какой-либо арабский или санскритский текст»[77].

Коссович преподавал санскрит нескольким поколениям русских филологов. О высоком уровне его преподавания свидетельствует представленная им через несколько месяцев после начала лекций подробная программа занятий санскритом в течение четырех лет обучения. Эта программа включала санскритский язык и санскритскую литературу. И язык и литература изучались на базе широкого привлечения исторического, философского и лингвистического материала[78]. Программа Коссовича была принята как руководство при преподавании санскритской словесности на факультете восточных языков.

По настоятельному требованию Коссовича санскритский язык был соединен с персидским в новый (шестой) санскритско-персидский разряд. Изучение санскрита стало обязательным.

Когда разрабатывался университетский устав 1863 г., К. А. Коссович вместе с В. В. Григорьевым подали в комиссию по пересмотру устава свои соображения относительно перспектив в области преподавания восточных языков. Они подчеркивали, что кроме всестороннего изучения языков Востока следует преподавать историю, литературу, законоведение восточных народов[79]. Они смотрели на восточный факультет как на рассадник научного востоковедения.

Научная и педагогическая деятельность К. А. Коссовича получила полное признание у его современников. Его труды приобрели известность не только в России, где Харьковский университет в 1865 г. присвоил ему единогласно почетную степень доктора сравнительного языкознания, где Русское географическое и Археологическое общества избрали его своим действительным членом, но и за границей. Он был избран действительным членом Азиатского общества в Париже, Восточного общества в Германии и других.

Своими научными трудами и длительным преподаванием К. А. Коссович внес большой вклад в историю русского востоковедения.

---

[77] Там же.

[78] «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С. Петербургского университета...», т. 1, стр. 348, 349.

[79] «Материалы для истории факультета восточных языков», т. II, СПб., 1906, стр. 295, 297.

А. П. БАЗИЯНЦ

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В МОСКВЕ

(первая половина XIX в.) [1]

Единственным специальным востоковедным учреждением в Москве до революции был Лазаревский институт восточных языков [2]. Его история одна из интереснейших страниц истории русской, а также армянской культуры. Небольшое частное армянское учебное заведение, возникшее в начале XIX в., превратилось в высшее учебное заведение, сыгравшее крупную роль в развитии востоковедения в России. Вместе с тем Лазаревский институт можно рассматривать как один из центров армянской культуры, как один из лучших проводников передовых идей русской науки и общественной мысли в среду армянской интеллигенции.

Нельзя сказать, что история Лазаревского института восточных языков осталась вне поля зрения исследователей. Первый очерк по истории этого учебного заведения был написан более столетия назад. Что касается информационного материала (объявления об институте, правила приема в него, условия обучения и т. д.), то он появился на страницах периодической печати и отдельными публикациями еще в 20-е годы XIX в. Ценность дореволюционных изданий заключается в первую очередь в том, что они представляют собой собрание документов, свидетельства очевидцев. Что касается научного уровня дореволюционных публикаций, то он не очень высок и имееет описательный характер. До 50-х годов нашего времени у нас не было специальных исследований по Лазаревскому институту, а упоминания о нем в статьях по истории востоковедения столь противоречивы в

---

[1] Статья является частью подготавливаемой к печати монографии.

[2] В Московском университете в прошлом веке в разные годы факультативно преподавались восточные языки талантливыми учеными, но востоковедение как наука не получило широкого развития.

своих оценках вклада института, что скорее внесли путаницу в этот вопрос. В 1953 г. в Вене была издана на армянском языке довольно объемистая книга Осепа Тадеосяна — «История рода Лазаревых и Лазаревского института восточных языков». Автор ее бывший студент Лазаревского института написал книгу с позиций буржуазного востоковедения, не затрудняя себя научным анализом сложных исторических условий, в которых развивался Институт. Находясь в эмиграции, автор был лишен возможности использовать богатые архивы семьи Лазаревых и Лазаревского института, хранящиеся в Москве, Ленинграде, Ереване и других городах. Книга О. Тадеосяна в значительной степени имеет характер компиляции из дореволюционных изданий по данной теме. Сам факт публикации книги о Лазаревском институте за рубежом означает, что в многочисленных армянских колониях проявляется значительный интерес к этому выдающемуся в дооктябрьской истории армянского народа очагу культуры.

Не исчерпывает всей сложности и многогранности темы вышедшая в 1959 г. под редакцией академика Иосифа Абгаровича Орбели наша работа о Лазаревском институте. Это замечание справедливо и по отношению к интересной статье В. А. Дилояна «Из истории основания Лазаревского института» [3].

Предметом данного исследования является история Лазаревского института с момента его основания и до 1848 г., когда он был реорганизован.

История Лазаревского института является частью истории востоковедения и связана также с историей Закавказья и политики России на Ближнем и Среднем Востоке, начиная со второй половины XVIII в.

Одной из основных внешнеполитических проблем России в конце XVIII в. была черноморская. Она определялась задачами освоения южных земель, безопасности южной границы, соседствующей с зависимым от Турции Крымом, служившим плацдармом для неоднократных набегов, а также торговыми интересами.

В результате ряда победоносных войн к России перешли территории на Северном Кавказе, некоторые крепости на Черном море, Крым, юго-западная граница была отодвинута до Буга. Россия стала одной из сильных черноморских держав. Благоприятно для России был решен и режим проливов.

В начале XIX столетия Армения все еще находилась под

---

[3] «Известия АН Армянской ССР», 1961, № 7, стр. 55—68.

жестоким гнетом султанской Турции и шахской Персии. Много веков боролся армянский народ против своих угнетателей, неся неисчислимые жертвы, но устоял, сохранил свой язык, свою культуру. С надеждой смотрели армянские патриоты на великого северного соседа. Присоединение части Закавказья к России воодушевило закавказские народы, создало новый стимул для решительной борьбы против ига турецких и персидских феодалов. Как известно, первая треть XIX в. проходила в непрерывных войнах между Россией, Турцией и Персией. Территория Закавказья превратилась в основной театр военных действий. Следует отметить, что симпатии большинства народов Закавказья были на стороне русских. Полки добровольцев-патриотов армян, азербайджанцев и грузин героически сражались на стороне России. Это была борьба за свое освобождение от турецкого и персидского ига, от реальной угрозы физического уничтожения, чего не избежало население Западной, так называемой Турецкой Армении.

По справедливому определению З. Т. Григоряна, автора монографии «Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в», «...борьба армянского народа за свое освобождение от персидского гнета являлась одновременно и борьбой за экономическое и культурное развитие своей страны, а сближение армянского народа с русским содействовало достижению этой цели»[4].

Несмотря на колониальную политику царского правительства, народы Закавказья после присоединения к России получили несравненно лучшие условия экономического и культурного развития, нежели под ярмом персидского шаха и турецкого султана.

Прогрессивность присоединения Закавказья к России — факт доказанный и бесспорный. В единении с Россией были заинтересованы все слои народов Закавказья. Каждая социальная прослойка, преследуя свои интересы, выступала против угнетателей. «В программах всех течений освободительного движения именно Россия рассматривается как реальная сила, способная освободить Армению»[5].

Длительная и мучительная борьба для части армянского народа, наконец (правда только, для части армян), завершилась в 20-е годы XIX в. Даже в условиях крепостнической России жители присоединенных земель получили гарантию на жизнь, на владение имуществом, на мирный быт, чего были лишены в шахской Персии и султанской Турции.

---

[4] З. Т. Григорян, *Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века*, М., 1959, стр. 36, 37.

[5] Там же, стр. 45.

Историческая судьба армянского народа сложилась трагично; значительная его часть оказалась разбросанной по всему миру. В Европе, Азии, Америке возникли армянские колонии. В России — в Причерноморье, Крыму, Северном Кавказе появились многочисленные поселения армян. Но и далеко от Армении армяне стремились сохранить связи с родиной, боролись против ассимиляции. Однако по Адрианопольскому договору (1829) Россия была вынуждена вернуть освобожденную территорию Западной Армении. Значительная часть армянского населения этой области потянулась в русские пределы, покидая родные места. В первые два послевоенных года в Россию переселилось около 90 тыс. армян.

Процесс переселения армян в Россию начался не в первой четверти XIX столетия, а значительно раньше.

«Хозяйственное разорение Армении и жестокий гнет персидских и турецких завоевателей уже в XVII веке заставили армян переселиться в Москву и в другие города России. Со второй половины XVII века наплыв армян в Россию, в частности в Москву, усиливается и приобретает массовый характер.

Эти переселенцы сыграли немалую роль в сближении с Россией, в развитии русско-армянских связей. Ряд данных показывает, что со второй половины XVII века и в начале XVIII века в Россию потянулись не только армянские купцы и представители духовенства, но также армянские ремесленники и первые мануфактуристы» [6].

В одном из указов, датированном 1797 г., говорится «о принятии выехавших из Персии меликов с подвластным им армянским народом (11 тысяч семей) в российское подданство и о поселении их на Кавказской линии [7].

Армянскими переселенцами были основаны города Кизляр, Ново-Нахичевань-на-Дону, Григориополь на Днестре и др.

К числу таких переселенцев следует отнести семью Лазаревых (Лазарян), с именем которой позже будет связан один из первых востоковедных центров России. В середине XVIII в. в Россию из Персии переселился Лазарь Назарович Лазарев с четырьмя сыновьями. Лазаревы вначале обосновались в Астрахани, где существовала обширная армянская колония. Несколько позже Лазаревы переехали в Москву, а старший в роду — Иван Лазаревич — в Петер-

---

[6] П. Т. Арутюнян, *Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века,* М., 1954, стр. 185.

[7] «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», М., 1833, ч. 1, стр. 32.

бург. В Москве и других районах ими основаны были мануфактуры по производству шелковых и бумажных тканей, расширены горные заводы и соляные промыслы, купленные у Строганова, и создано много новых. Лазаревы представляли нарождавшуюся промышленную буржуазию, тесно связанную с торговлей стран Востока.

Для того чтобы улучшить производство тканей на своих мануфактурах, они приглашали искусных мастеров из других стран. Лазаревы показали себя людьми широких взглядов и не чуждыми общественных интересов. Еще со времен Петра I передовые деятели армянского освободительного движения готовили проекты создания армянского национального государства. К этой мысли армянские патриоты возвращались не раз. Среди участников движения были и представители семьи Лазаревых.

Ованес Лазарян (Иван Лазаревич Лазарев) представлял в армянском движении, направленном против турецкого и персидского гнета, интересы феодально-клерикальных слоев. Вместе с армянским архиепископом Иосифом Аргутинским он принимал участие в подготовке проектов о воссоздании армянского государства под покровительством России. Выработанные ими проекты предусматривали создание армянского государства во главе с монархом, который должен был быть представителем либо армянской знати, либо русской. Упоминалось имя князя Потемкина как предполагаемого армянского царя. В родословных Лазаревых, составленных для получения звания российского дворянства, содержались намеки на то, что Лазаревы происходят из знатного княжеского рода. Во всяком случае Лазаревы претендовали на значительную роль в будущем армянском государстве.

В современной исторической литературе нет единого мнения относительно отношения русского правительства к проектам создания армянского государства. Автор данной статьи, на основе изучения архивных материалов и колониальной политики России, склонен присоединиться к той группе, которая считает, что царское правительство не стремилось к созданию даже и вассального армянского государства и нисколько не считалось с этими проектами, но до поры до времени оно не проявляло своего отрицательного отношения открыто. К советам Ивана Лазарева прислушивались, особенно при определении политики в отношении Закавказья, Турции и Персии. Иван Лазарев был в дружеских отношениях с великим полководцем А. В. Суворовым и с известным фаворитом Екатерины II князем Г. А. Потемкиным. Когда А. В. Суворов был назначен (в конце 1779 г.) руководителем

предполагавшегося похода в восточное Закавказье, он часто встречался с И. Лазаревым и архиепископом Иосифом Аргутинским. «Особенно интересно то обстоятельство, что Суворов выразил свое благосклонное отношение к вопросу о восстановлении армянского государства и недвусмысленно говорил о том, что Россия намерена сделать серьезные шаги в этом направлении» [8].

Известно, что Екатерина II вела переговоры с армянскими политическими деятелями о воссоздании под покровительством России армянского государства [9].

Исходя из интересов своей внешней политики, царское правительство поддерживало длительное время армянское национально-освободительное движение, заигрывая с его руководителями.

Русское правительство охотно прибегало к услугам семьи Лазаревых в реализации своей восточной политики. Л. Е. Лазарев ведал переселением армян из Персии. Брат его Х. Е. Лазарев еще в 1801 г. поступил в Коллегию иностранных дел, а в 1811 г. был назначен в Азиатский департамент. В 1826 г. он по распоряжению вице-канцлера К. В. Нессельроде был откомандирован из Министерства иностранных дел к Бенкендорфу для выполнения особых поручений по «внешним азиатским сношениям».

Бенкендорф писал Х. Е. Лазареву: «нужным считаю ныне возложить на вас для исполнения нижеследующее: 1-ое дабы сосредоточить сведения по разным видам с восточными народами, рекомендую открыть вам ныне же переписку с лицами, известными усердием и преданностью к России, получать из разных мест известия относительно Турции, Персии и других восточных народов, живущих на границах и в новоприобретенных областях империи...» [10].

Иван Лазаревич Лазарев так и не дождался освобождения Армении (он умер в 1801 г.), но, видимо, не сомневался, что рано или поздно это освобождение произойдет и вот тогда-то особенно понадобятся образованные и подготовленные люди.

Нам кажется, будет правильным именно этим объяснить желание братьев Лазаревых создать учебное заведение для армянского юношества. Объяснять поступок благотворительностью, конечно, наивно. Лазаревы обладали огромным бо-

---

[8] М. Нерсисян, *Из истории русско-армянских отношений,* кн. 1, Ереван, 1956, стр. 52.

[9] Там же.

[10] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 880, оп. 5, д. 18, л. 40 (далее — ЦГИАЛ).

гатством, имели дворянские титулы, были влиятельными государственными и военными деятелями своего времени. Благотворительность их семьи была известна, и создание еще одного благотворительного заведения лишь немного прибавляло к имеющимся лаврам.

Армянская буржуазия, связанная торговыми интересами со многими странами и не чуждая патриотическим интересам, понимала необходимость распространения образования. Хотя официальные круги царской России не только не помогали, а противодействовали созданию армянских учебных заведений, все же в различных городах страны — Москве, Нахичевани-на-Дону, Астрахани, Тифлисе были основаны армянские училища. Следует отметить, что армянские учебные заведения были частными, созданными главным образом на благотворительные средства, и не получали никакой поддержки от правительства. Возникновение армянских учебных заведений объясняется теми же причинами, которые привели в начале XIX в. к некоторому развитию образования в России. Обширное и все увеличивающееся самодержавное бюрократическое государство испытывало недостаток в подготовленных чиновников, а растущая торговля и промышленность — в специалистах. В начале XIX в. правительство утвердило новое положение об устройстве учебных заведений. Было создано шесть учебных округов, в которых учебные заведения были разбиты на четыре разряда: приходские, уездные, губернские (гимназии) и университеты.

Были созданы лицеи, закрытые учебные заведения, предназначенные исключительно для лиц дворянского происхождения. В лицеях проходился последовательно курс гимназий и университетов. Лицеи, в частности Демидовский в Ярославле, Царскосельский относились к перворазрядным учебным заведениям. Все эти меры имели весьма ограниченный характер, но при всех недостатках, сыграли известную роль в подъеме русской культуры, в оживлении научной мысли.

К этому же периоду относится и основание в Москве армянского учебного заведения. Иван Лазаревич Лазарев в своем завещании (составлено 4 января 1800 г.) «предписывал своему наследнику, именно брату Екиму Лазаревичу Лазареву [11], внести после его смерти (И. Л. Лазарев умер 24 октября 1801 г.— *А. Б.*) в Московский опекунский совет 200 тыс. рублей ассигнациями, чтобы имеющею составиться из %%-ов значительною суммою соорудить со временем при-

[11] В документах и книгах чаще встречается Еким, Аким (по-армянски Овагим).

личное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации» [12]. Еким Лазаревич не стал ждать накопления процентов и, несмотря на большие потери от московских пожаров, сразу же после окончания Отечественной войны приступил к созданию учебного заведения в Москве, в районе, издавна заселенном армянами «...Я собрал ту сумму,— писал Е. Л. Лазарев,— в первые четыре года вступления в наследство и внес по назначению в Санктпетербургский Опекунский Совет.

А из получаемых в течение времени процентов, по недостатку оных, с присовокуплением от себя более ста тысяч рублей выстроил в Москве, на принадлежащем мне, с одобрения начальства месте, по плану им же утвержденному приличное предмету каменное здание» [13].

Не случайно армянское учебное заведение было решено основать в Москве. Она являлась одним из центров русской культуры и науки. Москва представляла собой торговый центр страны, здесь располагалась армянская колония, насчитывавшая еще в конце XVII в. около двух тысяч человек [14]. Наличие старейшего университета скорее содействовало бы лучшей организации учебного процесса в Лазаревском институте, а также приобщению армянской учащейся молодежи к передовой культуре русского народа. Следует иметь в виду также, что Армения в то время не была в составе Российской империи, а о создании учебного заведения на территории Закавказья говорить не приходится. И, надо сказать, что за сто лет, прошедших со времени присоединения Закавказья к России, вплоть до Великой Октябрьской

---

[12] «Материалы для истории Лазаревского института восточных языков», вып. 1, М., 1914, стр. VI. Надо отметить, что Лазаревский институт — не единственное учебное заведение, связанное с именем старшего из братьев Лазаревых. «В делах Петербургского армяно-григорианского духовного правления сохранились сведения о том, что в 1800 году в Петербурге была армянская школа, помещавшаяся в церковных домах по Невскому проспекту. Церковные дома, как и сама армянская церковь на Невском проспекте, построены, как известно, семьей Лазаревых. Но еще раньше, недалеко от Петербурга, в городе Софии, построена иждивением господина дворянина Ивана Лазаревича Лазарева градская народная школа, которая минувшего генваря 28-го числа и открыта. На содержание же сей школы внесено от г. Лазарева тысяча рублей и учеников вступило уже довольное число» (С. Г. Арешян, *Армянская печать и царская цензура,* Ереван, 1957; ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 1, д. 19, л. 51).

[13] Московский областной государственный исторический архив, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. 2 об. (далее — МОГИА).

[14] З. Т. Григорян, *Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века,* стр. 43.

социалистической революции, в крае так и не было создано ни одного высшего учебного заведения.

Здание Лазаревского института представляет собой замечательный архитектурный памятник зодчества XIX столетия. Известный историк Москвы П. В. Сытин причисляет институт «...к числу архитектурных достопримечательностей Москвы... здание, приподнятое высоким цоколем, эффектно поставлено в глубине парадного двора, окаймленного со стороны переулка красивой оградой и монументальными воротами. Великолепный портик выразительно оформляет центр здания. Главный корпус и гармонично сочетающиеся с ним боковые флигели составляют прекрасно решенный ансамбль»[15].

В работах о Лазаревском институте, в проспектах самого института (как и в многочисленных газетных статьях и заметках) не упоминается имя архитектора, создавшего этот замечательный памятник русской архитектуры.

Только в книге «Материалы для истории Лазаревского института восточных языков» приводится архивная запись: «Составлены были различные проекты планов на здания архитекторами: действительным статским советником Соколовым, академиками Мельниковым, Простаковым и другими». Эту же запись повторяет в своей статье и В. Дилоян.

Кто же архитектор? Почему никто не упоминает его имени?

Но прежде чем установить имена зодчих, выясним дату строительства здания, так как она до сих пор не уточнена. Обычно датой закладки Лазаревского института считают 10 мая 1814 г. Однако это не совсем верно. Дело в том, что в этот день было проведено освящение заложенного здания, а строительство, как об этом свидетельствуют документы, началось раньше. «В начале 1813 г. возводились постепенно и успешно строения, из них некоторая часть была почти готова в 1814 г. Там, где был старый каменный дом предков г. г. Лазаревых, что ныне по перестройке составляет со входа на двор правый флигель, — в 1814 г. положено начальное открытие учебного для образования армян заведения»[16]. (Интересно, что В. Дилоян приводит аналогичные документы из архива Лазаревых, хранящихся в Ереване). Главный корпус и два примыкающих к нему флигеля были закончены в 1823 г.

Попытаемся теперь назвать и архитекторов. В архивных

[15] П. В. Сытин, *Из истории московских улиц*, М., 1958, стр. 266.
[16] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 147, л. 150.

фондах семьи Лазаревых часто упоминаются имена двух архитекторов — Ивана Подьячева и Тимофея Простакова. В «Памятной записке», датированной 4 марта 1817 г., Х. И. Лазарев требует, чтобы «Подьячев обще с Тимофеем Григорьевичем (Простаковым. — *А. Б.*) имеет к востребованию моему приготовить следующие планы: 1) план в першпективе большому корпусу училища (Лазаревский институт до 1827 г. назывался училищем. — *А. Б.*) с двумя флигелями и оградою, план сей зделать в большом мачтабе и виде как можно лучше. Планов сих приготовить три экземпляра; 2) сделать прожекты планов для сараев, конюшни, погребов и прочих принадлежностей при училище как лучше и удобнее»[17].

В другом документе читаем: «Архитектору Подьячеву прочетом сего объявить, чтоб все работы как при училище во флигелях, так и при нашем доме непременно производимы были бы с наилучшим успехом...»[18].

Сохранилось личное письмо Тимофея Простакова (от 29 мая 1814 г.), адресованное Христофору Лазареву. В нем Простаков пишет: «Во время бытности Вашего (Христофора Лазарева.— *А. Б.*) в Москве угодно было Вам поручить мне поделать для поднесения государю в прожективном виде чистые два фасада армянскому училищу, которое мной построено. Еще приготовить прожекты для принадлежащего к оному училищу служб, то есть флигели...»[19]. И, наконец, в «Описи планам, имеющимся у архитектора Подьячева, которые по отъезде его в Пермь представляются в Московскую контору» (контора Лазаревых) прямо указываются авторы. В этой описи числится «Планов на училище:

1. фасад училища в преспективе,
2. фасад корпусу училища с флигилями прожекта Простакова на одном листе,
3. фасад двум флигилям прожекта Простакова на одном листе,
4. Фасад флигилей с боковой стороны от двери прожекту Подьячева,
5. фасад с боковой стороны флигилей прожекту Простакова,
6. прежний проект (в тексте две формы написания: прожект и проект. — *А. Б.*) Простакова принадлежностям училищу...

---

[17] Центральный государственный архив древних актов, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, д. 4356, л. 205 (далее — ЦГАДА).

[18] Там же, л. 257.

[19] Там же, д. 260, л. 1.

7. фасад монумента»[20].

Таким образом, можно утверждать, что два русских архитектора — Иван Подьячев и Тимофей Простаков были авторами замечательного памятника зодчества. Они же вместе с Аракеловым наблюдали за ходом сооружения института.

Нам кажется, можно ответить и на второй вопрос — почему имена архитекторов остались забытыми. Скорее всего потому, что Иван Подьячев и Тимофей Простаков были крепостными. Талантливый архитектор-самоучка Т. Г. Простаков был крепостным генерала А. М. Римского-Корсакова. Простаков построил много зданий для Голицына, Апраксина, Остермана, Лазаревых и, несмотря на ходатайства многих влиятельных лиц и вмешательство самого царя, был освобожден от крепостной зависимости только глубоким стариком[21].

Обнаруженные в архивах сведения подтверждают, что Иван Матвеевич Подьячев в 10—20-х годах XIX в. был крепостным графов Лазаревых. В одном из документов Христофор Лазарев указывает своему поверенному: «Архитектору Ивану Подьячеву предписываю взять на свои руки Матоку Козлова, обучать его грамоте, рисованию, черчению, планам и архитектуре»[22]. В документе, датированном 30 июля 1820 г., написано еще резче: «Приказать архитектору Подьячеву для доставления к нам сделать... карандашом чертеж...»[23].

О положении Подьячева свидетельствует и другой документ: «Естьли я (Христофор Лазарев.— *А. Б.*) найду какую в чем неисправность, за оное строго с него неотменно взыщу, а потому, он по должности своей и обязан иметь примерное старание и усердие, при этом не осмеливаться ему никуда отлучаться без ведома и спроса Василья Васильевича, у коего и находиться ему Подьячеву в полном повиновении и послушании и в случае неисправности чинить с него неослабное взыскание»[24].

И, наконец, письмо самого Подьячева, обращенное к некоему «...милостивому государю Ивану Ивановичу». Это письмо не нуждается в комментариях. «Почтеннейшее предписание Ваше я нижайший раб удостоился получить, в коем

[20] Там же, д. 4112, л. 48.

[21] В 1838 г. Академия художеств «во внимание к хорошим познаниям по части художеств» присвоила Т. Г. Простакову звание «неклассного художника архитектуры». Умер Простаков в Москве 15 сентября 1853 г. и похоронен на Ваганьковском кладбище (подробно см. С. В. Бессонов, *Крепостные архитекторы*, М., 1938).

[22] ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, д. 4356, л. 255.

[23] Там же, л. 257.

[24] Там же.

Вы изволили предписать о поданной мною Вашему Высокоблагородию смете на отделку сгоревшего дому... теперь по приказанию Вашего Высокоблагородия... я сделал план сгоревшему дому... и ежели угодно будет отделать по сему плану — то соблаговолите на оных подписать...»[25]. Заканчивалось письмо — «...сих с моим Вам рабским высокопочтением и преданностью остаюсь Вашего Высокоблагородия Милостивейшего Государя всенижайший раб и всепокорнейший слуга Иван Подьячев»[26]. Интересно отметить, что письмо написано в Москве 6 февраля 1813 г. (т. е. Иван Матвеевич занимался проектированием и строил дома и службы для Лазаревых в Москве еще в начале 1813 г.).

Таким образом, мы можем утверждать, что замечательное здание Лазаревского института является творением русских крепостных архитекторов Ивана Матвеевича Подьячева и Тимофея Григорьевича Простакова. Впоследствии здание перестраивалось. В перестройке принимал участие и Подьячев. 12 декабря 1822 г. в честь семьи Лазаревых, основателей института, был поставлен памятник — чугунный обелиск с вмонтированным в каждую из четырех граней скульптурным портретом представителя фамилии и памятными надписями на плитах. (В XX в. этот памятник был перенесен из сада, который находился за домом, и установлен перед центральным входом). Чугунный обелиск весом 750 пудов был отлит на пермских заводах Е. Лазарева. Там же была сделана и железная ограда, установленная перед фасадом здания.

Ровно через столетие после создания Лазаревского института, когда подъем рабочего и крестьянского движения стал все больше и больше пугать правящие классы, верноподданническая печать, инспирируемая правительством, пыталась любыми способами разжечь межнациональную рознь, чтобы в братоубийственной войне погасить пламя классовой борьбы,

[25] Там же, ф. 1283а, лл. 1, 2.

[26] Иван Матвеевич Подьячев числился с 1814 г. в должности архитектора, а с 1816 г. — эконома института. «Императорская Академия художеств за хорошие успехи в архитектуре по заданной от совета оной программы, удостоила его звания свободного художника, с предоставлением права по силе всемилостивейше дарованных Академии привилегий, пользоваться с его потомством вечною и совершенною свободою и вступить в службу, в какую пожелает. 29 мая 1835 г.».

Принят в Восточный Лазаревых институт в канцелярскую должность 4 апреля 1835 г.

Сверх настоящей должности исправляет архитекторскую и должность эконома со дня принятия в сей институт.

Из формулярного списка канцелярского служителя Ивана Матвеева сына Подьячева за 1841 г. (ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 171, лл. 71, 72).

вызвать шовинистические настроения обывателей и развеять, в частности, вековые симпатии русского общества к армянскому народу. И вот тогда-то, в начале XX в., черносотенная газета «Русское знамя» не остановилась перед грязной клеветой в адрес Лазаревых, основателей института. Газета пыталась скомпрометировать Лазаревский институт восточных языков, который, как известно, был достаточно популярным. Не брезгуя ничем, газета пустила в ход версию, что институт основан на деньги, полученные от продажи украденного в Иране бриллианта, известного под названием «алмаза Орлова».

Поводом для выступления газеты послужила просьба Абамелик-Лазарева о разрешении ему пожертвовать институту дом, дающий 50 тыс. рублей дохода для того, чтобы здание института можно было расширить для устройства в нем параллельных классов. Мракобесов из газеты это вывело из себя. «Нам приходится вернуться, — писала газета, — на несколько минут к нашим делам. Как хорошо известно, в доброе старое время армянин Лазарев, служивший казначеем у персидского шаха, украл у него лучший бриллиант и бежал в Россию, где этот бриллиант положил основание его богатству. Армянин-шовинист основал для благополучия армян Лазаревский институт в Москве. В этом институте в истинно Гайканском духе воспитывается армянская молодежь и до настоящего времени. Теперь армянские патриоты находят, что этого недостаточно и что Лазаревский Институт должен воспитывать в истинном Гайканском духе и заграничных армян». [27].

Конечно, советскому историку не пристало заниматься доказательством «праведности» источника богатств графов Лазаревых. Краткий экскурс в историю с бриллиантом имеет своей целью разоблачение пущенной черносотенцами клеветы.

При изучении обстоятельств, при которых камень попал в Россию, выяснилось, что еще в прошлом веке (т. е. задолго до заметок в газете «Русское знамя»), серьезный ученый М. И. Пыляев в книге «Драгоценные камни, их свойства, местонахождение и употребление», выдержавшей три издания, проанализировал различные версии, существовавшие вокруг истории алмаза. Пыляев называет алмаз также амстердамским, потому что Григорий Сафраз (в архивных документах Григорий Сафразов), сын Ходжеминосов (правильнее Ходжеминасов), владелец алмаза, жил до переезда в Россию в Голландии и хранил этот бриллиант в Амстердам-

[27] «Русское знамя», 6.VI.1914.

ском банке. Что касается Лазаревых, то один из них купил долю алмаза и содействовал покупке Орлова. Однако правдивое описание оказалось почти забытым, а выдумка — живучей.

В брошюре «Алмазный фонд», изданной в 1925 г., написано: «...Знаменитый алмаз Орлова, весом в 194,75 карата. Камень этот, выкраденный в начале XVIII века из Индии, был в 1773 году куплен князем Григорием Орловым за 400 тысяч рублей и поднесен им императрице в день ее именин. Вскоре после этого алмаз был вставлен в навершье скипетра, где находится и до сих пор» [28].

Следует отметить и такой факт — крупнейший советский минералог академик А. Е. Ферсман в своих книгах, посвященных самоцветам и культуре камня в России, воспроизводит снимки этого алмаза, но обходит молчанием выдумки, полагая, вероятно, их недостойными упоминания. Возможно, А. Е. Ферсман считал достаточными высказывания М. И. Пыляева. Многочисленные архивные документы, касающиеся алмаза, различаясь в деталях, подтверждают его основные выводы.

Таким образом, можно утверждать, что не Лазаревы привезли в Россию этот алмаз. Видимо, прав был упоминаемый ранее Пыляев, когда писал: «Необычайность такой драгоценности, находившейся сначала в собственности частного лица и, может быть, самые обстоятельства, при которых он был поднесен Императрице, подали повод к фантастическим выдумкам и породили много слухов и рассказов о том, как достался знаменитый алмаз» [29].

История покупки бриллианта, причины, побудившие Орлова сделать такой подарок царице, сами по себе любопытны, но не имеют прямого отношения к данной теме.

Чтобы закончить этот экскурс, следует сказать, что еще задолго до продажи этого бриллианта Лазаревы обладали весьма крупным состоянием и к их финансовой помощи обращались в свое время и шах Ирана и русский царь.

Интересно отметить, что позже, в середине XIX в., персидский шах награждал представителей семьи Лазаревых за содействие «образованию персидскоподданных» высшими иранскими орденами.

* * *

[28] «Алмазный фонд СССР», Л., 1925, стр. 9.
[29] М. И. Пыляев, *Драгоценные камни*, СПб., 1896, стр. 158.

Преподавание в Лазаревском институте началось задолго до окончания строительства помещений. Уже в мае 1815 г. «Лазаревское армянское учебное заведение восприняло предварительное бытие свое...[30]. В многочисленных архивных документах указываются две даты начала занятий — май 1815 и начало 1816 гг.

Несмотря на то, что многие факты и среди них такой веский, как завершение строительства центрального корпуса в 1816 г., говорят за достоверность второй, — можно утверждать, что верны обе даты[31].

В 1815 г. училище еще только оформлялось, в нем было незначительное число воспитанников, т. е., как говорилось выше, оно «восприняло предварительное бытие свое». В 1816 г. появилось несколько классов, увеличился состав преподавателей.

Занятия в 1815 г. происходили в доме, который еще принадлежал Лазарю Назаровичу Лазареву. «На том самом месте... где ныне сооружено здание большого корпуса и флигелей Армянского учебного господ Лазаревых заведения, был прежде каменный двухэтажный дом с каменным особым флигелем и с деревянными пристройками, часть того строения поступила в переделку, а другая часть по неудобству была сломана.

Старый оный дом с принадлежностию также с пустопорозжим местом и садом, прежде принадлежал покойному Лазарю Назаровичу родителю основателей заведения господ Лазаревых и по разделу достался... Екиму Лазаревичу, который... пожертвовал тот дом с местом в пользу учебного заведения, приступил к началу и кончил новый корпус здания со всеми при оном строениями» [32].

Сначала это было сравнительно небольшое учебное заведение, но уже в 1825 г. в нем насчитывалось 70 учеников[33].

Сохранилась запись о количестве обучавшихся в институте с 1 января 1816 г. по 1 января 1825 г. [34].

---

[30] МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. 111, 145.

[31] В. Дилоян в своей статье приводит письмо Аламдаряна, свидетельствующее о том, что он еще в 1813 г. преподавал у Лазаревых. Это упоминание не меняет, на наш взгляд, датировки начала занятий в институте, так как речь, вероятно, идет о преподавании в доме Лазаревых (В. А. Дилоян, *Из истории основания Лазаревского института*, стр. 65).

[32] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 148, л. 2.

[33] Для сравнения можно привести данные о числе обучавшихся в Московском университете, где при его организации в 1755 г. было 30 студентов.

[34] МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. III.

Принято воспитанников	В 1816 г.	Выпущено	Налицо к 1825 г.
	63	30	30
Приходящих	18	4	14
Пансионеров	29	16	13
Полупансионеров	18	8	10
Итого . . .	128	58	70

В институт принимались дети в возрасте от 10 до 14 лет. «От поступающих требуется начальное познание в основаниях закона божия, в чтении, письме и арифметике. Новопоступающие дети могут быть принимаемы в средние классы по испытанию, производимому преподавателями в присутствии инспектора» [35].

В Лазаревский институт принимали: «а) от 30 до 40 воспитанников армянского вероисповедания, содержимых на счет благотворительной суммы и завещенного капитала...» [36]. Из этого числа 10 человек «из детей несостоятельного армянского духовенства» [37]. Помимо этих, так называемых лазаревских воспитанников, в институте обучалось еще несколько юношей на средства, внесенные некоторыми состоятельными армянами (Арапетов, Аргутинский, Касперов).

Двери Лазаревского института были равно открыты как для детей армян, так и для юношей всех других национальностей. Руководители Лазаревского армянского учебного заведения показали себя людьми широких взглядов, пренебрегшими национальными и религиозными ограничениями своего времени.

Надо сказать, что первоначальный замысел основателей института был весьма скромным по сравнению с тем, что было сделано вскоре после создания института. Успех дела, популярность училища привели основателей к мысли о необходимости расширить программу. Если «первоначальная цель этого заведения ограничивалась элементарным учением» [38], то вскоре «курс учения уже разделен на три класса: нижний, средний, высший» [39]. В Лазаревском училище преподавались тогда наряду с другими предметами языки: русский, армянский, латинский, французский и немецкий. Первыми преподавателями Лазаревского училища были Смирнов

[35] «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского армянского Лазаревского института восточных языков», СПб., 1839, стр. 130.

[36] Там же, стр. 128.

[37] Там же.

[38] «Исторический очерк Лазаревского института восточных языков», стр. 32.

[39] Там же, стр. 33.

(русский, или как писалось тогда, российский язык), Померанцев (российский и латынь), священники Артемий и Семеон (армянский язык), Бальтюс (французский язык), Витте (немецкий язык), Басалаев (география и история), Беру (математика), Ратщин (каллиграфия). Уже в 1824 г. училище по программе не отличалось от гимназий того времени, а по постановке преподавания вскоре стало одним из лучших в Москве. Еще в первые десятилетия своего существования оно привлекало к себе внимание известных писателей и ученых того времени. Достаточно сказать, что училище посетили великий русский поэт А. С. Пушкин, поэт и дипломат А. С. Грибоедов, поэты В. А. Жуковский и П. А. Вяземский, известный поэт и переводчик Н. И. Гнедич, ученые — академик М. Броссе, А. Гумбольдт, деятель греческого освободительного движения А. Ипсиланти. Нельзя не отметить пребывание в пансионате института в 1829 г. И. С. Тургенева, будущего великого русского писателя.

Есть все основания предполагать, что семьи Лазаревых, а их ближайших родственников Абамелик — несомненно, были лично знакомы с А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым.

Об этих интересных фактах говорят документы.

Княжне Анне Давыдовне Абамелик А. С. Пушкин посвятил стихи, публикуемые в сочинениях поэта под заглавием «В альбом кж. А. Д. Абамелик».

Когда-то (помню с умиленьем)
Я смел Вас няньчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели с благоговеньем,
Вам нынче поклоняюсь я.
За Вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь,
И Вашей славою и Вами,
Как нянька старая, горжусь.

В современных изданиях к этим стихам можно прочесть следующие примечания: — «княжну Анну Давыдовну Абамелик Пушкин знал, когда ее двухлетним ребенком привезли в лицей, в приемные дни для посещения кого-то из товарищей Пушкина. Об этом и вспоминает поэт в первых стихах» [40].

М. Ю. Лермонтов подарил А. Д. Абамелик (она была тогда уже замужем за Баратынским, братом известного поэта) автограф стихотворения «Последнее новоселье».

---

[40] А. С. Пушкин, Собрание сочинений, т. 2, М., 1959, стр. 362. К слову сказать, в примечание вкралась неточность. Этот «кто-то» был не лицеист. В Царском Селе стоял лейб-гвардии гусарский полк, в котором служили братья Анны Давыдовны.

Анна Давыдовна была дочерью Давыда Семеновича и Марфы Екимовны (урожденной Лазаревой). «Княгиня Анна Давыдовна Абамеликова в 1832 году была принята в качестве фрейлины при дворе»[41]. Лазаревы и Абамелик являлись близкими родственниками Хастатовых, которые были в родстве с Лермонтовым. Мария Акимовна Шан-Гирей (урожденная Хастатова) приходилась теткой М. Ю. Лермонтову (Лермонтов переписывался с Марией Акимовной, с сыном которой он воспитывался). «Видимо, имея в виду придворные связи Анны Давыдовны, Лермонтов привез стихотворение „Последнее новоселье" с просьбой добиться у великого князя Михаила Павловича разрешения напечатать его»[42].

Автографы двух великих поэтов хранились среди семейных реликвий Абамелик-Лазаревых.

Лазаревский институт был одним из лучших светских учебных заведений того времени. Слава института очень быстро распространилась среди армян не только России, но и далеко за ее пределами. Достаточно сказать, что среди воспитанников института были армяне из Персии, Турции и даже Индии. В своем выступлении на юбилее в 1886 г. видный арменовед профессор Эмин говорил, что ему было девять лет, когда отец отвез его из Джульфы в Калькутту[43] и отдал в «Армянское человеколюбивое училище». «Здесь впервые узнал я, — сказал Эмин, — о существовании Лазаревского института, который с тех пор стал моей мечтой, и не успокоился я, пока не сел на шведский корабль, отправляющийся в Стокгольм. Я объехал Азию, Африку, Европу и через Швецию и Финляндию попал в Москву в заветный институт»[44]. Успех Лазаревского института, его популярность объясняются не только хорошей постановкой преподавания, но и в первую очередь тем, что институт находился в Москве. Именно с Россией было тесно связано армянское освободительное движение, чаяния народа, а после присоединения Восточной Армении — судьба значительной части армянского общества.

Что касается других армянских училищ России — Агабабовского в Астрахани, Нерсисянского в Тифлисе и других, то

---

[41] С. Г. Арешян, *Армянская печать и царская цензура,* Ереван, 1957, стр. 27.

[42] «Новое время», 23.IX.1916.

[43] Лазаревский институт был не только не единственным, но далеко не старейшим армянским учебным заведением. В Париже, Венеции, Калькутте, Астрахани имелись армянские училища; некоторые из них возникли задолго до Лазаревского.

[44] «Празднование 50-летнего юбилея учебно-педагогической деятельности Н. О. Эмина», М., 1887, стр. 65.

они были лишены богатой материальной базы и, находясь вдали от университетских центров, конечно, не могли соперничать с Лазаревским. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что Закавказье многие десятилетия после присоединения управлялось не гражданской, а военной администрацией.

Царское правительство не было заинтересовано в просвещении закавказских народов. Поэтому пришлось потратить много усилий, чтобы добиться признания Лазаревского института. Несмотря на то что государственной казне Лазаревское учебное заведение не стоило ни копейки, Министерство просвещения его не поддерживало. На протяжении многих лет чиновники Министерства и сами министры — князь Голицын, барон Ливен, граф Уваров всячески, под любым предлогом препятствовали развитию этого учебного заведения. Министерство просвещения и в особенности его Комитет устройства учебных заведений не утверждали неоднократно представляемый устав института, отказывали ему в правах, закрепленных за гимназиями с аналогичным курсом. Московский генерал-губернатор чинил препятствия даже строительству учебных зданий. Правительство не закрыло Лазаревское училище, вероятно, только из тех соображений, что оно нуждалось в людях, знающих восточные языки. Видимо, определенное значение имело и то обстоятельство, что Лазаревы были влиятельной и близкой ко двору фамилией.

Хотя политика царского правительства в армянском вопросе изменилась после присоединения Восточной Армении, все же оно не нашло удобным, при отсутствии серьезных возражений, игнорировать многочисленные просьбы армянского духовенства, дворянства и купечества, которое всегда способствовало успехам ближневосточной политики России.

Все это, бесспорно, тяжело отражалось на положении дел в институте, лишало необходимой уверенности в завтрашнем дне как преподавателей, так и учащихся.

В архивах сохранилось обращение (датированное 1817 г.) в правительство с просьбой о «...даровании сему единственному восточному заведению прав и преимуществ, каковыми пользуются Московская коммерческая практическая академия и многие другие, с наименованием Армянская Лазарева Академия»[45]. Это обращение было отклонено под тем предлогом, что данное учебное заведение «неуместно» называть Академией. Создатели института были согласны на любое, угодное Министерству просвещения название, но неизменно получали отрицательный ответ.

---

[45] МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. 3.

Новый проект устава под названием Армянская Лазарева гимназия высших наук и восточных языков был представлен князю А. Голицыну. Предполагалось, что в учебном заведении, помимо западных, будут изучаться языки армянский, персидский, турецкий, арабский. Параграф 4-й определял цель учебного заведения — подготовка лиц, из армян, а также представителей других национальностей к государственной службе. Это аргументировалось необходимостью подготовить людей «нужных по политическим и торговым отношениям империи, и тем, с одной стороны, удовлетворять настоящие потребности в учителях и переводчиках сих языков; с другой, способствовать... полезному распространению исторических и статистических сведений о народах и странах азиатских» [46].

Но и это достаточно мотивированное обращение, как и другие, не имело успеха.

При сложившихся обстоятельствах Иоаким Лазарев пошел на своеобразный маневр. Как пишет Г. И. Кананов, один из будущих директоров института, «родилась мысль поставить Лазаревское училище под власть и покровительство одного из высоких и влиятельных государственных людей эпохи» [47]. Выбор пал на фаворита Александра I — графа Аракчеева. Его Лазарев, по рекомендации М. М. Сперанского, просил взять под свое покровительство учебное заведение. И с ноября 1824 г. Лазаревское училище считалось «в ведомстве особого начальства, от которого в таком случае зависеть уже будет начертать и правила для сего заведения» [48].

Грубый и невежественный солдафон Аракчеев не имел ни знаний, ни времени, ни желания для занятия училищем и, естественно, не мог оказать какого-либо влияния на учебный процесс. Ни в воспоминаниях современников, ни в архивных документах никак не отразилось, если не считать единственного посещения института, «попечительство» Аракчеева. То обстоятельство, что институт остался вне официальных регламентаций помогло ему сохранить относительную независимость. Этому способствовало, вероятно, и то, что он не был на государственном бюджете. Являясь частным учебным заведением, оно, по сравнению с казенными, меньше контролировалось. Вот почему прав Г. И. Кананов, утверждая: «Впрочем

---

[46] Там же, л 42.

[47] «Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института», М., 1865, стр. 23

[48] Там же, стр. 24.

и самому попечителю Екиму Лазаревичу перестала, по-видимому, улыбаться эта перспектива, он уже боится выпустить из своих рук дорогое детище — школу, дать ей несвойственную форменную окраску казенных заведений, облечь ее в стереотипную форму существования...» [49].

Первое десятилетие XIX в. в России ознаменовалось поворотом к реакции, проявившейся, в частности, и в просвещении. В 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения; возглавил его обер-прокурор синода князь Голицын. Он стремился перестроить преподавание в духе «священного писания», усилить контроль над студентами и профессурой. Из университетов стали изгонять передовых преподавателей. Первым подвергся разгрому Казанский университет, куда для ревизии с правами попечителя учебного округа был послан в 1819 г. М. Л. Магницкий. Он уволил за «неблагонадежность» более десяти профессоров. От него не отставал и Д. П. Рунич, попечитель петербургского учебного округа, изгнавший из университета передовых профессоров. То же происходило и в других учебных заведениях.

В отношении Московского университета «реакция не решалась действовать столь открыто. Слишком велико было общественное значение университета... но целый ряд реакционных мероприятий был проведен правительством и в отношении этого центра передовой русской науки и культуры. Так, в 1819 г. была учреждена кафедра богословия, которой не существовало в Московском университете с самого его основания. Вскоре фактически прекратилось преподавание философии, усилилась цензура, последовали массовые запреты книг, содержание которых не соответствовало религиозным догмам, был установлен строгий контроль за преподаванием. С целью затруднить доступ в университет разночинцам в 1820 г. была введена плата за обучение» [50].

Ранее уже отмечалось, что Министерство просвещения всячески мешало Лазаревскому училищу. Не улучшилось положение и после перехода учебного заведения в ведение высокопоставленных главноначальствующих.

В 1827 г. Александр Шишков, адмирал и министр просвещения, больше известный эпиграммами А. С. Пушкина, отклонил очередной проект устава. Он требовал, чтобы училище было или общеобразовательным, или специальным учеб-

---

[49] «75-летие Лазаревского института восточных языков», М., 1891, стр. 10, 11.

[50] «Московский университет за 200 лет», М., 1955, стр. 37.

ным заведением по преподаванию восточных языков. В ответе Министерству просвещения руководители института писали, что училище успешно существует уже более 10 лет; многие его выпускники поступили в университет, другие же успешно служат переводчиками. Главная цель училища «состоит в том, чтобы юношеству не только армянскому, но и всем желающим доставать способы к образованию в науках и особенно к теоретическому и практическому изучению восточных языков» [51]. Тогда Комитет устройства учебных заведений в сентябре 1827 г. поручил А. К. Шторху [52] подготовить учебный план и устав Лазаревского учебного заведения.

Детальное знакомство с Лазаревским училищем убедило Шторха в том, что оно отличается от других гимназий (серьезной постановкой изучения восточных языков, подготовкой учителей для армянских училищ, а также священнослужителей), и ходатайствовал перед Комитетом о наименовании училища лицеем или институтом. Шторх отметил большую пользу изучения восточных языков в Лазаревском институте для страны.

Проект устава, составленный Шторхом, Ф. Аделунгом [53] и Х. Д. Френом [54], не удовлетворил Комитет и последний попрежнему чинил всяческого рода препятствия для успешной работы Лазаревского училища. Лишь в декабре 1827 г. гимназия получила наименование Лазаревский институт восточных языков [55]. Обращает на себя внимание дата — декабрь 1827 г. За несколько недель до этого русские войска нанесли серьезное поражение персам, освободили город Ереван. Успешно для России завершилась русско-персидская война и присоединение Восточной Армении. Менялись министры (на место Голицына пришел Шишков, Шишкова сменил Ливен), но отношение к институту оставалось прежним. Как видим, «покровительство» влиятельных лиц не помогало институту.

В июне 1829 г. Лазаревы добились разрешения открыть при институте типографию. Заблаговременно у М. А. Салтыковой был куплен участок (расположенный между старыми

---

[51] МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 5, л. 125.

[52] А. К. Шторх (1766—1835) — академик, один из видных экономистов России.

[53] Ф. Аделунг (1768—1843) — лингвист и источниковед.

[54] Х. Д. Френ (1782—1851) — видный русский арабист, нумизмат. Профессор Казанского университета, академик, первый директор Азиатского музея. Сыграл значительную роль в развитии русского востоковедения.

[55] Рассмотрение устава и прав Лазаревского института было отложено до общего преобразования уставов всех других учебных заведений (МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 5, л. 174).

зданиями института и домом Веневитинова) с каменным домом и другими сооружениями, а у Иосифа Иоаннесова — типография в Петербурге (которая была перевезена в Москву). 23 июня 1829 г. типография начала работать. «Круг действий сей типографии с 1830 г., после умножения станов и после устройства различных потребностей, распространился, книгопечатанье с успехом продолжается на 13 языках, европейских и азиатских, кои суть: российский, армянский, латинский, греческий, французский, немецкий, английский, итальянский, венгерский, грузинский, сербский, турецкий и персидский»[56]. Типография института к концу 30-х годов имела 21 образец шрифтов для европейских и восточных языков (часть шрифтов заказывалась за границей, куда специально посылали людей). Она все время расширялась, приобреталось новое оборудование.

Издательская деятельность института была для своего времени значительным культурным фактором. В типографии института печатались не только пособия, учебники. С 1833 по 1838 г. вышло три тома «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа». В 1836 г. при большой материальной помощи И. Е. и Х. Е. Лазаревых (они заплатили 30 тыс. рублей ассигнациями автору и 5 тыс. затратили на печатание)[57] был издан в двух томах «Армяно-русский словарь», составленный А. Худабашевым, бывшим воспитанником Лазаревского института.

С начала 40-х годов типография сдавалась в аренду, но арендаторы обязывались печатать все то, что потребуется институту, а «корректура же сочинений восточных (персидских, арабских, турецких и армянских) должна лежать на ответственности Совета Института»[58].

С первых дней существования институт начал создавать библиотеку. Лазаревы ассигновали значительную сумму на приобретение книг, оборудование, а также принесли в дар ценные книги. С течением времени при институте была создана сравнительно богатая библиотека, в которой собирались также рукописи на восточных языках. Уже в 1836 г. библиотека насчитывала 8 тыс. томов. Попечители института приобретали книги в различных городах России и в западноевропейских научных центрах — в Вене, Венеции, Париже, а также в странах Ближнего и Среднего Востока. Помимо этого, фонд библиотеки пополнялся дарами преподавателей инсти-

[56] «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревского института восточных языков», стр. 184.
[57] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 147, л. 193.
[58] Там же, д. 156, л. 144.

тута, бывших воспитанников, а также различными почитателями.

С самого своего возникновения Лазаревское училище, где преподавание шло на русском языке, отличалось от гимназий тем, что в нем изучали восточные языки.

Инициатива введения в программу училища восточных языков принадлежала опять-таки представителям семьи Лазаревых. Выходцы из Ирана, тесно связанные с армянскими торговыми обществами, они прекрасно понимали важность изучения восточных языков, подготовки знающих переводчиков для России.

Таким образом, кроме цели создать общеобразовательную школу для армянского юношества и готовить учителей для армянских школ, появилась новая — создать центр восточного языкознания в Москве. Эти основные задачи и определяли до 1848 г. деятельность института.

Как уже говорилось, из восточных языков в первые годы существования института преподавался только армянский, но уже в описании «Армянского гг. Лазаревых учебного заведения за 1821 г.» в разделе перечень предметов читаем: «полный же курс наук, который предполагается быть впредь следующие:

...XII словесность армянская,

XIII словесность персидская»[59].

В двадцатые годы XIX в. в институте было введено преподавание персидского, турецкого и арабского языков. И с тех пор из зарубежных восточных языков в Лазаревском институте неизменно преподавались именно эти три языка, литература персидская, турецкая и арабская. В программе по истории основное внимание уделялось истории стран Ближнего и Среднего Востока, вопросам мусульманской теологии.

Восточные факультеты Петербургского и Казанского университетов охватывали значительно большее число зарубежных языков и имели более широкий, чем Лазаревский институт, лингвистический профиль.

До преобразования Лазаревского института в 1848 г. общее число лиц, обучавшихся восточным языкам, было в несколько раз меньше всех учащихся. Так, в 1837 г. из 88 учащихся восточными языками занимались 8; в 1840 г. из 90 учащихся — 8; в 1848 г. из 30 учащихся I класса 16 изучали по одному восточному языку; во II классе из 22 учащихся один Оксюзов занимался тремя языками, а остальные в числе

---

[59] МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 1, л. 34.

8 учеников — одним; в III классе из 24 учащихся один Бердяев изучал три языка, а 8 кто два, а некоторые из них — один; в IV классе из 22 учащихся 12 изучали восточные языки. Из этого числа 10 человек занимались персидским языком, Щепотьев — турецким, а Патканов — турецким и персидским. В V классе из 13 человек восточными языками занималось всего четверо.

Три языка (арабский, персидский и турецкий) учил только Юзбашев, арабский и турецкий — Дорохов, а персидский — Абамеликов и Саннасаров [60].

«Восточным языкам, преимущественно арабскому и турецкому, обучаются армяне; прочие воспитанники, большею частию русские, проходят общий гимназический курс, приготовляясь к математическому факультету» [61].

Восточные языки не считались обязательными; их изучали «только избранные Советом воспитанники и те из пансионеров и полупансионеров, какой бы они ни были нации, кои пожелают сами изучать восточные языки» [62]. Обязательными языками были латинский и французский, факультативно занимались немецким.

В правилах института, опубликованных в 1830 г. в разделе «Правила преподавания восточных языков», дается характеристика курса дисциплин по Востоку. «Армянский язык преподается во всем пространстве, преимущественно для природных армян. Преподавание же других трех восточных языков, как-то: арабского, персидского, турецкого имеет быть практическое с изъяснением теории, должно начинаться с арабского, как основания обоих других. Через два года после арабского следует приступить к изучению персидского и потом год заниматься турецким, начиная с грамматики и продолжая упражнениями в чтении лучших писателей, разговорах и сочинениях. Лекции заключают в себе общий взгляд на историю, географию и литературу армян, арабов, персов и турок, равно и прочих восточных народов» [63].

---

[60] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 204, лл. 2, 3.

[61] Словесное отделение университета не упоминается, так как греческий язык, знание которого было обязательным для поступающих на данное отделение, в Лазаревском институте не преподавался (там же, д. 169, л. 22).

[62] «Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа», ч. 3, М., 1838, стр. 145.

[63] «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревского института восточных языков», СПб., 1839, стр. 142, 144 (страницы указаны точно: книга печаталась на двух языках — на нечетных страницах текст на армянском, на четных — на русском языке).

Теоретическое и практическое изучение языков закреплялось и путем внеклассных упражнений. В правилах института имеется описание внеклассных занятий. «Познание иностранных языков сверх обучения в классах укрепляется изустным употреблением в комнатах, чему особенно способствуют надзиратели, объясняясь постоянно с воспитанниками на иностранных языках и исправляя делаемые ими в разговорах погрешности»[64]. Что касается надзирателей, то большинство их было людьми образованными (позже они набирались преимущественно из воспитанников Лазаревского института).

Мы располагаем весьма скудными сведениями о преподавании и преподавателях восточных дисциплин в Лазаревском институте. Известный исследователь истории русского востоковедения Н. И. Веселовский в книге «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» пишет: «О преподавателях турецкого языка в Лазаревском Институте Восточных Языков, известно мне лишь то, что в 1830-х годах преподавал его там армянин Аракел Шакумов, а в настоящее время (книга Н. И. Веселовского была издана в С.-Петербурге в 1879 г. — *А. Б.*) преподает его там экстраординарный профессор М. Л. Лазарев (в книге допущена описка: надо Л. Э. Лазарев. — *А. Б.*), составитель „Турецко-татарско-русского словаря, наречий османского, крымского и кавказского" (Москва, 1864) и „Сравнительной хрестоматии русского языка, наречий Османлы и Адербиджан...", Москва, 1866»[65].

Еще меньше материалов имеется о первых годах существования Лазаревского института. Тем не менее установить фамилии преподавателей, а также учащихся, занимавшихся восточными языками, представляется возможным.

Первым преподавателем восточных языков (турецкого, арабского, персидского и армянского) был архимандрит, а позже архиепископ Михаил Салатьян. Архивная запись следующим образом характеризует этого по тогдашним временам сравнительно хорошо эрудированного человека: «Архиепископ Михаил Салантьян, известный богослов, арменист и сведущий в латинской и греческой словесности, изучивший русский язык, обучался в Азии, потом в Риме, в Венеции и был в разных путешествиях по Европе и Востоку. Еще находился потом ректором и законоучителем армянского веро-

---

[64] Там же, стр. 152.

[65] Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879, стр. 204, 205.

исповедания в Лазаревском институте, в продолжение почти 20 лет, и издал богословские и другие книги на армянском и латинском языках»[66].

В одном из архивных документов (не датированном) имеются фамилии первых учеников, точнее воспитанников, занимавшихся восточными языками, «Сии ученики учатся турецкому языку.

Четвертого класса	Федор Хадамов
	Федор Алачев
	Соломон Кетхудов
	Симеон Султаншахов
	Артемий Авалов
Третьего класса	Авет Мамиконов
	Сергей Хорасанов
Второго класса	Христофор Елимирзов
	Григорий Мирзаянов»[67].

Время учебы этих воспитанников помог установить «Реестр сколько за исключением вновь выпущенных учеников при Московском Армянском учебном заведении находится воспитанников, пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников за I пол. 1825 г.». Из «Реестра...» явствует, например, что Кетхудов, Алачев, Хадамов поступили в институт в 1822 г., Мамиконов, Хорасанов и другие — в 1824 г.

В начале 30-х годов происходит закрепление за преподавателями одной или двух языковых дисциплин. Несмотря на оптимистическое заявление командира института (эта должность существовала в институте в 30-х годах) генерал-майора Римана, что «преподавание персидского и турецкого языков отдельное составило занятие, под руководством ориенталистов»[68], изучение восточных языков из-за отсутствия высококвалифицированных педагогов находилось не на высоком уровне. Достаточно сказать, что преподаватели персидского и турецкого языков не были по своей подготовке и образованию педагогами. И если второй из них, коммерческий агент Шахумов, справлялся с преподаванием, — то скорее по счастливой случайности. Что касается преподавателя персидского языка Мирзы Джафара, то о нем сохранилась в ар-

---

[66] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 34, л. 245 об.
[67] МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 5, л. 81 об.
[68] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 163, л. 42.

хиве уничтожающая характеристика. «Он (Мирза Джафар. — *А. Б.*) почти не может преподавать персидский язык, не знавши сам правил и хорошей методы; ибо из 12 учеников 3 человека начинают только еще читать, а прочие кончили азбуку»[69].

Было решено поручить преподавание персидского языка Будагову, ранее работавшему в институте надзирателем.

С 1 августа 1834 г.[70] в первом, втором и третьем классах изучали турецкий и персидский языки; «затруднение, какое доселе встречаемо было в приискании опытных преподаватетелей восточных языков, в нынешнем году (декабрь 1834 г. — *А. Б.*) устранено: для турецкого и персидского языков прииcканы учители...»[71].

Турецкий язык преподавал Аракел Шахумов, он же был учителем и арабского языка, но, видимо, уже тогда стремились к специализации каждого учителя. Вот почему в рапорте Риман не упоминает арабский язык (в то время все еще не был «приискан» специалист).

Персидский язык преподавал Лазарь Захарович Будагов (родился в Астрахани в 1812 г.). Первоначальное образование он получил в местном армянском училище Агабабова, затем он окончил астраханскую гимназию. После этого Будагов слушал лекции в Московском университете (но курса не окончил). В течение двух с половиной лет работал преподавателем в Лазаревском институте. Завершил образование Будагов в 1840 г. в Казанском университете (окончил отделение восточных языков философского факультета). С конца 40-х годов жизнь Л. З. Будагова была связана с Петербургским университетом и со службой в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

После отъезда Л. З. Будагова из Москвы преподавание персидского языка возложено было на Н. И. Тавришева.

* * *

Завершив присоединение Закавказья, царское правительство изменило свою политику в обширном, богатом и многонациональном крае. Оно перешло от военной администрации к гражданскому управлению, пересмотрело местные земельные, правовые и иные институты и приспособило их целям колониальной политики русского царизма.

---

[69] Там же, л. 3 об.
[70] Учебный год начинался с 1 августа.
[71] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 163, л. 3 об.

До присоединения Восточной Армении царское правительство придерживалось политики «пряника» в отношении армян, «однако, когда присоединение Армении к России стало фактом, император Николай I и его министры „забыли“ о тех обещаниях, которые давали их предшественники армянскому народу» [72].

Высшие сановники России и даже сам царь проявляли интерес к Лазаревскому институту восточных языков, что объяснялось стремлением приспособить его для целей своей восточной политики. 4 октября 1834 г. Николай I в сопровождении А. Бенкендорфа (шеф жандармов был в то время главноначальствующим института) посетил Лазаревский институт восточных языков. Вслед за этим институт получил признание со стороны официальных властей, чего безуспешно добивался два десятилетия.

«В 1835 г., в силу указа сего года ноября 20 (Лазаревский институт. — *А. Б.*) помещен во второй разряд учебных заведений наравне с гимназиями, корпусами и другими учебными заведениями» [73]. Тогда же определилась его цель: во-первых, доставлять опытных переводчиков восточных языков, изучивших их теоретически и практически; во-вторых, приготовлять учителей для всех прочих воспитательных заведений армянского народа и образованных священнослужителей для христиан григорианского вероисповедания» [74].

«В 1843 г., по воле его императорского величества, назначены были 5 учеников из закавказских уроженцев в Лазаревский институт, для приготовления себя на службу в тамошнем крае» [75]. Это еще одно проявление стремления правительства использовать институт в своих целях.

По правительственному положению 1838 г. воспитанники института, находившиеся на иждивении основателей института, обязаны были после окончания посвящать себя либо религиозной деятельности, либо проработать не менее шести лет в армянских школах России или в самом Лазаревском институте [76]. Это правило, не всегда строго соблюдавшееся, было, кстати сказать, повторением пункта из университетского устава, по которому студенты после окончания университета долж-

---

[72] М. А. Адонц, *Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в.*, Ереван, 1957, стр. 96, 97.

[73] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 168, л. 2.

[74] Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, стр. 35.

[75] А. Зиновьев, *Исторический очерк Лазаревского института восточных языков*, СПБ., 1835, стр. 50.

[75] «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых института восточных языков», стр. 132.

ны были в течение шести лет служить в системе просвещения главным образом учителями [77].

Лазаревский институт превратился в центр по подготовке учителей для армянских школ. Он направлял своих выпускников в армянские школы Астрахани, Тифлиса, Новой Нахичевани и многих других городов. С просьбой прислать учителей обращались в институт даже из Персии и Египта. Помимо этого, институт посылал в различные армянские учебные заведения России и других стран в дар выпущенные в Москве книги по истории культуры Армении и издания института.

В 1841 г. были произведены некоторые изменения в институте. «Для расширения пределов классов в Институте и для доставления оному всех способов к существованию и процветанию наравне с лучшими учебно-воспитательными заведениями, Совет института положил открыть в сем году пятый высший класс; Попечитель и директор определили и сумму на таковое распределение знания» [78].

Открытие пятого класса давало возможность лучше организовать педагогический процесс, и, как писали попечитель института Иван Лазарев и директор Христофор Лазарев, институт «в состоянии будет надежнее приготовлять воспитанников своих к университету» [79].

В том же, 1841 г. в Лазаревском институте было открыто «особое отделение для образования юношества духовного звания на 20 воспитанников. Для помещения духовного отделения назначено распространить институт посредством соединения обоих флигелей к новому корпусу» [80]. (Реконструкция здания была произведена в 1842 г.) Но фактически такого рода специализация части учащихся — детей армянских священнослужителей — определилась значительно раньше, со времени возникновения института, а в 1841 г. получила правительственную регламентацию. Для воспитанников духовного отделения читались специальные лекции по богословию, курс толкования священного писания и т. д. Но следует заранее оговориться, что духовное отделение не походило ни на духовную академию, ни на духовную семинарию. Просто дети несостоятельной части духовенства приобрели возможность получить светское и духовное образование. Права посвящения в сан институт не имел и не добивался. Вот почему

---

[77] «Московский университет за 200 лет», стр. 33.
[78] МОГИА, ф. 213, оп. 1, д. 22, л. 14.
[79] Там же, д. 26, л. 67.
[80] Там же, д. 17, л. 54.

это новое отделение во многих архивных документах называется отделением «для воспитания армянского юношества из духовного звания...» [81].

Таким образом, все эти изменения, нововведения, открытое вмешательство властей привели к тому, что структура института чрезвычайно усложнилась. С начала 40-х годов цель института состояла в том, «чтобы а) доставить юношеству средства к воспитанию и образованию в науках, служащих приготовлением к государственной службе, военной и гражданской, и к поступлению в высшие учебные заведения Империи — в Университеты и в Академии; b) образованием в восточных языках приготовить чиновников для службы в Закавказском крае; с) доставить армянскому юношеству нравственное и умственное образование и d) приготовить просвещенных священнослужителей армянской церкви» [82].

Однако все эти изменения все еще не удовлетворяли правительство. Через Кавказский комитет [83], нового главноначальствующего институтом А. Ф. Орлова, министра внутренних дел (назначен в 1844 г. после смерти Бенкендорфа), ведется подготовка к изменению профиля института [84].

Одним из инициаторов радикальных изменений в Лазаревском институте был управляющий делами Кавказского комитета. В пространной записке на имя министра внутренних дел и главноначальствующего Лазаревским институтом, управляющий писал: «Во время пребывания там (в Москве. — *А. Б.*) произведено было испытание Кавказским уроженцам, воспитывавшимся в Лазаревском институте. При сих испытаниях найдено, что воспитанники учатся весьма удовлетворительно, заботливость о них начальства примерная, порядок во всем заведении отличный; но тем не менее это заведение во многих отношениях не достигает своей цели.

Во-первых, курс учения ограничивается пятью классами и, обнимая не только все предметы гимназического обра-

---

[81] Там же. Подробное изложение этого вопроса вызвано тем обстоятельством, что много позже возникнут споры о назначении духовного отделения.

[82] ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, д. 168, л. 2.

[83] Кавказский комитет, особый междуведомственный орган, создан в 1840 г. царским правительством для решения административных, политических вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской империи. Просуществовал до 1882 г.

[84] Обращает на себя внимание тот факт, что главноначальствующим института правительство назначало непременно министра внутренних дел. Правительство, видимо, исходило из тех соображений, что все вопросы, связанные с устройством Закавказья, находились в компетенции Министерства внутренних дел.

зования, но, сверх того, и восточные языки, в гимназиях не преподаваемые, весьма сжат и краток.

Во-вторых, курс этот не окончательный, а только приготовительный и воспитанники для окончания курса должны поступать в Московский Университет, где вовсе нет отделения восточных языков и где кавказские воспитанники не только не могут усовершенствоваться в главном предмете их образования — восточной словесности, но легко могут позабыть все то, что они прошли по этой части в Лазаревском институте; и в-третьих, воспитанники этого заведения не пользуются почти никакими правами...»[85].

Министр внутренних дел, «основываясь на мнении Кавказского комитета, указывает попечителю, что институт нуждается в коренной реформе для достижения цели, предположенной правительством, приготовлять, с одной стороны, чиновников для Закавказского края, основательно знающих туземные языки, а с другой — переводчиков, хорошо знакомых со всеми употребляемыми в Закавказье языками»[86].

Это одна задача, которую хотело поставить правительство перед Лазаревским институтом. Какой является вторая, — становится ясным из письма Орлова министру просвещения. В нем министр внутренних дел писал: «В заключение долгом считаю присовокупить, что с преобразованием Лазаревского института на вышеизложенных основаниях, вполне согласных с теми основаниями, кои указаны государем императором, откроется в Москве заведение, которого именно для Москвы, при настоящих торговых сношениях ее с Востоком не достает, заведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере и которое, таким образом, будет заменять восточный факультет университета, не требуя никаких издержек со стороны казны».[87].

В 1848 г. управляющий делами Кавказского комитета В. П. Бутков, попечитель И. И. Лазарев, директор института Х. И. Лазарев составили проект устава и штат института и внесли их на рассмотрение Кавказского комитета.

---

[85] «Семидесятилетие Лазаревского института», М., 1891, стр. 149, 150.

[86] «Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков», М., 1903, стр. IV.

[87] «Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института восточных языков», М., 1865, Приложение, стр. 35.

Б. В. ЛУНИН

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОГО ВЫСШЕГО ВОСТОКОВЕДНОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Видное место в истории отечественного востоковедения по праву принадлежит не только научно-исследовательским учреждениям и организациям востоковедного характера, но и учебным заведениям. Нельзя не согласиться с А. Н. Кононовым, отметившим, что «самого пристального внимания заслуживает история учебных... востоковедных учреждений... доктябрьского периода» [1].

Под этим углом зрения представляет значительный интерес «предистория» и история высшего востоковедного учебного заведения в Ташкенте, первого, насколько нам известно, востоковедного вуза [2], созданного при Советской власти.

* * *

Ташкент наших дней является одним из общепризнанных центров советского востоковедения. В нем имеется не только Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР (научно-исследовательское учреждение, носящее имя Абу Рейхана Бируни) [3], но и восточный факультет Ташкентского государственного университета, имеющий свою, более чем сорокалетнюю историю. История востфака еще не нашла своего летописца. Остается забытой также сложная и своеобразная «предистория» высшего учебного заведения

[1] А. Н. Кононов, *Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения*, М., 1960, стр. 4.

[2] Имеется в виду не реорганизация и переименование востоковедных вузов, существовавших в России до Великой Октябрьской революции, а именно создание нового востоковедного высшего учебного заведения.

[3] Имя великого среднеазиатского ученого Бируни присвоено Институту востоковедения Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР 3 июня 1957 г. («Правда Востока», 4.VI.1957).

востоковедного типа в Ташкенте, а между тем «предистория» эта, будучи связанной с именами академиков В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга и других известных востоковедов, сама по себе заслуживает несомненного внимания историографа.

Не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, остановимся на основных этапах истории востоковедного вуза в Ташкенте.

Мысль о целесообразности организации в Ташкенте высшего востоковедного учебного заведения и порожденная ею дискуссия имеет ныне уже без малого шестидесятилетнюю давность. Начало этой дискуссии было положено выдающимся русским востоковедом С. Ф. Ольденбургом, который сам ни в малейшей степени не подозревал, видимо, что его выступление в печати по этому вопросу послужит поводом к такого рода дискуссии.

Ознакомившись с литературой, посвященной деятельности французской «Эколь д'экстрем ориен» в Сайгоне, ее уставом и другими материалами, С. Ф. Ольденбург дал обзор-рецензию деятельности школы [4].

С. Ф. Ольденбург с похвалой отозвался о задачах, стоявших перед школой. Они сводились к содействию археологическому и филологическому изучению Индокитая и соседних с ним стран и цивилизаций (Индия, Китай, Япония, Южный Архипелаг и др.). Школа имела стипендиатов: молодые люди, обладавшие серьезной научной подготовкой, а также ученые, которым для научной работы необходимо было пребывание в Азии. И те и другие должны были часть своих трудов уделять целям, непосредственно преследуемым школой. Периодическим органом школы был бюллетень, выходивший четыре раза в год.

«Франция, — писал Ольденбург, — первая сделала попытку перенести на изучение Востока традиции классической филологии созданием ученой школы на месте. Недолгий еще, правда, опыт дал уже прекрасные результаты, и другие страны, вероятно, скоро последуют данному примеру. Крайне желательно было бы, чтобы Россия сделала попытку дать прочное обоснование русскому востоковедению основанием ученой школы на Востоке. *Ташкент мог бы явиться прекрасным центром для деятельности этой школы, из которого можно было бы изучать не только русские среднеазиат-*

---

[4] С. Ф. Ольденбург, *Французская школа крайнего Востока в Сайгоне,* — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб., ч. 340, отд. IV, 1902, стр. 47—51.

ские владения, но и Персию, Афганистан, Кашгарию, Тибет и даже Китай и Монголию (курсив наш. — *Б. Л.*). У нас есть люди, чтобы осуществить это дело, и на поддержку на месте можно безусловно рассчитывать. Здесь, к сожалению, не место, чтобы подробнее развить высказываемое пожелание, но мы надеемся, что и другие разделят наше мнение и что те, от кого зависит создание русской ученой школы на Востоке, не отложат на долго осуществление этого дела» [5].

Не лишне напомнить, что во всей России тогда имелось лишь несколько учебных заведений востоковедного характера: в первую очередь факультет восточных языков Петербургского университета, «история которого столь подробно и блестяще написана покойным академиком В. В. Бартольдом» [6], соответствующие кафедры Московского и Казанского университетов, Московский Лазаревский институт восточных языков, Восточный институт во Владивостоке, учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (впоследствии при III политическом отделе Министерства иностранных дел) и немногие другие.

Говоря о Ташкенте, который «мог бы явиться прекрасным центром» высшей востоковедной школы, С. Ф. Ольденбург исходил, видимо, не только из учета административно-политического и культурного значения Ташкента в жизни Средней Азии вообще, но и учитывал наличие здесь определенной группы лиц, чьи знания могли быть успешно применены в деятельности такого рода школы. Известно, в частности, как высоко, например, ценил С. Ф. Ольденбург деятельность

---

[5] Там же, стр. 50, 51. С. Ф. Ольденбург писал: «Если же по материальным соображениям оказалось бы невозможным теперь же осуществить идею подобной школы, то была бы возможность удовлетворить насущной потребности в специалисте на местах созданием должности особого „ученого-корреспондента" Академии наук: он мог бы явиться надежным руководителем и для местных деятелей и для молодых людей, которых можно было бы направлять к нему; он мог бы также оказать неоценимую помощь при устройстве научных экспедиций.

Короткое время в конце 80-х годов в Ташкенте было лицо, по деятельности своей отчасти отвечавшее указанным здесь требованиям, — это был столь безвременно скончавшийся молодой кандидат факультета восточных языков Евгений Федорович Каль, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе; следом его, увы, слишком краткой деятельности остался каталог мусульманских рукописей Ташкентской библиотеки. За людьми в настоящее время дело не станет, — богатый серьезными научными силами факультет восточных языков мог бы, конечно, дать из своей среды прекрасного „ученого-корреспондента" на Востоке».

[6] В. М. Алексеев, *Сергей Федорович Ольденбург, как организатор и руководитель наших ориенталистов* — «Записки Института востоковедения Академии наук СССР», вып. IV, 1935, стр. 32.

русского консула в Кашгаре Николая Федоровича Петровского (1837—1908), подолгу жившего в Ташкенте[7].

С. Ф. Ольденбург вел оживленную переписку с некоторыми туркестановедами[8], внимательно следил за туркестановедческой литературой, откликался на нее своими рецензиями и т. д. [9].

Известно, наконец, что С. Ф. Ольденбург был страстным приверженцем идеи организации новых учебно-востоковедных учреждений типа институтов не только в России, но и русских «институтов в азиатских странах зарубежного Востока, идеи, ему особенно дорогой и, к сожалению, пока не осуществившейся» [10].

Упомянутая статья С. Ф. Ольденбурга нашла положительный отзвук на страницах газеты «Туркестанские ведомости», редактором которой был тогда Н. Г. Маллицкий. Возможно, именно ему и принадлежит следующий текст, опубликованный на страницах этой газеты (хотя более вероятно, на наш взгляд, авторство другого туркестановеда — Н. П. Остроумова).

«Высшая школа востоковедения в Ташкенте — такова блестящая идея, к которой совершенно независимо от туркестанцев, давно уже мечтавших об этом, пришел академик С. Ф. Ольденбург... Такое мнение тем более веско, что С. Ф. Ольденбург не занимается ни тюркскими наречиями, ни мусульманством, ни историей Востока, ни среднеазиатским искусством. В устах лица, специализировавшегося на одном из упомянутых предметов, подобный отзыв еще мог быть объяснен пристрастием специалиста, эгоизмом ученого, готового забыть все ради процветания дорогой ему отрасли

---

[7] С. Ф. Ольденбург, *Памяти Николая Федоровича Петровского (1837—1908),* — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XX, 1912, стр. 1—8; о Н. Ф. Петровском см., в частности, Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане,* Ташкент, 1958, стр. 74—75, 267 и др.

[8] Ср. В. М. Алексеев, *Сергей Федорович Ольденбург...,* стр. 42.

[9] Ср. его отзыв на одну из кн.: «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XII, 1899, стр. 27—28, также: С. Ф. Ольденбург, *Н. П. Остроумов, Сарты,* — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. IX, 1896, стр. 304—305, рец. «Описание археологической и нумизматической коллекции, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку. Сост. Н. П. Остроумов и И. В. Аничков при участии студентов С.-Петербургского университета М. и А. Ульяновых и Н. Остроумова», Ташкент, 1900; «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XIV, 1902, стр. 135, 136.

[10] В. М. Алексеев, *Сергей Федорович Ольденбург...,* стр. 42, 43.

20 Заказ 260

знания. Но С. Ф. Ольденбург посвятил себя изучению буддизма, — явления, совершенно чуждого в настоящее время Туркестанскому краю, и потому отзыв его должно считать вполне беспристрастным. Как человек с широким кругозором и громадным общим образованием С. Ф. Ольденбург и не мог высказаться иначе.

Не будем говорить о том, как нуждается наше отечество в людях, получивших систематическую подготовку к практической деятельности в восточных странах. Умолчим и о том, насколько удовлетворяют этой жизненной потребности нашего государства существующие высшие школы восточных языков, основанные в столицах, за тысячу верст от так называемого Востока. Ненормальность такого положения дел очевидна, и один местный институт восточных языков, во Владивостоке, уже начал свое существование...[11] Расположенный в мусульманской стране, недалеко от Памирского нагорья, разделяющего области самой разнообразной культуры и самого различного населения, — Туран и Индия, Иран и Китай, — Ташкент удовлетворяет всем условиям для создания в нем института восточных языков. Отсюда можно с удобством изучать ближнюю, среднюю и южную Азию; проектируемое заведение могло-бы дать приют не одной, но нескольким отраслям востоковедения. По разнообразию своих ученых сил и предметов занятий это был-бы настоящий восточный факультет университета, или „маленький университет востоковедения".

Нечего и говорить, какой могучий импульс получило бы практическое и научное востоковедение в России от основания подобного учреждения»[12].

Касаясь вопроса об изыскании средств на открытие и содержание высшей востоковедной школы в Ташкенте, газета считала, что «местная власть и местное общество не замедлят поддержать... проект всеми зависящими от них средствами. По п. 5 статьи 317 Положения об Управлении Туркестанского края, на земские средства относится участие в расходах по устройству и содержанию учебных заведений, учреждаемых правительством. А городское самоуправление Ташкента, наверное, с радостью отвело бы участок земли для постройки здания первого высшего учебного заведения в Туркестанском крае».

---

[11] Речь идет о Восточном институте, основанном во Владивостоке 21 октября 1899 г. [см.: С. С. Григорцевич, *Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг.)*,— «Советское востоковедение», 1957, № 4, стр. 131—140].

[12] «Туркестанские ведомости», Ташкент, 24.III.1902.

Заслуживает особого внимания политическая аргументация организации высшей востоковедной школы в Ташкенте, как она понималась автором статьи.

«Момент для возбуждения этого вопроса, — читаем мы, — крайне благоприятный. Никогда еще Россия не была более серьезно заинтересована делами персидскими, чем в настоящее время. Настает та борьба за рынки, которая, по выражению английского оратора, составит содержание истории XX века, и одним из самых могучих орудий в этой борьбе будет наука. Подобные соображения вызвали к жизни Владивостокский институт; настало время поднять вопрос о создании подобного учреждения и в Ташкенте».

Газета подчеркивала, что открытие в Ташкенте Восточного института было давней мечтой туркестанцев. Действительно, местные работники еще до появления статьи С. Ф. Ольденбурга ставили вопрос об организации в Ташкенте Восточного института. Так, М. М. Вирский предлагал «учредить в Ташкенте Восточный институт, — по примеру такого же, какой недавно открыт во Владивостоке, для изучения языков индустани, персидского, арабского, сартовского и киргизского, истории и географии Индии, Афганистана, Персии, Бухары, Хивы и других пограничных ханств, с тем чтобы окончившие полный курс преимущественно назначались на все должности как административно-полицейского, так и других ведомств Туркестанского края... Окончившие курс в Восточном институте принесли бы неисчислимые выгоды для правительства, они, если не всегда, то долго бы служили в Туркестанском крае и правительству далеко менее пришлось бы тратить деньги на прогоны и подъемные переводимых сюда на службу большей частью на три года, а самое большее уже на пять лет»[13].

Статья С. Ф. Ольденбурга и выступление газеты «Туркестанские ведомости» не замедлили обратить на себя внимание В. В. Бартольда, всегда зорко и пристально следившего за научной жизнью Туркестана. В. В. Бартольд выступил с обширной статьей по затронутому вопросу на страницах тех же «Туркестанских ведомостей»[14].

Его точка зрения была в корне отличной от взглядов С. Ф. Ольденбурга, поддержанных редакцией газеты.

Вне зависимости от вопроса, насколько был прав в своих

---

[13] М. М. Вирский, *Ближайшие меры для упрочения русского влияния и распространения просвещения среди туземцев Туркестанского края,* — «Туркестанские ведомости», 6.II.1900.

[14] В. В. Бартольд, *По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга,* — «Туркестанские ведомости», 25.IV.1902.

суждениях В. В. Бартольд, следует учитывать, что последний значительно более детально знал реальную действительность Туркестанского края, нежели С. Ф. Ольденбург. В. В. Бартольд, который, заметим, привык радоваться каждому новому проявлению научной мысли в Туркестане, каждому новому успеху туркестановедения, в том числе достигаемому силами местных деятелей[15], исходил тем не менее из убеждения в преждевременности организации высшего учебного заведения востоковедного типа в Ташкенте. И здесь, таким образом, он предстает перед нами как ученый и человек, по словам И. Ю. Крачковского, «объективный до щепетильности»[16].

В. В. Бартольд писал: «Статья С. Ф. Ольденбурга о необходимости учредить высшую школу востоковедения в Ташкенте нашла себе сочувственный отклик в передовой статье «Туркестанских Ведомостей» (№ 24). Идея С. Ф. Ольденбурга близко касается предмета моих специальных занятий; поэтому я надеюсь, что мне будет дана возможность высказать о ней свое мнение на страницах той же газеты, хотя это мнение расходится с мнением редакции. *Вполне сочувствуя идее уважаемого академика* (курсив наш. — *Б. Л.*), я полагаю, что в настоящее время еще нет в наличности условий, необходимых для ее осуществления, и что попытка теперь же осуществить ее в полном объеме могла бы привести только к печальным результатам. Учреждение вдали от существующих научных центров, новой „ученой школы" возможно, как мне кажется, только при наличности следующих условий: 1) если важность научных задач и невозможность жертвовать ими ради достижения непосредственных практических результатов сознаются не только специалистами, но и обществом; 2) если та отрасль знания, для которой предполагается учредить школу, уже достигла такого развития, что представители этой специальности и вдали от общения с представителями других наук могут работать с прежним успехом, не подчиняясь влиянию односторонней специальности в ущерб правильному пониманию общих научных задач и методов; 3) если имеется достаточное количество серьезных научных сил».

На попытку «Туркестанских ведомостей» мотивировать необходимость открытия в Ташкенте высшей востоковедной

[15] Вспомним слова самого В. В. Бартольда из его автобиографии о том, что его исследовательские работы «помимо петербургских научных учреждений... были тесно связаны с деятельностью научных учреждений и отдельных исследователей в Туркестане» («Огонек», 1927, № 40).

[16] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 148.

школы мотивами недвусмысленно политического характера («борьба за рынки»), В. В. Бартольд как защитник «чистой науки» реагировал следующими словами: «Насколько признается в настоящее время важность научных задач русского востоковедения, известно каждому, кто следил за газетными статьями о факультете восточных языков и его недостатках. Далеко не всеми признается, что деятельность восточного, как и всякого другого университетского факультета, *должна определяться исключительно научными, а не политическими или коммерческими задачами* (курсив наш. — *Б. Л.*)... При теоретическом знании восточных языков, при знакомстве с литературой, историей и географией восточных стран будущему дипломату, чиновнику или коммерсанту нетрудно в короткое время приобрести практическое знание нужного ему языка, ознакомиться с вопросами текущей политики, изучить условия коммерческой деятельности на Востоке и т. п. Жертвовать полнотой научного образования ради того, чтобы в будущем избавить молодых людей от несложной самостоятельной работы, значило бы вредить интересам не только науки, но и жизни. Все это, конечно, азбучные истины, но в применении к задачам востоковедения постоянно нарушаемые... Если существует стремление подчинить даже программы восточного факультета узкопрактическим целям, то несомненно, что подобные требования в еще более категорической форме будут предъявлены к новой высшей школе. Владивостокский институт, на который, как на образец для проектируемого Ташкентского учебного заведения, указывают „Новое Время“ (№ 9339) и отчасти „Туркестанские Ведомости“, пошел навстречу этим требованиям... Будущее покажет, насколько возможно соединить в одном учебном заведении научные задачи с узкопрактическими; появившиеся до сих пор выпуски „Известий“ института, содержащие подробный отчет о первых годах его деятельности, едва ли дают повод к радужным надеждам. Для нашей цели достаточно отметить факт, что подобное учебное заведение не имеет ничего общего с той ученой школой, о которой говорится в статье С. Ф. Ольденбурга».

В заключение В. В. Бартольд пишет, что «едва ли можно сделать серьезное возражение против перенесения в Ташкент высших восточных школ, куда поступают молодые люди, не нуждающиеся в сложной теоретической подготовке или уже приобревшие таковую; мы имеем в виду, между прочим, и учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел с его офицерскими классами (мысль о перенесении последних в Ташкент давно уже была высказана на

страницах «Туркестанских Ведомостей»); но ученая школа востоковедения в Ташкенте едва ли осталась бы на высоте своей задачи. Если бы нашлись свободные средства и научные силы, то, с точки зрения интересов науки, на первую очередь, как мне кажется, следовало бы поставить осуществление не идеи С. Ф. Ольденбурга, а мысли давно уже высказанной бароном В. Р. Розеном: учредить кафедры восточных языков при историко-филологических факультетах всех русских университетов [17].

Мне кажется, что нам не только в области востоковедения, но и в других областях недостает научных деятелей не только для открытия новых, но даже для поддержания на должной высоте существующих научных учреждений... При таких условиях трудно разделить надежду „Туркестанских ведомостей" на возможность процветания в Ташкенте высшей школы, „с несколькими равноправными и разносторонними специалистами профессорами, с толпою жаждущей знания молодежи"».

Публикуя статью В. В. Бартольда, редакция газеты снабдила ее следующим примечанием:

«Помещая многосторонне обоснованное возражение профессора В. В. Бартольда на проект учреждения в Ташкенте высшей школы востоковедения, мы оставляем за собой право вернуться к этому предмету еще раз».

Статья В. В. Бартольда привлекла к себе внимание правления Ташкентского отделения Общества востоковедения. Обсуждая статью, правление Общества «нашло, что мнение

---

[17] Напомним, что в 1830 г. согласно новому уставу Академии наук восточные языки должны были стать предметом изучения в числе специальных предметов, представленных в Академии. Первый университетский устав 1804 г. предусматривал организацию кафедры восточных языков, а по уставу 1835 г. во всех русских университетах, кроме преподавания мусульманских языков, должно было вестись чтение курсов монгольского и калмыцкого языков, причем в Казани читались также курсы армянского, китайского и санскритского языков. В 1854 г. последовало учреждение факультета восточных языков Петербургского университета (Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, — «Труды III Международного съезда ориенталистов», 1876, т. I, СПб., 1879—1880, стр. 99—256, 605—606; «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV. «Обзор деятельности факультета. 1855—1905», состав. проф. В. В. Бартольдом, СПб., 1909, стр. 206). «Возникнувшие в 60-х годах проекты об учреждении университетов в Саратове, Астрахани, Тифлисе и в Крыму, причем в Тифлисе предполагалось учредить кафедру истории мусульманского Востока, тогда не получили осуществления» (В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*. Лекции, читанные в Университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. Издание второе. Л., 1925, стр. 232, 233).

В. В. Бартольда слишком односторонне, так как касается только научной стороны вопроса, тогда как в Ташкенте было бы желательно устроить высшее учебное заведение с восточными языками возможно более практического характера для подготовки лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Туркестанского края и сопредельных стран»[18].

Местные туркестановеды пытались предпринять действия для реализации планов открытия в Ташкенте высшего востоковедного учебного заведения; особо активное участие в этом приняло Ташкентское отделение Общества востоковедения.

Уже в следующем за появлением статьи С. Ф. Ольденбурга году Отделение разработало проект Положения об Институте восточных языков в Ташкенте. В архиве сохранились данные, из которых явствует, что 12 мая 1903 г. Н. П. Остроумов препроводил управляющему Туркестанской казенной палаты П. П. Ивашкевичу текст высочайше утвержденного 24 мая 1899 г. Положения о Восточном институте[19] с просьбой посетить заседание комиссии «по выработке Положения об Институте восточных языков в Ташкенте»[20].

Комиссия эта была образована решением правления Отделения.

14 мая 1903 г. состоялось первое заседание Комиссии по выработке проекта Положения Института восточных языков в Ташкенте в составе Н. П. Остроумова (председатель), П. П. Ивашкевича, С. М. Граменицкого, Н. Г. Маллицкого, И. Д. Ягелло и И. И. Крюкова. Среди этих лиц были питомцы восточного факультета Петербургского университета (Ивашкевич), петербургских курсов восточных языков (Ягелло) и других востоковедных учебных заведений.

Комиссия обсудила вопрос, проектировать ли создание высшего учебного заведения или среднего, «в котором бы молодые люди изучали теорию и практику местных восточных языков и другие учебные предметы, находящиеся в связи с будущей практической деятельностью их в Туркестанском крае и сопредельных странах».

На сей счет существовало два проекта.

Первый проект предусматривал создание в Ташкенте высшего учебного заведения, в котором бы преподавались во-

---

[18] «Известия Ташкентского отделения Общества востоковедения», вып. IV, Ташкент, 1903, стр. 12 (далее — ИТОВ).

[19] «Свод законов Российской империи», т. XIX, СПб., 1902, ст. 16940.

[20] «Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР», ф. 361, оп. 1, д. 1, л. 7 (далее — ЦГИА УзССР).

сточные языки. Обсуждая его, комиссия считала необходимым ввести в программу преподавания следующие предметы:

1. Богословие; 2. Общий курс географии и этнографии Китая, Персии, Афганистана, Индии, Бухары и Хивы с общим обзором их политического устройства и религиозного быта; 3. Английский язык; 4. Французский язык; 5. Немецкий язык (необязательный); 6. Политико-экономическая организация и обзор торгово-промышленной деятельности вышеупомянутых государств; 7. Новейшая история (XIX в.) тех же государств в связи с историей сношений с ними России; 8. Коммерческая география тех же государств и история торговли ближнего Востока; 9. Политическая экономия; 10. Международное право; 11. Обзор государственного устройства России и главнейших европейских держав; 12. Основы гражданского и торгового права и судопроизводства; 13. Счетоводство; 14. Товароведение.

Восточные языки: 15. Арабский; 16. Санскритский; 17. Зендский; 18. Персидский с наречиями; 19. Индустанский; 20. Тюрксие наречия (киргизское, сартовское, азербайджанское и туркменское); 21. Китайский; 22. Монголо-калмыцкий.

Кроме перечисленных языков и учебных предметов, студенты проектируемого института должны были, по мнению комиссии, командировываться в каникулярное время в соседние страны для практического усовершенствования в изучаемых языках.

Комиссия подчеркивала, что создание такого учебного заведения в Ташкенте потребовало бы отпуска из государственного казначейства более 95 тыс. руб. ежегодно, на что в настоящее время не было возможности рассчитывать, «не говоря уже о том, что ученых сил для преподавания в этом институте трудно было бы найти». Заметим, что в этом последнем комиссия по существу солидаризировалась с мнением на сей счет В. В. Бартольда.

Второй проект предусматривал создание в Ташкенте среднего специального учебного заведения с преподаванием восточных языков. Комиссия внесла предложения:

а) курс обучения должен быть четырехлетний;

б) следует установить 40 стипендий, по 240 руб. каждая;

в) принимать в это учебное заведение окончивших четыре класса классической гимназии или реального училища и полный курс городских училищ;

г) ввести в программу преподавания следующие предметы:

1. Закон Божий; 2. Русский язык и словесность; 3. История русская и общая; 4. Математика; 5. Физика; 6. Химия;

7. Краткое естествознание; 8. Новые языки (французский и английский); 9. Местные языки: персидский (и таджикский), сартовский (и киргизский и туркменский); 10. Отечественное законоведение; 11. Мусульманское законоведение; 12. Этнография сартов, киргизов, туркмен и населения сопредельных стран; 13. Коммерческая география; 14. Товароведение и 15. Счетоводство.

Примечание 1. Курсы истории и географии следовало бы дополнять сведениями о сопредельных странах.

Примечание 2. Отечественное и мусульманское законоведение следовало бы преподавать в сжатом виде [21].

Отмечалось также, что при этом учебном заведении могли бы быть вечерние курсы местных языков для русских [22].

На протоколе комиссии была наложена резолюция начальника края генерала Иванова о преждевременности учреждения в Ташкенте высшего учебного заведения и о целесообразности открытия среднего учебного заведения. При этом в интересах экономии средств предлагалось использовать местную учительскую семинарию, «разделив старшие два класса на два отделения — одно собственно учительское, а другое для образования переводчиков и коммерческих агентов» [23].

Председатель комиссии, сообщая об этой резолюции председателю Отделения, высказался за целесообразность организации при Туркестанской учительской семинарии дополнительных специальных двухгодичных курсов по востоковедению. На этих курсах слушатели должны были бы «изучать местные языки, ознакомиться с естественными богатствами края и с условиями сельскохозяйственной и торговопромышленной деятельности в нем, этнографией и обычным правом, а также получить возможные практические знания по английскому и французскому языкам» [24].

В выводах комиссия указывала, что дальнейшая разработка вопроса зависит от рассмотрения и принципиального одобрения его Советом Общества востоковедения, Министерством финансов и Министерством народного просвещения.

---

[21] «Протокол № 1 заседания Комиссии по разработке Положения Института восточных языков в Ташкенте (14 мая 1903 т.)», — ИТОВ, вып. IV, 1903, стр. 16—20.

[22] Интересно, что по просьбе Ташкентского отделения Общества востоковедения проф. Мартин Гартман выслал ему данные о семинарии восточных языков в Шарлоттенбурге, где в 1903 г. преподавались языки: китайский, японский, новоарабский (сирийский, египетский, марокканский), персидский, турецкий, суахили, индустани, гуджарати, гереро, хауса, дуала и эфе и некоторые европейские.

[23] ИТОВ, вып. IV, 1903, стр. 23.

[24] Там же, стр. 28.

На этом по сути дела и завершается первый этап «предыстории» изучаемого вопроса.

Однако мысль о создании в Ташкенте востоковедного высшего учебного заведения не заглохла.

Из справки «О положении некоторых вопросов, поступивших из Ташкентского отделения Общества востоковедения на рассмотрение Совета Общества» (в Петербурге) от 1 января 1906 г. «мы узнаем, что возникновение вопроса об учреждении в Ташкенте специального учебного заведения с восточными языками относится к 1902 году. Ташкентское Отделение Общества первоначально остановилось на мысли об открытии в Ташкенте высшего учебного заведения, по типу соответствующего Владивостокскому институту восточных языков; но затем Отделением, по предложению Совета, разработан был более по условиям времени и средств, осуществимый проект учреждения при Ташкентской учительской семинарии дополнительных курсов местных языков для подготовки переводчиков и торговых агентов.

Совет, рассмотрев означенный проект и имея в виду, что Учительская семинария преследует свои специальные, чисто педагогические задачи, не совпадающие с задачами проектируемых курсов, пришел к заключению о необходимости учредить в Ташкенте соответствующее самостоятельное учебное заведение, причем наиболее целесообразным по местным условиям и нуждам типом такого учебного заведения признал Коммерческое училище с восточными языками. Только коммерческая школа, по мнению Совета, могла бы удовлетворить потребности быстро развивающейся в крае торгово-промышленной жизни; только она могла бы создать необходимый для края кадр торговых агентов, знающих местные языки; к тому же действующее Положение о коммерческих школах допускает самую широкую приспособляемость этих учебных заведений к местным потребностям и материальным средствам.

Проект этот, однако, не мог быть направлен в свое время по инстанциям, ввиду открытия военных действий против Японии...» [25].

Вообще же указанный проект встретил сочувственное отношение колониальной администрации, что было вызвано, конечно, чисто практическими соображениями. Говоря словами главного начальника края генерала Н. Н. Тевяшова на общем собрании Ташкентского отделения Общества востоко-

[25] И как можно предполагать — ввиду последовавших затем событий первой русской революции 1905 г. — *Б. Л.*

ведения 8 января 1905 г., «незнание местных языков затрудняет вообще сношение с туземцами и не дает возможности сноситься с ними без переводчиков» [26].

Характерно вместе с тем, что на предложение ввести преподавание местных языков не только в низших школах, но и в средних учебных заведениях «Главный начальник края заметил, что... кончающие гимназии поступают в высшие учебные заведения и редко возвращаются в край. Что же касается детей, практически изучивших восточные языки в низших школах, то они за редким исключением, остаются в крае. Поэтому на них именно следует остановиться» [27].

В конечном же счете дело свелось к тому, что генерал Н. Н. Тевяшов согласился с мнением Совета Общества о необходимости устройства в Ташкенте... коммерческого учебного заведения, где бы изучали местные языки. Это училище должно было отвечать «двоякой потребности — подготовки торговых деятелей и переводчиков... применительно к потребностям Туркестанского края» [28]. Гора родила мышь, а еще точнее говоря, лишь собиралась родить.

Было решено просить для коммерческого училища пустовавшее тогда здание ташкентского дворца великого князя Николая Константиновича, но из-за отказа последнего училище не было организовано [29].

Вскоре вопрос о создании учебного заведения востоковедного типа в Ташкенте не только всплыл опять, но, казалось, стал даже приближаться к своему практическому разрешению.

Он продолжал усиленно дебатироваться на страницах печати [30].

В 1906 г. в Ташкенте был издан «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков, служащими по военно-народному управлению Туркестанского края». Авторы опубликованных в нем статей и материалов настойчиво подчеркивали, что если в Ташкенте будет открыто высшее учебное заведение, то туда необходимо направлять молодежь, окончившую курс обучения в местных средних учебных за-

---

[26] ИТОВ, вып. VI, 1909, стр. 2.

[27] Там же, стр. 4.

[28] Там же, стр. 9.

[29] Там же, стр. 22.

[30] Ср. В. В. Бартольд, *К вопросу об изучении местных языков,* — «Туркестанские ведомости», 26.IV.1906; И. Д. Ягелло, *Восточный институт в Ташкенте,* — «Туркестанские ведомости», 20.IX.1906; В. В. Бартольд, *К проекту Восточного института,* — «Туркестанские ведомости», 1.XI.1906; Н. С. Лыкошин, *О знании туземных наречий,* — «Среднеазиатская жизнь», 1906, № 87 и т. д.

ведениях. Оставшись в крае, эти молодые люди «могли бы быть весьма полезны во всех отраслях службы».

Инспектор народных училищ края Н. Ф. Сайфи представил проект «высшего учебного заведения с местными языками», поддержанный Ташкентским отделением Общества востоковедения. В этом проекте, опубликованном в «Сборнике материалов по изучению туземных языков», вновь предлагалось «учреждение в Ташкенте Восточного Института по образцу Владивостокского».

В результате 16 сентября 1906 г. появился специальный приказ (№ 353) и. д. туркестанского генерал-губернатора Д. И. Суботича следующего содержания: «Соглашаясь в принципе с выводами „Сборника материалов об изучении туземных языков" о необходимости учреждения в Ташкенте для лиц, окончивших средне-учебные заведения края, высшего учебного заведения с восточными языками, предлагаю Туркестанскому комитету (точнее комиссии. — *Б. Л.*) по изучению местных языков рассмотреть проект г. Сайфи об учреждении в г. Ташкенте Восточного института и выработать окончательно, для дальнейшего представления, проект учреждения в г. Ташкенте высшего учебного заведения с восточными языками для лиц окончивших средне-учебные заведения края.

С означенною целью пригласить в состав комитета составителя проекта г. Сайфи и других сведующих лиц»[31].

Что касается Туркестанской комиссии по изучению местных языков, то она была образована распоряжением главного начальника края. Возглавлял комиссию П. И. Хомутов, членами ее были Кастальский, Ломакин и Папенгут.

Мы не останавливаемся здесь на выводах и заключениях комиссии, ибо они сводились главным образом к вопросу об обязательном знании лицами, служащими в Туркестане, местных языков. Комиссия предлагала ввести с этой целью обязательный курс обучения с последующими экзаменами. Она наметила программу обучения и рекомендовала учебные пособия[32].

По словам И. Д. Ягелло, «за последнее время... вопрос об изучении чинами административных учреждений в Туркестанском крае местных языков подвергся детальной и всесторонней разработке... Представлены в военное министерство

---

[31] «Туркестанские ведомости», 17.IX.1906.

[32] «Материалы по вопросу о распространении среди чинов туркестанской администрации знания туземных языков», — «Туркестанские ведомости», 19.III и 21.III.1906. — Критику заключений комиссии см.: В. В. Бартольд, *К вопросу об изучении местных языков,* — «Туркестанские ведомости», 26.IV.1906.

основные начала, на которых предполагается организовать дело изучения местных языков служащими по военно-народному управлению края, и наконец в главных городах края открыты в виде опыта вечерние платные курсы местных языков для желающих, а также откроются с 1 октября по примеру прошлого года курсы языков индустани, персидского, сартовского и английского для офицеров строевых частей округа (вместо существовавших с 1897 года курсов одного лишь языка индустани).

Таким образом в Ташкенте одновременно будут функционировать двоякого рода курсы: упрощенные для чинов администрации и штатные для офицеров.

Задачи тех и других курсов совершенно различны, и потому самые курсы не исключают, а дополняют друг друга... Курсы объединяются, однако, в том отношении, что обслуживают только служащий люд, оставляя в стороне всю молодежь, кончающую средние учебные заведения и жаждущую высшего образования»[33].

Именно поэтому И. Д. Ягелло возобновлял постановку вопроса об учреждении в Ташкенте высшего учебного заведения, где бы изучались восточные языки. «С течением времени это высшее учебное заведение,— писал автор, — заменило бы если не полностью, то в значительной мере и существующие теперь курсы, офицерские и административные».

В связи с этим и последовал уже известный нам приказ генерала Д. И. Суботича о выработке окончательного проекта «об учреждении в г. Ташкенте Восточного института»[34].

---

[33] И. Д. Ягелло, *Восточный Институт в Ташкенте*, стр. 2.

[34] Как замечает по этому вопросу И. Д. Ягелло в упомянутой выше статье его, «еще несколько раньше... при штабе округа был разработан..., а ныне уже представлен в Петербург на подлежащее утверждение проект о штатных курсах восточных языков в Ташкенте. Цель учреждения в Ташкенте штатных офицерских курсов восточных языков: 1) обеспечить войска Кавказского и Туркестанского военного округов офицерами, знающими языки Кавказа, Туркестана и сопредельных стран, а также основательно ознакомленными с бытом и устройством последних, и 2) дать соответствующую подготовку офицерам, желающим посвятить себя службе по административно-полицейскому управлению Кавказа и Туркестанского края. Соответственно этим двум целям курс предполагается разделить на два отделения — строевое и административное; срок обучения на курсах определен в два года. На курсах кроме восточных языков будут проходиться еще и научные предметы — история Востока, мусульманское право, военно-статистический обзор Кавказа, Туркестана и сопредельных стран (слушатели строевого отделения)». Подробнее о Ташкентской офицерской школе восточных языков см. в кн.: Б. В. Лунин, *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в.,* Ташкент, 1962, стр. 151—157.

Надо заметить, что и на этот раз в роли оппонента выступил В. В. Бартольд.

Вспоминая предложение С. Ф. Ольденбурга об учреждении в Ташкенте «ученой школы» по типу французской школы крайнего Востока в Сайгоне (переведенной потом в Ханой) и говоря, что из русских учреждений к этому типу ближе всего подходит археологический институт в Константинополе, В. В. Бартольд писал: «Задачи подобных „школ" не столько педагогические, сколько специально научные. Не имея ни определенных программ преподавания, ни постоянного состава учеников, они оказывают содействие и дают указания каждому исследователю, который к ним обращается.

Как бы ни смотреть на возможность существования подобной школы в Ташкенте, нельзя не признать, что этот проект не имеет ничего общего с проектом открытия высшего учебного заведения, имеющего цели чисто практические. Напрасно поэтому в своде мнений, высказанных по вопросу о распространении знаний местных языков среди служащих в крае, защитником проекта Восточного института, наряду с «Туркестанскими Ведомостями» правлением Ташкентского отделения Общества востоковедения, Советом Общества востоковедения и Н. Ф. Сайфи, — назван и С. Ф. Ольденбург...

Кроме того, представляется сомнительным, возможно ли вообще в одном и том же учебном заведении готовить людей для „всех отраслей службы", даже если исключить сферы деятельности, безусловно требующие специальных познаний (медицина, инженерные работы, работы по орошению и т. п.). Составители устава Владивостокского института питали такие же надежды... Первый директор института направлял своих воспитанников на летние каникулы, между прочим, в конторы чайных фирм в Ханкоу, чтобы они там практиковались не только на китайском языке, но и в упаковке чаев. Не трудно понять несообразность обучения в одной и той же специальной высшей школе, по одной и той же программе — будущих дипломатов и будущих приказчиков чайных фирм», — не без иронии замечал В. В. Бартольд. — «Надо надеяться, — заключал он, — что вопреки проекту, теперь рассматриваемому в комиссии, в Ташкенте не будут повторены старые ошибки, и что при наступлении благоприятных условий инициаторы вернутся к проекту, по-видимому наиболее осуществимому, — учредить в Ташкенте коммерческое училище с преподаванием восточных языков. Если наряду с этим будут сохранены курсы местных языков для военных и гражданских служащих, то потребность края в знающих местные языки деятелях на различных поприщах государственной и частной служ-

бы будет удовлетворена без таких дорогостоящих и, по-видимому, заранее обреченных на неудачу опытов, как учреждение „Восточного института“»[35].

Прав или неправ был В. В. Бартольд в своих суждениях по данному вопросу?

Вникая в содержание описываемой дискуссии, нельзя не констатировать, что В. В. Бартольд с излишней непримиримостью относился к проекту создания в Ташкенте Восточного института, который бы обеспечивал выпуск специалистов, необходимых для Туркестанского края.

В этом отношении позиция В. В. Бартольда как убежденного защитника «чистого академизма» и «высокой науки» не кажется нам неуязвимой. Одной из слабых сторон дореволюционного русского востоковедения как раз и являлась недостаточная связь учебных заведений востоковедного типа с жизнью, с современностью. Речь шла, конечно, отнюдь не о том, чтобы восточные институты готовили «будущих приказчиков чайных фирм» или, пользуясь терминологией Сайфи, «дельцов». Институты должны были готовить не только кадры ученых специалистов-востоковедов в узких областях знания (что было совершенно необходимо), но и теоретических и практических работников для Средней Азии. Кстати сказать, последние при желании могли заниматься научной деятельностью. Вспомним хотя бы Н. Ф. Петровского, А. А. Семенова и многих других.

Вместе с тем можно в какой-то мере понять и даже разделить настороженное отношение В. В. Бартольда к стремлению местных апологетов Восточного института ориентироваться в вопросах его организации на Восточный институт во Владивостоке. Практическая подготовка воспитанников данного института была сведена к созданию квалифицированных работников «административных и торгово-промышленных заведений» Дальнего Востока в полном соответствии, заметим, с задачами экспансионистской дальневосточной политики царизма и интересами русской торгово-промышленной буржуазии в ее конкретной борьбе с империалистической буржуазией других стран за рынки сырья и сбыта в странах Дальнего Востока. Такого рода откровенно обнаженные политические цели Владивостокского восточного института не

[35] В. В. Бартольд, *К проекту Восточного Института,* стр. 3. Интересно отметить, что в своих лекциях студентам востфака Петербургского университета (1900 г.) В. В. Бартольд говорил, что «офицерские классы восточных языков принесли бы гораздо больше пользы в Ташкенте, чем теперь, при Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента» (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 75, л. 23).

могли прийтись по сердцу В. В. Бартольду, воспринявшему дух академического служения науке.

Что касается вопроса о наличии в Ташкенте необходимых для Восточного института научных и преподавательских кадров, то нам кажется, что В. В. Бартольд недооценивал возможностей местных деятелей. Кстати сказать, В. В. Бартольд крайне сочувственно относился к местным работникам, многих из них знал лично, с некоторыми был связан перепиской и, заметим, не раз довольно высоко оценивал их научные заслуги (В. Л. Вяткин, В. П. Наливкин, Н. П. Остроумов и др.).

И в самом деле к началу нынешнего столетия в Туркестане и прежде всего в Ташкенте сложилась по тем временам не столь уж малая группа востоковедов. Среди них были лица с солидной исламоведческой подготовкой, в совершенстве владевшие языками среднеазиатских и сопредельных с ними народов, авторы учебных пособий и руководств по изучению узбекского, киргизского и других языков. Многие туркестановеды имели немалый стаж и опыт преподавательской работы, хорошо знали жизнь и быт местных народов. Были и люди, известные своими ценными краеведческими публикациями по вопросам истории, археологии, этнографии, языкознания, знатоки восточных рукописей, норм обычного права и т. д. В. В. Бартольду все они, как и их труды, были, конечно, хорошо известны.

Уясняя позицию В. В. Бартольда, мы думаем, что он не столько проявлял недооценку местных кадров, сколько был обуреваем сомнениями. В. В. Бартольд, видимо, исходил из того, что любой восточный институт, т. е. специализированное в области востоковедения высшее учебное заведение, должно было прежде всего обладать высококвалифицированным научно-преподавательским составом с академической подготовкой, отвечающим тем высоким требованиям, которые предъявлялись в соответствующих учебных заведениях Петербурга, Москвы и других европейских центров.

И надо сказать, что под этим углом зрения местные (ташкентские) кадры действительно оказывались более или менее уязвимыми. Были налицо серьезные работы, научно плодотворные поиски и достижения, но были и проявления провинциального кустарничества, известного дилетантизма.

Вспомним здесь в качестве примера переписку В. В. Бартольда с Н. П. Остроумовым. Уж Остроумов ли не знал истории ислама и его современного положения? Никто не мог отказать ему здесь в весьма широкой эрудиции.

«Вы — лучший знаток ислама в Туркестане, только к Вам могли обратиться с просьбой о преподавании и только Вы

могли составить пособие для своего курса»[36], — писал Бартольд Остроумову. И тем не менее тот же Бартольд критически относился к работам Остроумова по исламоведению, видел серьезные их недостатки как с академической точки зрения, так и с точки зрения общих взглядов Остроумова на ислам, порожденных методологией казанской школы востоковедения, плоть от плоти и кровь от крови которой он был.

В уже упомянутом письме Бартольда Остроумову мы читаем такие строки: «Что Вы сделали все, что могли, что работать при такой массе дел очень трудно, что в Ташкенте литература вообще малодоступная, — все это бесспорно, но нельзя закрывать глаза на последствие такого положения дел. Если мы с этим примиримся... если мы сами будем утверждать (как было сказано в «Туркестанских Ведомостях» о Вашей книге), что такие книги в совершенстве удовлетворяют своему назначению, мы сами закроем себе путь к научному прогрессу». Вот почему В. В. Бартольд не считал, что научные силы Туркестана способны полностью обеспечить потребность Восточного института в Ташкенте преподавательскими и исследовательскими кадрами[37].

---

[36] Переписка В. В. Бартольда с Н. П. Остроумовым (Центральный государственный архив Казахской ССР, ф. Н. П. Остроумова, папка 1, пакет 19, 1911 г.). В настоящее время документы личного фонда Н. П. Остроумова переданы на хранение в Центральный государственный архив Узбекской ССР в Ташкенте (ф. 1009, оп. 1). Примеры критического отношения В. В. Бартольда к работам местных туркестановедов см. также в кн.: Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане,* стр. 230—237. Работы Остроумова по исламу написаны в духе воззрений деятелей Казанской духовной академии, питомцем которой он являлся. И. Ю. Крачковский отмечает, что на анализе книги Остроумова «Аравия — колыбель ислама» «Бартольд показал, что, не воспроизводя крайностей казанской школы, работа все же мало отвечает современному состоянию науки» (И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики,* стр. 189).

[37] Кстати, сомнение в возможности обеспечить Восточный институт в Ташкенте необходимыми кадрами высказывалось и другими авторами. Так, газета «Среднеазиатская жизнь» писала: «Прежде всего возникает вопрос: откуда же найдутся в сем граде лица, которые могли бы занять в проектируемом центре профессорские кафедры? А ведь профессоров потребуется minimum пять (арабский, персидский и турецкий языки, татарские наречия и мусульманское право). В Петербурге дело другое: там могут быть приглашены для чтения лекций профессора, как восточного факультета, так и учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел... Но совсем не то в Ташкенте. Нельзя предположить, что профессора Петербургского университета или учебного отделения восточных языков согласятся оставить столицу и переехать в Ташкент с тем, чтобы получать здесь за свой тяжелый труд самое большое 2400 рублей...» (цит. по кн. «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков», Ташкент, 1905, стр. 62).

Наконец, на взгляды Бартольда в данном вопросе не могла не влиять и коробившая его и временами действительно довольно развязная критика некоторых поборников идеи создания в Ташкенте Восточного института (Н. Ф. Сайфи) в адрес восточного факультета Петербургского университета и других старейших учебных заведений страны. Так, Сайфи писал, что «существующий с 1854 г. факультет восточных языков при С.-П. ун-те за все свое свыше полустолетие еще не выпустил ни одного лица, которое было бы вполне подготовлено по знанию языков для службы в Туркестанском крае. Это грустное и обидно-печальное явление объясняется тем, что факультет никогда не имел профессора с более или менее солидным знанием языков племен, обитающих в Средней Азии, за исключением ныне здравствующего проф. истории востока В. В. Бартольда. Покойный проф. П. М. Мелиоранский в продолжение двух учебных лет знакомил своих студентов с наречиями киргизов, кара-киргизов, нижегородских и казанских татар, азербайджанцев и пр., но о сартовском языке и вообще о сартах никогда ни одного звука не сообщал. Покойный обладал огромными знаниями по востоковедению, но, к несчастью, был совершенно бездарным педагогом. Впрочем, никто не откажется признать ту истину, что хорошие ученые могут быть вместе с тем слабыми педагогами» [38].

В другом месте Сайфи писал: «Выше я говорил, что в России нет такого учебного заведения, которое готовило бы *дельцов* (курсив наш. — *Б. Л.*) для службы в Туркестанском крае, и повторяю, что такового мы не увидим, пока не будет открыт здесь восточный институт... Сотни тысяч рублей поглотили за время своего существования эти факультет и курсы, но мы еще не знаем такого человека, кончившего курс одного из этих учебных заведений, который бы взял на себя труд по составлению хотя бы скромного, но толкового руководства к изучению туземных языков» [39]. Сайфи же полагал целесообразным вообще закрыть кафедру тюркских наречий при Петербургском университете, как «приносящую очень сомнительную пользу» [40].

---

[38] Н. Ф. Сайфи, *Выписка из записки «К вопросу об изучении туземных языков Туркестанского края»*, — «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков», стр. 210. В статье «К проекту Восточного института» В. В. Бартольд указывал, что ученики П. М. Мелиоранского сохранили «иное воспоминание о своем учителе».

[39] Там же, стр. 216, 217.

[40] Ср. со статьей «О Восточном институте в Средней Азии» (газ. «Новое время», 1902, № 9526), в которой рекомендовалось перевести из Москвы в Ташкент Лазаревский институт восточных языков.

Вот почему не приходится удивляться позиции, занятой В. В. Бартольдом. Между тем эта позиция не могла не произвести впечатления и не оказать определенного воздействия на отрицательное отношение к вопросу о незамедлительности организации в Ташкенте Восточного института [41].

Надо оговорить также, что из цитировавшихся выше статей В. В. Бартольда отнюдь, конечно, не следует вывода, что их автор высказывался в принципе против возможности и желательности организации в Ташкенте высшего учебного заведения типа Восточного института. Нет. Вспомним фразу из его статьи: «вполне сочувствуя идее уважаемого академика (С. Ф. Ольденбурга)...»

Как уже было сказано, ни высшего, ни даже среднего учебного востоковедного заведения в Ташкенте создано не было [42]. Однако мысль об организации такого учебного заведения или с более широким профилем продолжала жить.

Вопрос об открытии в Ташкенте высшего учебного заведения обсуждался, например, в 1916 г. в Туркестанском отделе Русского географического общества. Общее собрание членов отдела заслушало доклад инженера Г. К. Давыдова «О высшем учебном заведении в Ташкенте (Туркестанский политехникум)» [43]. По мнению докладчика, было желательно иметь в составе нового учебного заведения отделы: естественно-агрономический, инженерный (гидротехника, обработка хлопка), *восточный* (курсив наш. — *Б. Л.*), медицинский, юридический [44].

Здесь, как видим, вопрос уже выносился за рамки орга-

---

[41] Отметим полную неосновательность утверждения одного из новейших авторов, что некоторые проекты создания в Туркестане Восточного института якобы исходили от В. В. Бартольда (К. Е. Бендриков, *Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924)*, М., 1960, стр. 354). Столь же бездоказательно и утверждение, что В. В. Бартольд был якобы деятельным членом Ташкентского отделения Общества востоковедения (там же, стр. 164).

[42] Правда, в 1907 г. было открыто Коммерческое училище с преподаванием восточных языков, но оно представляло собой частное учебное заведение (учрежденное В. Н. Дуниным-Барковским).

[43] О проектах создания в Туркестане высших технических учебных заведений см. также: К. Е. Бендриков, *Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924)*, стр. 355, 356.

[44] Упомянем, что к тому же 1916 г. относится записка группы видных русских востоковедов В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского, М. Г. Иванова, И. Ю. Крачковского, В. Л. Котвича, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского и др. «О проекте Практической Восточной Академии» (Пг., 1916). Неизданные материалы по названной Академии хранятся в Ленинграде (ср. Государственный исторический архив Ленинградской области. Краткий путеводитель, Л., 1960, стр. 69; ф. 309, ед. хр. 73, 1910—1917 гг.).

низации чисто гуманитарного (востоковедного) высшего учебного заведения. Речь шла о подготовке специалистов в области народного хозяйства, техники, медицины, юриспруденции и востоковедения. Намечавшаяся Г. К. Давыдовым структура учебного заведения «почти соответствовала современной структуре Средне-азиатского Государственного университета» 30-х годов [45].

Здесь уместно заметить, что своего рода наказом, завещанием дореволюционного русского востоковедения будущим исследователям Туркестанского края прозвучала речь одного из столпов отечественного востоковедения академика В. В. Бартольда, опубликованная в 1915 г., т. е. за два года до Великой Октябрьской революции [46]. Речь эта (как в зеркале отразившая сильные и слабые стороны взглядов дооктябрьского поколения русских ученых буржуазной школы на задачи востоковедных изысканий в Туркестане) вполне заслуживает специального анализа в историографическом плане, что выходит, однако, за рамки данной статьи.

Что касается дальнейших судеб высшего востоковедного учебного заведения в Ташкенте, то, как писал один из исследователей вопроса, «незадолго до февральского государственного переворота некоторые слои ташкентского общества увлекла мысль об основании в г. Ташкенте Туркестанского университета» [47]. Такое указание, однако, справедливо лишь по отношению к новой вспышке подобной мысли; впервые же, как мы видели, мысль эта возникла еще до 1917 г.

Всем сказанным выше завершался второй этап дооктябрьской истории попыток организации в Туркестане высшего востоковедного учебного заведения.

Как мы видим, несмотря на настойчивые и продуманные мероприятия научно-общественных организаций края и группы местных туркестановедов, данный вопрос так и не получил своего разрешения.

---

[45] «Отчет о деятельности Среднеазиатского отдела Государственного Русского географического общества с 1837 по 1927 год. Составлен секретарем Отдела И. А. Райковой», — в кн. «Отчеты за 1926—27 год и за время с 1897 по 1927 гг. (Среднеазиатский отдел Государственного русского географического Общества)», Ташкент, 1927, стр. 21, 22.

[46] [В. В. Бартольд], «*Задачи русского востоковедения в Туркестане. Речь академика В. В. Бартольда, предназначавшаяся для произнесения в торжественном годовом собрании Академии 29 декабря 1914 года*», Пг., 1915 (отдельный оттиск из отчета о деятельности императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1914 г.).

[47] «История возникновения и начало деятельности Туркестанского Восточного института», — сб. «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», Ташкент, 1922, стр. 5—8.

Не нашел он своего практического разрешения и после 1917 г., когда наметился новый этап в истории вопроса и дело, казалось бы, стало, наконец, сдвигаться с мертвой точки.

Вскоре после Февральской революции в России ташкентская городская дума возбудила перед буржуазным Временным правительством ходатайство о предоставлении городу займа на строительство учебных заведений.

Занимая пост министра просвещения Временного правительства, С. Ф. Ольденбург обещал думе принять меры к тому, чтобы историко-филологический факультет запроектированного к открытию университета начал функционировать в январе 1918 г., а университет в целом в августе того же года, если не ранее [48]. Мы имеем немало оснований предполагать, что не без личного участия С. Ф. Ольденбурга научные силы Москвы и Петрограда были привлечены к практической разработке различных вопросов, связанных с организацией и деятельности университета.

Мало кому известен тот факт, что уже в августе 1917 г. была организована специальная комиссия (в которую входили В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, Н. Я. Марр, А. Н. Самойлович, С. Ф. Ольденбург и А. Э. Шмидт), на которую была возложена задача организации историко-филологического факультета Туркестанского университета с восточным уклоном. Под председательством Н. И. Веселовского группой ученых (В. В. Бартольд и др.) были разработаны учебные планы [49].

Но и на этот раз последствий не последовало. Известно, что Временное правительство вообще не предприняло сколько-нибудь существенных мер к тому, чтобы радикально двинуть вперед экономическое и культурное развитие окраин страны.

Неудивительно поэтому, что учреждение в Ташкенте высшего учебного заведения не состоялось и на этом этапе. Оно было осуществлено только в результате победы Октябрьской социалистической революции.

Великий Октябрь положил начало культурной революции также и в Средней Азии, где на территории бывшей колониальной окраины империи возникла Туркестанская Авто-

---

[48] «Туркестанские ведомости», 24.X.1917.

[49] И. И. Умняков, *В. В. Бартольд (по поводу 30-летия профессорской деятельности)*, — «Бюллетень Среднеазиатского Государственного университета», Ташкент, 1926, № 14, стр. 176; см. также: А. В. Кольцов, *В первые Октябрьские годы*, — «Вестник Академии наук СССР», 1957, № 10, стр. 153.

номная Социалистическая Республика, а затем (1920) и народные советские республики в Бухаре и Хиве.

С первых же дней победы социалистической революции в Средней Азии Коммунистическая партия и Советское правительство во главе с В. И. Лениным уделили в числе других жизненно важных проблем серьезное внимание и организации дела высшего образования в крае. Не были забыты при этом и вопросы востоковедного образования, приобретавшего в условиях новой жизни среднеазиатских народов особое значение.

И то, что при царском режиме не могло быть осуществлено на протяжении нескольких десятков лет, практически было начато уже в 1918 г., несмотря на исключительно трудные условия того времени.

В ноябре 1917 г. на III краевом съезде Советов Туркестанского края было объявлено о создании Туркестанской Советской Республики и о вхождении ее в состав РСФСР. На этом съезде был поставлен вопрос о необходимости организации в Туркестане высших учебных заведений. В феврале 1918 г. в Ташкенте образовалось специальное Общество ревнителей высшего образования [50].

И уже 21 апреля 1918 г. в Ташкенте был открыт Туркестанский народный университет (с декабря 1919 г. существовавший в качестве государственного университета) [51].

Нелишне заметить, что местные (туркестанские) власти с самого начала обратились к верховным органам РСФСР, научным учреждениям и организациям Москвы и Петрограда с просьбой об оказании материально-технической и научной помощи новому учебному заведению. По просьбе прибывшего в Петроград А. А. Семенова, работа по оказанию помощи Туркестанскому народному университету (ТНУ) была сосредоточена на филологическом факультете Петроградского университета [52]. Активное участие в подборе преподавателей для ТНУ и решении других вопросов (1918—1919 гг.) приняли акад. В. В. Бартольд и проф. А. Э. Шмидт [53].

Народный университет представлял собою своеобразный учебно-научный комбинат, объединявший различные учебные

---

[50] К. Е. Бендриков, *Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924)*, стр. 481, 482.

[51] Архив Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина (САГУ), № 3503, Общая канцелярия, д. 23. Краткий отчет о деятельности Туркестанского народного университета за 1918/1919 г., лл. 1—4.

[52] Архив САГУ, № 3517а, Туркестанский народный университет, д. 1: По организации университета, л. 48.

[53] Архив САГУ, № 3517а, д. 1, л. 74 об.

заведения — от курсов кройки и шитья и школы плавания до консерватории и публичной библиотеки. Осенью 1918 г. университет был реорганизован. «Вся деятельность Народного университета, — свидетельствует один из исследователей вопроса, — показала, что он не мог явиться рассадником высшего образования в Средней Азии, так как не обладал соответствующими кадрами, оборудованием и, главное, стремлением работать на дело социалистического строительства. Работники, правильно понимавшие задачи университета, желавшие отдать свои силы социалистическому строительству, насчитывались единицами, партийная организация была весьма мала и неактивна. Помощь из центра не могла быть своевременно дана, так как к этому времени Туркестан оказался отрезанным от остальной части РСФСР линией фронтов»[54].

Однако, несмотря на серьезные недостатки, деятельность Народного университета в целом приносила определенную пользу и отражала настойчивые попытки молодой советской власти в Туркестане заложить основы высшего образования в крае и быстро двинуть вперед дело подготовки квалифицированных кадров.

Заметим, что на торжественных актовых заседаниях университета его почетными членами были избраны известные востоковеды В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин, как «крупные ученые, своими трудами много сделавшие для познания истории Средней Азии»[55].

Прежде чем удалось основать специальный Восточный институт «волей-неволей приходилось организовать занятия в Народном Университете в пределах доступного достижения. В отношении востоковедения Народному Университету пришлось ограничиться устройством не систематических, строго программных курсов, а эпизодических лекций по местной этнографии, читанных Н. Г. Маллицким, и по мусульманскому праву... Идея учреждения в крае самостоятельного высшего учебного заведения, специально предназначенного для изучения Востока вообще, а Туркестанского края в особенности во всех отношениях, зародившаяся у многих местных работников по востоковедению, получила свое первое реальное осуществление созданием инициативной группы»[56].

---

[54] «XX лет Среднеазиатского государственного университета (1920 1940)», Ташкент, 1940, стр. 6, 7.

[55] П. Баранов, *Средне-Азиатский Университет. Исторический очерк*, — «Средне-Азиатский государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции», Ташкент, 1927, стр. 15.

[56] «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 4, 5.

Приказом Народного комиссариата просвещения Туркестанской АССР (№ 32 от 16 октября 1918 г.) была образована под председательством В. Н. Кучербаева инициативная группа по организации восточного факультета Туркестанского университета, в работе которой живейшее участие принимали видный туркестановед М. С. Андреев, А. А. Гаррицкий, П. Е. Кузнецов, А. Ф. Машковцев и др. Группа разработала проект Положения об институте, согласно которому институт получал статус самостоятельного специального высшего учебного заведения и должен был находиться в ведении Народного комиссариата просвещения Туркестанской АССР. Он приравнивался к факультету восточных языков Петроградского университета с четырехлетним курсом.

Выработанное инициативной группой Положение о Восточном институте было представлено в Комиссариат народного просвещения Туркестанской АССР, коллегия которого и утвердила его 8 ноября 1918 г.

Забегая несколько вперед заметим, что утверждение Положения о Восточном институте последовало значительно позднее, а именно 2 сентября 1921 г.

Задачи института определялись Положением следующим образом: научное исследование Туркестана, его истории, быта, культуры и языков местного населения; создание кадров ученых востоковедов; создание кадров практических работников, знакомых с языками коренного населения Туркестана и сопредельных стран, в культурном отношении наиболее с ним связанных [57].

Институт получал права, присвоенные российским государственным учебным заведениям [58].

Существенную роль в «организации и руководстве практической деятельностью в различных областях востоковедения

---

[57] «Руководящими основными принципами создания в крае Восточного Института являлись: а) изучение Востока в целях сообщения о нем необходимых сведений лицам, посвятившим себя той или иной деятельности в Туркестане и сопредельных странах; б) подготовка полезных осведомленных деятелей в Туркестанской Республике; в) изучение европейских наук туземцами на тюркском языке. Образовательный ценз, установленный для поступления в число студентов Института, определялся окончанием средней школы. Лица, не удовлетворяющие этого требования, допускаются в число слушателей Института не иначе как на основании постановления Совета преподавателей и после предварительного испытания, гарантирующего усвоение преподаваемых в Институте наук» [«Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 4—7]. — На практике требования относительно образовательного ценза не соблюдались столь строго, как это предусматривалось положением.

[58] «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 34.

играл Народный комиссариат по делам национальностей»[59] и состоявший при нем Центральный мусульманский комиссариат[60].

С ведома и при направляющем участии Комиссариата и его органов на протяжении 1918—1921 гг. последовала, в частности, реорганизация Лазаревского института восточных языков в Москве, был создан Центральный институт живых восточных языков в Петрограде (1920)[61], основана в Москве Всероссийская научная ассоциация востоковедения (1921), открыты Коммунистический университет трудящихся Востока — КУТВ (1921), Восточный институт в Киеве (1918), восточное отделение в Казанском северо-восточном археологическом и этнографическом институте (1919) и т. д.

В ноябре 1918 г. в Ташкенте начал функционировать Туркестанский восточный институт[62]. «Начатое дело в краткий срок увенчалось успехом: 25 ноября 1918 г. началось в Туркестанском Восточном институте чтение лекций в представленном для института национализированном доме Арифа-Ходжи-Азиз-Ходжинова, где ранее помещалось ташкентское отделение торговопромышленной фирмы „Проводник“»[63].

Первым руководителем Туркестанского восточного института был Михаил Степанович Андреев, энергии которого молодой институт был обязан, в частности, хорошим помещением, скорейшим обзаведением учебным оборудованием, библиотекой, археологическими и нумизматическими коллекциями и т. п.

Нуждающиеся в помощи студенты института обеспечивались стипендией в размере 800 руб. в месяц. На первый курс было зачислено 234 человека, из которых 148 (63%) на полное четырехгодичное обучение и 86 (37%) на «неполный курс наук». 11% слушателей имели высшее образование, 51% — среднее. События, связанные с контрреволюционным осиповским мятежом в Ташкенте (январь 1919), отсутствие отопления, освещения вызвали временные затруднения в работе института, отсев известной части слушателей. Нормальная деятельность института началась, собственно, уже с первого ака-

---

[59] А. Н. Кононов, *Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения,* М., 1960, стр. 11.

[60] Р. Нафигов, *Деятельность Центрального мусульманского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей,* — «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 116—120.

[61] Ср.: А. П. Базиянц, *Лазаревский институт восточных языков (Исторический очерк),* М., 1959, стр. 52.

[62] П. Баранов, *Средне-Азиатский Университет. Исторический очерк,* стр. 27.

[63] «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 5.

демического полугодия 1919 г. К этому времени число записавшихся на первый курс составляло 290 человек; из этого числа, однако, на второй курс было переведено всего 19 человек.

Уже к концу первого года своего существования институт имел библиотеку, насчитывавшую 4 тыс. томов.

В течение 1920—1922 гг. удалось значительно пополнить квалифицированными силами профессорско-преподавательский состав. Это позволило в полном объеме осуществлять учебный процесс.

Предметом изучения были:

Языки: I. Восточные: арабский, киргизский, китайский, персидский, таджикский, пушту, урду, сартовский, узбекский, татарский, туркменский, турецкий. II. Европейские: английский, немецкий, французский.

География: Афганистана, Бухары, Индии, Персии, Русского Туркестана, Китайского Туркестана, Хивы.

Этнография: сартов, узбеков, киргизов, персов, таджиков, казахов, кара-киргизов, кара-калпаков, афганцев.

История: Средней Азии, ислама.

Юриспруденция: мусульманское право, энциклопедия права.

Дополнительные предметы: археология, нумизматика, практикум восточных почерков.

Языки пушту, урду, немецкий и французский отнесены были к предметам необязательным.

Начиная с третьего курса студентам предоставлялась возможность специализироваться либо по языкам турецкой группы, либо по иранской филологии, либо по исламоведению и арабской филологии.

К началу 1922/23 учебного года в институте было 210 студентов: 15 на четвертом курсе, 45 на третьем курсе, 150 переходили на второй; 16% от общего числа слушателей были представителями местных национальностей.

Институт имел 5 профессоров, 21 преподавателя, 4 лектора, 4 практиканта.

На основном отделении преподавались:

I. Группа историческая и географическая.

1. История древнего Востока.
2. История древней Персии.
3. История мусульманского Востока:
   а) история халифата;
   б) история мусульманской Персии;
   в) история Туркестана;

г) новейшее время.
4. История древней Индии.
5. География и история Афганистана.
6. История киргизского народа.
7. История взаимоотношений Востока и древней Руси.
8. География Западного Туркестана.
9. Историко-географический обзор Восточного Туркестана.
10. Географический обзор Персии.
11. Этнография:
а) общий курс;
б) турецкие народности;
в) иранские народности.

II. Группа культурно-историческая:
А. Духовная культура:
1. Исламоведение.
2. История мусульманской догматики и экзегетики.
Б. Материальная культура:
1. История мусульманского искусства.
2. Мусульманская нумизматика.

III. Группа философская:
1. История древней философии.
2. История арабской философии.
3. История средневековой схоластической философии.

IV. Группа филологическая:
1. Введение в языкознание.
2. Введение в турецкую филологию.
3. Введение в иранскую филологию.
4. Сравнительное языкознание.
5. Турецкие языки и литература.
6. Иранские языки (персидский и таджикский) и литература.
7. Арабский язык и литература.
8. Английский язык.
9. Немецкий язык.
10. Французский язык.
11. Санскрит.
12. Индустани (урду).
13. Пушту.
14. Древнееврейский язык.
15. Сирийский язык.
16. Китайский язык.

V. Группа общественных наук:
1. Мусульманское право.
2 Советская конституция[64].

При институте было создано Практическое отделение для подготовки слушателей (начиная с III курса) к работе в различных органах управления края[65]. В составе отделения был педагогический разряд, выпускавший преподавателей родного языка, быта и истории для местных школ из лиц коренного населения.

На Практическом отделении вводилось преподавание следующих дисциплин: введение в обществоведение и статистику, экономическая география и экономика Туркестана, история колонизации на Востоке, история хозяйственного быта Туркестана, международное право и международная торговля. Студенты отделения освобождались от слушания целого ряда филологических и лингвистических курсов.

Финансово-хозяйственные затруднения не позволили широко развернуть деятельность Практического отделения[66].

По инициативе Туркомстариса[67] Восточный институт поднимал вопрос об открытии при институте особого археологического цикла «для подготовки квалифицированных археологов, в которых в Туркестане чувствуется настоятельная нужда». Практически организовать подобный цикл в полном объеме не удалось из-за отсутствия на месте достаточного количества квалифицированных преподавателей.

По данным конца 1922 г., среди профессоров и преподавателей, читавших лекции в институте по востоковедным дисциплинам, были:[68]

---

[64] «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 28—30.

[65] Проект организации Практического отделения был утвержден коллегией Наркомпроса ТАССР 17 сентября 1922 г.

[66] После присоединения в 1924 г. института к университету на правах восточного факультета, Практическое отделение было упразднено, так как его задачи совпадали с задачами существовавшего тогда в университете факультета местного хозяйства и права.

[67] Туркомстарис — Комитет по делам музеев, а позднее памятников старины, искусства и природы, был образован в составе Народного комиссариата просвещения ТАССР 23 мая 1921 г. [М. Е. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении (часть 1-я; до первой послевоенной пятилетки)*, — «Труды Среднеазиатского Государственного университета им. В. И. Ленина», Новая серия, вып. XXXI, *Исторические науки*, кн. 12, *Археология Средней Азии*, Ташкент, 1956, стр. 17; И. И. Умняков, *Охрана памятников старины и искусства в советском законодательстве Средней Азии*, — «Известия Средазкомстариса», вып. I, Ташкент, 1926, стр. 43—54].

[68] «Профессора и преподаватели, читающие в настоящее время лекции в ТВИ», — «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 98—100.

1. Профессор Александр Эдуардович Шмидт, ректор института (исламоведение, мусульманское право, мусульманская экзегетика и догматика, история арабской литературы, арабский язык).

2. Профессор Александр Александрович Семенов (введение в иранскую филологию, персидская филология, персидская литература, персидский язык на старших курсах).

3. Преподаватель Александр Александрович Гаррицкий, проректор института (историко-географический обзор Восточного Туркестана, географический обзор Персии, чтение персидских газет).

4. Преподаватель Абубекр Ахмеджанович Диваев (этнография киргизов, киргизский язык).

5. Преподаватель Михаил Степанович Андреев (персидский язык, этнография таджиков, историко-географический обзор Афганистана, таджикские наречия).

6. Преподаватель Петр Евдокимович Кузнецов (узбекский язык).

7. Преподаватель Николай Гурьевич Маллицкий (география Западного Туркестана, экономическая география Туркестана, этнография сартов).

8. Преподаватель Петр Эдуардович Вундцеттель (история Древнего Востока).

9. Преподаватель Б. А. Пестовский (китайский язык).

10. Преподаватель Александр Васильевич Панков, заведующий библиотекой института (история киргизского народа).

11. Преподаватель Абдурахман Саади (татарский язык).

12. Практикант Мирза Тагиев (персидский язык).

13. Практикант Мирза Ибрагим (персидский язык).

14. Практикант Бадаль Кариев (узбекский язык).

15. Практикант Ван Цзи-мин (китайский язык) и др.

С 1 февраля 1921 г. в преподавательскую работу по Восточному институту включился воспитанник факультета восточных языков Петербургского университета Иван Иванович Умняков, впоследствии профессор, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, известный советский востоковед [69].

---

[69] Об И. И. Умнякове см.: Б. В. Лунин, *Иван Иванович Умняков, как ученый востоковед и общественный деятель,* — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 158—168. — Курс истории мусульманского востока читался И. И. Умняковым в Восточном институте до лета 1921 г., и затем (по возвращении из Петрограда, где он совершенствовал свои знания, занимаясь у академиков В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга и др.) И. И. Умняков возобновил чтение лекций в Институте (потом на востфаке САГУ). Автор благодарит И. И. Умнякова за ценные советы при написании данной статьи.

Как видно из приведенного списка, институт располагал весьма обширным преподавательским составом; в этом списке мы встречаем, в частности, таких видных исследователей, как крупнейший исламовед — знаток «внутренней истории ислама преимущественно поздних веков» [70] член-корреспондент Академии наук СССР А. Э. Шмидт (1871—1939) (до переезда в Ташкент в 1920 г. — профессор Петроградского университета по кафедре арабской словесности); видный туркестановед, этнограф, историк культуры среднеазиатских народов, их искусства, обычаев и представлений, член-корреспондент Академии наук СССР М. С. Андреев (1873—1948) [71]; неутомимый собиратель и знаток фольклора народов Средней Азии А. А. Диваев (1856—1932) [72], известный географ, историк и этнограф Средней Азии Н. Г. Маллицкий (1873—1947) [73]; выдающийся знаток истории Средней Азии и восточных рукописей, крупный специалист по истории исмаилитов иранист А. А. Семенов (1873—1958) [74]; И. И. Умняков и другие, образовавшие основное ядро преподавательского состава института. Такие ученые, как М. С. Андреев, А. Э. Шмидт, А. А. Семенов, И. И. Умняков, были учителями многих десятков молодых исследователей, ставших впоследствии широко известными своими научными работами.

---

[70] И. Ю. Крачковский, *Записка об ученых трудах А. Э. Шмидта,* — «Приложение к протоколу X заседания Общего собрания Академии наук СССР 5 декабря 1925 г.», стр. 142—144; И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики,* М.—Л., 1950, стр. 145, 222, 227, 241, 244, 276.

[71] А. К. Писарчик, *Михаил Степанович Андреев (1873—1948),* — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР», т. CXX, 1960, стр. 3—20; Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане,* стр. 86—87, 95—96.

[72] Б. В. Лунин, *А. А. Диваев, как археолог-краевед* — «Известия Академии наук Узбекской ССР», серия общественных наук, 1957, № 1, стр. 73—77; Н. С. Смирнова, *А. А. Диваев — фольклорист (К столетию со дня рождения),* — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1957, № 1 (142), стр. 32—40; Г. Н. Валиханов, *Этнография казахского народа в трудах А. А. Диваева,* — «Советская этнография», М., 1958, № 5, стр. 61—70.

[73] Л. В. Ошанин, *Николай Гурьевич Маллицкий,* — «Труды Узбекистанского географического общества», т II (XXI), Ташкент, 1948, стр. 166—170; Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане...,* стр. 83—85, 94, 95.

[74] В. В. Бартольд, *Александр Александрович Семенов (Жизнеописание),* — «Известия Российской Академии наук», серия 6, 1918, № 14, стр. 1491, 1492; «Библиография научных работ А. А. Семенова», сост. Д. Г. Вороновский, — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР», т. XVII, Душанбе, 1953, стр. 7—24; Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане...,* стр. 82, 83, 94; Б. В. Лунин, *А. А. Семенов,* — «Советская археология», 1959, № 2, стр. 299, 330.

По сути дела мы вправе говорить о появлении в крае местных научных школ, связанных с именами А. Э. Шмидта (арабистика), М. С. Андреева (этнография) и др.

Надо отметить, что приведенный выше список преподавателей должен быть дополнен именами ученых, сотрудничавших в институте до 1922 г. Среди них В. В. Бартольд, читавший специальный курс «История Туркестана»[75], С. Е. Малов, Е. Д. Поливанов, И. И. Зарубин, П. А. Фалёв и др.

Особо должна быть отмечена издательская деятельность Восточного института, начало которой восходит к 1919 г. Институт подготовил и выпустил в свет литографированные и стеклографированные учебные пособия и издания текстов на узбекском, персидском и арабском языках: 1) «Терма-китаб» (из хрестоматии В. П. Наливкина на узбекском языке, 1919); 2) «Тимур-намэ» (на персидском языке, 1920); 3) «Тути-намэ» (на персидском языке, 1920); 4) «Рассказ первого дервиша». Из книги «Чаар дервиш» (на персидском языке, 1919); 5) А. А. Семенов, «Образцы таджикских официальных документов» (1922); 6) отрывок из «Анвар-и-Сухэйли» (Хусейн Ваиз-Кашефи»; 7) «Отрывки из жития Мухаммеда по Ибн-хишаму» (1923); 8) «Первенцы счастья. Трактат по вопросам семейного и наследственного права» (Ибн-Абу-Заид) (1923); 9) «Чанд Хикояги Фарси». Рассказы на персидском языке (1924); 10) «Арабская хрестоматия» первого арабиста из русских В. Ф. Гиргаса и его ученика и друга акад. В. В. Розена (1923); 11) «Арабско-русский словарь» (к хрестоматии Гиргаса и Розена) (1924)[76].

В 1922 г. Туркестанским восточным институтом был, в частности, издан на правах рукописи цикл лекций безвременно скончавшегося талантливого востоковеда П. А. Фалёва по введению в изучение тюркских литератур и наречий[77].

В 1923 г. институт издал специальный сборник ценных

---

[75] Конспект лекций по курсу был издан: В. В. Бартольд, *История Туркестана,* Ташкент, 1922.

[76] См. «К издательской деятельности САГУ», — в кн. «Систематический указатель к изданиям Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина (1922—1956 гг.)», сост. О. В. Маслова, Ташкент, 1958, стр. 7.

[77] [П. А. Фалёв], *Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Лекции, читанные профессором П. А. Фалёвым в 1921 г. в Туркестанском Восточном Институте,* Ташкент, 1922. О Фалёве см.: Н. А., *П. А. Фалёв.* Некролог, — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. XI, Ташкент, 1922, стр. 104; И. И. Умняков, *Памяти проф. П. А. Фалёва,* — «Восток», (студенческий журнал Туркестанского восточного института), Ташкент, 1923, № 6, стр. 15—20. В архиве В. В. Бартольда хранится писанное его рукой краткое жизнеописание Фалёва (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 249, л. 5, 6).

статей и работ, посвященных профессору Александру Эдуардовичу Шмидту [78]. В сборнике приняли участие как представители старшего поколения туркестановедов (М. С. Андреев, Е. К. Бетгер, В. Л. Вяткин, А. А. Диваев, П. Е. Кузнецов, Н. Г. Маллицкий, А. А. Семенов, И. И. Умняков и др.), так и студенты (П. П. Иванов, А. Л. Троицкая, К. К. Юдахин и др.).

Ко дню своего четырехлетия (27 декабря 1922 г.) институт выпустил изданный стеклографическим способом сборник [79].

Помимо общего очерка истории института в нем были даны: «Положение о Туркестанском Восточном институте применительно к положению высших учебных заведений РСФСР», «Распределение предметов по курсам на Основном Отделении Т.В.И.», программа (ТВИ), список «Профессора и преподаватели Т.В.И.» и «Условия приема в Т.В.И.» [80].

---

[78] «Сборник Туркестанского Восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 г.)», Ташкент, 1923; «О выпуске Туркестанским Восточным институтом сборника в честь проф. А. Э. Шмидта», —«Бюллетень Средне-Азиатского Государственного университета», вып. 6, Ташкент, 1924, стр. 173, 174. — А. Э. Шмидт скончался в Ташкенте 9 августа 1939 г. [род. 12 (25) марта 1871 г.], проработав в Туркестане без малого 20 лет. Заметим, что А. Э. Шмидтом была выполнена серия переводов арабских источников по истории Средней Азии, оставшихся, к сожалению, неизданными.

[79] «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)», стр. 101.

[80] В 1922 г. в Ташкенте была образована Научная восточная комиссия, с одной стороны, как междуведомственный орган представительств НКИД и НКВТ в Средней Азии, а с другой — как Туркестанский филиал Всероссийской ассоциации востоковедения в Москве.

Основной задачей комиссии было изучение современной жизни стран Средней Азии, сопредельных с Туркестаном, а также освещение «тех политико-экономических вопросов, кои возникают на почве теперешних взаимоотношений между Россией и странами Среднего Востока».

К августу 1922 г. комиссией были подготовлены к печати следующие работы: А. А. Семенов, *Очерк центрального управления Бухары во времена эмиров;* А. А. Семенов, *Очерк провинциального управления Бухары;* И. И. Палюкайтес, *Исторические предпосылки для экономического объединения Хивы, Бухары и Туркестана;* И. И. Крылов, *Государственные реформы 1921 года в Афганистане;* Б. Усатенко-Червонный, *Англо-афганский договор 1921 г.*

Кроме того, членами комиссии были прочитаны публичные доклады: проф. Л. В. Успенский — Догматический анализ конституции Бухарской Советской Народной Республики; проф. И. И. Крыльцов — Афганские договора 1921 года; Б. Усатенко-Червонный — Анализ англо-афганского договора 1921 года; Ю. И. Пославский — Метрология и денежные системы Средней Азии (см. «Научная жизнь Туркестана», Отдельное приложение к журналу Туркнаркомпроса «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, стр. 8, 9).

Существенным достижением в работе института явилось образование при нем силами преподавательского состава мюнц-кабинета [81], в котором, кроме обширного и хорошо подобранного нумизматического собрания [82], имелись небольшие археологические коллекции [83] и образцы восточных рукописей. Материалы кабинета широко использовались как в научных целях, так и в качестве наглядных учебных пособий.

И. И. Умняков писал в связи с четырехлетием института: «За сравнительно короткий период своего существования Институт, положение которого, в зависимости от тех или иных обстоятельств, временами было очень неустойчивым, не мог осуществить крупных проблем научного характера, но и то, что уже сделано, свидетельствует о редких организационных талантах его деятелей и правильно понятых задачах Института. Создана библиотека, насчитывающая до 5300 томов и 200 рукописей по самым разнообразным отраслям востоковедения, собраны ценные археологические и нумизматические коллекции, поставлено на твердую почву преподавание языков, истории, этнографии народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока» [84].

С 1921 г. успешно функционировал на протяжении ряда лет научный кружок Восточного института [85]. Первым руководителем кружка был И. И. Умняков

---

[81] Архив САГУ, № 555, Общая канцелярия, д. 35, Годовой отчет о работе восточного факультета САГУ, 1925, лл. 64—66.

[82] В составе нумизматических собраний в 1924 г. находилось 1105 экземпляров монет, чеканенных в Средней Азии и сопредельных странах (Китай, Иран, Афганистан), и др. Собрания пополнялись за счет покупок, а главным образом за счет пожертвований преподавателей, студентов и других лиц. В частности, студент института Бычков преподнес в дар кабинету «золотой индо-сасанид из термезского клада». Впоследствии мюнц-кабинет перешел в ведение вновь образованного восточного факультета САГУ, также заботившегося о пополнении собраний кабинета (там же, лл. 65, 66). Был подготовлен к печати «инвентарный каталог мусульманских монет».

[83] В археологических коллекциях имелись изделия из бронзы и стекла, резные камни, глиняные сосуды, оссуарии (целые и в фрагментах) и особо ценное собрание среднеазиатских терракотовых статуэток и головок.

[84] И. И. Умняков, *Из материалов для истории Восточного института в Ташкенте,* — «Восток», 1923, № 6, стр. 3.

[85] В 1928 г. был издан первый выпуск сборника работ участников кружка: «Сборник научного (студенческого) кружка при Восточном факультете при Средне-Азиатском государственном университете», вып. I, Ташкент, 1928]. — Сборник содержал перечень прочитанных на его заседаниях докладов, рефератов и сообщений. В сборнике были опубликованы следующие статьи: Г. В. Андреев, *Отражение басмачества в народном творчестве Таджикистана. Басмачество в частушках;* А. М. Балубаева-Голяковская, *Погребальные обряды у казаков Акмолинской губернии;* А. К. Боровков, *Игры узбекских детей;* Е. К. Боровкова, *Аист и связан-*

На заседаниях кружка с докладами и сообщениями выступили Н. Г. Маллицкий («Краткий обзор старого Ташкента»), Н. Э. Вундцеттель («О нумизматике»), И. И. Умняков («Исторический очерк города Самарканда», «Роль студенчества в краеведческой работе»), П. А. Фалёв («Армянофильские идеи в Турции»), А. А. Семенов («Исторический очерк исмаилизма»), А. В. Панков («Классификация наук»), Е. Д. Поливанов («Бродячие сюжеты в Ташкентской сказке»), Б. А. Пестовский («Театр и поэзия современных бухарских евреев», «О поездке в Кашгарию летом 1926 года»), И. Д. Виноградов («Психология и этнография»), М. Ф. Гаврилов («К характеристике литературного течения в Средней Азии начала XIX века — эпоха эмира Омара-хана»), М. С. Андреев («О методах проведения летней практики») и др. [86].

Отсылая заинтересованных читателей к полному перечню читавшихся в 1921—1927 гг. на заседаниях кружка докладов и сообщений, опубликованных, как отмечено выше, в первом (и единственном) сборнике кружка, приведем здесь (в подстрочном примечании) в дополнение к этому перечню список докладов и сообщений, читавшихся в 1928 и 1929 гг. (более поздних списков в печати, насколько нам известно, не появлялось) [87].

ные с ним приметы и поверья у местного населения; В. Дружинин, *Материалы по фольклору узбеков;* А. Е. Маджи, *Кабул;* Л. А. Семенова, *Персидский революционный марш* (вариант); О. А. Сухарева, *Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков к. Шахристана;* З. Л. Амитин-Шапиро, *Предание о постройке первой синагоги в г. Бухаре.*

[86] Некоторые профессора и преподаватели участвовали в работах основанного в сентябре 1920 г. научного общества при гуманитарных факультетах САГУ, председателем которого был А. Э. Шмидт. С докладами в заседаниях общества выступали Б. А. Пестовский, С. П. Покровский, Е. Д. Поливанов, А. А. Семенов, А. Э. Шмидт, П. А. Фалёв и др. («Научная жизнь Туркестана», Ташкент, 1922, стр. 17, 18). В одном из первых заседаний общества (14 ноября 1920 г.) был заслушан доклад В. В. Бартольда (В. В. Бартольд, *Ближайшие задачи изучения Туркестана,* — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, стр. 1—11).

[87] Хлыновская, *Ашхабадская бехаистская община;* А. В. Панков, *О восстании киргиз;* Ю. А. Соколов, *Положение узбекской школы;* П. П. Введенский, *«Адинэ» как образец новейшей таджикской литературы;* А. А. Семенов, *О методах проведения летней практики;* Х. Шольц, *Об исследовании Памирского района;* М. Ф. Гаврилов, *О некоторых интересных обычаях среди полукочевых узбеков;* П. П. Введенский, *Административное деление Таджикистана за время первых мангитов;* Г. В. Андреев, *В стране басмачества;* Мухамедиев, *Об уйгурском языке;* С. Е. Паластров, *О миграции сказки «Алдаркула» среди узбеков;* Попов, *Итоги конференции по латинизации таджикского алфавита;* И. А. Кисен, *Критика учебников узбекского языка Пономарева, Громатовича и Вяткина, составленных на латинском алфавите;* П. П. Введенский, *Современные поэты и*

Библиографической редкостью стал издававшийся стеклографическим способом студенческий журнал под названием «Восток». В первом номере, посвященном 25-летию научной и педагогической деятельности ректора института проф. А. Э. Шмидта, мы находим краткий очерк жизни и деятельности А. Э. Шмидта [88].

В № 6 журнала за тот же год, вышедшем в связи с пятилетием института (1918—1923), отмечалось что «первой и самой важной функцией Института было „выкачивание" из местного населения живой части молодежи, которая, будучи уже сама „восточной", смогла бы, с одной стороны, познать все многообразие жизни Востока и на основе этих знаний и интуиции легче справиться с теми проблемами, которые возложены историей на Туркестан, как на революционный источник для всего Востока, и, с другой стороны, влиять на ту европейскую часть нашего Института, которая приобщилась к работе для Востока».

Положение дел в Восточном институте в значительной мере являлось отражением той обстановки, которая имела место в первые годы Советской власти во всех высших учебных заведениях, особенно гуманитарных и, в частности, во-

---

писатели Персии (поэт-лирик Абдуль-Касым Ареф Казвини); Мухамедиев и Омаров, *Итоги конференции сторонников казанского алфавита;* А. Э. Шмидт, *История возникновения мусульманских религиозных праздников;* Исмаили и Коблов, *О новом латинизированном узбекском алфавите (в связи с заседаниями Ташкентской окружной конференции комитетов латинизации)*; А. С. Морозова, *Материалы по кара-калпакскому языку;* Петров, *Город Джизак в прошлом и настоящем;* А. М. Голяховская, *Социально-бытовая среда — круг представлений казахского народа;* М. Ф. Гаврилов, *Наименование месяцев у некоторых турецких народностей Средней Азии;* Тихомиров, *Казакская община;* М. Цвибак, *Итоги конференции историков-марксистов в Москве;* Чернявский, *Киевская Русь.*

[88] «Восток», 1923, № 1 (5): А. А. Семенов, *Хеким Сепайи Газневидский;* М. С. Андреев, *Из поездки в 1916 году в Нур-Атинские горы и прилегающую к ним часть Кызыл-Кумов;* Арбенин, *Из дневника студента Т.В.И.* (строки, навеянные юбилеем А. Э. Шмидта); Элизов, *Крупное открытие в Египте (гробница фараона Тутанхамона).* В номере опубликованы переводы из Омар Хайяма и Низами, а также студенческие стихотворения. Уместно отметить, что одним из редакторов журнала был студент института М. И. Шевердин, впоследствии один из известных писателей Узбекистана.

В № 6 журнала «Восток» помимо отмеченной выше статьи И. И. Умнякова напечатаны: Е. Д. Поливанов, *Латинский шрифт в турецких письменностях;* А. В. Панков, *Средневековые теории и начало русского государства;* «Смерть эмира Хабибуллы Хана Авганского в связи с младоавганскими выступлениями», пер. с английского; И. И. Умняков, *Памяти проф. П. А. Фалёва (1888—1922).* Кроме того, в журнале опубликованы литературно-художественные заметки «Обзор студенческой жизни 22—23—24 гг.», «Из жизни комячейки Т. В. И.» и др.

стоковедческих, а равно и в сфере науки вообще, востоковедения в частности.

К Восточному институту и Востфаку тех лет полностью применимы слова, что «в первые годы после Октября советское востоковедение слагалось еще из различных научных направлений и школ, многие из которых вначале не могли понять и творчески применить учение марксизма-ленинизма. В последующие годы в советском востоковедении стало господствовать марксистское направление»[89].

Весной 1924 г. был поставлен вопрос о целесообразности слияния Туркестанского восточного института с Среднеазиатским государственным университетом. Было решено «влить Туркестанский Восточный институт в САГУ в качестве самостоятельного факультета»[90]. Структура института не подверглась при этом существенному пересмотру. Однако его Практическое отделение было упразднено и функции последнего перешли к факультету местного хозяйства и права. Учебные программы были дополнены некоторыми общественно-политическими дисциплинами, общеобязательными для всех гуманитарных высших учебных заведений. Присоединение Восточного института к САГУ было оформлено постановлением Совнаркома РСФСР 16 сентября 1924 г.

К концу 1924 г. структура восточного факультета САГУ (при четырехлетнем курсе обучения) была такова: первые два курса — общие, с третьего курса начиналась специализация по отделениям и разрядам. Факультет имел два отделения: 1. Этнолого-лингвистическое с разрядами: а) турецкой филологии, б) иранской филологии и в) исламоведения и арабской словесности. 2. Педагогическое.

Деканом факультета был проф. А. Э. Шмидт. Под его же председательством был образован Совет факультета, почетными членами которого состояли В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин.

На факультете читался курс истории Востока, охватывавший историю древнего Востока (доцент Н. Э. Вундцеттель), историю арабского халифата (И. И. Умняков), историю Средней Азии (И. И. Умняков), историю колониальных

---

[89] Б. Г. Гафуров, *Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС,* — «Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958, стр. 24.

[90] «Присоединение Туркестанского Восточного Института к Средне-Азиатскому университету», — «Бюллетень Средне-Азиатского Государственного университета», вып. 7, 1924, стр. 46. См. также: А. Э. Шмидт, *Востоковедение в Туркестане,* — «Новый Восток», М., 1924, стр. 512—514.

стран Востока (проф. С. П. Покровский; историю Афганистана позднейшего времени читал М. С. Андреев)[91].

Восточный факультет готовил квалифицированных ориенталистов для научно-исследовательской работы в Средней Азии, а также для работы в государственных органах. Педагогическое отделение выпускало преподавателей русского языка и обществоведения для местных (нерусских) школ и местных языков для русских школ второй ступени.

Руководство университета и восточного факультета так определяли задачи, стоявшие перед новым факультетом и его отличительные от высших учебных заведений центра черты: «В первую очередь Востфак задается целью дать своим питомцам не только теоретическое, но и возможно основательное практическое знакомство с местным языком. Вместе с тем, считаясь с разношерстным составом населения Средней Азии, Востфак не считает возможным ограничиваться специальным изучением лишь одного только из местных языков, как это делается в востоковедных вузах центра: предоставляя слушателям возможность основательной специализации по одному из местных языков, Востфак САГУ дает своим слушателям также по другим местным языкам исторические познания в таком объеме, что при желании или в случае необходимости они вполне подготовлены к быстрому практическому их изучению. Этим обстоятельством объясняется некоторая нагруженность программы Востфака САГУ по сравнению с программами востоковедных вузов центра, но зато Востфак ежегодно выпускает кадры работников, которые в силу углубленного знания местных языков с пользою для края могут сотрудничать в различных учреждениях. Но углубленное теоретическое изучение местных языков имеет чрезвычайно важное функциональное значение для края, главным образом для задач, преследуемых ведомством просвещения, ибо оно дает окончившим курс Востфака возможность принять близкое участие в работе по созданию учебников на местных языках и по созданию необходимой для этого учебной и научной терминологии на местных языках...

Но несмотря на пристальное внимание, уделяемое изучению местных языков на Востфаке, им не исчерпывается увязка его учебного плана с запросами края. Принимая во внимание чрезвычайно пестрый этнический состав республик

---

[91] До открытия кафедры антропологии биологического факультета САГУ (весна 1938) на восточном факультете с 1925 по 1929 г. (и с 1925 по 1934 на медицинском факультете) читался курс антропологии, который вел Л. В. Ошанин (Б. В. Лунин, *Лев Васильевич Ошанин,* — «Из истории материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 7).

Средней Азии, разнообразные условия быта и правовых воззрений, а равно и разнообразные климатические и экономические условия, учебные планы Востфака обеспечивают его слушателям основательное знакомство с физической и экономической географией и этнографией Средней Азии.

Это обстоятельство в прошлом уже дало возможность студентам ТВИ, задачи которого ныне преемственно выполняются Востфаком, с большою пользою для дела принимать участие и в статистических переписях, и в экономических и финансовых обследованиях края, и в сборе материалов для этнографической карты Среднеазиатских республик столь неизбежно необходимых при разрешении всех вопросов, связанных с национальным размежеванием»[92].

Для разработки новых методов преподавания и учебных планов, учета академической успеваемости студентов при факультете была образована предметная комиссия в составе А. А. Семенова (председатель), М. С. Андреева (заместитель председателя), А. Э. Шмидта, С. Е. Малова, Е. Д. Поливанова, Н. Н. Фиолетова, Н. Э. Вундцеттель, А. А. Гаррицкого, М. Ф. Гаврилова, П. Е. Кузнецова, Н. Г. Маллицкого, И. И. Умнякова и др.[93].

Факультет зарекомендовал себя активной научной деятельностью его преподавательского (в 1927 г. 9 профессоров, 14 доцентов, 10 ассистентов) и студенческого состава в области изучения этнографии и археологии Средней Азии (участие в экспедициях Средазкомстариса, Общества для изучения Таджикистана и др.).

Поучительно, что студенты старших курсов вели педагогическую работу по преподаванию местных языков в русских школах второй ступени, а также преподавали различные предметы в туземных инпросах на языках местного населения.

Число студентов факультета составляло: в 1925 г. — 185 человек, в 1926 г. — 194, в 1927 г. — 207, в 1928 г. — 217 человек[94].

---

[92] Имеется в виду так называемое национально-государственное размежевание Средней Азии, осуществленное по указаниям В. И. Ленина в соответствии с чаяниями и запросами широких народных масс.

[93] Архив САГУ, д. 555, Востфак, 1925, Общая канцелярия САГУ, д. 35. Годовой отчет о работе восточного факультета, лл. 14—15. — Существовала также предметная комиссия педагогического отделения факультета.

[94] П. Баранов, *Средне-Азиатский Университет. Исторический очерк*, — «Средне-Азиатский Государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции», Ташкент, 1927. — Из заметки «Студенчество Т.В.И.» мы узнаем, что «в первые годы своего существования (Восточный институт) по своему составу студенчества выделялся даже среди далеко непролетарских других вузов Ташкента и лишь упорная борьба за

Продолжая начинания Восточного института, факультет осуществлял выпуск литографированных и стеклографированных изданий текстов на восточных языках в помощь студентам. В 1926 г. были отпечатаны следующие стеклографические издания: 1. «Поход Надир шаха на Индию». Из книги «История движений турок в Индию». 2. Извлечение из книги Фердоуси «Шах-намэ; История Захака» (1926). 3. С. Е. Малов, «Образцы древне-турецкой письменности» с предисловием и словарем (1926). Силами преподавателей в помощь студентам и краеведам составлялись и издавались стеклографическим способом различные инструкции по собиранию материалов к истории и этнографии края [95].

В 1926 г. по постановлению Совета восточного факультета была издана работа В. В. Бартольда «Иран» [96].

В 1927 г. вышел по праву стяжавший широкую известность сборник «В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели». Сборник был издан Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, но в предисловии указывается, что мысль об издании сборника зародилась в стенах профессорской комнаты восточного факультета Среднеазиатского государственного университета осенью 1925 г.; впоследствии к этой мысли присоединились и другие научные деятели Средней Азии, которые внесли свою долю участия в содержание сборника [97].

В 1929 г. был выпущен «Конденсированный курс грамматики узбекского языка», составленный силами научного кружка восточного факультета [98].

расслоение (22—23 годы) дала результаты». В составе 240 студентов было 27 коммунистов, 19 комсомольцев, 139 членов профсоюзов, 55 «прочих». По социальному положению насчитывалось 123 служащих, 47 земледельцев, 15 ремесленников, 43 рабочих. По национальному составу: русские — 168, белоруссы — 2, украинцы — 6, узбеки — 2, татары и ногайцы — 11, киргизы — 3, башкиры — 1 и т. д. Таким образом, количество представителей коренных местных национальностей было тогда еще незначительным. В возрастном отношении преобладали лица от 22 до 27 лет (М. Ш[евердин], *Студенчество Т.В.И.*, — «Восток, 1923, № 6, стр. 27—31).

[95] Ср., например, «Руководство для собирающих сведения об узбекских родах и особенностях их языка» (Ташкент), 1927 (экземпляр «Из книг бр. Жуковых», ныне в собрании автора).

[96] В. В. Бартольд, *Иран. Исторический обзор*, — «Труды Восточного факультета Средне-Азиатского Государственного университета», Ташкент, 1926.

[97] «В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.

[98] К 1929 г. относится постановка по инициативе преподавателей Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина (в том числе преподавателей востфака) вопроса о выработке единого плана сбора исторических и географических источников о Средней Азии.

Достойно быть особо отмеченным, что из среды слушателей и воспитанников Восточного института (позднее восточного факультета САГУ) вышел ряд советских исследователей Средней Азии, приобретших впоследствии известность и признание своими работами: языковеды А. К. Боровков, Р. Л. Неменова, К. К. Юдахин, историки П. П. Иванов, А. Е. Маджи, Ю. А. Соколов, археолог В. А. Шишкин, этнографы Н. Н. Ершов, А. С. Морозова, В. Г. Мошкова, Е. М. Пещерева, О. А. Сухарева, А. Л. Троицкая, библиографы З. Л. Амитин-Шапиро, Е. К. Бегтер и др.

Основанный на базе Восточного института восточный факультет САГУ существовал до 1931 г. (в 1930 г. он был преобразован в педагогический факультет), когда последовало временное прекращение его деятельности. «В 30-х годах были ликвидированы некоторые институты востоковедения и частично растеряны кадры высококвалифицированных ученых»[99].

Впрочем, работа САГУ в области востоковедения после ликвидации востфака все же не прервалась: в значительной мере она протекала в рамках других гуманитарных факультетов.

В 1935/36 учебном году в составе САГУ был открыт исторический факультет; в состав обязательных предметов входила история Средней Азии, а в 1938/39 учебном году была образована самостоятельная кафедра истории Средней Азии, которой ведал К. Е. Житов (в сентябре 1941 г. она объединилась с кафедрой истории СССР, а в сентябре 1942 г. вновь была выделена в самостоятельную кафедру истории Средней Азии). Следует отметить, что в 1941—1945 гг. в связи с эвакуацией в Ташкент учебных заведений центра во главе кафедры истории Средней Азии стал крупный советский востоковед проф. А. Ю. Якубовский (Ленинград). На кафедре велись курсы: история древнего периода Средней Азии до VII в. (В. А. Шишкин), история Средней Азии с VII по XV в. включительно (А. Ю. Якубовский и И. П. Петрушевский), история Средней Азии от XVI в. до завоевания ее русским царизмом во второй половине XIX в. (А. А. Семенов); колониальный период и советская эпоха в Средней Азии (И. К. Додонов). Читались также вспомогательные курсы: Ближний Восток в III—XV вв. (И. П. Петрушевский), введение в исламоведение (он же); история

---

[99] Б. Г. Гафуров, *Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС,* — «Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», стр. 33.

Средней Азии с XVI по XIX в. (для аспирантов; А. А. Семенов); источниковедение по истории Средней Азии, мусульманская палеография, среднеазиатская метрология, хронология Востока (он же); история Средней Азии с XI по XV в.; сношения Средней Азии с Поволжьем и древней Русью в домонгольский период (А. Ю. Якубовский), арабский язык (В. И. Беляев) и др.[100].

Как видим, в историю преподавания востоковедческих дисциплин в Ташкенте вошли имена ряда крупных советских востоковедов.

Заметим, что кафедра имела четырех аспирантов-узбеков. После отъезда из Ташкента в мае 1945 г. А. Ю. Якубовского заведывание кафедрой было возложено на А. А. Семенова.

С конца 1939 г. в программу исторического факультета САГУ было включено чтение некоторых курсов по среднеазиатской археологии; тогда же встал вопрос о целесообразности организации специальной кафедры археологии, которая и была утверждена в начале 1940 г., а с 1 апреля получила утвержденный штат во главе с заведующим кафедрой проф. М. Е. Массоном.

Кафедра археологии Средней Азии была «призвана разрешить, — по словам М. Е. Массона, — подготовку для всех среднеазиатских республик новых кадров археологов, в которых ощущался острый недостаток, особенно при организации больших экспедиций. А последние-то и составляли новое крупное достижение и характерное прогрессивное явление» периода начиная с 1932 г.[101].

В работе кафедры в разное время принимали участие С. Н. Замятнин, Н. Г. Маллицкий, Л. В. Ошанин, А. А. Семенов, В. П. Смирнов, И. П. Петрушевский, Г. А. Пугаченкова и др.

В 1944 г. было принято правительственное постановление об организации самостоятельных восточных факультетов в составе Ленинградского, Среднеазиатского (Ташкентского), Азербайджанского (Бакинского), Тбилисского университетов[102].

---

[100] А. А. Семенов, *Кафедра истории Средней Азии*, — «25 лет Среднеазиатского государственного университета», Ташкент, 1945, стр. 141.

[101] М. Е. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении*, стр. 29—30; см. также: М. Е. Массон, *Кафедра археологии Средней Азии*, — «25 лет Среднеазиатского государственного университета», стр. 142—146; «Научная работа кафедры археологии Средней Азии исторического факультета САГУ», — «Труды Среднеазиатского государственного университета», новая серия, вып. XI, гуманитарные науки, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 3—9.

[102] Ср. Г. Ш. Шарбатов, *Арабистика в СССР (1917—1959). Филология*, М., 1959, стр. 33.

Осенью 1944 г. восточный факультет Среднеазиатского университета начал свою работу, которая продолжается и в настоящее время. Однако этот период восточного факультета, выросшего в один из крупных учебных центров советского востоковедения, составляет особую главу в истории развития востоковедного вуза в Ташкенте.

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник VI

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

Редактор издательства *М. Д. Панасьянц*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *И. Г. Морская* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 13/II 1963 г.
Подписано к печати 4/VI 1963 г.
А-06251. Формат 60×90[1]/16 Печ. л. 21,75
Усл.-печ. л. 21,75 Уч. изд. л. 21,80
Тираж 1300 экз. Зак. 260
Цена 1 р. 40 к.

Издательство восточной литературы,
Москва, центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 1 р. 40 к.